

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ
ФИАСКО

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
ФИАСКО

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

STANISŁAW LEM

Fiasko

Opowiadania

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Фиаско
роман

Рассказы

МОСКВА 1998

УДК 884-31
ББК 84(4П)
Л 44

Разработка серийного оформления
художников *И. Саукова* и *А. Яковлева*

Серия основана в 1997 году

В оформлении обложки использована работа
художника *S. Youll* с согласия самого художника
и его агента *Александра Корженевского*

Л 44 Лем С.
Фиаско: Роман. Рассказы: — М.: Изд-во Текст, ЗАО
Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998.— 448 с. (Серия «Классика
приключений и научной фантастики»).

ISBN 5-04-000671-3 («ЭКСМО-Пресс»)

ISBN 5-7516-0102-5 («Текст»)

В книгу вошли один из самых трагичных романов Станислава Лема
«Фиаско» — о гибели от рук землян инопланетной цивилизации — и
рассказы разных лет.

УДК 884-31
ББК 84(4П)

Права на издание приобретены через
Литературное Агентство «Александр
Корженевский»

© Stanislaw Lem, 1956, 1958, 1959,
1987, 1992

© Перевод, подготовка текста.
Издательство «Текст», 1998 г.

© Издание на русском языке. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 1998 г.

ISBN 5-04-000671-3 («ЭКСМО-Пресс»)
ISBN 5-7516-0102-5 («Текст»)

© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1998 г.

Фиаско

роман

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

— Отличная посадка.

Человек, сказавший эти слова, не глядел на пилота, стоявшего перед ним в скафандре, со шлемом под мышкой. По круглому залу диспетчерской с подковой пультов в центре человек прошел к стеклянной стене и уставился на внушительный — даже на расстоянии — цилиндр корабля, обгоревший у дюз. Из них еще сочилась на бетон черная жижа. Второй диспетчер — широкоплечий, в берете, обтягивающем лысый череп, — пустил ленты записи на перемотку и, пока бобины крутились, углом неподвижного глаза, как птица, косил на прибывшего. Не снимая наушников, он сидел перед беспорядочно мигающими мониторами.

— Да, вроде получилось, — бросил пилот. Он слегка прислонился к выступающему краю пульта, делая вид, что это нужно, чтобы расстегнуть тяжелые перчатки с двойной застежкой. После этой посадки колени у него дрожали.

— Что это было?

Стоя у окна, тот, маленький, с мышьиной мордочкой, небритый, в потертой кожаной куртке, хлопал себя по карманам, пока в одном из них не нашлись сигареты.

— Неполладки с тягой, — буркнул пилот, несколько удивленный сдержанным приемом.

Его собеседник, уже с сигаретой во рту, затянулся и спросил сквозь дым:

Fiasko, 1987

Перевод В.Кулагиной-Ярцевой и И.Левшина

— А отчего? Вы не знаете?

«Нет», — хотел ответить пилот, но промолчал, потому что считал, что должен бы знать. Лента перемоталась. Конец ее описывал круги вместе с катушкой. Высокий встал, отложил наушники и только теперь кивнул пилоту и хриплым голосом представился:

— Лондон. А это Госсе. Приветствуем вас на Титане. Что будем пить? Есть кофе и виски.

Молодой пилот смутился. Ему были знакомы фамилии этих людей, но он никогда их не видел и почему-то решил, что этот высокий должен быть начальником, что он — Госсе, а оказалось наоборот. Мысленно перестраиваясь, он выбрал кофе.

— Что привезли? Карборундовые головки? — спросил Лондон, когда они втроем уселись за столик, выдвинутый из стены. Кофе дымился в стаканах, похожих на лабораторные — с носиками. Госсе запил кофе желтую таблетку, вздохнул, закашлялся и высморкался с таким трудом, что глаза налились слезами.

— Излучатели тоже привезли? — обратился он к пилоту.

Тот опять смешался, поскольку ждал большего интереса к своему подвигу, и только кивнул. Не каждый день у ракеты гложет тяга при посадке. Вместо перечня грузов у него на языке вертелся готовый рассказ — как он, не пытаясь продвигать дюзы и увеличивать основную тягу, сразу отключил автоматику и сел на одних бустерах, чего никогда не пробовал, кроме как на тренажерах. Да и то давно. И ему снова пришлось перенастроиться.

— Привез, — ответил он и остался доволен тем, как сказано: с бесстрашием человека, сумевшего избежать опасности.

— Да не туда, куда надо, — усмехнулся низенький, Госсе. Пилот не понял, шутка это или нет.

— Как не туда?.. Ведь вы приняли меня. Приказали сесть, — уточнил он.

— Пришлось.

— Не понял.

— Вы должны были сесть в Граале.

— Тогда почему вы заставили меня сменить курс?

Ему сделалось жарко. Распоряжение о посадке звучало категорично. Правда, гася скорость, он принял по радио сообщение Граала о каком-то несчастном случае, но мало что

понял из-за помех. Он шел к Титану со стороны Сатурна, чтобы гравитация планеты погасила скорость — ради экономии топлива, — и корабль зацепил магнитосферу гиганта, так что раздался треск на волнах всех диапазонов. И почти сейчас же он принял вызов этого космодрома. Навигатор должен повиноваться диспетчерской службе. А здесь ему даже скафандра не дали снять, принялись допрашивать. Он все еще ощущал себя сидящим в рубке — ремни отчаянно врезались ему в грудь и плечи, когда ракета уже ударилась раскоряченными лапами в бетон, а бустеры еще не выгорели до конца и гудели огнем, заставляя корпус сотрясаться.

— Так в чем дело? Где, собственно, я должен был сесть?

— Ваш груз принадлежит Граалю, — объяснил низенький, вытирая покрасневший нос. У него был насморк. — А мы перехватили вас над орбитой и вызывали сюда, потому что нам нужен Киллиан. Ваш пассажир.

— Киллиан? — удивился пилот. — Его нет на борту. Со мной только Синко, второй пилот.

Его собеседники остолбенели.

— А где Киллиан?

— Сейчас, наверное, уже в Монреале. У него жена рожает. Он улетел на товарном челноке до того, как я стартовал.

— С Марса?

— Разумеется, откуда еще? А в чем дело?

— Бедлам в Космосе не хуже, чем на Земле, — заметил Лондон, с такой энергией набивая трубку, словно собирался ее раздавить. Он злился. Пилот тоже.

— Что же вы не спросили меня?

— Мы были уверены, что он с вами. Так было в последней радиограмме.

Госсе снова вытер нос и вздохнул.

— Так или иначе, стартовать вы не можете, — наконец сказал он. — А Мерлин ждет не дождется излучателей. Теперь все на меня свалит.

— Но ведь они тут. — Пилот мотнул головой вбок — туда, где в тумане за стеклом темнел стройный веретенообразный силуэт корабля. — Кажется, шесть. Из них два гигаджоулевых. Любой туман или тучу разгонят.

— Я же не взвалю их на плечи и не оттащу Мерлину, — возразил Госсе, настроение которого ухудшалось на глазах.

Небрежность и своеволие: второразрядный космодром — как признался его начальник — перехватил корабль после трехнедельного рейса, не убедившись, есть ли на борту пассажир. Это возмутило пилота. Но он не спешил заявлять, что им самим придется заниматься грузом. Пока не ликвидируют последствия аварии, ему ничего не сделать, хотя бы и хотелось. Он молчал.

— Понятно, что вы останетесь у нас. — С этими словами Лондон допил кофе и поднялся с алюминиевого стула.

Лондон был огромен, как борец-тяжеловес. Он подошел к стеклянной стене. Пейзаж Титана — застывшее бешенство гор неземного цвета в рыжем отсвете прижавшихся к их хребтам коричневых туч — служил прекрасным фоном для его фигуры. Пол башни слегка подрагивал. Вот развалюха, подумал пилот. Он тоже встал, чтобы посмотреть на свой корабль, который наподобие маяка высился над стелющимся туманом. Когда порывы ветра разгоняли туман, на дюзах нельзя было рассмотреть пятен перегрева. Может быть, расстояние и полумрак, а может, просто остыли.

— У вас есть гамма-дефектоскопы?

Корабль для него был важнее, чем их неприятности. Сами виноваты.

— Есть. Но я не позволю никому подойти к ракете в обычном скафандре, — ответил Госсе.

— Вы думаете, это реактор? — взвился пилот.

— А вы?

Низкорослый начальник тоже встал и подошел к ним. Из решеток в полу под окнами дул теплый воздух.

— При спуске температура подскакивала выше нормы, но гейгеры молчали. Наверное, это только доза. Может быть, лопнула керамика в камере сгорания. Мне и казалось — что-то вылетает.

— Керамика само собой, но утечка тоже была, — решительно заявил Госсе. — Керамика не плавится.

— Это лужа? — удивился пилот.

Они стояли у двойных стекол. Действительно, под кормой набралась черная лужа. Ключья тумана, гонимые ветром, то и дело закрывали корпус корабля.

— Что у вас в реакторе? Тяжелая вода или натрий? — спросил Лондон. Он был на полголовы выше пилота.

Из радиоприемника донеслось попискивание. Госсе подбежал, надел наушники и ларингоскоп и стал тихо разговаривать с кем-то.

— Не может быть из реактора, — беспомощно сказал пилот. — У меня тяжелая вода. Раствор чистый, как слеза. Прозрачный. А это — черное, как смола.

— Значит, полетело охлаждение дюзы, — согласился Лондон. — И керамика потрескалась.

Он говорил об этом, как о чепухе. Его совсем не беспокоила авария, из-за которой пилот и корабль застряли в глухой дыре.

— Наверное, так... — подтвердил молодой человек. — Наибольшее давление в соплах — при торможении. Стоит керамике в одном месте треснуть, как ее всю выметает главная тяга. Из дюзы штирборта все вылетело.

Лондон не отвечал. Пилот беспокойно добавил:

— Может, я сел слишком близко...

— Глупости. Хорошо, что вы вообще удачно сели.

Пилот ждал каких-то еще замечаний, похожих на похвалу, но Лондон повернулся и окинул его взглядом — от растрепанных светлых волос до белых башмаков скафандра.

— Завтра отправлю техника сделать дефектоскопию... Вы поставили реактор на холостой ход?

— Нет. Выключил совсем. Как в доке.

— Хорошо.

Пилот уже понял, что рассказывать в подробностях о борьбе с ракетой над самым космодромом некому. Кофе — это хорошо, но разве те, кто сам навязался ему в хозяева, не должны предоставить ему комнату и ванну? Он мечтал о горячем душе. Госсе все еще бормотал в микрофон. Лондон склонился над ним. Ситуация была неясна, но полна напряжения. Пилот уже ощутил: эти двое заняты чем-то поважнее его приключений, и это связано с информацией от Граалья. В полете он слышал обрывки фраз — в них было что-то о машинах, которые куда-то не дошли, и об их поисках.

Госсе повернулся вместе с креслом; натянутый провод стащил наушники ему на шею.

— Где ваш Синко?

— На борту. Я приказал ему проверить реактор.

Лондон продолжал вопросительно смотреть на начальника. Тот отрицательно покачал головой и буркнул:

— Ничего.

— А их вертолеты?

— Вернулись. Видимость нулевая.

— Ты спрашивал о грузоподъемности?

— Они не справятся. Сколько весит гигаизлучатель? — обратился он к пилоту.

— Точно не знаю. Около ста тонн.

— Что они делают? — допытывался Лондон. — Чего ждут?

— Киллиана, — ответил Госсе и с досадой выругался.

Лондон вынул из стенного шкафа бутылку «Белой лошади», встряхнул, как бы проверяя, подойдет ли это средство для создавшегося положения, и вернул ее на полку. Пилот стоял и ждал. Тяжесть скафандра перестала ощущаться.

— У нас пропали два человека, — сказал Госсе. — Не дошли до Грааля.

— Не два, а три, — мрачно поправил Лондон.

— Месяц назад, — продолжал Госсе, — мы получили партию новых Диглаторов. Шесть штук — для Грааля. Грааль не мог принять корабль, потому что не успел заново забетонировать космодром. Когда сел первый грузовой корабль, «Ахиллес», с массой в девяносто тысяч тонн, арматура, несмотря на все гарантии, полетела. Хорошо, корабль не перевернулся. Его вытаскивали из провала на верфь двое суток. Срочно заливали цемент, клали огнеупорную облицовку, чтобы открыть порт. А Диглаторы стояли у нас. Господа эксперты сочли, что перевоз ракетой не окупится, а тут еще капитан «Ахиллеса», Тер Леони. Как ему перепрыгнуть со своим девяностотысячником на сто восемьдесят миль с Грааля сюда — это ведь не блоха. Мерлин прислал двух лучших водителей, и те на прошлой неделе провели две машины в Грааль, они уже там работают. Позавчера те же люди вернулись на вертолете за другими машинами. На рассвете они вышли, в полдень перевалили Большой Гребень, а когда стали спускаться, порвалась связь. Масса времени была потеряна из-за того, что от Гребня проводку берет на себя Грааль. Мы думали, они не откликаются, потому что находятся на нашей зоне радиотени. — Госсе говорил спокойно и монотонно.

Лондон стоял, отвернувшись к стеклянной стене. Пилот слушал.

— Тем же вертолетом вместе с операторами прилетел Пиркс. Он посадил своего «Кювье» в Граале и хотел повидаться со мной. Мы знакомы много лет. Вечером за ним должен был прилететь вертолет, но Мерлин послал все, что было, на поиски. Пиркс не хотел ждать. Или не мог. Он должен был завтра стартовать и хотел сам присутствовать при подготовке корабля. Ну, и он заставил меня разрешить ему вернуться в Грааль на одном из Диглаторов. Я потребовал с него слова, что он пойдет по южной дороге, более длинной, но лежащей вне впадины. Он дал слово и не сдержал. Я видел по ПАТОРСу, как он сходит во впадину.

— Что такое ПАТОРС? — спросил пилот. Он был бледен, на лбу выступили капли пота. Он ждал объяснений.

— Патрульный орбитальный спутник. Он проходит над нами каждые восемь часов и как раз в тот момент дал мне изображение. Пиркс спустился вниз и исчез.

— Пиркс? — спросил пилот, изменившись в лице. — Командор Пиркс?

— Да. Вы с ним знакомы?

— Знаком! — взорвался пилот. — Я служил под его началом как стажер. Мой диплом подписан им. Пиркс? Он столько раз выбирался из самых худших...

Он замолчал. В нем все кипело. Обеими руками он поднял шлем, словно собирался запустить им в Госсе.

— Как вы разрешили ему идти на Диглаторе? Как вы могли? Это ведь командир крейсеров, а не шофер...

— Ему были знакомы такие машины, когда вы ходили в коротких штанишках, — возразил Госсе.

Видно было, как ему хочется оправдаться. Лондон с каменным лицом подошел к мониторам, среди которых сидел Госсе с наушниками на шее, и вытряс у него перед носом в пустую алюминиевую бобину пепел из трубки. Посмотрел на нее, как бы осознавая, что это, надавил обеими руками, и трубка переломилась. Лондон бросил обломки, вернулся к окну и застыл, сплетя за спиной пальцы.

— Я не мог ему отказать...

Госсе, несомненно, обращался к Лондону, который, как бы не слыша, рассматривал сквозь стекло летящие клубы рыжего тумана. Лишь нос ракеты высовывался из него время от времени.

— Госсе, — неожиданно отозвался пилот, — вы дадите мне машину?

— Не дам.

— У меня диплом оператора тысячников.

У Госсе блеснули глаза, но он повторил:

— Не дам. Вы никогда не работали на Титане.

Пилот молча стал расстегивать скафандр. Отвернул широкий металлический воротник, отстегнул наплечные клапаны, под ними — молнию, сунул руку глубоко за пазуху и вытащил бумажник, измятый от долгого ношения под тяжелой оболочкой скафандра. Наплечные клапаны разошлись, как отпоротые. Он подошел к Госсе и стал выкладывать перед ним документы, один за другим.

— Это с Меркурия. Там у меня был Бигант. Японская модель. Восемьсот тонн. А вот право работать с тысячниками. Я бурил ледовый материк в Антарктиде шведским морозоходом, Криоператором. Вот фотокопия второй награды на состязаниях в Гренландии, а это — с Венеры.

Он кидал фотографии, как козырные карты.

— Я был там с экспедицией Холли. Вот это мой термопед, а это — моего сменщика. Обе модели экспериментальные, неплохие. Только климатизация текла.

Госсе поднял на него глаза:

— Ведь вы пилот?

— Я переквалифицировался. Как раз у командора Пиркса. Сначала я служил на его «Кювье». Потом командовал буксиром...

— Сколько же вам лет?

— Двадцать девять.

— Как вам удалось так переметнуться?

— Когда хочется, выходит. К тому же водитель планетных машин овладевает любым новым типом за час. Все равно что пересест с мотороллера на мотоцикл.

Он помолчал. У него была еще пачка фотографий, но он не достал ее. Собрал с пульта разбросанные снимки, сунул их в потертую кожаную обложку и опустил во внутренний карман. В распахнутом скафандре, раскрасневшийся, он стоял рядом с Госсе. На мониторах продолжали двигаться ничего не значащие полоски света. Лондон, усевшись на ограждение из труб у стеклянной стены, молча наблюдал эту сцену.

— Ну, скажем, я дам вам Диглатора. Предположим. Что вы станете делать?

Пилот улыбался. На лбу его блестели капельки пота. Светлые волосы слежались под шлемом.

— Возьму излучатель и пойду туда. Гигаджоулевый, из трюма. Вертолеты Грааля такого не поднимут, но для Диглатора сто тонн — пустяк. Пойду и немного осмотрюсь. Мерлин может прекратить поиски с воздуха. Я знаю, сколько там гематитов. И тумана. С вертолета ничего не разглядишь.

— А вы с машиной сразу пойдете на дно.

Пилот улыбнулся шире, блеснув белыми зубами. Госсе заметил, что у мальчишки — он был почти мальчишкой, только массивный скафандр добавлял ему возраста — были такие же, как у Пиркса, глаза. Может быть, чуть посветлее, но с теми же морщинками в углах глаз. Он щурился и поэтому выглядел, словно большой кот на солнышке, — невинно и проницательно.

— Он хочет войти во впадину и «немного осмотреться», — сказал Госсе Лондону, не то спрашивая, не то приглашая посмеяться над дерзостью пилота.

Лондон не шевельнулся. Госсе встал, снял наушники, подошел к картографу и, как штору, растянул большую карту северного полушария Титана. Показал две толстые изогнутые полосы на желто-лиловом фоне, исчерченном линиями горизонталей.

— Мы находимся здесь. По прямой до Грааля сто десять миль. Старым маршрутом, по черной линии, сто сорок шесть. Мы потеряли на нем четверых, когда Грааль бетонировали и единственный космодром был у нас. Тогда применялись дизельные ногоходы, работавшие на гиперголе. Для здешних мест погода стояла прекрасная. Две партии машин дошли до Грааля без потерь. А потом за один день пропало четыре большехода. В Большой впадине. В этом заштрихованном кружке. Без следа.

— Я знаю, — заметил пилот. — Я это изучал. Помню имена этих людей.

Госсе коснулся пальцем точки, в которой от черной дороги на юг отходила красная.

— Сделали обходную дорогу, но никто не знал, как далеко простирается ненадежная территория. Туда бросили гео-

догов. Можно было послать и зубных врачей. Тоже понимают в дырках. Ни на одной планете нет блуждающих гейзеров, а здесь есть. Вот это голубое на севере — Mare Nupicum. Мы и Грааль — в глубине суши. Но это вовсе не суша. Это губка. Mare Nupicum не заливает впадину между нами и Граалем, потому что весь его берег — плоскогорье. Геологи пришли к выводу, что этот так называемый континент похож на балтийский щит — в фенноскандии.

— Они ошиблись, — вставил пилот.

Госсе, похоже, собирался читать ему лекцию. Пилот поставил шлем в угол и, усевшись на стуле, как примерный ученик, сложил руки. Он не знал, то ли Госсе хочет объяснить ему маршрут, то ли отговорить от похода, но ситуация ему нравилась.

— Именно. Под скалами лежит углеводородная мерзлота. Гнусность, обнаруженная при глубинных пробах. Вечный лед, но не настоящий, из углеводородных полимеров. Он не тает даже при нуле по Цельсию, а мы ни разу не зарегистрировали температуры выше минус девяноста градусов. Внутри впадины полно старых кальдер и сдохших гейзеров. Эксперты усмотрели в этом остаточную вулканическую деятельность. Когда гейзеры ожили, прилетели спецы повыше рангом. Сейсмоакустика обнаружила глубоко под скалами сеть пещер, таких разветвленных, каких свет не видывал. Произвели спелеологическую экспертизу — люди гибли, страховка выплачивалась, даже консорциум в конце концов раскошелился. Потом сказали свое слово астрономы: когда луны Сатурна находятся между Титаном и Солнцем, гравитационный прилив достигает максимума, щит суши выгибается и из очагов под мантией выдавливается магма. У Титана ядро все еще расплавлено. Магма застывает, прежде чем подняться из глубин по расщелинам, но, застывая, подогревает всю Орландию. Если Mare Nupicum как вода, то основание Орландии — как губка. Закупоренные подземные русла прорываются, и так возникают гейзеры. Давление доходит до тысячи атмосфер. Никогда не знаешь, где эта мерзость выскочит. И вы, сударь, жаждете очутиться там?

— Именно так, — в том же изысканном стиле ответил пилот.

Ему хотелось положить ногу на ногу, но в скафандре это

было невозможно. Он помнил, как приятель, попробовавший принять такую позу, перевернулся вместе со стулом.

— Речь идет о Бирнамском лесе? — добавил он. — Мне уже удирать отсюда или мы можем поговорить серьезно?

Госсе пропустил это мимо ушей.

— Новая дорога обошлась в целое состояние. Нужно было кумулятивными зарядами пробить эту стену лавы — главный поток, извергнутый Горгоной. Даже Mons Olympus Марса не идет в сравнение с Горгоной. Динамит оказался слабоват. Был у нас некий Харенштайн — может, вы о нем слышали? — так он предлагал, вместо того чтобы проходить сквозь этот вал, выбить в нем ступени, сделать лестницу. Дешевле выйдет. В конвенции ООН должно быть положение, запрещающее допускать в астронавтику идиотов. А вал Тифона пробити специальными термоядерными бомбами, до того проложив в нем туннели. Горгона, Тифон — просто удача, что у греков было столько богов и теперь можно одалживать их у мифологии. Новую дорогу открыли год назад. Она пересекает только котловину в южной оконечности впадины. Эксперты ручались, что она безопасна. А что касается подземных пещер, то они тянутся везде — под всей Орандией. Три четверти Африки! Титан, остывая, вращался по сильно вытянутой орбите. Приближался к пределу Роша, куда попало множество лун меньшего размера, которые Сатурн перемолол для своих колец. Кипящий Титан остывал в перисатурнии, в нем образовывались пузыри, которые замерзали в апосатурнии, а потом пошли осадочные явления, оледенения, они покрыли эту пузырчатую, губчатую, аморфную скалу и задвинули ее в глубину. Неправда, что Mare Nupicum приливает туда только при определенном восхождении всех лун Сатурна. Его приливов и извержений гейзеров предвидеть нельзя. В принципе об этом знают все, кто работает здесь, и перевозчики, и пилоты, и вы. Хотя дорога стоила миллиард, тяжелым машинам должно быть запрещено ей пользоваться. Все мы находимся на небесах — в стародавнем смысле. Разве не об этом же говорит название шахты — Грааль? Только небеса, оказалось, требуют чудовищных затрат. Можно было бы организовать дело лучше, да помешала бухгалтерия. Страховка за погибших платится большая, но она меньше капиталовложений, которые сни-

зили бы уровень опасности. Я почти все сказал. Может быть, они еще выберутся, даже если их затопило. Начинается отлив, а панцирь Диглатора выдерживает сто атмосфер. Кислорода им хватит на триста часов. Мерлин выслал рабочие подушечники и две сверхтяжелые машины для ремонта. Безотносительно к тому, что вы умеете, не стоит. Не стоит ломать шею. Диглатор — один из самых тяжелых...

— Вы собирались закончить, — прервал его пилот. — Я задам только один вопрос, ладно? А как же Киллиан?

Госсе открыл рот, закашлялся и сел.

— Ведь именно для этого я должен был привезти его, — добавил пилот, — разве не так?

Госсе потянул карту за нижний край, отчего она с шумом свернулась, взял сигарету и проговорил над огоньком зажигалки:

— Это его работа. Он знал территорию. Кроме того, у него контракт. Я не могу запретить операторам заключать договоры с Граалем. Я могу только подать в отставку и, наверное, так и сделаю. И могу дать от ворот поворот любому герою.

— Вы дадите мне машину, — спокойно сказал пилот. — Я могу сейчас же переговорить с Граалем. Мерлин выслушивает, дает распоряжение, и все. А вы схлопочете выговор. Мерлину безразлично, Киллиан или я. А инструкцию я знаю наизусть. Не стоит терять времени, господин Госсе. Дайте мне поесть и вымыться, а потом обсудим детали.

Госсе беспомощно посмотрел на Лондона, но если ждал поддержки, то напрасно.

— Он пойдет, — отозвался заместитель. — Я слышал о нем от спелеолога, который летом был в Граале. Он точно такой же, как твой Пиркс. Тихий омут. Вот трубку жаль. Идите мыться, коллега. Душевые внизу. И возвращайтесь сразу, а то суп остынет.

Пилот с благодарностью улыбнулся Лондону и вышел. По пути он подхватил свой белый шлем так стремительно, что концы шлангов ударились о скафандр. Едва за ним закрылась дверь, Лондон принялся стучать кастрюлями около плиты.

— Что это даст? — спросил Госсе со злостью из-за его спины. — Ты тоже хорош!

— А ты, друг шелковый? Зачем дал Пирксу машину?

— Пришлось. Он дал слово.

Лондон повернулся к нему с кастрюлей в руках.

— Послушай, очнись! Слово дал! Когда такой дает слово, что бросится за тобой в воду, то сдержит его. А если даст слово, что будет только смотреть, как ты тонешь, то все равно бросится. Разве я не прав?

— Правота и реальность — разные вещи, — обронил Госсе без особой уверенности. — Чем он сумеет им помочь?

— Может найти следы. Возьмет излучатель.

— Перестань! Лучше послушаем Грааль, вдруг у них есть сообщение.

До сумерек было еще далеко, но вокруг освещенной грибообразной башни стало темно из-за спустившихся туч. Лондон хлопотал у стола, а Госсе, куря сигарету за сигаретой, вслушивался в безрезультатные переговоры базы Грааля с водителями гусеничных машин, которые вышли на поиски после возвращения вертолетов. В то же время он не переставал думать о пилоте. Не слишком ли поспешно, не задавая вопросов, он сменил курс, чтобы сесть у них? Двадцатидевятилетний командир корабля с дипломом капитана дальних рейсов, должно быть, тверд, как камень и увлечен делом. Иначе бы он так быстро не продвинулся. Его юношеская отвага жаждет опасностей. Сам же он, Госсе, если и был в чем виноват, то лишь в недосмотре. Если бы вовремя спросил про Киллиана, то отправил бы корабль в Грааль. При этом главный диспетчер Госсе после двадцати часов, проведенных без сна, не отдавал себе отчета в том, что мысленно — сам не желая того — уже похоронил прибывшего. Как же его зовут? Госсе знал, но забыл и счел это признаком надвигающейся старости. Он прикоснулся к левому монитору. Зеленым вспыхнули буквы:

КОРАБЛЬ: ГЕЛИОС ГРУЗОВОЙ II КЛАССА

ПОРТ ПРИПИСКИ: SYRTIS MAIOR

КОМАНДИР: ПИЛОТ АНГУС ПАРВИС

ВТОРОЙ ПИЛОТ: РОМАН СИНКО

ФРАХТ: НУЖНО ЛИ ДАТЬ СПИСОК ГРУЗОВ

???

Он погасил экран. Вошли новоприбывшие — в свитерах и спортивных брюках. Синко, худой, кудрявый, поздоровался смущенно, так как в реакторе, оказывается, все-таки была течь. Все принялись за консервированный суп. Госсе никак не мог отделаться от мысли, что у храбреца, которому он

завтра доверит машину, искажена фамилия. Его должны звать не Парвис, а Парсифаль — это перекликается с Граалем. Но было не до шуток, и игру в анаграммы пришлось оставить при себе. После короткого спора: что же они едят, обед или ужин — оставшегося нерешенным из-за разницы времени: корабельного, земного и титановского, — Синко поехал вниз, чтобы поговорить с техником насчет дефектоскопии, запланированной на конец недели, когда реактор остынет и предполагаемые трещины в облицовке затянутся. Пилот, Госсе и Лондон включили в пустой части зала диораму Титана. Изображение, созданное голографическими проекторами, объемное, цветное, с обозначенными маршрутами, охватывало площадь от северного полюса до тропиков. Его можно было уменьшать или увеличивать, и Парвис рассмотрел все пространство, отделявшее их от Грааля.

Комната для гостей, выделенная для него, была небольшая, но уютная, с двухъярусной кроватью, столом-партой, креслом, шкафом и такой тесной душевой, что, намыливаясь, он то и дело стучался локтями о стены. Он лег поверх одеяла и начал штудировать толстый справочник по титанографии, взятый у Лондона. Сначала он поискал в указателе БИРНАМСКИЙ ЛЭС, но его не было ни на букву «Л», ни на «Б». Наука не приняла это название. Он листал книгу, пока не дошел до гейзеров. Автор говорил о них не совсем так, как Госсе. Титан остывал скорее, чем Земля и другие внутренние планеты, и запер в своих глубинах огромные массы сжатых газов. Из пустот в его коре они давят на основания старых вулканов, проходят в подземные сети их магматических жил, разветвленных и протянувшихся на сотни километров. И при определенной конфигурации синклиналей и антиклиналей могут выйти в атмосферу фонтанами летучих веществ, вырывающимися под высоким давлением. Химически сложная смесь содержит двуокись углерода, которая тут же превращается в снег, уносится ветром и покрывает толстым слоем равнины и горные склоны. Ангуса скоро утомило сухое изложение. Он погасил свет, накрылся, с непривычки удивляясь тому, что ни одеяло, ни подушка не пытались взлететь — сказывалась почти месячная привычка к невесомости, — и тут же заснул. Какой-то внутренний толчок вернул его к яви так внезапно, что он открыл глаза уже сидя, готовый вскочить с постели. Ничего не сооб-

ражая, оглядываясь, растирая челюсть. Это движение напомнило ему, о чем был сон. Бокс. Он дрался с профессионалом, заранее предчувствуя поражение, и, получив нокаут, грохнулся, как подкошенный. Он широко открыл глаза — комната качнулась, как рубка при крутом повороте, — и совсем очнулся. Мгновенно, как короткое замыкание, вспомнилась вчерашняя посадка, авария, спор с Госсе, совещание у диорамы. Комнатка была маленькая, как кабина на грузовом корабле, и это напомнило ему последние перед расставанием слова Госсе: что он в юности служил матросом на китобое. Бреясь, он раздумывал над решением, которое принял. Если бы не имя Пиркса, он бы дважды подумал, прежде чем так безоглядно добиваться этого похода. Под струйками то горячей, то ледяной воды попытался запеть, но выходило как-то неуверенно. Это значило, что ему не по себе. Он чувствовал, что в его замысле больше глупости, чем риска. Ничего не видя из-за брызг, бьющих по запрокинутому лицу, секунду размышлял, не отказаться ли. Но знал, что это исключено. Так мог бы поступить только мальчишка. Он хорошенько вытерся, убрал постель, оделся и пошел искать Госсе. Теперь он торопился. Надо было еще ознакомиться с неизвестной моделью, потренироваться, восстановить нужные рефлексы.

Госсе нигде не было. От основания контрольной башни в две стороны расходились строения, связанные с ней туннелями. Расположение космодрома было результатом недосмотра или просто ошибки. По данным разведки, проведенной автоматами, месторождения должны были располагаться под дном этой вулканической долины, точнее, старого кратера, образовавшегося в сейсмических судорогах Титана. Сначала сюда бросили машины и людей и принялись монтировать ряды бочкообразных домов для шахтерских бригад, но затем разошлась весть, что миль на двести дальше находятся необычайно богатые и легкие в эксплуатации урановые залежи. В руководстве проекта произошел раскол. Одни хотели ликвидировать космодром и начать все заново на северо-востоке, другие настаивали на продолжении работ, так как эти месторождения — за впадиной — хотя и лежат на поверхности, но невелики, а стало быть, малопродуктивны. Сторонников ликвидации начатых разработок кто-то назвал искателями священного Грааля, и название Грааль закрепилось за террито-

рией вскрышных работ. А космодром и не ликвидировали, и не расширили. Дело кончилось компромиссом, обусловленным нехваткой сил — вернее, капиталов. И хотя экономисты неоднократно подсчитывали, что выгоднее закрыть космодром в старом кратере и сосредоточить работы в Граале, победила логика сиюминутности. К тому же Грааль долгое время не мог принимать больших кораблей, а в кратере Рембдена — это имя геолога, его открывшего, — не было ремонтного дока, погрузочных порталных кранов, новейшей аппаратуры; поэтому шел вечный спор, кто кому служит и кто что с этого получает. Кажется, часть руководства продолжала верить в уран, залегающий под кратером; пробурили даже несколько пробных скважин, но дело двигалось еле-еле, потому что, как только удавалось собрать здесь немного людей и техники, тут же вмешивался Грааль, через дирекцию отбирал их, и опять постройки пустели, а брошенные машины простаивали внутри мрачных стен кратера Рембдена. Парвис, как и другие транспортники, не принимал участия в таких стычках и конфликтах, хотя был в курсе их, — этого требовало деликатное положение любого работающего на транспорте. Грааль все собирался явочным порядком ликвидировать космодром, особенно после того, как построил свою посадочную площадку, а Рембден сопротивлялся, но сопротивлялся он или нет, однако очень пригодился, когда замечательный бетон Грааля стал проваливаться. В душе Парвис полагал, что корни этого постоянного раздора носят психологический, а не финансовый характер, поскольку существует два местных и тем самым соперничающих патриотизма — кратера Рембдена и Грааля, а остальное — всего лишь попытки найти доказательства в пользу той или другой стороны. Но этого не стоило говорить никому из работающих на Титане.

Помещения под контрольной башней напоминали брошенный подземный город, и просто жалость брала, сколько материалов валялось здесь зря. Однажды, еще помощником навигатора, он совершил посадку на Рембдене, но тогда они так спешили, что он даже не сошел с корабля, — всю стоянку проторчал в трюме, присматривая за выгрузкой, а сейчас, видя нераспакованные, с нетронутыми печатями контейнеры, узнавал с нарастающим неудовольствием те, которые привез в прошлый раз. Безлюдье раздражало его, он начал поти-

хоньку аукать, как в лесу, но ответом ему был только мертвый звук эха в тесных коридорах склада.

Он поехал на лифте наверх. В помещении диспетчерской обнаружил Лондона, но и тот не знал, куда делся Госсе. Никаких новых сообщений из Грааля не поступало. Мониторы мигали. В воздухе ощущался запах поджаренной грудинки. Лондон жарил на ней яичницу. Скорлупки бросал в раковину.

— У вас и яйца есть? — удивился пилот.

— Представь себе. — Лондон был с ним уже на «ты». — Один электронщик с язвой желудка привез целый курятник, соблюдал диету, а как же. Сначала все ругались — грязи от них много, кормить нечем, но он оставил несколько кур с петухом, и теперь мы даже довольны. Свежие яйца — лакомство в здешних местах. Садись. Госсе сам найдется.

Ангус ощутил голод. Неэстетично запихивая в рот огромные куски яичницы, оправдывался перед самим собой: то, что его ждало, требовало запаса калорий. Зазвонил телефон. Его вызывал Госсе. Поблагодарив Лондона за изысканный завтрак, Ангус одним глотком допил кофе и спустился этажом ниже. Начальник, одетый в комбинезон, ждал в коридоре. Время пришло. Ангус сбегал в гостиницу за своим скафандром. Ловко надел его, присоединил шланг скафандра к кислородному баллону, но не открыл вентиль и не надел шлем, не зная, как скоро они должны выйти из герметических помещений. Они спустились в подвалы на другом, грузовом, лифте. Там тоже был склад, заваленный контейнерами, похожими на артиллерийские зарядные ящики, — из них, как снаряды крупного калибра, торчало по пять кислородных баллонов. Обширный склад был так забит, что приходилось протискиваться между стенами ящиков, пестревших разноязыкими надписями. Грузы, пришедшие со всех земных континентов. Пилот довольно долго ждал Госсе, который пошел переодеться, и не сразу узнал его в тяжелом скафандре монтажника, вымазанном смазочным маслом, с ноктовизором, надвинутым на стекло шлема.

Через шлюз вышли наружу. Испод верхнего яруса нависал над ними — все здание напоминало огромный гриб со стеклянной шляпкой. Наверху, в зеленом свете мониторов, хлопотал Лондон. Обошли основание башни, круглое, без окон, как прибрежный маяк, отданный во власть прибора, и Госсе

открыл ворота гаража из гофрированного железа. С шелестом зажглись лампы. В пустом помещении рядом с подъемником, у задней стены, стоял вездеход, похожий на давнишние луноходы американцев. Открытое шасси, сиденья с опорой для ног — ничего, кроме рамы на колесах, руля и закрытой батареи аккумуляторов позади. Госсэ выехал на неровный щебень, устилавший подножие башни, и притормозил, чтобы пилот мог сесть. Они двинулись сквозь рыжий туман к едва различимому низкому неуклюжему строению с плоской крышей. Далеко за хребтами гор маячили столбы мутного света, похожие на лучи прожекторов противозвушной обороны. Однако это не имело ничего общего с архаикой. Солнце дает Титану не много света, особенно в пасмурные дни, поэтому, когда была начата эксплуатация урановых рудников, на стационарную орбиту над Граалем были выведены огромные легкие зеркала — «солекторы», чтобы они сосредоточивали солнечный свет на территории разработок. Польза оказалась сомнительной. Сатурн со своими лунами создает неразрешимую для расчетчиков задачу воздействия многих масс. И несмотря на все усилия астроинженерии, столбы света отклонялись, часто доходя до самого кратера Рембдена. Здешним отшельникам такие солнечные нашествия доставляли удовольствие — не только саркастическое, поскольку ночью вырванная из мрака воронка кратера являла свою грозную, захватывающую красоту. Госсэ, объезжая препятствия — цилиндрические глыбы вроде бочек, которые затыкали небольшие вулканические выходы, — тоже заметил этот свет, холодный, как северное сияние, и пробурчал себе под нос:

— Двигутся сюда. Прекрасно. Через несколько минут будет светло, как в театре. — И добавил с нескрываемой язвительностью: — Добрый малый этот Мерлин.

Ангус понял иронию, потому что освещение Рембдена означало непроглядную темень в Граале, — значит, Мерлин или его диспетчер уже вытаскивает обслугу солекторов из коек, чтобы включили двигатели и направили космические зеркала куда следует. Но два луча все приближались, и в свете одного из них блеснул обледенелый гребень восточной стороны. Еще одной радостью обитателей Рембдена была удивительная для Титана прозрачность атмосферы в их кратере. Она позволяла неделями наблюдать на усыпанном звездами небосводе жел-

тый, с плоскими кольцами, диск Сатурна, хотя расстояние здесь было в пять раз больше, чем между Луной и Землей. Восходящий Сатурн всегда ошеломлял новичков своей величиной. Невооруженным глазом можно было разглядеть разноцветные пятна на его поверхности и черные теневые кляксы, отбрасываемые ближними к планете лунами во время затмений. Это зрелище делал возможным северный ветер, который пронесился в узостях между скалами с такой скоростью, что создавался феновый эффект. К тому же Рембден был самым теплым местом на Титане. Может быть, обслуживающий персонал солекторов еще не сумел с ними справиться, а может быть, из-за тревоги этим некому было заняться, только луч солнца уже перемещался по дну котлована. Сделалось светло как днем. Вездеход мог бы ехать без фар. Пилот видел серый бетон вокруг своего «Гелиоса». За этой площадкой, там, куда они направлялись, тянулись вверх, как окаменевшие стволы невероятных деревьев, вулканические пробки, выстреленные из сейсмических пробоев и застывшие миллионы лет назад. В перспективе они казались развалинами колоннады храма, а их бегущие тени — стрелками установленных рядами солнечных часов, показывающих чужое, мчащееся время. Вездеход миновал этот частокол. Он шёл неровно, электромоторы тоненько постанывали, плоское здание еще было в полумраке, но за ним угадывались два вздымающихся черных силуэта — как бы готические костелы. Действительные их размеры пилот оценил, когда вылез и вместе с Госсе направился к ним.

Таких колоссов он еще не видел. Ему не приходилось управлять Диглатором, в чем он, однако, не признавался. Если бы такую машину одеть в косматые шкуры, она превратилась бы в Кинг-Конга. Пропорции не были человеческие, скорее антропоидальные. Над мощными, как танки, застывшими в рыхлом грунте ступнями вертикально возносились ноги из решетчатых ферм. Башнеподобные бедра входили в тазовый круг, а на нем, как широкодонный корабль, высился стальной корпус. Кисти верхних конечностей он увидел, только задрал голову. Они свисали вдоль туловища, как безвольно опущенные крановые стрелы со стальными сжатыми кулаками. Оба колосса были без голов, а то, что издали он принял за башенки, на фоне неба оказалось антеннами, торчащими из плечей великанов.

За первым Диглатором, почти касаясь его панциря суставом согнутой в локте руки — как будто собирался дать ему тычка в бок и замер, — стоял другой, похожий на первого, как близнец. Он стоял немного дальше, и это позволяло разглядеть в его груди блестящее стекло окна. Кабину водителя.

— Это «Кастор», а это «Поллукс», — представил их Госсе.

Он направил на великанов ручной прожектор. Свет хватывал из полумрака броню поножей, наколенники, торсы, отливавшие черным, как китовые туши.

— Хаарц, болван, не сумел даже ввести их в ангар, — сказал Госсе. Он ощупью искал на груди климатизационный переключатель. Дыхание легким туманом осело на стекле его шлема. — Еле сумел остановиться перед этим откосом...

Пилот догадался, почему этот Хаарц втиснул обоих колоссов в скальный пролом и почему предпочел их там оставить. Из-за инерции массы. Так же, как морской корабль, машина тем тяжелее поддается водителю, чем больше ее масса. Он уже готов был спросить, сколько весит Диглатор, но, не желая обнаружить незнание, взял у Госсе фонарь и двинулся вдоль ступни великана. Водя лучом по стали, он, как и думал, обнаружил табличку с основными характеристиками, приклепанную на уровне человеческих глаз. Максимальная мощность достигала 14 000 кВт, допустимая перегрузка — до 19 000 кВт, масса покоя — 1680 тонн, многодисковый реактор «Токамак» с обменником Фуко; гидравлический привод главной передачи и дифференциалов — «Роллс-Ройса», шасси шведского производства. Он направил луч света вверх, вдоль решетчатой ноги, но разглядеть целиком торс не мог. Свет едва обрисовал контуры черных безголовых плеч. Он повернулся к Госсе, но тот исчез. Наверное, пошел включить отопительную систему космодрома: размещенные на земле трубы стали разгонять низко стелющийся негустой туман. Заблудившийся луч солектора, как пьяный, бродил по котловине, вырывая из темноты то куб склада, то грибообразную контрольную башню с зеленой опояской собственного света, и, попадая на оледенелые скалы, давал мгновенно гаснущие отблески. Он будто пытался пробудить мертвый пейзаж, оживляя его движением. Вдруг ушел вбок, проехал по бетонному полю, перескочил через башню-гриб, частокол магматических стволов, одноэтажный склад и задел пилота, который, прикрывшись перчаткой, быстро заки-

нул голову, чтобы при этой okazji увидеть Диглатор целиком. Покрытая черным антикоррозийным составом машина засияла над ним, как двуногий ящер, поднявшийся во весь рост, как бы позируя для съемки со вспышкой. Закаленные стальные пластины грудной клетки, дискообразное основание таза, столбы и приводные валы бедер, наколенники, решетки голеней первоначально блестели, — значит, машина никогда раньше не работала. Ангус ощутил радость и тревогу. Он сглотнул слюну, чувствуя, как сжимается горло, и уже при отдаляющемся свете подошел к великану с тыла. Он приближался к пятке, и ее сходство со стальной человеческой ногой сначала стало карикатурным, но вблизи, около зарывшейся в грунт подошвы, исчезло. Он стоял как бы перед фундаментом порталного крана, который ничто не может вырвать из земли. Бронированный каблук мог бы служить основанием гидравлического пресса. Голено-стопный сустав демонстрировал скрепляющие его болты диаметром в гребной вал корабля, а колено, выступающее на половине длины ноги — на высоте примерно трех этажей, — было как мельничный жернов. Кисти великана — они были больше экскаваторного ковша — неподвижно висели, застыв, как по стойке «смирно». Хотя Госсе исчез, пилот не собирался медлить. Он увидел в обшивке пятки ступени и скобы для рук и полез наверх. Вокруг сустава тянулся узкий выступ, от которого уже внутри решетчатой лодыжки уходила круто вверх лестница. Лезть по ее перекладинам было не то чтобы трудно, но странно. Она привела его к люку, расположенному не слишком удобно — под правым бедром, поскольку его первичное, наиболее рациональное для конструкторов размещение служило источником неиссякаемых насмешек, невысокого, впрочем, пошиба. Проектанты первых ногоходов не обращали внимания на эти шуточки, но стали с ними считаться, когда выяснилось, что трудно найти желающих водить машины и постоянно подвергаться издевкам из-за места, через которое они попадали внутрь своих атлантов.

Когда открылся люк, включились ряды маленьких лампочек. По спиральной лестнице он дошел до кабины. Она представляла собой как бы огромную застекленную бочку или трубу, проходящую насквозь через грудь Диглатора, но не посередине, а слева, как будто инженерам хотелось поместить человека там, где у живого великана должно было быть

сердце. Он окинул взглядом помещение, также освещенное, и с глубоким облегчением узнал знакомую систему управления. Он почувствовал себя как дома. Быстро снял шлем и скафандр, включил климатизацию, так как был одет только в трикотажный свитер и эластичные брюки, а чтобы управлять великаном, ему надо было вообще раздеться донага. Кабину наполняли потоки теплого воздуха, а он стоял у выпуклого лобового стекла и смотрел вдаль. Начинался день, хмурый, как обычно, — на Титане освещение всегда похоже на предгрозовое. Скальные осыпи далеко за космодромом были видны, как из окна высокого дома: он находился на уровне восьмого этажа. Даже на гриб контрольной башни он смотрел сверху. Вплоть до горных хребтов на горизонте только нос «Гелиоса» был выше, чем место, где он стоял. Сквозь боковые, тоже изогнутые, стекла он мог заглянуть в глубь мрачных стволов, слабо освещенных лампочками, заполненных механизмами, которые легонько вздыхали, размеренно шумя, словно пробужденные от сна или летаргии. В кабине не было никаких пультов, рулей, экранов — ничего, кроме одежды для водителя, валявшейся на полу и отливавшей металлом, как сброшенная змеиная кожа, и мозаики из черных кубиков, закрепленных на переднем стекле, похожих на детские игрушки, потому что на гранях этих кубиков виднелись контуры маленьких рук и ног — правых с правой, а левых с левой стороны. Когда колосс шел и все было в порядке, маленькие рисунки светились спокойным светло-зеленым светом. При неполадках цвет менялся на серо-зеленый, если повреждение было мелким, а в случае серьезных аварий становился пурпурным. Это было преображенное в черную мозаику, разбитое на фрагменты изображение всей машины. В теплом дыхании климатизатора молодой человек разделся, бросил одежду в угол и принялся натягивать костюм оператора. Эластичный материал обтянул его босые ступни, бедра, живот, плечи; сверкающий, по самую шею в электронной змеиной коже, он старательно, палец за пальцем, всунул руки в перчатки. Когда же он одним движением снизу вверх закрыл молнию, черная до той поры мозаика заиграла цветными огоньками. С одного взгляда он понял, что их расположение такое же, как в серийных морозоходах, которые он водил в Антарктиде, хотя по массе они не могли равняться

с Диглатором. Он протянул руку к своду, подтянул к себе ляжки, опоясался ими и крепко застегнул на груди. Когда замок защелкнулся, упряжь, легко пружиня, подняла его, так что он, подхваченный под мышки, как в корсете с мягкой прокладкой, повис и мог свободно двигать ногами. Проверив, движутся ли так же свободно руки, пилот поискал сзади на шее главный выключатель, нашел рычажок и повернул его до упора. Все рисунки на кубиках стали вдвое светлее, и тут же он услышал, как глубоко под ним заработали вхолостую моторы всех конечностей, они тихонько причмокивали — из шатунов вытекала избыточная смазка, заложенная в подшипники еще на земной верфи для защиты от коррозии.

Внимательно глядя вниз, чтобы не задеть складского здания, он сделал первый осторожный, небольшой шаг. В подкладку его одежды были вшиты тысячи гибких спиралек-электродов. Прильнув к голому телу, они черпали импульсы нервов и мускулов, чтобы передать их великану. Как каждому суставу человеческого скелета соответствовал в машине тысячекратно увеличенный, герметически закрытый сустав из металла, так отдельным группам мускулов, сгибающих и разгибающих конечности, соответствовали цилиндры размером в пушечный ствол, в которых ходили поршни под действием накачиваемого насосами масла. Но обо всем этом оператору не надо было ни знать, ни думать. Он должен был двигаться так, как будто шел по земле, топча ее ногами, или нагибался, чтобы вытянутой рукой взять нужный предмет. Только два различия были существенны. Во-первых, масштаб, потому что человеческий шаг превращался в двенадцатиметровый шаг машины. То же самое происходило с каждым движением. И хотя благодаря необыкновенной точности датчиков машина по воле водителя могла взять со стола полную рюмку и поднять ее на высоту двенадцатого этажа, не расплескав ни капли и не раздавив стеклянной ножки, зажатой тисками кисти, это было бы показателем особой артистичности оператора, демонстрацией его искусства. Колосс должен был поднимать не рюмки и камешки, а многотонные трубопроводы, перекрытия, валуны, а когда ему в тиски рук давали нужные инструменты, он превращался в буровую вышку, бульдозер, кран — всегда оставаясь богатырем, почти неисчерпаемые силы которого сочетались с человеческой ловкостью.

Большеходы стали воплощением концепции экзоскелета, который в качестве внешнего усилителя человеческого тела был известен по многим прототипам двадцатого столетия. Изобретение осталось на стадии разработки, поскольку на Земле для него не было применения. Эта идея возродилась при освоении Солнечной системы. Появились машины, приспособленные к планетам, на которых они должны были работать, к местным задачам и условиям. По массе эти машины различались, но инерция массы везде одинакова, и в этом крылось другое важнейшее различие между машинами и людьми.

Как прочность материала, так и движущая сила имеют свои пределы, они зависят от инерции массы, которая сохраняется даже вне сферы тяготения небесных тел. Большеходу нельзя делать резких движений — как нельзя мгновенно остановить в море крейсер или вращать стрелой подъемного крана, как пропеллером. Если бы водитель попробовал сделать что-то подобное с Диглатором, у того поломались бы фермы конечностей; чтобы избежать такого несчастного случая, инженеры снабдили все ответвления приводов предохранителями, не допускающими маневров, ведущих к катастрофе. Водитель, однако, мог отключить любой из этих ограничителей или все сразу, если бы оказался в трудной ситуации. Ценой поломки машины он, может быть, сумел бы выбраться живым из-под рухнувшей скалы или выйти из другого затруднительного положения. А если бы даже и это его не спасало, то как крайний шанс у него оставалось *ultimum refugium**, витрификатор. Человек был защищен внешним панцирем большехода, внутренней капсулой кабины, а в ней над водителем находился вход витрификатора, похожий на колокол. Устройство могло заморозить человека мгновенно. Правда, медицина пока еще не была способна вернуть к жизни витрифицированные человеческие тела: жертвы катастроф, сохраняемые в контейнерах с жидким азотом, лежали в ожидании будущих успехов искусства возвращения к жизни.

Эта отсрочка врачебной помощи на неопределенный срок казалась многим людям чудовищным предательством, обещанием спасения, лишенным какой бы то ни было гарантии исполнения. Хотя в медицине это был крайний и граничный

---

* Последнее прибежище (*лат.*).

случай, он не был первым. Ведь первые трансплантации обезьяньих сердец смертельно больным людям вызывали подобные реакции ужаса и негодования. Кроме того, при опросе водителей было выяснено, насколько скромны их надежды на витрификационную аппаратуру. Их профессия была нова, таящая же в ней смерть — стара, как все людские начинания. И Ангус Парвис, тяжелыми шагами ступая по Титану, вовсе не думал о висящем над его головой устройстве с кнопкой, светящейся внутри прозрачного колпачка, как рубин. С особой осторожностью он вывел машину на бетонные плиты космодрома, чтобы там опробовать Диглатор. Сейчас же у него возникло давно знакомое чувство, будто он одновременно легок и тяжел, свободен и скован, медлителен и быстр, — это можно было сравнить только с ощущениями ныряльщика, которого лишает тяжести тела сопротивление воды, но чем быстрее он хочет двигаться, тем большее сопротивление оказывает жидкая среда. Опытные образцы планетных машин после нескольких часов работы разваливались, потому что у них еще не было ограничителей движения.

У новичка, сделавшего на большеходе несколько шагов, создается впечатление, что это необычайно легко, и поэтому, намереваясь выполнить простейшую работу — например, положить перекрытия на стены строящегося дома, — он сокрушит стену и погнет железо, прежде чем поймет, в чем дело. Даже оснащенная предохранителями машина может подвести неопытного водителя. Прочитать цифры предельных нагрузок так же легко, как, например, проштудировать самоучитель горнолыжника, но от такого чтения еще никто не стал мастером по слалому. Ангус, хорошо знакомый с тысячниками, почувствовал, прибавив шагу, что послушный ему гигант весит почти вдвое больше. Вися в остекленной кабине наподобие паука в центре его удивительных сетей, он сейчас же замедлил движения ног и даже остановился, чтобы с нарочитой медлительностью приняться за гимнастику на месте. Он переступал с ноги на ногу, делал наклоны вбок и только потом несколько раз обошел вокруг своей ракеты.

Сердце билось сильнее обычного, но все шло без ошибок. Ему были видны бесплодная, бурая долина, застланная туманом, далекие ряды огней, означавшие границы космодрома, и маленькая, не больше муравья, фигура Госсе рядом с

контрольной башней. Кругом слышался мягкий, неназойливый шум, в котором его ухо, с каждой минутой лучше разбиравшее звуки, узнавало басовый фон главных моторов, то разгоняющихся до тихого пения, то урчащих как бы с мягким упреком, когда резко замедлялась поступь стотонных ног. Он различал хоральный зов гидравлики — масло по тысяче маслопроводов поступало в цилиндры, чтобы поршни мерно поднимали, сгибали и ставили на бетон конечность, обутую в целый танк. Он улавливал тонкое пение гироскопов автоматики, помогающей ему удерживать равновесие. Когда он намеренно собрался повернуться порезче, масса, в которой он был заключен, оказалась недостаточно маневренной для мощности моторов, и, хотя они послушно тянули изо всей силы, гигант зашатался, но не вышел из-под контроля, ибо сам мгновенно смягчил поворот, увеличив его радиус.

Затем он стал развлекаться, поднимая многотонные валуны за пределами бетонированной площадки; от этих глыб, когда их захватывали клешни, летели искры. И часу не прошло, а он уже был уверен в Диглаторе. Вернулось знакомое состояние, которое опытные люди называют «врастанием человека в большеход». Стирались границы между ним и машиной, ее движения становились его собственными. Под конец тренировки он взобрался, и довольно высоко, на каменистый склон; он уже настолько освоился, что по грохоту раздавленных камней, валящихся из-под ног, понимал, чего можно потребовать от колосса, которого он уже успел полюбить. И лишь когда он спустился к мглисто светящимся контурам посадочной площадки, сквозь чувство удовлетворения иглой прошла мысль о предстоящем походе, осознание того, что Пиркс и двое других, заключенные внутри таких же колоссов, не только застряли — исчезли в гигантской впадине Титана. Сам не зная зачем — то ли упражняясь, то ли на прощание, он вплотную обошел корабль, на котором прилетел сюда, и коротко переговорил с Госсе. Начальник стоял рядом с Лондоном за стеклами башни. Ангус видел их и, узнав, что о судьбе пропавших все еще ничего не известно, на прощание высоко поднял закованную в железо правую руку. Жест этот мог показаться излишне патетичным или даже шутовским. На его же взгляд, это было лучше всяких слов. Ритмично шагая, он развернулся, вывел на единствен-

ный в кабине монитор голографический снимок территории, по которой предстояло идти, включил указатель азимута вместе с проекцией дороги к Граалю и двенадцатиметровыми шагами пустился в путь.

Для планет, близких к Солнцу, характерны два вида пейзажей: в одних можно обнаружить целенаправленность, в других — запустение. Целенаправленность видна в любом пейзаже Земли, планеты, породившей жизнь; на ней все имеет свой смысл. Наверное, так было не всегда, но миллиарды лет целенаправленного труда не прошли зря: разноцветные растения приманивают насекомых, тучи проливаются дождем на леса и пастбища. Любая форма или вещь объясняются там чьей-то пользой, а то, что явно не дает пользы — как льды Антарктиды или горные цепи, — есть исключение из правил, дикая, хотя, быть может, прекрасная ничемность, но и это не наверняка, поскольку человек, поворачивая течения рек, чтобы дать жизнь засушливым землям, или обогревая полюсы, платил за улучшение одних территорий превращением в пустыни других, тем самым нарушая климатическое равновесие биосферы, отрегулированное тяжким эволюционным трудом жизни, который только кажется бесцельным. Темнота океанских глубин не служила подводным жителям укрытием от нападения, которое они по мере надобности могли освещать своими люминесцирующими органами, — наоборот: сама эта тьма вызвала к жизни именно такие, приспособленные к давлению, светящиеся и плавающие создания. На планетах, изобилующих жизнью, эта творческая сила мертвой природы робко поднимает свой голос только в подземельях, пещерах и гротах. Там, не будучи вовлечена ни в какие процессы приспособления, не обтесанная своими созданиями в их борьбе за существование, она с многотысячелетней сосредоточенностью, с бесконечным терпением творит из застывающих капель солевых растворов фантазмагорические леса сталактитов и сталагмитов. На таких планетах это — лишь отклонение от общих планетных работ, оно придавлено пещерными сводами и хотя бы потому не может обнаружить своего размаха. Создается впечатление, что подобные места — не обыденность для природы, а инкубатор для ее побочных детей, монстров, рождающихся вопреки законам хаоса.

На высохших же планетах, таких, как Марс или Мерку-

рий, — окруженных всепронизывающим солнечным ветром, этим разреженным дыханием, неустанно веющим от звезды-родительницы, — там поверхность пустынна и мертва, поскольку все возникающие формы поглотил пламенный жар, чтобы обратить их в пепел, наполняющий чаши кратеров. И лишь там, где царит смерть, вечная, спокойная, где не действуют ни сита, ни жернова естественного отбора, формирующие любое создание по законам бытия, открывается простор для удивительных произведений материи, которая, ничему не подражая, никому не подчиняясь, выходит за границы человеческого воображения. Именно поэтому фантастические пейзажи Титана так ошеломили его первопроходцев. Люди всегда отождествляли порядок с жизнью, а хаос — со скукой мертвенности. Нужно было добраться до внешних планет, до Титана, самой большой из их лун, чтобы понять всю фальшь этого категорического диагноза. Чудовищные чудеса Титана — не важно, безопасные или предательские, — если смотреть на них издали и с высоты, кажутся просто хаотическими нагромождениями. Однако все меняется, если ступить на грунт этой луны. Страшный холод этого пространства, в котором Солнце еще светит, но уже не греет, оказался не препятствием, а стимулом материального созидания. Правда, мороз замедлил созидание, но тем самым дал ему возможность развернуться, предоставил то, что природе, не затронутой жизнью и не пронизанной солнцем, необходимо как предпосылка творчества, направленного в вечность, время, в котором один или два миллиона веков не имеют никакого значения.

Природным материалом здесь служат в принципе те же химические элементы, что и на Земле, но там они попали, если можно так сказать, в рабство к биологической эволюции, оставались в ее пределах — но и тогда поражали человека изысканностью сложнейших соединений, образующих организмы и их обусловленную жизнью видовую иерархию. Поэтому и считалось, что высокая степень сложности присуща не всякой материи, а только живой, поскольку неорганический хаос не может произвести ничего, кроме слепых вулканических судоворог, изрыгающих потоки лавы и дожди серного пепла.

Кратер Рембдена когда-то треснул в северо-восточной части кольца. Потом в эту расщелину вполз ледник замерзшего газа. Еще через миллионы лет он отступил, оставив на

перепаханной поверхности минеральные отложения, — к восторгу и заботе кристаллографов и не менее потрясенных ученых других специальностей. Действительно, было на что поглядеть. Пилот — сейчас он был водителем большехода — видел перед собой пологую равнину, лежащую среди отдаленных склонов гор и усталую... собственно, чем? Над ней, казалось, распахнулись ворота неземных музеев и собраний камней, и оттуда высыпались каскадами костяки, остовы, обломки чудовищ — а может быть, их невоплощенные, безумные проекты, один фантастичнее другого, — расколотые фрагменты существ, которым лишь случайно не пришлось участвовать в коловращении жизни. Он видел гигантские ребра — а может быть, скелеты пауков, обхвативших голенастыми лапами обрызганные кровью раздутые яйца; видел челюсти, вонзившие одна в другую хрустальные клыки, тарельчатые позвоночные столбы, будто рассыпанные после гибели допотопных пресмыкающихся. Эту дьявольщину во всем ее богатстве лучше всего было рассматривать с высоты Диглатора. Жители Рембдена называли его окрестности кладбищем — и действительно, этот пейзаж казался полем многовекового побоища, кладбищем разросшихся сверх меры и затем рассыпавшихся скелетов. Ангус замечал среди них гладкие поверхности суставов, которые могли бы торчать из трупов гороподобных чудовищ; там даже виднелись окровавленные волокна — места прикрепления мускулов, и рядом с ними — разложившиеся кожные покровы с радужной шерстью, которую мягко развевал и укладывал в волны ветер. Сквозь туман вдалеке маячило многоэтажное скопище членистоногих, слитых воедино в момент гибели. От граненых блестящих камней отходили столь же сияющие рога, а кругом в беспорядке валялись кости и черепа грязно-белого цвета. Он смотрел на все это и сознавал, что роящиеся в его голове образы, их мрачный смысл — всего лишь обман зрения, пораженного чуждым миром. Если бы он постарался, то, наверное, припомнил бы, какие соединения на протяжении миллиардов лет принимали эти формы. Некоторые из них, покрытые пятнами гематитов, прикидывались окровавленной костью, а другие, превосходя скромные достижения земных асбестов, создавали переливающийся всеми цветами радуги тончайший пушистый мех. Но самые точные результаты тщательных анализов ничего не

стоили рядом со зрительными впечатлениями. Именно потому, что здесь ничто ничему никогда не служило, что здесь не действовал нож эволюционной гильотины, отсекающий у каждого дичка то, что не поддерживает существования и ничему не служит, именно потому, что природа, не сдерживаемая ни жизнью, порожденной ею самой, ни ею же приносимой смертью, могла обрести здесь свободу и обнаружила присущую ей расточительность, бесконечное мотовство, роскошь, извечную силу созидания без нужды, без цели, без смысла, — эта истина, понемногу постигаемая смотрящим, оказывалась еще более неистовым потрясением, чем впечатление, что он смотрит на космический паноптикум трухлявой мимикрии, что здесь и в самом деле под грозовым небосклоном распростерты останки неизвестных существ. Нужно было в некотором роде перевернуть вверх ногами врожденное и односторонне направленное мышление: эти формы похожи на кости, ребра, черепа и клыки не потому, что когда-то служили жизни — они не служили ей никогда, — но скелеты земных позвоночных и их шерсть, и хитиновые панцири насекомых, и двустворчатые ракушки моллюсков имеют такую архитектонику, симметрию, изящество лишь потому, что природа умеет создать все это и там, где ни жизни, ни присущей ей целенаправленности никогда не было и не будет.

Погрузившись в транс философских размышлений, молодой пилот даже вздрогнул, вспомнив, как он сюда попал, где находится и какова его задача. А железная машина послушно и без промедления в тысячу раз усилила его переживания и дрожь, воем трансмиссий и содроганием всей своей массы отрезвив его и повергнув в смущение. Придя в себя, он зашагал дальше. Сначала он нерешительно опускал ноги, тяжелые, как паровые молоты, на псевдоскелеты, но попытки лавировать оказались затруднительными и безуспешными. Теперь он колебался лишь иногда, встречая на пути особенно внушительное нагромождение, обходил его лишь тогда, когда пробираться сквозь завалы или разбивать их было бы обременительно даже для его послушного великана. Кроме того, ощущение, будто он идет по бесчисленным костям, давит черепа, перепонки крыльев, рога, отвалившиеся от лобной кости, скулы, вблизи уменьшалось, почти исчезало, но пилоту временами казалось, что он идет

по остаткам каких-то органических машин — гибридов, полуживотных, произошедших от скрещивания живого с мертвым, смысла с бессмыслицей; временами — что он иридиевыми подошвами топчет не по-земному разросшиеся драгоценности, благородные и подпорченные, тут и там покрытые бельмами взаимодиффузии и метаморфизации. А поскольку он со своей высоты должен был следить, куда и под каким углом ставит башнеподобную ногу, поскольку этот начальный переход — вынужденно медлительный — длился больше часа, его разобрал смех, когда он подумал, какие усилия приходится прилагать земным художникам, чтобы выйти за пределы человеческого воображения, придающего смысл всему на свете, как эти бедняги толкуются в стенах собственной фантазии и как недалеко уходят от банальностей, даже полностью исчерпавшись, тогда как здесь на одном акре поверхности громоздится больше оригинальности, чем на сотне выставок, порожденных добросовестными самоистязаниями. Но нет таких раздражителей, к которым человек не привык бы довольно быстро, и вот он уже пружинисто шел по кладбищам халькоцитов, шпинелей, аметистов, плагиоклазов — или, скорее, их дальних неземных родичей, — шел, как по обычной осыпи, перелаывая в долю секунды ветку, выкристаллизовавшуюся неповторимым образом за миллионы лет, и не намеренно, а по необходимости обращая ее в стеклянистую пыль; иногда, заметив экземпляр красивее других, он ощущал жалость, но они так громоздились друг на друга, так гасили друг друга этим неисчислимым избытком, что его занимало только одно.

А именно: как сильно здешний край — не для него одного! — связан со сном, с царством призраков и безумием шокирующей красоты. Слова о том, что это мир, где природа видит сны, воплощая свой великолепный ужас, свои замысловатые кошмары в твердом монолите материальных форм, как бы напрямую — минуя всякого рода психику, — сами просились на язык, ибо так же, как во сне, все увиденное казалось ему одновременно и совершенно чужим и абсолютно своим, что-то напоминало и в следующий миг неизменно ускользало из этих воспоминаний, все время представлялось некой чепухой, маскирующей какой-то тонкий намек на коварный замысел, — поскольку здесь все с незапамятных времен как бы

только начиналось с поразительной направленностью, но никак не могло завершиться, осуществиться в полном объеме, решиться на финал — на то, что ему предназначено.

Так он думал, ошеломленный и обстановкой, и своими рассуждениями, поскольку философские размышления были ему непривычны. За спиной осталось взошедшее солнце, и теперь перед ним лежала собственная его тень, и было странно замечать в движениях этой угловатой, уходящей далеко вперед тени машинную и одновременно свою собственную, человеческую, природу — это был силуэт безголового, колыхающегося, как корабль на плаву, робота, которому в то же время присущи были его собственные движения — гипертрофированные, как бы нарочитые. Правда, он не в первый раз это видел, но почти двухчасовое вышагивание по урочищу окрылило — или утончило — его изображение. И он не жалел, что, свернув за Рембденом сильнее на запад, утратил радиосвязь с его обитателями. Выйти из радиотени предстояло на тридцатой миле — уже скоро, — но сейчас он предпочитал быть один, вдали от стереотипных вопросов и ответов-рапортов.

На горизонте появились темные силуэты; с первого взгляда не было понятно, тучи это или горы. Ангус Парвис, который шел к Граалю и при всем разыгравшемся воображении не связал своей фамилии с Парсифалем — ибо труднее всего выйти за пределы однажды осознанного тождества с самим собой, как бы вылезти из собственной кожи, да еще влезть в миф, — уже отвлекся от окружающего, отвлекся тем более легко, что декорация мнимой смерти, планетного theatrum anatomicum минералов, понемногу исчезала. Он с непритворным равнодушием скользил глазами по искрящимся камням, как будто ожидающим его взгляда. Приняв решение, запретил себе думать о том, из-за чего оно было принято. Ему это было несложно. Астронавты умеют подолгу быть наедине с собой. Он шагал в раскачивающемся Диглаторе — при ходьбе великан, естественно, наклонялся из стороны в сторону. Шагомер показывал почти тридцать миль в час. Кошмарные призраки змеиных и птичьих плясок смерти сменились плавными скальными складками, покрытыми вулканическим туфом. Он был легче и мельче песка. Ангус мог прибавить шагу, но знал, что ощущения, которые испытываешь на пол-

ном ходу, трудно выносить долго, а его ждал многочасовой марш к впадине по еще более сложной территории. Зубчатые контуры на горизонте уже не были похожи на тучи. Он шел к ним, а тень плыла впереди — она казалась укороченной, потому что из-за огромной массы большехода его ноги составляли всего треть длины туловища; если было нужно увеличить скорость, удлинить шаг, приходилось заносить ногу, поворачивая вперед шарнир бедра, что было возможно, поскольку кольцевое навершие ног, точнее, шасси, соответствующее бедрам, представляло собой огромный поворотный круг, в котором крепилось туловище. Но тогда к боковым наклонам прибавляется раскачка всего великана вверх-вниз, и пейзаж шатается перед глазами водителя, как пьяный. Для бега такие тяжелые машины не годятся. На Титане для них проблематичен и прыжок с двухметровой высоты. На меньших планетах и на Луне их свобода передвижений больше. К тому же при конструировании не заботились особенно о быстроте этих машин, они строились не как средство передвижения, а предназначались для тяжелых работ, способность же шагать — дополнительное качество, увеличивающее самостоятельность усердного колосса.

Наверное, уже час Ангусу то казалось, что он вот-вот застрянет в хаосе скал, то, наоборот, что азимут рассчитан гениально, потому что, когда он приближался к очередному обвалу, к каменным глыбам, лежащим так непрочно, что порыв ветра мог бы, наверное, вызвать лавину, всегда в последний момент находилась удобный проход, и ему не надо было ни лавировать, ни поворачивать назад от тупика. Правда, ему довольно скоро пришло в голову, что лучшим водителем на Титане оказался бы косой, поскольку нужно было одновременно присматриваться с высоты к поверхности перед машиной и глядеть на светящийся указатель направления, дрожащий, как игла обычного компаса, на фоне полупрозрачной карты. Однако это ему удавалось совсем даже неплохо, и он доверился глазам и прибору. Отделенный от мира шумом силовых агрегатов и резонансными колебаниями, в которое вводили весь корпус тяжелые шаги, он видел Титан сквозь поляризованные окна своего стеклянного помещения. Куда бы Ангус ни повернул голову — а он делал это движение, попадая на более ровные участки

пути, — ему были видны горные хребты над морями туманов, кое-где разорванные силуэтами вулканов, загложших столетия назад. Шагая по ноздреватой поверхности, он видел глубоко внизу тени вулканических бомб и непонятные темные очертания не то морских звезд, не то головоногих, застывших, как насекомые в янтаре.

Затем местность изменилась: она тоже была пугающей, но по-другому. Казалось, планета пережила период бомбардировок и извержений, добравшихся до самых небес слепыми взбросами лавы и базальта, чтобы замереть в дикой и отрешенной неподвижности. Он уже входил в эти вулканические ущелья. Стены вдальке нависали каким-то невероятным образом. Что ж, все это не находило выражения на языке существ, сформировавшихся на более идиллической планете, но придавало динамичность мертвому оцепенению сейсмических выбросов, размах которых был обусловлен тяготением, не большим, чем на Марсе. Затерянному в этом лабиринте человеку перестала казаться огромной его шагающая машина. Она терялась, просто исчезала рядом с каскадами лавы. Их километровые огнепады когда-то сковал космический холод, и они застыли, низвергаясь в пропасть, превратились в гигантские вертикальные сосульки, в чудовищную колоннаду. Этот пейзаж превращал большеход в микроскопическое насекомое, ползущее вдоль постройки, которую с величественной небрежностью возвели, а потом забросили истинные великаны планеты. Если бы сироп стекла с какой-нибудь поверхности и застывал сталактитовыми сосульками, то именно так из щели пола взирал бы на него муравей. Однако соотношения масштабов были еще более разительны. В этой дикости, в этой гармонии хаоса, чуждой глазу человека, не похожей ни на какие земные горы, был виден жестокий облик пустоты, исторгнутой из глубин планеты, из жара, и застывшей под чужим солнцем в камень. Под чужим, ибо Солнце было здесь не пылающим диском, как на Луне или на Земле, а холодно горящей шляпкой гвоздя, вбитого в рыжий небосклон, дающей немного света и еще меньше тепла. Снаружи было минус 90 градусов — лето в этом году выдалось необычайно мягкое. Сквозь устье ущелья Ангус увидел небо в зареве, оно поднималось все выше, пока не охватило четверть небосвода, и он не сразу

понял, что это — не заря и не свет солектора, а извечный властитель Титана — окруженный кольцами, желтый, как мед, Сатурн.

Резкий наклон, колыхание кабины, внезапный вой моторов — положение и работа машины нормализовались скорее благодаря реакции гироскопов, чем маневрам Ангуса, и это заставило его понять, что сейчас не время для размышлений астрономического или философского характера. Он смущенно опустил глаза. Странно, как раз в этот момент он осознал комизм своих движений. Вися в упряжи, перебирал ногами в воздухе, но ощущал каждый громовой шаг, хотя вроде бы раскачивался, как играющий ребенок. Ущелье становилось все круче. Хотя Парвис укоротил шаг, машинное отделение наполнилось напряженным воем турбин. Он оказался в глубокой тени и, прежде чем зажег прожекторы, чуть не столкнулся с выступом скалы, по размерам превосходившим Диглатор. Масса машины, повинаясь первому закону Ньютона, стремилась двигаться по прямой, и от резкого изменения направления моторы получили крайнюю перегрузку. Все индикаторы — до тех пор спокойного зеленого цвета — налились пурпуром. Турбины отчаянно завывали, работая на полную мощность. Указатель оборотов главного гироскопа замигал, показывая, что предохранитель вот-вот перегорит, и кабина накренилась, как будто Диглатор падал. Ангуса залил холодный пот, стало страшно, что он так поидиотски расколотит доверенную ему машину. Но только щиток левого локтя столкнулся со скалой, заскрежетав, как корабль, налетевший на риф; из-под стали брызнули снопы искр, высеченных ударом, повалили клубы дыма, и больше-ход, содрогаясь, вернул себе равновесие.

Пилот пришел в себя. Он был доволен, что в ущелье потерял связь с Госсе, поскольку автоматический передатчик показал бы на мониторе его приключение. Он вышел из тени и удвоил внимание. Ему было стыдно: сплеховал в такой простой ситуации, старой как мир. Любой машинист знает по опыту, инстинктивно чувствует, какие это разные вещи — сдвинуть с места один паровоз или двинуться, когда к паровозу прицеплена череда вагонов. И он пошел дальше, как на смотру, и колосс снова был удивительно послушен. Он видел сквозь стекла, как легкое движение его руки ста-

новится взмахом ручищи — огромных тисков, — а когда он делает шаг, башнеобразная нога, двигаясь вперед, поблескивает щитком наколенника.

От космодрома он уже удалился на пятьдесят восемь миль. По карте, по спутниковым фотографиям, которые он изучал накануне вечером, наконец, по диораме территории, выполненной в масштабе 1:800, он знал, что дорога до Грааля делится на три основные части. Первая включала в себя так называемое кладбище и вулканическое ущелье, которое он только что прошел. Другую он уже различал — это был пролом в массиве застывшей лавы, пробитый серией термоядерных взрывов. Не было другой возможности покорить этот массив, результат самого мощного извержения орландского вулкана, — склоны его были неприступны. Ядерные взрывы вгрызлись в вулканические горные образования, преграждающие путь, и рассекли их надвое, как горячий нож — кусок масла. На титанограмме кабины этот проход был обрамлен восклицательными знаками, напоминающими, что здесь ни при каких обстоятельствах нельзя покидать машину. Остаточная радиация, созданная взрывами, все еще была опасной для человека, не защищенного панцирем большехода. Ущелье отделяла от прохода равнина протяженностью в милю, черная, как будто покрытая сажей. Там он снова смог услышать Госсе. Он промолчал о столкновении со скалой, а Госсе сообщил ему, что за проходом, у Большого Пика, на половине пути, радиоопеку над ним возьмет Грааль. Там начиналась третья, последняя часть пути через впадину.

Черная пыль, выстилавшая равнину между двумя горными грядами, покрыла ноги Диглатора выше колен. Он быстро и ловко шел в ее стелющихся клубах к почти отвесным стенам прохода, пробираясь сквозь завалы, оплавленные жаром взрыва. Обломки, твердые, как алмаз, под иридиевыми подошвами Диглатора трескались со звуком, подобным стрельбе. Дно прохода было гладкое, как стол. Ангус шел между обожженными стенами под громовые отзвуки шагов, которые он ощущал как свои собственные: он сросся с машиной, она сделалась его разросшимся телом. Внезапно он попал в темные, непроницаемые глубины и был вынужден включить прожекторы. Их ртутный блеск смешивался в сгустке теней, клубившихся между стенами скальной горло-

вины, с холодным, рыжим, неприветливым светом неба, яснееющим в устье прохода, по мере приближения оно становилось все больше. На последнем участке ущелье сужалось, словно не желая пропускать большеход, как будто его угловатые плечи должны были застрять в узости, похожей на трубу, но это был обман зрения: по обе стороны еще оставалось по нескольку метров. Другое дело, что пришлось сбавить скорость, потому что чем быстрее шел «Поллукс», тем сильнее он раскачивался из стороны в сторону, и с этим ничего нельзя было поделать. Раскачка при ускорении хода обусловлена законами динамики масс, и инженерам не вполне удалось уравновесить создающиеся при этом моменты инерции. Последние триста метров Ангус шел круто под гору, осторожно ставя ступни и слегка наклоняясь к стеклу, чтобы как следует видеть, куда опустить ногу-башню. Это занятие поглощало все внимание, и, только когда свет залил его со всех сторон, наполнил кабину, он поднял голову и увидел совершенно другой неземной пейзаж.

Большой Пик возвышался над бело-рыжим океаном волнистых облаков — черный, стройный, одинокий на фоне неба. Парвис понял, почему некоторые называют пик Божьим Перстом. Он постепенно замедлил шаг и, остановившись на этой смотровой площадке, попытался сквозь приглушенное пение турбин поймать голос Грааля. Не услышав ничего, попробовал вызвать Госсе, но и оттуда не было отклика. Он все еще находился в мертвой зоне. И тут произошла странная вещь. Только что контакт с космодромом был чем-то неприятен, в чем-то ему мешал, — может быть, потому, что даже не в словах, в голосе Госсе он ощущал скрытое беспокойство или, может быть, сомнение: справится ли он, и в таком сомнении было нечто покровительственное, а этого он просто не выносил. И вот сейчас, когда он остался действительно один, когда ни человеческий голос, ни автоматический пульс радиомаяка Грааля не могли поддержать его в этой бесконечной белой пустыне, вместо свободы и облегчения он ощутил неуверенность — подобно человеку, который попал во дворец, полный чудес, и не имеет ни малейшей охоты покинуть его, но вдруг видит, что ворота, до сих пор радушно открытые, сами за ним закрываются. Он выговорил себе за это бесплодное ощущение, похожее на страх, и начал

спускаться к поверхности облачного моря по довольно покато­му и местами обледенелому склону прямо к Большому Пику — черному, достающему до неба и странно согнутому, словно палец, манящий его к себе.

Раз-другой подошва большехода соскользнула с тупым скрежетом, осыпая вниз громады камней, вырванных из ледяных оков, но это не грозило падением. Он только ставил ноги так, чтобы ступни врезались шипами пятки в скорлупу наста, и поэтому двигался медленнее, чем раньше. Спускался по крутому склону между двумя расселинами, упорно и нарочито топая, так что фонтаны ледяных брызг отлетали от его наколенников и поножей, всматривался в глубь долины, дно которой просвечивало сквозь проплешины туманов, и чем ниже он сходил, тем выше вздымался над ним из-за далеких молочно-белых туч черный палец Большого Пика. Так он дошел до полосы пушистых облаков, плывущих ровно и медленно, как по невидимой воде, они доходили ему уже до бедер, до поворотного круга бедер, одно облако накрыло его вместе с кабиной, но исчезло, словно кто-то его сдул. Еще несколько минут Черный Палец маячил над пушистой бездной — как скальная палица над арктическим океаном, стоящая неподвижно среди пены и льдин, — потом исчез, словно Парвис был ныряльщиком, спустившимся на морское дно. Он остановился, потому что услышал прерывистый, слабый, пискливый стон. Поворачивая Диглатор то влево, то вправо, он подождал, пока это пение, совершенно отчетливое, не зазвучало в обоих ушах одинаково громко. Слышен был не сам Грааль, а радиомаяк Большого Пика. Надо было идти прямо к маяку, причем если бы водитель сбился с дороги, прерывистый сигнал изменился бы — в зависимости от отклонения: если забрать вправо, в сторону губительной впадины, в правом ухе у него раздастся предостерегающий визг, а если отклониться в другую сторону, к сплошным непроходимым стенам, сигнал отзовется басом — не таким тревожным, но тоже указывающим на ошибку. Шагомер показал сотую милю. Основная, технически самая трудная часть пути осталась позади. Меньшая, более коварная, лежала перед ним в туманной бездне. Литые тучи теперь темнели высоко, видимость доходила до нескольких сот метров, ане­роид свидетельствовал, что здесь расположена котловина

впадины, точнее, ее надежная твердая кромка. Он шел, полагаясь одновременно на слух и на зрение, потому что кругом было светло от снега — замерзшей двуокиси углерода и оснований других застывших газов. Местами из-под белого покрова торчали эрратические валуны — следы ледника, который некогда вторгся с севера в распадок вулканического массива, своим телом углубил его южную часть, перепахал, окружил донным льдом скальные обломки и потом, отступая или растапливаясь от магматического нагрева, идущего из глубин Титана, изверг из себя и оставил при беспорядочном отходе морену. Пейзаж изменился: внизу как будто простирался зимний день, а сверху его накрывали темные ночные тучи. Ангуса теперь не сопровождала даже его тень. Он ступал уверенно, погружая в снег опущенные кристалликами стальные башмаки, а в панорамных зеркалах, обращенных назад, мог видеть собственные следы, достойные тиранозавра, самого большого из двуногих хищников мезозоя, и по этим следам проверял, достаточно ли прямо идет. С недавнего времени ему стала мерещиться странная вещь, поверить в которую было невозможно: все настойчивее казалось, что он не один в кабине, что за спиной находится другой человек; его присутствие он ощущал по дыханию. Его настолько захватила эта иллюзия — а он не сомневался, что это иллюзия, вызванная, быть может, переутомлением слуха, притупившегося от монотонности радиосигналов, — что он задержал дыхание. И тогда кто-то явственно протяжно вздохнул. Об иллюзии, кажется, нечего было думать. Ангус обмер, споткнулся, его великан зашатался. Он резко выправил машину — так что указатели засветились, а турбины взвыли, — и затормозил, пошел медленнее, остановился.

Тот перестал дышать. Значит, это было эхо машинных колодцев Диглатора? Не двигаясь с места, он обвел взглядом пространство, и на бескрайних снеговых покровах увидел черную черточку, восклицательный знак, нарисованный тушью на белизне горизонта, там, где нельзя было различить сугробы и облака. И хотя он никогда не видел большеход в подобных зимних декорациях и с расстояния в милю, его охватила уверенность, что это Пиркс. Ангус двинулся к нему, не обращая внимания на нарастающее раздвоение сигнала в наушниках. Прибавил шагу. Черный значок, семенив-

ший у белой стены, превратился уже в фигурку, она сузилась, потому что он сам быстро двигался. Минут через двадцать стали определяться истинные размеры. Их разделяло полмили, может быть, чуть больше. Почему Ангус не подал голоса, не вызвал того по радио? Сам не знал почему, но не смел. Он всматривался до рези в глазах и различал уже за стеклянным окошком в сердце колосса маленького человечка, который шевелился, как паук, на нитках. Ангус шел за ним, и оба оставляли за собой длинные пылевые шлейфы, подобно кораблям, за которыми тянутся вспененные борозды кильватера. Ангус догонял его, в то же время вглядываясь в то, что происходило впереди: вдали переливалась белизной, клубилась метель, просветы в ней блистали ослепительней снега. Это была полоса холодных гейзеров. Тогда он окликнул преследуемого раз, другой, третий, а так как тот вместо ответа прибавил шаг, как бы стремясь скрыться от своего спасителя, последовал его примеру, усиливающимися наклонами корпуса и взмахами мощных рук подгоняя великана к краю гибели. Стрелка шагомера дрожала у красной черты — 48 миль в час. Ангус звал беглеца хриплым от возбуждения голосом, но тут черная фигура раздалась вширь и вытянулась, ее контуры утратили резкость, и он уже не видел человека в Диглаторе — оставалась только тень, расплывавшаяся в бесформенное пятно, пока все не исчезло. Он был один и пытался догнать себя самого — феномен довольно редкий, но известный и на Земле; например, брокенский призрак. Увеличенное собственное отражение на фоне светлых облаков. Не он — его тело, пораженное открытием, в приступе жестокого разочарования, в напряжении всех мускулов, в одышке, в горьком бешенстве и отчаянии хотело остановиться как вкопанное, сразу, не медля, — и тогда в глубинах колосса раздалось рычание, и его бросило вперед. Датчики залило красным, как вскрытые вены — кровью. Диглатор задрожал, словно корабль, налетевший на подводную скалу, корпус подался вперед, и, если бы Ангус не вывел его из наклона, сделав несколько замедляющихся шагов, обязательно бы рухнул. Хоровой протест внезапно перегруженных агрегатов утих, а он, чувствуя, как по разгоряченному лицу текут слезы разочарования и гнева, стоял на расставленных ногах, дыша так, будто сам с огромным усилием пробежал послед-

ние километры. Несколько остыл и, вытирая краем перчатки пот с бровей, увидел, как огромная лапа большехода, придав соответствующий размах этому рефлекторному жесту, поднимается, заслоняет окно кабины и с грохотом врезается в излучатель, укрепленный на безголовых плечах. Он забыл отключить руку от усилительного контура! Этот очередной идиотский поступок окончательно привел его в себя. Он повернул назад, стараясь идти по собственным следам, потому что тоны сигналов маяка совершенно расстроились. Нужно было вернуться на дорогу, пройти по ней, сколько удастся, а если метель нарушит видимость, уходить от области гейзеров — во время погони он запомнил, как она выглядит, — пользуясь излучателем. Кое-как ему удалось найти место, где отраженный в облачном зеркале мираж заморочил его до полной потери ориентации. А может быть, он свалил дурака раньше, когда поддался не оптической, а акустической иллюзии и перестал сверять маршрут, указываемый радиомаяком, с картой? В том месте, куда его завел собственный призрак — не очень далеко от намеченной дороги, по шагомеру всего девять миль, — на карте не было никаких гейзеров. Их фронт проходил севернее — согласно последним исследованиям местности, нанесенным на карту. На основе авиационной и радарной разведки и снимков, выполненных ПАТОР-Сом, Мерлин предложил перенести дорогу из Рембдена в Грааль далеко к югу, чтобы она проходила не в очень удобном, но безопасном месте через котловину, никогда до сих пор не затоплявшуюся, хотя и засыпаемую снегами гейзеров. Поверхность этой котловины могла быть в худшем случае засыпана снегом двуокиси углерода, но у Диглатора хватало мощности, чтобы преодолеть пятиметровые сугробы, а если бы он застрял в них и сообщил об этом, Грааль мог послать туда автоматические бульдозеры, снятые с земляных работ. Но суть проблемы была в том, что неизвестно, где пропали один за другим три большехода. На прежней дороге, заброшенной после давних несчастных случаев, можно было поддерживать непрерывную радиосвязь, однако до южной котловины короткие волны не доходили напрямую, а их отражениями нельзя было воспользоваться, так как Титан лишен ионосферы. Нельзя было применить и спутниковую связь — неделю назад все расчеты спутал Сатурн, заглушив-

ший шлейфом своей бурной магнитосферы любое излучение, кроме лазерного; лазеры Грааля, правда, пробивали слои туч и доходили до патрульных спутников, но те не могли перекодировать световые импульсы в радиосигналы, потому что не были оборудованы преобразователями волн столь широкого диапазона. Они, правда, могли принимать световые импульсы и ретранслировать их во впадину, но, к сожалению, чтобы пробить гейзерные бури, пришлось бы передавать лазерами такую энергию, которая расплавила бы зеркала спутников. Зеркала, выведенные на орбиты, когда Грааль только готовился к деятельности, постепенно покрылись коррозией, потемнели и поглощали теперь порядочную долю передаваемой энергии вместо того, чтобы отражать ее на 99 процентов. В это сплетение недосмотра, неправильно понимаемой экономии средств, спешки, транспортных задержек и обычной глупости, присущей людям везде, а стало быть, и в Космосе, попали исчезнувшие большеходы. Твердая почва южной оконечности впадины представлялась последним спасательным кругом. В том, насколько она действительно тверда, Ангусу предстояло вскоре убедиться. Если он рассчитывал найти следы своих предшественников, то скоро оставил эту надежду. Он шел по азимуту и доверял ему, поскольку дорога поднималась и вывела его из метели. Слева виднелись затянутые тучами бесснежные склоны застывшей магмы. Он ступал осторожно. Шел по камнелому, пересекая заледеневшие ложбины, во льду которых оставались пузыри незамерзшего газа. Когда раз-другой стальная ступня пробила ледяную скорлупу и попала в пустоту, треск ломающегося льда перекрыл шум моторов. Такой грохот слышат, наверное, лишь вахтенные на ледоколе, таранящем полярные торосы. Прежде чем двинуться дальше, он заботливо оглядел ногу, добытую из расщелины, и шел, пока радиодуэт одинакового тона и высоты не расстроился. Справа начало свистеть, а слева — басить. Он поворачивался, пока тоны не зазвучали одинаково. Неожиданно открылся довольно широкий проход между нагромождениями ледяных плит — Ангус, конечно, знал, что это не лед, а застывшие углеводороды. Он спускался по сухой крупнозернистой осыпи, изо всех сил сдерживая шаг, — так несло по склону тысячу во семьсот тонн большехода. Вулканические стены расщели

облака, открыли вид на котловину, и вместо надежной почвы он увидел Бирнамский лес.

Наверное, с тысячу тесно составленных жерл били одновременно, выбрасывая в атмосферу струи раствора солей аммония. Радикалы аммония, удерживаемые в свободном состоянии чудовищным давлением недр, выстреливались в темное небо, обращая его в кипящий котел. Ангус знал, что гейзеры не должны были дойти досюда. Эксперты исключали такую возможность, но сейчас он об этом не думал. Ему следовало либо сразу вернуться в Рембден, либо идти за путеводным напевом — невинным, хотя и обманным, как пение сирен Одиссея. Грязно-желтые тучи лениво и тяжело расплывались над всей впадиной, из них падал странный, липкий, тянущийся снег, создавая «бирнамские леса». Их называли так за то, что они передвигались. На самом деле это вовсе не лес, и только с большого расстояния он напоминает занесенную снегом чашу. Неистовая игра химических радикалов, постоянно питаемая притоком новых выбросов, поскольку разные группы гейзеров бьют каждая в своем, неизменном ритме, создает хрупкие фарфоровые джунгли, достигающие четверти мили в высоту, — их росту способствует слабая гравитация, так образуются скользкие белые разветвления и заросли, они накладываются друг на друга, слой за слоем, пока нижние под гнетом этого устремляющегося в небо массива кружевных ветвей не рушатся с протяжным грохотом, — так рухнул бы всепланетный склад посуды при землетрясении. Как раз «посудотрясением» кто-то беззаботно назвал обвалы бирнамских лесов, которые кажутся ошеломляющим и невинным зрелищем лишь с птичьего — вернее, с вертолетного — полета. Этот лес Титана и вблизи кажется невесомой белопенной конструкцией, поэтому не только большеход, но и человек в скафандре может пробраться сквозь его застывший подлесок. Правда, нельзя так вот бездумно углубляться в эту застывшую пену, в переплетения раздувшейся при замерзании снежной массы и кружев из тончайших фарфоровых нитей, легких, как пемза. Без спешки тут можно продвигаться вперед, потому что эта громада — не что иное, как туча застывшей паутины. Здесь есть все оттенки белого: от переливающегося перламутром до ослепительно молочного. Но хотя в лес можно войти, никогда нельзя знать, не находится

ли именно эта его область на грани разрушения и не обрушится ли она, погребая путешественника под многими сотнями метров стекловидной, саморазрушающейся массы, которая только в осколках легка как пух.

Когда Ангус еще пересекал осыпь, о близости белого леса, невидимого за черными уступами горного склона, его извещил блеск с этой стороны, как будто там должно было взойти солнце. Блеск был похож на свет, отраженный от туч над Северным океаном Земли, — его видно, когда корабль, плывя еще по открытой воде, приближается к ледовым полям.

Ангус шел навстречу лесу. Впечатление, что он на корабле, или, скорее, что сам он — корабль, усиливала мерная качка несущего его великана. Пока он сходил с откоса, взгляд его достигал горизонта, обрисованного четкой линией, лес же с высоты выглядел как распластанная на почве туча, поверхность которой бурлит и сотрясается в непонятном движении. Он шел враскачку, а туча перед ним росла, как кромка материкового льда. Он уже различал отходящие от нее длинные изогнутые языки, подобные снежным лавинам, ползущим в необыкновенно медленном темпе. Когда лишь несколько сот шагов отделяло его от снежных сплетений, он начал различать зияющие в них отверстия — от крупных, размером со вход в пещеру, до мелких нор. Они темнели в блестящих переплетениях пушистых веток и рогатых суков из мутного и белого стекла. И вот под стальными башмаками захрустели мелкие, острые осколки, ломающиеся при каждом шаге. Радиодуэт продолжал уверять, что направление взято верно. Он шел, слыша треск ломаемых корпусом и коленями зарослей и усилившийся шум моторов, которые увеличивали обороты, чтобы преодолеть растущее сопротивление. Шел, избавившись от первоначального волнения, без тени страха, но с отчаянием в сердце, потому что слишком хорошо понимал: легче найти иглу в стогу сена, чем хоть одного из пропавших. В этом лесу не могло остаться никаких следов, потому что непрерывно бьющие фонтаны гейзеров подпитывали тучу и любой пролом зарастал, как быстро затягивающаяся рана. Он проклинал в душе окружающую его красоту — пусть сто раз неповторимую. Тот, кто позаимствовал у Шекспира название для леса, наверное, был эстетической натурой, но не такие сравнения приходили

сейчас в голову висящему в большеходе Ангусу. Бирнамский лес Титана по многим известным — и неизвестным — причинам попеременно то отступает, то охватывает во впадине тысячи, десятки тысяч гектаров, но в лесу гейзеры сами по себе не слишком опасны, потому что их присутствие ощущается издали, еще до того, когда увидишь их вибрирующие в поднебесном рывке столбы газов, спрессованных подземным давлением, а сам их рев, столь оглушительный и пронзительный, будто в родовых муках от боли или ярости рычит сама планета, сотрясает нижние ярусы и образовавшиеся смерчи валят вокруг всю качающуюся, ломающуюся, брызгающую уже застывшим стеклом чашу. Нужно необыкновенное невезение, чтобы попасть в устье гейзера, впавшего между двумя извержениями в минутную спячку. Легко обходить на безопасном расстоянии другие, те, что заявляют о своей активности непрерывным свистящим громом и содроганием окрестного подлеска, переливами его предсмертной белизны. Но неожиданное извержение, хотя бы и не очень близкое, погребает разведчика под гигантским обвалом.

Ангус почти прильнул лицом к бронированному стеклу и всматривался, медленно продвигаясь вперед. Он видел молочно-белые стволы самых толстых из застывших вертикальных струй; разветвления в верхней их части были подобны мерцающим клубкам — массивными и литыми они были только у основания. А вверху на заледенелых джунглях нарастали следующие — все более легкими ярусами; застывшая, они принимали скелетоподобные и паутинообразные формы, превращаясь в канаты, коконы, гнезда, псевдоплауны, головастиков, в жабры еще дышащих, но ободранных до костей рыб, — ибо все это расползлось, вилоось, из толстых ледяных сосулк вытягивались тонкие стрельчатые побеги, закручивались в мотки, и те затвердевали и обволакивались следующим слоем сразу же замерзающего клейкого молочка, непрерывно сочившегося с высоты, неведомо откуда. Никакое слово, рожденное на Земле, не могло передать то, что происходило здесь — в белом, лишенном тени, светлом молчании, в этой тишине, сквозь которую слышалось еще далекое, только зарождающееся ворчание, свидетельство прилива, нагнетаемого в горловины гейзеров, и когда Ангус приостановился, чтобы прислушаться, откуда доносится

этот нарастающий звук, то заметил, что Бирнамский лес начал поглощать его. Не подошел к нему, как лес в «Макбете», нет, — как бы ниоткуда, из воздуха, здесь совершенно неподвижного, появлялись микроскопические хлопья снега; они не падали, а возникали прямо на темных пластинах панциря, на стыках плечевых щитков; уже весь верх корпуса был припорошен этим снегом, который не был похож на снег, так как не падал мягко на металлические пластины корпуса, не скапливался в его углублениях, а прилипал, как белый сироп, пускал ростки — молочно-волоконистые нити, — и Ангус не успел оглянуться, как оброс снеговым мехом, который тысячами волосинок, вытягивающихся и переливающихся на свету, превратил туловище Диглатора в огромное белое чудовище, в диковинного снеговика. Тогда он позволил себе короткое резкое движение, рывок, и застывшие слепки стальных конечностей, наколенников отвалились огромными кусками, рассыпались при падении мелкими брызгами, образуя сугробы. Блеск высвечивал в этой зыбкой кипени фантазмагорические формы и бил в глаза, но не освещал почву, и Ангус только теперь по-настоящему оценил пользу работающего излучателя.

Его невидимый шар растапливал в чаще туннель, по которому Ангус шел, слыша то справа, то слева отдаленный шум газовых струй, подобный пушечным выстрелам, доносившимся из зацепившихся за подлесок туч. Один раз он прошел мимо разрываемого судорогами, неистово хлещущего фонтана гейзера. Вдруг снежный лес расступился, впереди была поляна, укрытая крышей из ветвей, вздувшейся пузырем. Посреди лежала черная громадина, показывая ему подошвы скрещенных стальных ног и согнутый корпус, издали напоминавший корабль на мели. Левая рука была протиснута между белыми стволами, ее кисть загоразивали кусты; правую корпус вдавил в грунт при падении. Стальной великан лежал согнутый, но как будто не побежденный окончательно, потому что конечности были покрыты инеем, но тело оставалось чистым. Воздух чуть дрожал над выпуклостью туловища, подогреваемый теплом, все еще поступавшим изнутри, и Парвис, окаменевший около большеходоблизнеца, просто не смел поверить, что невероятное нудо встречи произошло. Он собрался было подать голос, но за-

метил два обстоятельства: под поверженным Диглатором широко растеклась лужа маслянисто-желтой жидкости из лопнувших трубопроводов гидравлики, что означало в лучшем случае частичный паралич. Кроме того, переднее стекло кабины, сейчас так похожее на овальный иллюминатор, было разбито; в окантовке рамы торчала изоляция. Из этого отверстия, наполненного мраком, шел пар, как будто агонизирующий гигант никак не мог испустить последний вздох. Торжество, радость, ошеломление пилота сменились ужасом. Осторожно и медленно наклоняясь над развалившейся машиной, он уже понимал, что она пуста. Прожектор осветил внутренность большехода — там были свободно висящие ремни с прицепленной к ним металлизированной кожей; наклониться сильнее он не мог и с трудом осмотрел все углы пустой кабины в надежде, что потерпевший аварию, уходя в скафандре, оставил какое-нибудь известие, знак, но увидел только опустошенный ящик для инструментов и выпавшие из него ключи. Он довольно долго пытался догадаться, что произошло. Диглатор мог упасть из-за обвала, а водитель, когда попытки сдвинуть с места придавленную машину не удались, выключил систему ограничителей мощности, и в результате от чрезмерного давления лопнули маслопроводы. Остекление кабины он разбил не сам, поскольку мог выбраться через люк в бедре или аварийный в спине. Скорее всего, оно раскололось при обвале, когда большеход упал ничком. На бок он повернулся, пытаясь сбросить придавившую его тяжесть. Ядовитая атмосфера, наполнив кабину, умертвила бы человека быстрее, чем мороз. Значит, обвал не застал его врасплох. Когда сплетенные ветви навалились на машину, водитель, видя, что ей не выстоять, успел надеть скафандр. Потому-то ему и пришлось прибегнуть к аварийному управлению: сначала он скинул электронную кожу. Его Диглатор не нес на себе излучателя, и он совершил единственно разумный поступок. Взял инструменты и вполз в машинное отделение; убедившись, что гидравлику не исправить, так как лопнуло слишком много маслопроводов и утечка оказалась слишком велика, отключил трансмиссии от реактора и включил его на почти полную мощность. Большеход он все равно считал погибшим, и жар ядерного реактора, хотя и пережег движители машины — или, скорее,

именно потому, что разогрел их докрасна, — проходил сквозь бронированное туловище и растапливал завал. Так образовалась эта пещера с остекленевшими стенами, сам вид которых свидетельствовал о температуре, исходившей от остова. Ангус проверил свои предположения, поднеся к спине корпуса счетчики Гейгера. Они мгновенно защелкали. Реактор на быстрых нейтронах расплавился от внутреннего жара и, наверное, уже остывал, но внешний панцирь был горячим и радиоактивным. Значит, водитель покинул машину через разбитое стекло, бросив бесполезные инструменты, и пошел в лес. Ангус пытался разглядеть следы на разлитом масле и, не найдя их, прошел вокруг металлического тупа, высматривая в стенах сверкающей пещеры отверстия, сквозь которые бы мог пролезть человек. Таких нигде не было. Ангус не мог рассчитать, сколько времени могло пройти с момента аварии. Два человека пропали в лесу трое суток назад. Пиркс — на двадцать-тридцать часов позже. Малая разница во времени не позволяла определить, обнаружил он машину одного из операторов Грааля или же Пиркса. Живой, закованный в железо, он стоял над мертвым железным ломом и с холодной рассудительностью раздумывал, что предпринять. Где-то в этом расплавленном пузыре обязательно был пролом, которым воспользовался водитель и который после его ухода успел затянуться. Фарфоровый шрам должен быть довольно тонким. Из Диглатора его не разглядеть. Остановив машину, он поспешно переоделся в скафандр, сбежал по гулким ступеням к люку на бедре, спустился по лесенке на стопу и спрыгнул на скользкий грунт. Пещера, выплавленная в завале, теперь казалась ему намного большей, или — вернее — сам он как бы внезапно уменьшился. Он обошел ее кругом — почти шестьсот шагов. Прижимался шлемом к прозрачным местам, простукивал их — к сожалению, их было много, — а когда молотком, прихваченным из рубки, стал стучать по углублению между твердыми, как дуб, стволами, стенка треснула, подобно стеклу, и на него сейчас же посыпалось с потолка пещеры. Сначала ссыпалась струйка мелких обломков, потом раздался треск, и сорвалась целая туча мелких кусков и стеклянной пыли. Тогда он понял, что все напрасно. Следов потерпевшего аварию не найти, а сам он тоже в хорошей ловушке. Пролом, сквозь который он вошел внутрь растоп-

ленного завала, затягивался белыми сосульками, они уже затвердевали, как соляные столпы, но соль эта была не земная — они разветвлялись на стволы толщиной в руку. Ничего нельзя было сделать. Более того, не оставалось времени на раздумье, поскольку своды оседали и почти касались купола излучателя на плечах большехода и тот словно превращался в Атланта, держащего на себе всю тяжесть застывших наверху выбросов гейзера. Он не помнил, как вновь оказался в кабине, уже чуть-чуть наклонившейся вместе с туловищем, которое сгибалось миллиметр за миллиметром, не помнил, как натянул электронный костюм. Еще мгновение он думал, не включить ли излучатель. Но теперь в любом его действии таился непредсказуемый риск: подтаявший свод мог поддаться, а мог и рухнуть; он прошел несколько шагов, отыскал место рядом с черным остовом, откуда можно было взять разбег, и на полной мощности таранил замерзший вход — не затем, чтобы позорно бежать, но чтобы выбраться из стеклянной могилы. А дальше будет видно.

Турбонасосы взвыли. Белая с натеками стена треснула под ударом двух стальных кулаков, черные трещины звездами разбежались вверх и в стороны, и тут же раздался гром. Все случилось слишком быстро, он ничего не успел понять. Он ощутил удар сверху, настолько мощный, что ограждающий его гигант издал единственный басовый стон, зашатался, пролетел в пролом, как лист бумаги, и рухнул под лавиной обломков и крошки так неожиданно, что, несмотря на амортизацию подвески, внутренности комом подступили Парвису к горлу. При всем этом последний этап падения происходил невероятно медленно: глыбы на дороге, по которой он пришел, приближались, отчетливо видные сквозь стекло, как будто не он падал, а снежная гладь, обстреливаемая градом обломков, вставала перед ним на дыбы; с многоэтажной высоты он приближался к этой белизне, окутанной облаками пыли, пока сквозь все шпангоуты туловища, защитные пластины панциря, сквозь вой двигателей до него не долетел последний грохочущий удар. Он лежал ослепленный. Стекло не лопнуло, а врезалось в завал, тяжесть которого он ощущал на себе, на спине Диглатора; двигатели были уже не под ним, а за ним — на холостом ходу, поскольку из-за перегрузки автоматически отключились муфты

сцепления. На черном, как сажа, фоне окна рдели все указатели. Постепенно они поблекли, стали зеленоватыми, но те, что были слева, гасли один за другим, как остывающие угольки. Левая сторона машины была парализована: движения левой руки и ноги Ангуса не давали никакого эффекта. Светился лишь контур другой, симметричной половины большехода. Судорожно вдохнув воздух, он ощутил запах горячего масла: так и есть. Можно ли хотя бы ползти в наполовину парализованном Диглаторе? Он попробовал. Турбины послушно запели в унисон, но предупредительные сигналы блеснули пурпуром. Обвал швырнул машину бак-бортом вперед, и тот принял на себя всю тяжесть удара. Глубоко дыша, двигаясь очень медленно, он вслепую включил внутреннее освещение, потом — аварийный интроскоп большехода, показывающий состояние конечностей и всего туловища, за исключением двигателей. Обрисованное холодными линиями изображение появилось сразу. Стальные ноги сцепились, вернее, переплелись; левый коленный сустав лопнул. Левая ступня зашла за правую, но и той он не мог пошевеливать. Там, очевидно, сцепились выступающие элементы конструкции, а остальное довершило давление обвала. Раздражающий запах перегретой жидкости из гидравлики жег ноздри. Еще раз он попробовал сдвинуться с места, переключив сеть маслопроводов на другой, куда менее мощный аварийный контур. Тщетно. Что-то теплое, склизкое мягко обтекало его ступни, голени, бедра — лежа на стекле, он в белом свете лампочки над головой увидел втекающее в кабину масло. Оставался единственный выход. Он расстегнул молнию, вылез из электронной оболочки, голый, присев на корточки, открыл стенной шкаф, очутившийся теперь на потолке, и охнул, когда на него вывалился скафандр, ударив в грудь кислородными баллонами, а за скафандром в лужу масла упал белый шар шлема. Без колебаний, голый, в спокойном искусственном свете, он влез в скафандр, вытер основание шлема, потому что и оно уже было в масле, надел его, застегнулся и на четвереньках полез через колодец, теперь горизонтальный, к люку на бедре.

Ни рабочего, ни аварийного люка открыть не удалось. Никто не знает, сколько времени он провел потом в кабине, в какую минуту снял шлем и, лежа на залитом маслом стек-

ле, поднял руку к красному огоньку, чтобы разбить пластиковый колпачок и изо всех сил вогнать в глубь будущего кнопку витрификатора. Никто не может знать и того, что он думал и чувствовал, готовясь к ледяной смерти.

СОВЕТ

Доктор Герберт сидел у открытого настежь окна и, удобно вытянувшись, прикрыв ноги пушистым пледом, рассматривал пачку запрессованных в пластик гистограмм. Хотя день был в разгаре, в комнате стоял полумрак. Его усиливал темный, словно закопченный, потолок, на котором перекрещивались грубые, с каплями смолы балки. Пол был дощатый, стены — из толстых бревен. В окнах виднелись поросшие лесом склоны Ловца Туч, а вдали — массив Кракателька и отвесный обрыв самой высокой вершины, похожей на буйвола с обломанным рогом, которую индейцы столетия назад называли Камнем, Взятым в Небо. Над серой от валунов долиной поднимались отлогие склоны, в тени поблескивавшие льдом. За северным перевалом виднелись синееющие равнины. Там, вдали, поднималась в небо тонкая струйка дыма — знак действующего вулкана. Доктор Герберт сравнивал снимки, делая на некоторых пометки. До него не долетало ни малейшего шороха. Пламя свечей стояло неподвижно в прохладном воздухе. Их свет карикатурно вытягивал очертания мебели, вытесанной на древнеиндейский манер. Огромное кресло в виде человеческой челюсти отбрасывало на потолок чудовищную тень ощеренных подлокотников, заканчивающихся торчащими клыками. Над камином скалились безглазые деревянные маски, а ножкой столика, стоявшего неподалеку от Герберта, служила свернувшаяся змея, голова которой лежала на ковре, поблескивая глазами. В них красноватым светом переливались полудрагоценные камни.

Издалека послышался звук колокольчика. Герберт отложил снимки и встал. Комната мгновенно преобразилась, превратившись в просторную столовую. Посредине стоял стол без скатерти. На темной поверхности сияло серебро и нефритовая зелень приборов. В открытую дверь вкатилась коляска, какими обычно пользуются паралитики. В ней по-

коился толстый человек с мясистым лицом и маленьким носом, тонушим в щеках. Толстяк был одет в просторную кожаную куртку. Он вежливо поклонился Герберту, сидевшему за столом. Тут же появилась худая как палка дама, черные ее волосы разделяла надвое седая прядь. Напротив Герберта уселся невысокий господин с апоплексическим лицом. Когда слуга в вишневой ливрее подавал первое, вошел опоздавший — седой мужчина с раздвоенным подбородком. Остановившись между буфетами, у массивного облицованного камнем камина, он согрел над огнем руки, прежде чем сесть на место, указанное парализованным хозяином.

— Ваш брат еще не вернулся с экскурсии? — спросила худая женщина.

— Торчит, вероятно, на Зубе Мацумака и смотрит в нашу сторону, — ответил опоздавший, подвинув свое кресло к столу.

Он ел быстро, с аппетитом. Если не считать этого обмена репликами, обед прошел в молчании. Когда слуга налил последнюю чашечку кофе, аромат которого смешивался со сладковатым запахом сигар, вновь прозвучал голос худой женщины:

— Вантенед, сегодня вы должны рассказать нам продолжение этой истории про Око Мацумака.

— Да, да, — отозвались все.

Мондиан Вантенед несколько надменно сплел пальцы на толстом животе. Обвел взглядом присутствующих, как бы замыкая круг слушателей. В камине треснуло догорающее полено. Кто-то отложил вилку. Звякнула ложечка, и настала тишина.

— Так на чем я остановился?

— На том, как дон Эстебан и дон Гильельмо, узнав легенду о Кратапульку, отправились в горы, чтобы проникнуть в Долину Семи Красных Озер.

— За все время пути, — начал Мондиан, устраиваясь поудобнее в своей коляске, — оба испанца не встретили ни зверя, ни человека, только иногда слышался клекот орлов, да изредка вверху пролетал коршун. С трудом удалось им забраться на откосы Мертвой Руки. Оттуда их взорам открылся высокий хребет, напоминавший туловище коня, вставшего на дыбы, с задранной в небо бесформенной мордой. Гребень хребта, острый, как лошадиная шея, окутывал туман. Тогда

дону Эстебану вспомнились странные слова старого индейца из долины: «Берегитесь гривы Черного Коня». Они посоветовались, стоит ли идти дальше; у донна Гильельмо, как вы помните, на предплечье была вытатуирована схема горной цепи. Запасы еды подходили к концу, хотя был всего шестой день пути. Они подкрепились остатками солонины, жесткой, как канат, и утолили жажду у родника, вытекавшего из-под Срубленной Головы. Но никак не могли сориентироваться, ибо вытатуированная карта оказалась неточной. Перед заходом солнца начал, как прилив на море, подниматься туман. Они полезли вверх, на хребет Коня, но, хотя шли так быстро, что дышали, как загнанные звери, и кровь стучала в висках, туман оказался быстрее и настиг их на самой шее Коня. Там, где их накрыла белая пелена, ребро сужалось до толщины рукоятки мачете. Идти было нельзя, и они сели на ребро верхом, как на коня, и так продвигались, окруженные со всех сторон влажной белой мглой, пока не стемнело. Когда силы их иссякли, грань кончилась. Они не знали, что перед ними — обрыв пропасти или тот спуск в Долину Семи Красных Озер, о котором рассказывал старый индеец. Всю ночь просидели они, спина к спине, согревая друг друга и сопротивляясь ночному ветру, который свистел на ребре, как нож на точиле. Задремлешь — свалишься в пропасть, и семь часов они не смыкали глаз. Потом взошло солнце и растопило туман. Они увидели, что под ногами у них скальные стены. Впереди зияла восьмифутовая расщелина. Туман рвался в ключья о шею Коня. Вдалеке они видели черную Голову Мацумака и поднимающиеся вверх столбы красного дыма вперемешку с белыми облаками. Обдирая в кровь руки, они спустились по узкому ущелью и добрались до Долины Семи Красных Озер. Здесь, однако, силы оставили Гильельмо. Дон Эстебан, ведя товарища за руку, полез на скальный уступ, нависавший над пропастью. Они шли так, пока не набрали на осыпь, где смогли передохнуть. Солнце поднялось высоко, и Голова Мацумака принялась плевать в них глыбами, отскакивавшими от скальных навесов. Спасаясь, они побежали вниз. Когда голова Коня в вышине над ними стала казаться не больше детского кулачка, они увидели Красный Родник в облаке рыжей пены. Тогда дон Эстебан достал из-за пазухи связку ремешков цвета дерева аканта с бахромой из шнурочков, выкрашенных красным и завязан-

ных множеством узелков. Он долго перебирал их, читая индейские письма, пока не нашел нужную дорогу.

Перед ними расстилалась Долина Молчания. Они шли по огромным камням, между которыми зияли бездонные провалы.

— Мы уже близко? — произнес Гильельмо шепотом — пересохшие голосовые связки не давали ему говорить громко.

Дон Эстебан дал ему знак молчать. В какой-то момент Гильельмо споткнулся и столкнул камень, за которым посыпались другие. Отвечая на шум, вертикальные стены Долины Молчания задымились, покрылись серебристой мглой, и тысячи известняковых палиц рухнули вниз. Дон Эстебан, который как раз поравнялся со скальной нишей, втянул приятеля под навес; смертоносная лавина докатилась до них и бурей пролетела дальше. Через минуту все стихло. Дона Гильельмо ранило в голову осколком камня. Дон Эстебан содрал с себя рубашку, разорвал на полосы и перевязал ему лоб. Наконец, когда долина сузилась так, что полоска неба над их головами была не шире реки, они увидели поток, струившийся по камням без малейшего звука. Вода его, сверкавшая, как бриллиант, уходила в узкий желоб. Им пришлось по колено войти в ледяную быструю воду. Течение сбивало с ног. Вскоре, однако, поток свернул в сторону, и они оказались на сухом желтом песке перед пещерой со множеством отверстий в глубине. Дон Гильельмо без сил опустился на песок и тут заметил его странный блеск. Горсть песка, которую он взял, чтобы рассмотреть, была необычайно тяжелой. Он поднял руку ко рту и попробовал песок на вкус. И понял, что это золото. Дон Эстебан вспомнил слова индейца и оглядел грот. В одном углу горело отвесное, застывшее, совершенно неподвижное пламя. Это была отполированная водой кристаллическая глыба; над ней в скале зияло небо. Он подошел к прозрачной глыбе и заглянул в ее глубину. По форме она была похожа на огромный вогнутый в землю гроб. Сначала он разглядел в глубине лишь мириады подвижных огоньков, ошеломляющее кружение серебра. Потом ему показалось, что все вокруг стало темнеть, и он увидел огромные раздвигающиеся берестяные пластины. Когда они исчезли, он заметил, что из самого центра ледяной глыбы на него кто-то смотрит. Это был медный лик,

изборожденный резкими морщинами, с узкими, как лезвие ножа, глазами. Чем дальше дон Эстебан смотрел, тем заметнее становилась злобная улыбка видения. С проклятьем он ударил стилетом, но оружие бессильно скользнуло по камню. В тот же миг медное лицо, искривленное усмешкой, исчезло. Поскольку у дона Гильельмо начался жар, дон Эстебан не стал рассказывать ему о видении.

Они собрались идти дальше. Из грота шло множество коридоров. Они выбрали самый широкий, зажгли припасенные факелы и двинулись вперед. Вдруг в стене черной пастью открылся боковой коридор. Оттуда дул горячий, как огонь, воздух. Им пришлось преодолеть это место прыжком. Дальше коридор сужался. Какое-то время они двигались на четвереньках, добрались до такого тесного участка, что пришлось ползти. Потом лаз неожиданно расширился, и они смогли опять продвигаться на четвереньках. Когда догорал последний факел, под коленями у них захрустело. При угасающем свете еще можно было что-то разглядеть. Пол покрывали куски чистого золота. Но и этого им было мало. Увидев Уста Мацумака и его Око, они не могли не пойти к его Чреву. В какой-то момент дон Эстебан увидел нечто и шепнул об этом товарищу. Гильельмо тщетно заглядывал ему через плечо.

— Что ты видишь? — спросил он.

Догорающий факел жег Эстебану пальцы. Вдруг он выпрямился — стены раздвинулись, кругом был только мрак, в котором факел высвечивал лишь красноватый вход в другую пещеру. Гильельмо видел, как товарищ сделал несколько шагов вперед, как пламя в его руке колебалось, отбрасывая громадные тени.

Внезапно в глубине показалось огромное призрачное, висящее в воздухе лицо с опущенными глазами. Дон Эстебан закричал. Это был страшный крик, но Гильельмо разобрал слова. Товарищ его зывал к Иисусу и Божьей Матери, а люди, подобные Эстебану, произносят такие слова только перед лицом смерти. Услышав крик, Гильельмо закрыл глаза руками. Потом раздался грохот, дохнуло жаром, и он упал без чувств.

Мондиан Вантенедра откинулся в кресле и молча смотрел куда-то вверх голов слушателей. Темный его силуэт рисовался на фоне окна, лилового в сгущавшихся сумерках, пересеченного зубчатой линией гор.

— В верхнем течении Аракериты индейцы, охотившиеся на оленей, выловили белого человека. К плечам его была привязана надутая воздухом буйволова шкура. Спина его была рассечена, ребра выломаны назад наподобие крыльев. Индейцы, опасаясь солдат Кортеса, пытались сжечь труп, однако через их селение проходил отряд конных гонцов Понтерона, прозванного Одноглазым. Труп отвезли в лагерь и опознали дона Гильельмо. Дон Эстебан не вернулся никогда.

— Как же стала известна вся история?

Голос был похож на скрип. Вошел слуга с канделябром. В подвижном пламени свеч стало видно лицо задавшего вопрос — желтое, с бескровными губами. Он любезно улыбался.

— Вначале я пересказал слова старого индейца. Он говорил, что Мацумак видит своим оком все. Возможно, он выражался несколько мистически, но в принципе был прав. Шестнадцатый век только начинался, и европейцы мало знали о возможностях усиления зрения, какие дают шлифованные стекла. Два огромных куска горного хрусталя — неизвестно, созданные ли природой или отшлифованные рукой человека, — располагались на Голове Мацумака и в пещере Чрева так, что, если смотреть в один, было видно все, что окружало другой. Это был своеобразный перископ из двух зеркальных призм, отстоящих одна от другой на тридцать километров. Индеец был на вершине Головы, и он видел обоих святотатцев, входивших в Чрево Мацумака. А возможно, не только видел, но и мог принести им гибель.

Мондиан взмахнул рукой. На стол, в круг оранжевого света, упала связка ремней, скрепленных с одного конца узлом. Они были покрыты трещинами, краска с них облезла. Ремни при падении шелестели, такой сухой была кожа.

— Значит, — закончил Вантенедра, — был кто-то, следивший за этим походом и оставивший его описание.

— Стало быть, вы знаете путь к золотым пещерам?

Улыбка Мондиана делалась все безразличнее, как будто он вместе с гаснущими за окном вершинами уплывал в холодную, безмолвную горную ночь.

— Этот дом стоит как раз у входа в Уста Мацумака. Когда там произносилось слово, Долина Молчания повторяла его мощным грохотом. Это был природный каменный рупор — в тысячи раз сильнее электрических.

— Как это?

— Столетия назад в зеркальную плиту попала молния, переплавив ее в кучку кварца. На Долину Молчания, собственно, и выходят наши окна. Дон Эстебан и дон Гильельмо явились со стороны Врат Ветров, но теперь Красные Родники давно уже иссякли, а голос не может вызвать лавину; очевидно, долина была резонатором и какие-то звуковые колебания расшатали основания известняковых пиков. Пещеру завалило подземным взрывом. Там был висячий камень, как клин отделявший одну от другой две скальные стены. Содрясение вытолкнуло его, и скалы сомкнулись навсегда. Что случилось позже, когда испанцы пытались одолеть перешеек, кто обрушил каменную лавину на пехотинцев Кортеса — неизвестно. Думаю, этого никто никогда не узнает.

— Ну-ну, дорогой Вантенед, скалы можно взорвать, пробурить, воду из подземелья откачать, правда? — сказал толстый приземистый господин, сидевший на углу стола. Он курил тонкую сигару.

— Вы думаете? — Мондиан не скрывал иронии. — Нет такой силы, которая отверзла бы Уста Мацумака, если он этого не желает, — сказал он, резко отодвигаясь от стола.

Воздух всколыхнулся и загасил две свечи. Остальные горели голубоватым пламенем, хлопья сажи вспархивали над ними, как мотыльки. Мондиан просунул между склонившимися над столом лицами свою волосатую руку, схватил со стола связку ремешков и с такой силой развернулся на месте, что взвизгнула резина колес. Присутствующие встали и начали выходить. Доктор Герберт сидел на месте, не отрывая взгляда от подвижного пламени свечи. Из открытого окна сквозило. Он вздрогнул от пробирающего холода и взглянул на слугу — тот внес и положил у решетки камина, обожженной до синевы, тяжелую охапку дров, сноровисто разгреб угли и сооружал над ними хитроумный шатер, когда кто-то открыл другую дверь и дотронулся до косяка. Комната снова мгновенно преобразилась. Камин, сложенный из грубых камней, слуга, стоящий у огня, стулья с резными спинками, канделябры, свечи, окна и ночные горы за ними исчезли в ровном матовом свете, исчез накрытый широкий стол, и в небольшой белой комнате под куполообразным гладким потолком остался только Герберт, сидящий на стуле

перед сохранившимся квадратом стола и тарелкой с недо-
еденным куском мяса на ней.

— Развлекаешься? Сейчас? Старыми небылицами? —
спросил вошедший.

Выключив зрелище, он теперь не без труда избавлялся от
раздутой прозрачной пленки, покрывавшей его мохнатый,
застегнутый до горла комбинезон. Наконец он разорвал
пленку, не сумев высвободить из нее ноги в блестящих, как
металл, башмаках, смял, отбросил и провел большим паль-
цем по груди, отчего комбинезон широко распахнулся. Он
был моложе Герберта, ниже ростом, с открытой мощной
шеей над вырезом рубахи.

— Сейчас только час. Мы уговорились на два, а гисто-
граммы я и так знаю наизусть. — Герберт, чуть смутившись,
повертел в руках пачку.

Вошедший растегнул толстые голенища сапог, не спеша
подошел к металлическому выступу, тянущемуся вдоль стен,
и быстро, как карточный фокусник, вызвал в обратном по-
рядке один за другим эпизоды застолья, равнину, окружен-
ную отвесными плитами известняков, белеющими в лунном
свете, как жуткий скелет летучей мыши, джунгли, полные
разноцветных бабочек, порхающих среди лиан, наконец,
песчаную пустыню с высокими термитниками. Видения появ-
лялись мгновенно, окружали людей и пропадали, сменя-
ясь следующими. Герберт терпеливо ждал, пока его коллеге
не надоест это мелькание. Он сидел в мерцающей игре света
и красок, держа пачку гистограмм, и был уже далек мыслями
от зрелища, которым, быть может, хотел заглушить беспок-
ойство.

— Что-то изменилось? — спросил он наконец. — Да?

Его младший коллега вернул комнате аскетический вид,
лицо его посерьезнело, и он не совсем внятно пробормотал:

— Нет. Ничего не изменилось. Но Араго просил, чтобы
мы зашли к нему перед советом.

Герберт заморгал — видно было, что новость неприятна
ему.

— И что ты ответил?

— Пообещал прийти. Что ты так смотришь? Не нравится
тебе этот визит?

— Я не в восторге. Отказать ему было нельзя. Это ясно.

Но и без теологических примесей задача у нас отвратительная. Чего он от нас хочет? Он сказал что-нибудь?

— Ничего. Это не только порядочный, но и умный человек. И деликатный.

— Вот он деликатно и даст нам понять, что мы каннибалы.

— Чепуха. Мы же не на суд идем. Мы взяли их на борт, чтобы оживить. Он это тоже хорошо знает.

— И про кровь?

— Понятия не имею. Разве это так страшно? Переливание крови делают уже двести лет.

— На его взгляд, это будет не переливание крови, а по меньшей мере осквернение трупов. Ограбление мертвецов.

— Которым ничто иное не поможет. Трансплантация стара как мир. Религия — я не специалист... Во всяком случае, его церковь этому не противилась. И вообще, что у тебя за угрызения совести из-за священника? Командир и большинство совета согласятся. У Араго нет даже права голоса. Он летит с нами как ватиканский или апостольский наблюдатель. Как пассажир и зритель.

— Вроде бы так, Виктор. Но гистогаммы оказались роковой неожиданностью. Не следовало брать эти трупы на «Эвридику». Я был против. Почему их не отправили на Землю?

— Ты сам знаешь — так получилось. Кроме того, я считаю, что если наш полет кому-то нужен, то в первую очередь им.

— Много ли им с этого пользы, если в лучшем случае удастся реанимировать одного за счет остальных?

Виктор Терна удивленно смотрел на него.

— Что с тобой стряслось? Опомнись. Разве это наша вина? На Титане не было возможности поставить диагноз. Разве не так? Отвечай. Я хочу знать, с кем я на деле пойду к этому доминиканцу. Ты вернулся к вере праотцов? Видишь в том, что мы должны сделать — к чему мы должны стремиться, — что-то дурное? Грех?

Герберт сдержал приступ раздражения:

— Ты прекрасно знаешь, что я буду стремиться к тому же, что ты и главный врач, и знаешь мое мнение. Не в воскрешении зло. Зло в том, что из двоих годных для реанимации удастся оживить лишь одного и что никто не сделает выбора за нас... Одна маета. Пошли. Хочется, чтобы все скорее кончилось.

— Мне надо переодеться. Подождешь?

— Нет. Пойду один. Приходи туда, к нему. Это на какой палубе?

— На третьей, в средней секции. Я приду через пять минут.

Они вышли вместе, но сели в разные лифты. Овальная серебристая кабина помчала Герберта, едва он тронул нужные цифры. Яйцеобразное устройство мягко затормозило, вогнутая стена раскрылась спиралью, как диафрагма в фотоаппарате. Напротив, залитые светом невидимого источника, тянулись двери с высокими порогами, как на старых кораблях. Он нашел дверь с номером 84, с маленькой табличкой: «Р.П. Араго, МА., ДП. ДА». Прежде чем он сумел решить, что означают буквы «ДА» — «Делегат Апостольский» или «Doctor Angelicus» — мысль эта была так же неумна, как и неуместна, — двери раскрылись. Он вошел в просторную каюту, сплошь заставленную книгами на застекленных полках. На стенах, друг напротив друга, висели картины в светлых рамах от потолка до пола. Справа — «Древо познания» Кранаха с Адамом, змием и Евой, слева — «Искушение святого Антония» Босха. Не успел он как следует приглядеться к существам, плывущим по небу «Искушения», как Кранах исчез за книжными полками, открылся проход, вошел Араго в белой сутане, и, прежде чем картина вернулась на свое место, врач заметил позади доминиканца черный крест на белом фоне. Они обменялись рукопожатием и сели за низкий столик, хаотически заваленный бумагами, вырезками и множеством раскрытых томов, из которых торчали разноцветные закладки. Лицо у Араго было худощавое, смуглое, серые пронизательные глаза смотрели из-под светлых бровей. Сутана казалась слишком просторной для него. Тонкие руки пианиста держали обычный деревянный метр. Герберт от нечего делать рассматривал корешки старинных книг. Ему не хотелось начинать разговор. Он ждал вопросов, но они не были заданы.

— Доктор Герберт, по знаниям я вам не ровня. Но все же могу разговаривать с вами на языке Эскулапа. Я был психиатром до того, как стал носить это одеяние. Главный врач дал мне возможность ознакомиться с данными... этой операции. Их смысл коварен. Из-за несовместимости групп

крови и тканей. В расчет входят два человека, но пробудиться может лишь один.

— Или никто, — вырвалось у Герберта почти непроизвольно. Скорее всего, потому, что монах избежал соответствующего термина: воскресение из мертвых. Доминиканец понял мгновенно:

— *Distinguo**. То, что имеет значение для меня, для вас, наверное, не важно. Диспут на эсхатологическом уровне беспредметен. Другой бы на моем месте стал говорить, что человек истинно мертв, когда тело его в состоянии разложения. Когда в нем произошли необратимые изменения. И что таких покойников на корабле семь. Я знаю, что их останки придется потревожить, и понимаю эту необходимость, хотя и не имею права ее одобрить. От вас, доктор, и от вашего друга, который сейчас здесь появится, я хочу получить ответ на один вопрос. Вы можете и отказаться отвечать.

— Я вас слушаю, — сказал Герберт, чувствуя, что напрягается.

— Вы наверняка догадались. Речь идет о критериях выбора.

— Терна скажет вам то же, что и я. Мы не располагаем никакими объективными критериями. И вы, ознакомившись с данными, тоже это знаете, отец Араго.

— Я знаю. Оценка шансов выше человеческих сил. Медикомы, произведя миллиарды расчетов, оценили шансы двух из девяти как девятюсто девять процентов в границах доверительного интервала погрешности. Объективных критериев нет, только поэтому я осмелился спрашивать о ваших.

— Перед нами две задачи, — с некоторым облегчением ответил Герберт. — Врачи, включая главного, будут просить у командира определенных изменений в режиме полета. Вы ведь наверняка будете на нашей стороне?

— Я не могу участвовать в голосовании.

— Верно. Но ваша позиция может оказать влияние...

— На результат этого совета? Он уже предreshен. Я не допускаю мысли о какой бы то ни было оппозиции. Большинство выскажется «за». А у командира есть право принять окончательное решение, и меня бы удивило, если бы врачи его уже не знали.

---

*Здесь: безусловно (*лат.*).

— Мы будем добиваться больших изменений, чем предполагалось. Девяноста девяти процентов для нас недостаточно. Имеет значение каждый следующий знак за запятой. Энергетические затраты с учетом задержки экспедиции будут огромны.

— Это новость для меня. А... другая задача?

— Выбор трупа. Мы совершенно беспомощны, поскольку из-за безобразного недосмотра, который радисты называют более изысканно — перегрузкой каналов связи, мы не можем установить ни имен, ни профессий, ни биографии этих людей. На деле произошло худшее, чем небрежность. Мы взяли на борт эти контейнеры, не зная, что память старых устройств этой шахты, Грааля, и вычислительных машин в Рембдене по большей части уничтожена в ходе демонтажа. Люди, ответственные за судьбу тех, кого командир с нашего согласия взял на корабль, заявили, что данные можно будет получить с Земли. Неизвестно только кто, когда, кому дал такое поручение, — известно, что все, можно сказать, умыли руки.

— Так случается, когда полномочия многих людей взаимно перекрываются. Но это не может служить ни для кого оправданием...

Монах сделал паузу, посмотрел Герберту в глаза и тихо спросил:

— Вы были против того, чтобы взять жертвы на корабль?

Герберт нехотя кивнул:

— В суматохе перед стартом одиночный голос, к тому же врача, а не опытного астронавта, не мог иметь веса. Если я был против, испытывая некоторые опасения, сейчас мне от этого не легче.

— Ну и как же? На что вы решитесь? Бросать жребий?

Герберт нахмурился:

— Выбор после совета не будет зависеть ни от кого, кроме нас, если все наши требования будут выполнены в чисто техническом отношении. Навигационном. Мы проведем новый осмотр и переберем до последней пылинки содержимое витрификаторов.

— Какое влияние на выбор реанимируемого может иметь его идентификация?

— Возможно, никакого. Во всяком случае, это не будет

чертой или качеством, существенным в медицинском отношении.

— Эти люди, — монах взвешивал слова, говорил медленно, как бы приближаясь к кромке льда, — погибли при трагических обстоятельствах. Одни — выполняя обычную работу в шахтах или на предприятии, другие — идя им на помощь. Вы допускаете такую дифференциацию — если она удастся — как критерий?

— Нет.

Ответ был немедленный и категоричный. Раздвинулась стена книг, вошел Терна и извинился за опоздание. Монах поднялся. Герберт тоже встал.

— Я узнал все, что было возможно, — сказал Араго. Ростом он был выше обоих врачей. За его спиной Ева обращалась к Адаму, змий полз по райскому дереву. — Благодарю вас. Я убедился в том, что должен был знать и так. Наши дела подобны. Мы не судим никого по заслугам или грехам, как и вы спасаете не по этим меркам. Я не удерживаю вас: вам пора. Увидимся на совете.

Они вышли. Герберт в нескольких словах пересказал Терне разговор с апостольским наблюдателем. На идеально круглом пересечении коридоров они вошли в матово-серебряный яйцеобразный лифт; нужная шахта открылась и поглотила его с протяжным вздохом. В круглых окошках замигали огни несущихся мимо палуб. Врачи молча сидели друг напротив друга. Оба, неизвестно почему, чувствовали себя задетыми сентенцией, которой монах заключил беседу. Но это впечатление было настолько неопределенным, что не стоило анализировать его перед тем, что их ожидало.

Зал совещаний помещался в пятом отсеке «Эвридики». Корабль, если наблюдать его в полете издалека, напоминал длинную белую гусеницу с округлыми выпуклыми сегментами — крылатую гусеницу, так как из ее боков торчали консоли, заканчивающиеся корпусами гидротурбин. Плоскую голову «Эвридики» наподобие усиков или щупалец окружали шипы множества антенн. Шарообразные отсеки соединялись короткими цилиндрами тридцати метров в диаметре, и все это скреплял двойной внутренний киль, принимавший на себя нагрузки при торможении, разгоне и маневрах. Дви-

гатели, называемые гидротурбинами, на самом деле были термоядерными реакторами прямого типа; топливом для них был водород высокого вакуума.

Эта тяга оказалась даже лучше фотонной. Отдача ядерного топлива при околосветовых скоростях падает, так как львиную долю кинетической энергии уносит с собой пламя выброса, бесполезно бьющее в пустоту, и лишь малая часть высвобожденной энергии передается ракете. Фотонная, то есть световая, тяга требует загрузки корабля миллионами тонн материи и антиматерии в качестве аннигиляционного топлива. А струйно-прямоточные двигатели используют в качестве топлива межзвездный водород. Однако его вездесущие атомы так редки в галактическом вакууме, что эффективная работа двигателей этого типа возможна лишь при скорости выше 30 000 километров в секунду. Полной же мощности они достигают при приближении к световой скорости. Таким образом, корабль с подобной тягой не может стартовать с планеты сам, он слишком массивен, и его приходится разгонять до момента, когда атомы начнут поступать во входные отверстия реакторов в концентрации, достаточной для воспламенения. Только тогда глубочайший космический вакуум вталкивает в его зияющие, открытые в пустоту заборщики столько водорода, чтобы в огневых камерах могли разгореться искусственные солнечные протуберанцы; коэффициент полезного действия растет, и корабль, не стягощенный собственными запасами топлива, может лететь с постоянным ускорением. После почти года ускорения, соответствующего земному притяжению, достигается девяносто девять процентов скорости света, и за минуты, пробегающие на борту корабля, на Земле проходят десятки лет.

«Эвридику» строили на околотитановой орбите, так как Титан должен был служить ей стартовой площадкой. Миллионы тонн массы луны были превращены термоядерными реакторами в энергию для лазерных пусковых установок, чтобы они ударили столбами когерентного света в гигантскую корму «Эвридики» — как пороховые газы в пушечном стволе бьют в дно снаряда. Но прежде пришлось астроинженерными работами освободить луну от ее густой атмосферы, построить радиохимические предприятия и термоядерные силовые установки на континентальной плите у экватора, предварительно растопив ее горы тепловыми ударами, нанесенными со спут-

ников одноразового употребления. Их залпы превратили огромный массив горных пород в лаву, а баллистические криобомбы помогли царящему здесь холоду сковать расплавленное докрасна море, превратить его в равнину искусственного Mare Nectaris. На двенадцати тысячах квадратных миль его равнины вырос лес лазерных излучателей, поистине Геркулес этой экспедиции. В решающий день и час он открыл огонь, чтобы столкнуть «Эвридику» с ее стационарной орбиты. Постоянно удлиняющийся столб когерентного света бил в кормовые отражатели корабля, выводя его за пределы Солнечной системы. По мере того как разгоняющий луч ослабевал, корабль включал собственные бустеры, сбрасывая одну за другой их использованные батареи — уже за Плутоном. Только там запели его открытые в вакуум гидродвигатели.

Поскольку они должны были работать все время пути, корабль мог набирать скорость равномерно, благодаря чему на нем действовало тяготение, равное земному. Оно было направлено по продольной оси, и только по ней. Поэтому каждый шарообразный отсек «Эвридики» был автономен. Палубы шли в нем поперек корпуса, от борта до борта; идти вверх означало приближаться к носу, а вниз — к корме. Когда корабль тормозил или менял курс, ось тяги отклонялась от оси шаровидных отсеков. Из-за этого потолки могли превратиться в стены; во всяком случае, палубы могли встать дыбом. Чтобы избежать этого, каждый сегмент корпуса заключал в себе шар, способный вращаться в броневои оболочке, как в подшипнике качения. Гиростаты следили за тем, чтобы на все палубы жилых шаров — их было восемь — сила отдачи всегда воздействовала отвесно. Во время маневров палубы отсеков отклонялись от главной килевой оси корабля. Чтобы и в этом случае можно было переходить из одного отсека в другой, открывалась система дополнительных шлюзов, их называли улитками. Тот, кто ехал по этим туннелям, замечал отсутствие или изменение тяготения, лишь когда лифт проходил межсегментные отрезки корпуса.

Когда настало время первого после старта общего совета, «Эвридику» оставался еще почти год полета с постоянным ускорением и ничто не нарушало установленного тяготения.

Для собраний всего экипажа служил пятый сегмент, называемый парламентом. Под куполообразным потолком

располагался невысокий амфитеатр с четырьмя рядами скамей, разделенных на равном расстоянии наклонными проходами. У единственной прямой стены стоял длинный стол — вернее, блок из пультов с мониторами. За ним, лицом к присутствующим, занимали места навигаторы и подчиненные им специалисты.

Особенности экспедиции определили своеобразный состав руководства. Полетом командовал Бар Хораб, энергетикой распоряжался Каргнер, связью — радиофизик Де Витт, а во главе всех ученых, и необходимых во время полета, и тех, которые должны были включиться в деятельность экспедиции только у цели, стоял полистор Номура.

Когда Герберт и Терна вошли в амфитеатр, совет уже начался. Бар Хораб зачитывал собравшимся требования врачей. Никто не обратил внимания на вошедших, только главный врач Хрус, сидевший между командиром и распорядителем мощности, нахмурился в знак недовольства. Они опоздали ненамного. В тишине со всех сторон звучал ровный голос Бар Хораба:

— ...Требуют уменьшения тяготения до одной десятой. Они считают это необходимым для оживления тела, хранящегося в холодильной камере. Это означает уменьшение тяги до нижнего предела. Я могу это сделать. Тем самым вся программа полета, все заготовленные расчеты будут перечеркнуты. Можно составить новую программу. Прежнюю разрабатывали на Земле пять не связанных между собой групп расчетчиков, чтобы исключить возможность ошибок. На это нас не хватит. Новую программу создадут две наши группы; таким образом, она окажется менее надежной, чем предыдущая. Риск небольшой, но реальный. Итак, я спрашиваю вас: ставить на голосование требование врачей без дискуссии или задать им вопросы?

Большинство высказалось за дискуссию. Хрус не стал отвечать сам, а дал слово Герберту.

— В словах командира кроется некий упрек, — сказал Герберт, не поднимаясь со своего места в верхнем ряду скамей. — Он адресован тем, кто передал нам тела, найденные на Титане, не поинтересовавшись их состоянием. По этому вопросу можно было бы провести следствие и найти виновных. Но есть виновные среди нас или нет, не меняет поло-

жения. В нашу задачу входит полное восстановление человека, сохранившегося немногим лучше, чем мумия фараона. Здесь я должен коснуться истории медицины. Попытки витрификации восходят к двадцатому веку. Богатые старики завещали хоронить себя в жидком азоте, надеясь когда-нибудь оказаться воскрешенными. Это была бессмысленная затея. Замороженный труп разморозить можно, но только затем, чтобы он сгнил. Потом научились замораживать кусочки тканей, яйцеклетки, сперму и простейшие микроорганизмы. Чем больше тело, тем труднее витрификация. Она означает мгновенное превращение всей жидкости организма в лед, минуя фазу кристаллизации, поскольку кристаллики необратимо нарушают тончайшую клеточную структуру. Витрификация же представляет собой оледенение тела и мозга в долю секунды. Молниеносно разогреть любой объект до высокой температуры легко. Гораздо труднее охладить его с той же скоростью до нуля по Кельвину. Колоколообразные витрификаторы, в которых были найдены пострадавшие на Титане, весьма примитивны и действовали грубо. Принимая на борт контейнеры, мы не были знакомы с их устройством. Поэтому состояние тел оказалось такой неожиданностью.

— Для кого и почему? — спросил кто-то из первого ряда.

— Для меня как психоника, для Терны, терапевта по специальности, и, разумеется, для нашего главного. Почему? Мы получили контейнеры без какой-либо спецификации и без схем витрификаторов прошлого века. Мы понятия не имели, что некоторые колокола с замороженными людьми были частично расплющены ледником и что их заложили в резервуары-термосы с жидким гелием, чтобы перевезти на челноке на наш корабль. Четыреста часов после старта, пока нас разгонял «Геркулес», на корабле была двойная гравитация, и лишь после этого мы смогли приступить к осмотру контейнеров.

— Это было три месяца назад, коллега Герберт, — отзывался тот же голос из нижних рядов.

— Да. За это время мы установили, что наверняка не сумеем оживить всех. Трех пришлось исключить сразу, потому что у них раздавлен мозг. Из остальных мы можем оживить только одного, хотя в принципе для реанимации подходят двое. Дело в том, что у всех этих людей в сосудистой системе была кровь.

— Настоящая кровь? — спросил кто-то из другого места зала.

— Да. Эритроциты, плазма и так далее. Данные о крови содержатся в голотеках, но мы не в состоянии были делать переливание крови: ее у нас не было; поэтому мы стали размножать эритробласты, взятые из костного мозга. Кровь теперь есть. Однако обнаружилась несовместимость тканей. Для реанимации годны два мозга. Но жизненно важных органов хватит лишь для одного человека. Из этих двух можно сложить одного. Ужасно, но это так.

— Мозг можно воскресить и без тела, — сказал кто-то в зале.

— Мы не собираемся этого делать, — ответил Герберт. — Мы здесь не затем, чтобы производить чудовищные эксперименты. При теперешнем состоянии медицины они неизбежно будут чудовищны. Но дело не в констатациях, а в полномочиях. Мы вмешиваемся в вопросы навигации как врачи, а не как астронавты. Никто посторонний не может диктовать нам, как поступить. Поэтому я не буду говорить об операции подробно. Необходимо очистить скелет от извести и металлизировать его. Убрать при помощи гелия избыток азота из тканей, использовать для восстановления одного тела остальные. Это наша забота. Я должен лишь объяснить, на чем основано наше требование. Нам нужно максимальное снижение гравитации во время реанимации мозга. Лучше всего была бы полная невесомость. Но мы знаем, что ее нельзя получить без остановки двигателей, что совершенно нарушило бы программу полета.

— Не стоит тратить время на эти соображения, коллега. — Главный врач не скрывал нетерпения. — Командир и собравшиеся хотят знать, чем объяснить это требование.

Он сказал не «наше требование», а «это». Герберт, делая вид, что не заметил оговорки, но убежденный, что она не была случайной, спокойно ответил:

— Нейроны человеческого мозга обычно не делятся. Они не размножаются, поскольку они есть материя человеческой индивидуальности, то есть памяти, и иных черт, обычно называемых характером, душой и так далее. В мозгу людей, витрифицированных на Титане таким примитивным способом, часть клеток утрачена. Мы сможем заставить делиться

соседние нейроны, чтобы они, размножаясь, заполняли пробелы, но тем самым лишим индивидуальности размножившиеся нейроны. Чтобы спасти человеческую индивидуальность, нужно, чтобы делилось как можно меньше нейронов, так как производные нейроны пусты и новы, как у младенца. Даже при нулевом тяготении нет уверенности, что воскресенный в какой-то степени не подвергнется амнезии: некоторая часть памяти необратимо погибает при витрификации даже в самых совершенных криостатах, поскольку тонкие соединения синапсов получают повреждения на молекулярном уровне. Поэтому мы не можем ручаться, что воскресший будет в точности тем человеком, каким был сто лет назад. Мы утверждаем только, что чем слабее будет тяготение во время реанимации мозга, тем больше шансов на сохранение индивидуальности. У меня все.

Бар Хораб с некоторой неприязнью поглядел на главврача, который, казалось, был полностью поглощен изучением документов.

— Считаю голосование излишним, — сказал он. — По праву командира даю распоряжение уменьшить тягу в срок, который назначат врачи, и на необходимое им время. Прошу считать совет законченным.

По залу прошло движение. Бар Хораб встал, коснулся плеча Каргнера, и оба направились к нижнему выходу из зала. Герберт и Терна чуть ли не бегом поспешили к верхней галерее, прежде чем кто-нибудь успел заговорить с ними. В коридоре они встретили доминиканца. Он не сказал ни слова, лишь кивнул и продолжал путь.

— Вот уж не ожидал от Хруса, — бросил Терна, входя вместе с Гербертом в кормовой подъемник. — Зато командир — о! — это человек на своем месте. Я предчувствовал, что на нас набросятся коллеги смежных специальностей, прежде всего наши «психонавты». Но он как ножом отрезал...

Лифт притормаживал, огоньки проплывали мимо все медленнее.

— Велика важность — Хрус, — буркнул Герберт. — Если хочешь знать, Араго разговаривал с Хорабом прямо перед советом.

— Откуда ты знаешь?

— От Харгнера. Араго был у Хораба до разговора с нами.

— Ты думаешь, что...

— Не думаю, а знаю только, что он нам помог.

— Но как теолог.

— Я не разбираюсь в этом. А он разбирается и в теологии, и в медицине. Как он сочетает одно с другим — его дело. Пошли переодеваться, нужно все приготовить и назначить время.

Перед операцией Герберт еще раз перечитал присланный из голотеки протокол. В ходе работ тяжелые планетные машины остановились, так как их датчики обнаружили присутствие металла и укрытой в нем органической материи. Один за другим из бирнамских развалин были извлечены семь старинных большеходов с шестью телами. Два Диглатора были на расстоянии нескольких сот метров друг от друга. Один был пуст, в другом — человек в колоколе витрификатора. В этот ледник вгрызались экскаваторы восьмого поколения, по сравнению с которыми Диглатор был карликом. Руководство работ остановило гигантские автоматы и выслало на поиски остальных жертв — бирнамская впадина поглотила девятих — шагающие буровые машины с высокочувствительными биосенсорами. Никаких следов человека, покинувшего свой Диглатор, обнаружено не было. Броня большеходов прогнулась под грудами льда, но витрификаторы сохранились на удивление хорошо. Группа наблюдения собиралась немедленно выслать их на Землю для реанимации, но это значило, что замороженные тела трижды подвергнутся перегрузке: при старте челнока с Титана, при разгоне транспортной ракеты на линии Титан — Земля и при посадке на Землю. Просвечивание контейнеров показало тяжелые повреждения всех тел, в том числе переломы основания черепа, поэтому столь сложная транспортировка была признана рискованной. Тогда кому-то пришла в голову мысль передать витрификаторы на «Эвридику», которая располагала новейшей реанимационной аппаратурой, к тому же ускорение при отлете должно было быть невысоким из-за гигантской массы корабля. Оставался вопрос идентификации тел, невыполнимой до вскрытия контейнеров. Хрус, главный врач «Эвридики», принял решение — по согласованию с руководством и штабом SETI*, — что точные сведения

---

* Поиск внеземного разума.

о людях, похищенных льдами Титана, и их имена будут переданы по радио с Земли, так как все диски компьютерной памяти, изъятые ранее, лежали в архивах швейцарского центра SETI. До момента старта каналы связи были забиты, кто-то или что-то — человек или компьютер — сочли передачу этих данных не важной, и «Эвридика» покинула окололунную орбиту прежде, чем врачи узнали об отсутствии этой информации. Обращение Герберта к командиру не привело ни к чему, поскольку корабль уже набирал скорость, толкаемый лазером «Геркулеса», как снаряд. В фазе разгона Титан принимал на себя всю мощь световой отдачи, и планетологи опасались, что он может развалиться. Опасения не сбылись, но разгон шел далеко не так гладко, как ожидали авторы проекта: «Геркулес» вмял лунную кору в литосферу, резкие сейсмические волны стали раскачивать лазерные разгонные установки, и, хотя они выдержали эти землетрясения, световой столб дрожал и смещался. Пришлось уменьшать силу излучения, переждать, пока затихнут колебания, и заново наводить сфокусированные лазерные лучи на зеркальную корму корабля. Из-за этого прервалась связь, скопилась не высланная вовремя информация, и, что хуже всего, Титан, два года назад выведенный из окрестностей Сатурна и заторможенный во вращении — чтобы «Геркулес» мог разогнать «Эвридику», — сам начал вибрировать. Сотни тысяч старых термоядерных головок, вбитых в тяжелую луну, как аварийный резерв, в конце концов погасили дрожь. Это далось нелегко. В результате реаниматоры долго не могли приняться за работу, так как «Эвридика» несколько недель то ловила, то вновь теряла солнечный столб, и его попадания в корму отдавались ударами по всему кораблю.

Трудности с фокусировкой излучения, сейсмические сотрясения Титана, неполадки с несколькими батареями бустеров отсрочили операцию, а многие члены экипажа оправдывали отсрочку и тем, что шансы на возвращение найденных к жизни кажутся слабыми. С каждым днем постоянное увеличение скорости ухудшало связь с Землей, а кроме того, в первую очередь шли радиограммы, от которых зависел успех экспедиции. Наконец корабль получил с Земли имена пяти погибших, их фотоснимки и биографии, но и этого не хватало для установления личности. При витрификации проис-

ходило что-то вроде взрыва, и лицевая часть черепа разрушалась. Вторичные взрывы внутри криотейнеров сдирали с замороженных тел одежду, а ее остатки вытеснялись кислородом из лопающихся скафандров в азотные гробы и обращались в прах. Затем начались переговоры с Землей о пересылке отпечатков пальцев, зубных карт — их получили, но это только усилило путаницу. В результате старинного соперничества Грааля и Рембдена компьютерные дневники проводимых работ были в беспорядке, к тому же никто не знал, какая судьба постигла часть сохранившихся дисков памяти — были ли они уничтожены или попали в архивы за пределами Швейцарии. Человек, который мог ожить на «Эвридике», несомненно, носил одну из шести фамилий: Анзель, Навада, Пиркс, Кохлер, Парвис, Ильюма. Докторам оставалось надеяться на то, что, выйдя из реанимационной амнезии, спасенный узнает свою фамилию в списке — если сам не будет в состоянии ее вспомнить. На это рассчитывали Хрус и Терна. Герберт, психоник, сомневался. Когда время было назначено, он отправился к командиру, чтобы изложить эту проблему. Практичный, рассудительный Бар Хораб счел, что есть смысл снова обследовать содержимое витрификаторов, из которых были изъяты тела.

— Лучше всего подошли бы криминологи, судебные эксперты, — заметил он. — Но так как их у меня на борту нет, вам помогут... — Он подумал. — Лакатос и Беля. Физик — тоже вроде детектива, — добавил он с улыбкой.

Почерневший, будто закопченный, контейнер, похожий на памятный саркофаг, был доставлен на уровень главной лаборатории. Его ухватили массивными щипцами, наложили ключи на наружные запоры, и он медленно, с пронзительным скрежетом открылся. Черное нутро зияло из-под крышки гроба. Скафандр съезжился — его владелец уже несколько недель вместе с азотной глыбой, в которую он был вморожен, находился в жидком гелии. Лакатос и Беля извлекли пустой скафандр и разложили его на низком металлическом столе. Его уже осматривали, когда извлекали тело, но тогда не было найдено ничего, кроме смерзшихся обрывков ткани и запутавшихся в кабеле трубочек климатизации. Теперь покрытый инеем скафандр распорол — от кольца, к которому крепится шлем, вдоль торса, надувных штанин — и до огромных башмаков. Из

трухи извлекли перекрученные спиральные трубки и куски кислородных шлангов, старательно все обследовали: каждый обрывок рассматривали под лупой; наконец Беля, вооружившись переносной лампой, влез в цилиндрический криотейнер. Чтобы облегчить ему задачу, манипулятор разъял бронированные листы и широко растянул их. Швы, соединяющие рукава скафандра с оболочкой торса, были порваны — либо когда Диглатор прогнулся под тяжестью ледяных завалов Бирнамского леса, либо от внутреннего давления при взрывной витрификации. Если заключенный в нем человек имел при себе какие-либо личные вещи, они могли быть через разрывы скафандра вытеснены в контейнер вместе с потоками застывающего азота и человеческой крови — в тот момент, когда на открытое до тех пор входное отверстие контейнера падало выстреленное сверху забрало, колпак из специальной стали, отрезающий от внешнего мира того, кто умирал в скафандре.

Для того чтобы снять колпак с контейнера, потребовался гидравлический зажим, так как щипцовый манипулятор оказался слишком слабым. Оба физика и врач отошли от платформы на несколько шагов, поскольку операция была достаточно грубая. Прежде чем колпак, похожий на головку громадного артиллерийского снаряда, дрогнул и начал сползать с верхней части контейнера, из-под ванадиевых клыков полетели толстые обломки панциря. Люди ждали конца операции. Как только черные как уголь обломки перестали сыпаться и колокол, сорванный с криотейнера, обратил к ним пустую внутренность, Лакатос поднял его четвероруким манипулятором под потолок, а Беля уже собрался обследовать контейнер еще раз, но тут все замерли, потому что листы обшивки дрогнули и, распадаясь по швам, медленно упали на платформу, как бы повторяя когда-то пережитую агонию. Механические челюсти перенесли тяжелый колпак по воздуху на другую сторону зала и уложили там, как половинку пустой бомбы, с такой осторожностью, что он лег на алюминиевую поверхность без звука.

Беля подошел к распавшемуся контейнеру. Внутри его темнели сухие, слоистые куски прокладки, похожие на увядшие, обожженные листья. Лакатос заглядывал Беле через плечо. Он неплохо знал историю витрификации. Во времена Грааля и Рембдена верхняя часть насаживалась на контейнер

с человеком при помощи пиропатронов, чтобы процесс ледового остекления прошел как можно быстрее. Замораживаемый должен был снять шлем, хотя оставался в скафандре. Чтобы удар не размозжил ему голову, колпак был выложен надутыми воздухом подушками. Они лопались при ударе, защищая замораживаемого, пока вонзившийся ему в рот конус впрыскивателя вливал в него жидкий азот — как правило, ломая зубы, а иногда и челюстные кости. Задача состояла в том, чтобы мозг застывал со всех сторон одновременно, то есть и от основания, расположенного сразу над небом. Тогданняя техника не могла исключить подобные травмы. Физики понемногу извлекали слои истлевших прокладок, укладывали их рядами, пока инструменты не обнажили металлическое дно криотейнера. Среди рассыпающихся фрагментов обнаружили объект, тоже измятый, но сохранивший вид книжечки с обгоревшими, как в огне, углами. Наполовину обуглившийся предмет был настолько хрупок, что от прикосновения рассыпался в труху, и они уложили его под стеклянный колпак, потому что даже дыхание человека могло ему повредить.

— Похоже на небольшой чехол. Может быть, из кожи животного. Хранилище документов. Люди тогда носили подобные вещи с собой. А документы были главным образом из целлюлозы, переработанной в бумагу, — сказал Беля.

— И из пластиковых полимеров, — добавил Герберт.

— Неутешительно, — отозвался физик. — В таких условиях целлюлоза сохраняется не лучше, чем старинные пластики. Как это могло попасть сюда?

— Легко себе представить. — Лакатос развел и сдвинул руки. — Когда он нажал на кнопку, нижний колокол закрыл его с ног до груди, и тут же отстреленная верхняя часть надвинулась на нижнюю. Взрывные заряды были, разумеется, не такие, чтобы раздавить человека. Азот наполнил скафандр, так что тот лопнул под мышками, и вытесняемый воздух мог содрать одежду. Взрывная волна гранаты при близком взрыве часто раздевала солдат...

— Как мы с этим поступим?

Герберт смотрел, как физики наполнили стеклянный колпак быстрозастывающей жидкостью, как вынули отливку, в которой, подобно насекомому в янтаре, темнел плоский черный предмет, и принялись за анализы. Они обнаружили хи-

микалии, употреблявшиеся некогда для печатания бумажных банкнотов; органические соединения, типичные для кожи животных, дубленной и окрашенной; слабые следы серебра. Очевидно, там были остатки фотоснимков, так как для них использовались соли серебра. Меня жесткость излучения, упрочнив вынутый из отливки фрагмент, они наконец извлекли запутанный палимпсест — беспорядочную мешанину букв и маленьких кружков — возможно, печатей. Хроматограф отделил тени типографских букв от чернил письма, так как, по счастью, в чернилах имелись минеральные добавки. Остальное сделал микротомограф. Результат оказался скромным. Если они действительно обнаружили удостоверение личности, что было похоже на правду, то имя прочесть не удалось, а в фамилии различима была только первая буква, П. Фамилия могла содержать от пяти до восьми букв. С буквы П начинались фамилии двух человек, оживить они могли одного. И они вызывали на мониторы спинограммы всех, кто плавал в жидком гелии. Послойное просвечивание, гораздо более точное, чем отошедший в прошлое рентген, позволяло установить возраст жертв с точностью до десяти лет по уплотнению суставных хрящей и кровеносных сосудов, поскольку при жизни этих людей медицина еще не умела бороться с изменениями, называемыми склерозом. Оба кандидата на реанимацию обладали схожим телосложением; лицевые части черепа требовали восстановления с помощью пластической хирургии, группы крови были схожи; судя по обызвествлению ребер и менее заметному — аорты, обоим было по тридцать-сорок лет. Судя по жизнеописаниям, содержащим историю перенесенных заболеваний, ни один из них не перенес операции, оставляющей след на тканях тела. Врачи знали об этом, но хотели воспользоваться помощью физиков: просвечивание основывалось на магнитном резонансе атомных ядер в организме. Физики только покачали головами: ядра постоянных элементов столь же хороши, сколь безвозрастны. Другое дело, если бы в телах этих людей оказались изотопы. Они действительно были, но и это ничего не дало. Оба подверглись облучению порядка 100—200 ремов. Скорее всего, в последние часы жизни.

Внутренние органы человека — если рассматривать их изображения в аппаратуре — зрелище достаточно безличное и абстрактное. Но вид обнаженных трупов, вмержших в азот-

ный лед под слоем гелия, и особенно — их разможенных лиц, был таков, что Герберт предпочел избавить физиков от этого зрелища. У обоих мертвецов сохранились целыми глазные яблоки, что только прибавляло врачам волнений, так как слепота одного неизбежно решила бы вопрос об оживлении в пользу сохранившего зрение.

Когда физики ушли, Терна сел на платформу со вскрытым контейнером; так и сидел, не говоря ни слова. Герберт не выдержал напряжения.

— Ну и как? — спросил он. — Который?

— Можно бы проконсультироваться с Хрусом... — в сомнении пробормотал Терна.

— Зачем? *Tres faciunt collegium?**

Терна встал, нажал на клавиши, экран послушно показал два ряда зеленых цифр с одной красной справа. Она предостерегающе мигала. Он выключил аппарат — как бы не в силах этого вынести. Хотел снова нажать на клавиши, но Герберт взял его за плечи и остановил.

— Перестань. Это ничего не даст.

Терна смотрел ему в глаза.

— Может, посоветоваться... — начал он, но не окончил фразы.

— Нет. Нам никто не поможет. Хрус...

— Я не думал о Хрусе.

— Знаю. Я хочу сказать, что формально Хрус примет решение, если мы обратимся к нему. Ему придется, он — главный, но это плохой выход. Кстати, обрати внимание, как быстро он исчез. Ждать нечего. Через час... нет, уже раньше, Каргнер уменьшит тягу.

Он выпустил плечи Терны, включил на пульте систему подготовки реанимационного зала, не переставая говорить:

— Тех, умерших, нет. Они не существуют, так же как если бы никогда не родились. Мы никого не убиваем. Воссоздаем одну жизнь. Взгляни с этой стороны.

— Прекрасно, — ответил Терна. Глаза его блеснули. — Ты прав. Это прекрасный поступок. Уступаю его тебе. Выбирай.

Возвещая о готовности, на стенном экране засветилась белая змея, обвившаяся вокруг чаши.

---

*Трое составляют совет? (лат.)

— Хорошо, — сказал Герберт. — С одним условием. Это останется между нами, и никто никогда не узнает. И прежде всего ОН. Понимаешь?

— Понимаю.

— Подумай как следует. После операции все останки пойдут за борт. Я сотру все данные в голотеке. Но мы оба будем знать, потому что не сможем стереть собственную память. Ты сумеешь забыть?

— Нет.

— А молчать?

— Да.

— И не скажешь никому?

— Да.

— Никогда?

Терна заколебался.

— Послушай... ведь все знают, ты сам сказал на совете, что мы можем выбрать...

— Иначе было нельзя. Хрус знал правду. Но когда мы сотрем данные, мы солжем, что этот человек имел объективные преимущества, обнаруженные нами только сейчас.

Терна кивнул.

— Я согласен.

— Составим протокол. Напишем его вместе. Сфальсифицируем два пункта. Подпишешь?

— Да. Вместе с тобой.

Герберт отворил стеной шкаф. В нем висели серебристые комбинезоны с белыми башмаками и стеклянными масками. Вытащил свой и стал надевать. Терна последовал его примеру. В центральной ротонде зала раздвинулись двери, осветилась внутренность лифта. Двери закрылись, лифт пошел вниз, в опустевшем зале стало темно, только над мерцающими точками таблицы светилась змея Эскулапа.

НАЙДЕНЬЩ

Он пришел в себя слепым и лишенным тела. Первые мысли не слагались из слов. Его ощущения были необъяснимо перемешаны. Он уплывал, пропадал и вновь возвращался. Только обретя внутреннюю речь, он смог задать себе вопросы: что

ужаснуло меня? что за тьма кругом? что это значит? А сделав этот шаг, он смог подумать: кто я? что со мной происходит? Он хотел пошевелиться, чтобы ощутить свои руки, ноги, торс, уже зная, что обладает телом, во всяком случае, что должен им обладать. Но ничто его не слушалось, ничто не дрогнуло. Он не знал, открыты ли его глаза. Не чувствовал ни век, ни их движений. Он напрягал все силы, чтобы поднять веки. И может быть, это удалось. Но не увидел ничего, кроме той же темноты, частью которой он был до сих пор. Эти попытки, отнимающие столько сил, привели его к вопросу: кто я? Человек. Эта бесспорная истина показалась ему открытием. Очевидно, к нему возвращалось сознание, потому что он тут же внутренне усмехнулся: ну и достижение, такой ответ. Слова возвращались медленно, неизвестно откуда, рассыпью и в беспорядке, как если бы он вытаскивал их, словно рыб из неведомых глубин. Я живу. Я существую. Не знаю где. Не знаю, почему не ощущаю своего тела. Он начинал чувствовать свое лицо, губы, может быть, нос, мог даже пошевелить ноздрями, хотя это потребовало огромного напряжения воли. Он таращил глаза во все стороны и благодаря возвращавшейся способности осознания мог решить: либо я ослеп, либо вокруг совершенно темно. Темнота ассоциировалась с ночью, а ночь — с огромным пространством, полным чистого и холодного воздуха, и поэтому с дыханием. Дышу ли я? — спрашивал он себя и вслушивался в собственную тьму, так похожую и непохожую на небытие. Ему казалось, что он дышит, но не так, как всегда. Он не работал ребрами, животом, он лежал в непонятном взвешенном положении, а воздух входил в него сам и мягко выходил. Иначе дышать он не мог.

У него уже было лицо, легкие, ноздри, рот и глаза — незрячие. Он решил сжать руки в кулаки. Он прекрасно помнил, что такое руки и как их стиснуть. Несмотря на это, он не ощутил ничего, и тут же вернулся страх, уже разумный, основанный на мысли: или паралич, или я потерял руки и, может быть, ноги. Вывод казался противоречивым: ведь легкие у него были, это наверняка, а тела не было. В его мрак и страх вторглись мерные, далекие, глухие тоны — кровь? А сердце? Билось. Как первая весть извне пришли звуки речи. Слух вернулся к нему внезапно, хотя и ослабленный, и он, зная, что разговаривают двое — различались два голоса, —

не понимал, что они говорят. Язык был знакомый, только слова неясны, как предметы, видимые через запотевшее стекло или сквозь туман. По мере того как он сосредоточивался, слух обострялся, и удивительное дело: обретя слух, он вышел из рамок себя. Оказался в каком-то пространстве, где был низ, верх, стороны. Он еще успел осознать, что это означает тяготение, прежде чем целиком ушел в слух. Голоса были мужские: один выше и тише, другой низкий — баритон, как будто совсем близкий. Кто знает, может, он сумел бы отозваться, если бы попробовал. Но ему хотелось сначала слушать — не только с надеждой и с интересом, но и потому, что это было великолепно — так хорошо слышать и все лучше понимать речь.

— Я бы подержал его еще на гелии. — Это был голос, звучавший вблизи, по нему можно было предположить, что его обладатель — крупный, крепкого сложения мужчина: столько было в нем силы.

— А я нет, — ответил дальний, молодой голос.

— Почему? Это не повредит.

— Посмотри на его мозг. Нет, не *calcarina*. Правый *temporalis**. Центр Вернике. Видишь? Он уже слышит.

— Амплитуда мала, я сомневаюсь, понимает ли.

— Уже обе лобные доли; в сущности, это норма.

— Я вижу.

— Вчера альфы еще почти не было.

— Потому что он был в гипотермии. Это нормально. Понимает или нет — азота все-таки пока слишком много. Я добавлю гелия.

Долгая тишина и мягкие шаги.

— Погоди — смотри...

Это был баритон.

— Он очнулся... ну что ж...

Остального он не расслышал, они шептались. К нему пришла ясность мысли. Кто разговаривал? Врачи. Несчастный случай? Где? Кто я? Мысли мелькали все быстрее, а те перешептывались, перебивая друг друга.

— Хорошо, лобные превосходно, но с таламусом что-то не так... переключи ниже... не могу разобрать... Дай Эскула-

---

*Шпорная борозда, (правая) височная область (*лат.*).

па. Или лучше Медиком... Так. Поправь изображение. Как спинной мозг?

— Близко к нулю. Это странно.

— Скорее странно, что не на нуле. Покажи дыхательный центр... хм...

— Стимулировать?

— Нет, зачем. Еще надышится сам. Так вернее. Только над хиазмой...

Что-то коротко звякнуло.

— Он не видит, — с удивлением сказал молодой голос.

— Девятка у него уже действует. А видит ли он что-нибудь, мы сейчас проверим.

В молчании и тишине он услышал металлическое пощелкивание. И увидел сероватый слабый свет.

— Ага! — торжествующе произнес баритон. — Это было только на синапсах. Зрачки реагируют уже неделю. Впрочем, — добавил он тише, — он не сможет...

Неразборчивый шепот.

— Агнозия?

— Что ты. Хорошо, если... посмотри на высшие составляющие...

— Память восстанавливается?

— Не знаю, не могу сказать ни да, ни нет. А картина крови?

— В норме.

— Сердце?

— Сорок пять.

— Систолическое давление?

— Сто десять. Может быть, отключить?

— Лучше не надо. Подожди. Небольшой импульс в спинной мозг...

Он почувствовал, как в нем что-то дрогнуло.

— Возвращается тонус мускулов, видишь?

— Я не могу одновременно смотреть на миограммы и на мозг. Шевелится?

— Руки... произвольно.

— А сейчас? Следи за лицом. Моргает?

— Открыл глаза. Видит?

— Еще нет. На сколько реагируют зрачки?

— На четыре люкса. Даю шесть. Видит?

— Нет. То есть ощущает свет. Это реакция таламуса. Пусть Медиком проверит электроды и даст ток. О! Прекрасно...

Во тьме он увидел над собой что-то бледно-розовое и блестящее. И тут же услышал голос, прерываемый дыханием:

— Ты вне опасности. Ты будешь здоров. Не пытайся говорить. Если понимаешь меня, дважды закрой глаза. Два раза.

Он послушался.

— Прекрасно. Я буду говорить с тобой. Если не поймешь, моргни один раз.

Он изо всех сил старался разглядеть это бледное и розоватое, но не мог.

— Пытается тебя увидеть, — послышался другой, дальний голос. Откуда он это знал?

— Ты увидишь и меня, и все, — медленно говорил баритон. — Нужно набраться терпения. Понимаешь?

Он подтвердил морганием.

Хотел отозваться, но внутри только что-то хрипнуло.

— Нет, нет, — укорил его тот же голос. — Разговаривать рановато. Не можешь говорить, ты интубирован. Воздух поступает тебе прямо в трахеи. Ты не дышишь сам — мы дышим за тебя. Понимаешь? Хорошо. Сейчас ты уснешь. Когда проснешься и отдохнешь, поговорим. Ты все узнаешь, а сейчас... Виктор, усыпи потихоньку... хороших снов...

Он перестал видеть, как будто свет погас в нем, а не над ним. Он не хотел засыпать. Хотел вскочить на ноги. Но мрак, который был в нем, расплылся и исчез. Ему снилось множество снов, удивительных, прекрасных и таких, что их нельзя было ни запомнить, ни пересказать. Он становился множеством вещей сразу. Уходил далеко и возвращался. Видел людей, узнавал их лица, но не мог вспомнить, кто они. Иногда у него оставалось только зрение, ничем не ограниченное, полное солнечного света. Ему казалось, что в этих снах и провалах между ними прошли века. Внезапно он очнулся. Вместе с явью обрел тело. Он лежал навзничь, укутанный мягкой пушистой тканью. Напряг мышцы спины. Почувствовал, как пробежали мурашки по бедрам. Над ним был бледно-зеленый плоский потолок, рядом блестели какие-то провода и стекло, но он не мог повернуть голову вбок. Ее удерживало мягкое, доходившее до висков облегающее изголовье. Глазами он мог водить свободно. За прозрачной стеной возвышались какие-то

аппараты, на самой границе поля зрения светились скачущие огоньки, и он заметил, что они как-то связаны с ним, потому что, когда он начинал дышать глубже, так что распирало грудную клетку, они мерцали в этом ритме. А там, куда он почти не мог взглянуть, что-то розовело — ровно, размеренно, — и это розовое тоже билось в одном ритме с ним, а вернее, с его сердцем. Он уже не сомневался, что находится в больнице. Значит, несчастный случай. Какой и где? Он хмурил брови, ждал, что объяснение всплывет в памяти, — напрасно. Он замер, закрыл глаза, сосредоточился, но ответ не приходил. То, что он мог бы свободно двигать ногами, руками, пальцами, если бы не спеленавшая его ткань, его уже не удовлетворяло. Он попробовал откашляться, потрогал языком внутреннюю поверхность зубов, наконец произнес:

— Я. Я!

Он узнал собственный голос. Но кому принадлежал голос, он не знал — и не понимал, как это может быть. Он попробовал освободиться от связывающей движения ткани и несколько раз напряг мускулы. Тут на него напала тяжелая внезапная сонливость, и он снова угас, как пламя затухающей лампы.

Он не считал дней. Условные сутки корабельной жизни были размечены простым способом — по земному ритму. Днем все палубы, коридоры, туннели-проходы между отсеками корпуса ярко освещались. В десять начинались сумерки, слабел золотистый свет, исходивший от потолка и стен, около часа стоял голубоватый полумрак, потом освещение гасло, и только лампочки, бегущие по середине потолка, светили одинокому путешественнику. Это время он любил больше всего. Он мог изучать «Эвридику» и днем — все помещения были доступны, и его уверяли, что он никому не помешает, напротив, может идти куда хочет, задавать любые вопросы, но он предпочитал для прогулок ночь.

Подготовив себя физически на утренней тренировке в гимнастическом зале, он шел в школу. Это было его собственное выражение. Садился перед Мемнором, чтобы в игре картин и слов, пробуждающих ассоциации, стимулировать возвращение памяти и в то же время изучить новые, совершенно чуждые вещи. Общаясь с машиной, бесконечно терпеливой и неспособной к проявлению каких-либо чувств —

удивления, превосходства над ним, — он не испытывал смущения. Если ему что-то было непонятно, Мемнор прибегал к помощи изображений, к простым схемам, применял сокращенные программы обучения, обращаясь к запасам других машин корабля. В архиве голотеки были десятки тысяч фильмов — скорее не фильмов, а фотографий, хотя они ничем не походили на прежние снимки, так как любое изображение становилось реальным окружением человека, а каждое слово — предметом, правда вскорости исчезающим. При желании он мог рассматривать внутренность пирамид, готические соборы, замки Луары, марсианские луны, города, леса, но он делал это только потому, что знал: такие видения составляют важную часть терапии. Врачи старались относиться к нему, как к члену экипажа, а не пациенту; ему даже казалось, что они нарочно держатся в стороне, словно подчеркивая, что он ничем не отличается от остальных.

Зрительные воспоминания вернулись к нему вместе с жизненным опытом, профессиональными навыками навигатора и специалиста по большеходам. Правда, корабли изменились не меньше, чем планетные машины, и он казался себе чем-то вроде моряка парусного флота в эпоху океанских пассажирских гигантов. Эти пробелы было несложно заполнить. Устаревшие сведения он заменял новыми. Однако все острее становилась самая тяжелая и, может быть, невозвратимая потеря. Он не мог воскресить в себе никаких имен, фамилий, включая и свою. Удивительно, но память его как бы разделилась надвое. То, что он когда-то пережил, вернулось поблекшим, хотя и точным в мелочах, — так детские игрушки, найденные в кладовке родительского дома много лет спустя, пробуждают в памяти не только зрительные образы, но и эмоциональную атмосферу. Однажды в лаборатории физиков запах испаряющейся в дистилляторе жидкости, защекотав в носу, моментально вызвал больше чем образ — ощущение присутствия на случайном космодроме, когда светлой ночью, стоя под горячими еще воронками дюз, под дном своей ракеты, которую он спас, он ощущал такой же запах отдающего азотом дыма и счастье, которого тогда не признавал, а сейчас, при воспоминании, ощутил. Он не сказал об этом доктору Герберту, хотя нужно было бы. Ему следовало немедленно прийти с любым неожиданным воспоминанием, так

как в них проявляются погребенные зоны памяти и их нужно стимулировать — не для психотерапии, а для восстановления стершихся связей в мозгу, их надо раскрывать и все больше становиться самим собой. Совет был разумным, профессиональным, себя он тоже считал мыслящим разумно, но воспоминание от врача скрыл. Молчаливость, несомненно, была одной из основных его черт. Он никогда не был склонен к излияниям, да еще на такие интимные темы. Кроме того, он пообещал себе, что если найдет себя, то не нюхом, подобно собаке. Мысль показалась ему глупой. Он не считал, что понимает больше врачей, но тем не менее не передумал.

Герберт быстро заметил его сдержанность. Врач поручился, что беседы с Мемнором не записываются и что он сам, если захочет, может стереть из памяти педагога содержание любого разговора. Так он и поступал. От машины у него не было тайн. Она помогала ему воссоздать массу воспоминаний, но без имен и фамилий людей — и его собственной. Наконец он впрямую спросил об этом своего собеседника.

Тот несколько минут молчал. Возвращение памяти, именовавшееся тренингом, проходило в каюте, обставленной довольно странно. В ней стояла антикварная мебель, годная для музея: несколько изящных, почти что дворцовых креслиц с позолотой и гнутыми ножками. Стены украшали картины старых голландцев — его любимые, которые он вспомнил и которые словно явились помочь ему. Картины не раз менялись, а полотна, висящие в резных рамах, вовсе не были полотнами, хотя превосходно воспроизводили ткань и мазки масляных красок. Мемнор объяснил ему, как делаются эти временные копии. Сам машинный преподаватель был незаметен, то есть его никто не прятал, он был подсистемой Эскулапа, выделенной для этих бесед, и в каюте не было его образного воплощения, способного испортить настроение ученика, а чтобы не приходилось разговаривать с пустотой или микрофоном на стене, там стоял бюст Сократа, знакомый по детским книгам о греческой мифологии. А может быть, о философии. Бюст с его лохматой головой казался каменным, хотя иногда в дискуссиях у него появлялась мимика. Ученику это не очень нравилось: отдавало дурным вкусом. Он не мог придумать, чем заменить бюст, и не хотел ни с чем обращаться к Герберту. Он приучил себя к этому облику и, только пробуя выяснить

что-то, его глубоко затрагивающее, расхаживал перед наставником, не глядя на него, как бы разговаривая сам с собой. Сейчас поддельный Сократ, казалось, был в сомнении, словно решая слишком трудную задачу.

— Мой ответ не удовлетворит тебя. Для человека не очень-то хорошо до конца разбираться в собственном устройстве, телесном и духовном. Это делает видимыми границы человеческих возможностей, а люди переносят это тем хуже, чем менее они ограничены в стремлениях. Это во-первых. Во-вторых, с именами дело обстоит иначе, чем с другими понятиями, имеющимися в языке. Почему? Потому что имена не образуют связной системы. Они чисто условны. Каждый из нас как-то называется, хотя мог бы называться совершенно по-другому и оставаться тем же самым человеком. Случай — в лице родителей — определяет имя. Итак, именам и фамилиям недостает логической и физической необходимости. Если позволишь небольшое философское отступление, напомню, что существуют только предметы и их отношения. Быть человеком — значит то же самое, что быть каким-то предметом, пусть даже живым. Быть братом или сыном — это уже отношение. Исследуя разными методами новорожденного, обнаружишь в нем все, вплоть до его наследственного кода, но не до фамилии. Мир познают. А к именам только привыкают. Эта разница незаметна в обыденной жизни. Но тот, кто появился на свет дважды, ощущает ее. Не исключено, что ты вспомнишь, как тебя зовут. Это может случиться в любой момент. Может не произойти вовсе. Поэтому я советовал бы тебе взять пока временное имя. В этом нет ни фальши, ни бесчестья. Ты окажешься в положении собственных родителей над твоей колыбелью. Они тоже не знали, пока не поженились, каким именем назовут тебя. А сделав однажды выбор, спустя годы не могли бы и помыслить, что у тебя могло быть какое-то иное, более подходящее по природе имя и что они не дали его тебе.

— Ты говоришь, как Пифия, — ответил он, стараясь не показать, как задела его слова о собственной смерти. Он не понимал, почему так реагирует на известный факт — ведь он, казалось, должен бы ощущать невероятную радость воскресения из мертвых. — Я говорю не об имени. Знаю, что моя фамилия начинается на П. Пять-шесть букв. Парвис или

Пиркс. Знаю, что остальных спасти не удалось. Лучше бы мне не показывали этого списка.

— Думали, что ты узнаешь себя.

— Не могу выбирать вслепую. Я тебе уже говорил.

— Я знаю и понимаю, каковы твои мотивы. Ты принадлежишь к людям, которые мало заботятся о себе. Таким ты был всегда. Не хочешь выбирать?

— Нет.

— А взять другое имя?

— Нет.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю.

Может быть, он услышал бы еще какие-нибудь советы и уговоры, но впервые с тех пор, как стал бывать в этом кабинете, воспользовался правом стирать содержание всех разговоров с машиной и, словно этого было мало, одним прикосновением обратил в ничто бюст греческого мудреца. В этот момент он ощутил злое удовольствие — глупое, но захватывающее, как будто убил, не убивая, того, перед кем слишком открылся и кто, будучи Никем, так рассудительно и решительно опекал его — беспомощного. Это была плохая замена доказательству, и он пожалел о поступке, из-за которого расстался с ни в чем не повинным устройством. Однако же из-за того, что на деле ему хотелось не столько найти себя в мире, сколько мир в себе, он подавил напрасный гнев и стыд и совсем забыл о них, принявшись за дела более важные, чем собственное прошлое. Ему было что изучать. Последний, самый обширный проект поисков внеземных цивилизаций, называемый ЦИК-ЛОП, после исследований, длившихся более десятилетия, закончился ничем. Таково было мнение тех, кто слушал голоса звезд и ждал осмысленных сигналов. Загадка Молчащей Вселенной, *Silentium Universi*, переросла в вызов, брошенный земной науке. Безудержный оптимизм горстки астрофизиков двадцатого века заразил тысячи других специалистов, заодно и дилетантов, и обратился в свою противоположность. Миллиарды, вложенные в создание радиотелескопов, просеивающих излучение миллионов звезд и галактик, все же принесли пользу в виде новых открытий, но ни один из них не обнаружил ожидаемых вестей от Иного Разума. Телескопы, установленные на орбитальных спутниках, неоднократно обнаруживали пучки

достаточно своеобразных волн, и это поддерживало гаснущие надежды. Если это и была сигнализация, то прием ее длился недолго и обрывался, не повторившись. Предполагалось, что околосолнечное пространство пронизано посланиями, обращенными к каким-то звездным адресатам, эти записи старались расшифровать бесчисленными способами, но впустую. Информационного характера этих импульсов не удалось установить наверняка. Традиция и осмотрительность заставляли специалистов считать такие явления творениями звездной материи, жестким излучением, случайно собранным так называемыми гравитационными линзами в узкие пучки или иглы. Главный принцип наблюдения требовал считать природным явлением все, что не обнаруживало явно искусственного происхождения. Астрофизика же развилась настолько, что у нее не было недостатка в гипотезах, способных точно «перевести» зафиксированное излучение безотносительно к его отправителям. Возникла парадоксальная ситуация: чем большим набором теорий оперировала астрофизика, тем труднее было бы намеренной сигнализации доказать свою подлинность. В конце двадцатого века поборники проекта ЦИКЛОП составили подробный каталог критериев, отличающих то, что может породить богатейшая Природа, от того, что ей недоступно и потому выглядит как «космическое чудо»; на Земле это могли бы быть, например, листья, которые, опадая с деревьев, складывались в осмысленную фразу, или галька, выброшенная на речной песок в виде окружностей с касательными или евклидовых треугольников. Таким образом, ученые как бы составили заповеди, которые должны выполняться любыми отправителями внеземных сигналов. Почти половина этого списка была отвергнута в начале следующего столетия. Не только пульсары, не только гравитационные линзы, не только мазеры газовых звездных туманностей, не только огромные массы центра галактики вводили в заблуждение наблюдателей регулярностью, повторяемостью, своеобразным порядком многократных импульсов. Вместо отмененных «заповедей отправителей сигналов» вводились новые и вскоре тоже оказывались недействительными.

Поэтому возникло пессимистическое убеждение в уникальности Земли не только в Млечном Пути, но и среди мириадов других спиральных галактик. Дальнейшее развитие

науки — а именно астрофизики — подвергло этот пессимизм сомнению. Само количество космических черт энергии и материи, создавших понятие «Anthropic Principle», тесной связи между тем, какова Вселенная и какова жизнь, было красноречиво. В Космосе, в котором уже есть люди, следовало ожидать рождения жизни и за пределами Земли. Одно за другим возникали предположения, пытающиеся согласовать животворность Космоса с его молчанием. Жизнь возникает на бесчисленном множестве планет, но разумные существа появляются в результате редчайшего переплетения исключительных совпадений. Правда, жизнь возникает не очень часто, но, как правило, она развивается во внебелковых вариантах — кремний демонстрирует обилие соединений, равное множеству соединений углерода, а эволюции, начавшиеся на основе силиконов, неизменно не стыкуются со сферой разума либо создают ее варианты, не родственные складу человеческого ума. Дело не в том, что вспышка разума может иметь разные варианты — она бывает короткой. Само же развитие жизни — в эпоху до возникновения разума — тянется миллиарды лет. Высшие Существа, если они сформировались, через сто-двести тысяч лет вызывают технологическое извержение. Это извержение только способствует их все более высокому искусству овладения силами Природы. Этот взрыв — ибо по космическому счету это сущий взрыв — разбрасывает цивилизации в разных направлениях, слишком далеко для того, чтобы они могли понять друг друга, опираясь на общность мышления. Такой общности вообще не существует. Это антропоцентрический предрассудок, почерпнутый людьми из древних верований и мифов. Разумов может быть много, и именно потому, что их так много, небо ничего не говорит нам. Вовсе нет, утверждали другие гипотезы. Решение загадки гораздо проще. Эволюция жизни, если она порождает Разум, совершает это серией единичных случайностей. Разум может быть погублен еще в колыбели любым звездным вторжением в окрестности родительской планеты. Космические вторжения всегда слепы и случайны; разве палеонтология с помощью галактографии, этой археологии Млечного Пути, не доказала, каким катаклизмам, каким горам трупов мезозойских пресмыкающихся обязаны млекопитающие своим возвышением и какой клубок явлений — оледенения, периоды повышенной

влажности, наступление степей, изменения земных магнитных полюсов, темпов мутации — стал генеалогическим древом человека? Тем не менее Разум может вырваться среди триллионов солнц. Он может ступить на путь, подобный земному, и тогда этот выигрыш в звездной лотерее спустя одну-две тысячи лет оборачивается катастрофой, ибо технология полна страшных ловушек и вступившего в нее ждет фатальный конец.

Разумные существа в состоянии заметить опасность, но тогда, когда уже поздно. Избавившись от религиозных верований, манящих исполнением сиюминутных, только сиюминутных желаний, цивилизации пытаются притормозить свой разгон, но это уже невозможно. Даже там, где их не раздрают никакие внутренние антагонизмы.

У найденыша с Титана было время, чтобы задавать вопросы и выслушивать ответы. От размышлений о себе и о мире — называемых на Земле философией — Разумные Существа переходят к делам и тогда осознают: что бы ни вызвало их к жизни, оно не дало им ничего более достоверного, чем смерть. Именно ей они обязаны своим возникновением, потому что без нее не действовала бы в течение миллиардов лет изменчивость появляющихся и гибнущих видов. Их произвело на свет несметное число всех смертей археозоя, палеозойской эры, последующих геологических эпох, и заодно с Разумом они получают уверенность в своей смертности. Вскорости, спустя десяток с лишним столетий после этого диагноза, они разгадывают родительские методы Nature, этой столь же коварной, сколь и бесполезной технологии самопроисходящих процессов, к которым прибегает Природа, чтобы предоставить поприще для очередных форм жизни. Технология эта вызывает у людей изумление до тех пор, пока остается им недоступна. Однако этот период недолог. Похитив секреты растений, животных, собственных тел, они преобразуют среду, то есть себя, и этот рост владычества невозможно насытить. Они могут выйти в Космос — чтобы воочию убедиться, как он чужд им и как беспощадно печать животного происхождения оттиснута на их телах. Они преодолевают и это отчуждение и вскоре остаются последним реликтом биологического наследства внутри созданной техносферы. Они расстаются не только с прежней

нуждой, голодом, эпидемиями, множеством старческих недугов: они могут расстаться и со смертными телами. Этот шанс появляется внезапно, как фантазмагорический, далекий, ужасающий перекресток.

Такого рода трюизмы, отдававшие довольно мрачным пафосом и какой-то инженерной эсхатологией, найденыш принимал к сведению с неудовольствием. Ему хотелось узнать цель экспедиции, если уж он стал ее невольным участником. Ее программа стала для него притягательной благодаря недавно созданному, но уже ставшему в экзобиологии классическим труду, в котором он впервые увидел диаграмму Ортеги — Нейсселя. Диаграмма показывает развитие психоза в Космосе — главного его ствола и ответвлений. Начало главного ствола относится к раннему технологическому веку. По времени он непродолжителен, не дает ответвлений в течение тысячи лет — на участке между этапами механических и информационных машин. В следующем тысячелетии информатика скрещивается с биологией, создавая ветвь биотического ускорения. Здесь диагностическая ценность диаграммы, переходящей в прогностическую, ослабевает. Основное течение подкреплено фактами и диаграммами, но его ответвления — всего лишь равнодействующие некоторых теорий; правда, с высокой степенью вероятности поддержанных другими. Критическим распутием для основного ствола оказывается момент, когда конструкторские возможности Разумных Существ уравниваются с животворной потенцией Природы. Предвидеть дальнейшее развитие отдельно взятой цивилизации невозможно. Это вытекает из самого характера распутия. Часть цивилизаций может остаться на главном стволе, решительно ограничивая автоэволюцию — она возможна, но не осуществляется. Предельный вариант биоконсерватизма: введение законодательства (уставы, конвенции, запрещения с пенитенциарной санкцией), которому в непререкаемом порядке подчинена деятельность, связанная с заимствованиями у Природы. Возникают технологии, направленные на спасение окружающей среды: они должны создать техносферу, не наносящую урона биосфере. Такая задача может быть выполнена — хотя и не обязательно, в этом процессе цивилизация, проходя ряд разрушительных кризисов, испытывает демографические потрясения. Она

может многократно приходить в упадок и регенерировать, расплачиваясь за самоубийственную бездеятельность миллиардами жертв. Тогда установление межзвездной связи не относится к числу ее насущных задач.

Консерваторы из главного ствола должны молчать — это очевидно.

Биотически неконсервативных решений существует множество. Принятые решения, как правило, необратимы. Отсюда — сильное расхождение древних психозоев. Ортега, Нейсфель и Амикар ввели понятие «окна контакта». Это период, когда Разумные Существа уже в высокой степени используют науку, но еще не принялись за преобразование данной им Природой Разумности — эквивалента человеческого мозга. «Окно контакта» — это космический миг. От лучины до керосиновой лампы прошло 16 000 лет, от лампы до лазера — сто лет. Количество информации, необходимой для шага лучина — лазер, может быть приравнено к информации, необходимой для шага от обнаружения наследственного кода к его внедрению в послеатомную промышленность. Рост знаний в фазе «окна контакта» идет по экспоненте, а в конце ее — по гиперболе. Период контакта — возможности взаимопонимания — в худшем случае длится 1000 земных лет, в лучшем — от 1800 до 2500 лет. Вне окна для всех цивилизаций, незрелых и перезревших, характерно молчание. Первые не располагают достаточной для связи мощностью, вторые либо инкапсулируются, либо создают устройства для сообщений со сверхсветовой скоростью. О возможности сверхсветовой связи велись дискуссии. Никакую материю или энергию нельзя разогнать выше скорости света, но этот барьер, утверждали некоторые, можно преодолеть своеобразной уловкой. Допустим, пульсар со замороженным в нейтронную звезду магнитным полем вращается со скоростью ниже световой. Луч его эмиссии кружится на оси пульсара и на достаточном расстоянии проходит участки пространства с надсветовой скоростью. Если на определенных участках обращения этого луча находятся наблюдатели, они могут синхронизировать свои часы вопреки запрету, открытому Эйнштейном. Они лишь должны знать протяженность сторон треугольника «пульсар — наблюдатель А — наблюдатель Б» и скорость вращения «маяка».

Все эти сведения о космических цивилизациях воскре-

шенный получил за год, пока «Эвридика» увеличивала скорость. Он дошел до предела того, что мог освоить. Машина-педагог не изъясляла недовольства учеником, неспособным постичь тайны сидеральной энергетике и ее связи с инженерией и гравитационной баллистикой.

Открытия последнего времени легли в основу проекта экспедиции к звездам Гарпии. От астрономов прошлого века Гарпию прятала облачность, названная Угольным Мешком. «Эвридика» должна была обогнуть ее, войти в «темпоральную пристань» коллапсара Гадес, послать один из своих сегментов к планете, называемой Квинта дзеты Гарпии, дожидаться возвращения разведчика, совершив для этого загадочный маневр, именуемый «пассажем через ретрохрональный тороид». Благодаря этому пассажи экспедиция вернется к Солнцу через какие-нибудь восемь лет после старта. Без него она вернулась бы спустя две тысячи лет, то есть никогда.

Разведывательный сегмент «Эвридики» должен был самостоятельно пройти целый парсек с экипажем в состоянии эмбрионации. Вариант с витрификацией был отвергнут, поскольку давал лишь 98% вероятности, что замороженные оживут. Постигая все это, пилот древних ракет чувствовал себя как ребенок, посвящаемый в функции синхрофазотрона. То ли способности Мемнора были ограничены, то ли его собственные. Он счел также, что стал нелюдимом и не должен дальше жить, как Робинзон наедине с электронным Пятницей. И отправился в носовой отсек «Эвридики», в обсерваторию, чтобы увидеть звезды. Целый зал блестел непонятной аппаратурой, и он напрасно искал орудийный лафет рефлектора или телескопа известной ему конструкции или хотя бы купол с диафрагмой — для визуального наблюдения неба. Высокое по тещине казалось безлюдным, хотя было освещено двухъярусными гирляндами ламп. Вдоль стен тянулись узкие галереи — от одной колонки аппаратуры к другой. Вернувшись в кабину после неудачного похода, он заметил на столе старую, растрепанную книжку с запиской от Герберта: врач снабдил его чтением на сон грядущий. Он был известен тем, что запасся кучей фантастических книжек, предпочитая их ошеломляющим головизионным спектаклям. Вид книги тронул пилота. Он снова — и так долго — был среди звезд, и так давно не видел книг, и, что еще хуже, не умел сблизиться с людьми,

которые сделали для него возможным это новое путешествие вместе с его новой жизнью. Как он и просил, ему отвели каюту, похожую и на каюты морского корабля, и на те, что были на старинных транспортных ракетах; жилище рулевого или навигатора, ничем не напоминающее пассажирскую каюту; не место временного пребывания, а дом. У него была даже двухъярусная койка. Наверх он, как обычно, положил одежду, над изголовьем нижней койки зажег лампочку, накрыл ноги одеялом и, подумав, что снова грешит ленью и безучастностью — но, может быть, в последний раз, — открыл книгу там, где была вложена записка Герберта. Минуту читал, не понимая слов, — так подействовал на него обычный черный шрифт. Рисунок букв, желтоватые потрепанные страницы, настоящие переплетные швы, выпуклость корешка казались чем-то невероятно своим, единственным, потерянным и отысканным — хотя, правду сказать, он никогда не был страстным читателем. Но сейчас в чтении было что-то торжественное, как будто давно умерший автор когда-то дал ему обещание и, несмотря на множество препятствий, оно исполнилось. У него была странная привычка открыть книгу наугад и начать читать. Писателям вряд ли бы это понравилось. Он не знал, почему так делает. Возможно, ему хотелось оказаться в выдуманном мире не через обозначенный вход, а сразу попасть в середину. Так он сделал и сейчас.

«...рассказать вам?»

Профессор сложил руки на животе.

— На корабле до порта Бома, — начал он, опускаясь в кресло. Прикрыл глаза. — На речном пароходе до Бангала. Там начинаются джунгли. Потом шесть недель верхом, дольше не выдержать. Даже мулы гибнут. Сонная болезнь... Там был один старый шаман, Нфо Туабе. — Он произнес имя с французским ударением — на последнем слоге. — Я приехал ловить бабочек. Но он показал мне дорогу...

Он на минуту смолк. Открыл глаза.

— Вы знаете, что такое джунгли? Откуда вам знать? Зеленая, бешеная жизнь. Все дрожит, следит за вами, движется, в чаще толчея — прожорливые твари, безумные цветы, настоящий взрыв красок, прячущиеся в липкой паутине насекомые — тысячи, тысячи неописанных видов. Не то что у нас в

Европе. Искать не нужно. За ночь всю поверхность палатки покрывают ночные бабочки, огромные, как ладонь, назойливые, слепые — сотнями валяются в костер. По полотну движутся тени. Негры трясутся, ветер доносит оглушительный шум со всех сторон. Львы, шакалы... Ну, да это ничего. Потом наступает слабость, лихорадка. Если коней уже побросали — дальше пешком. У меня была сыворотка, хинин, германин, все что хочешь. И вот однажды — никакого счета дней не существует, человек только чувствует, что деление на недели и весь календарь — смешное искусственное построение, — однажды оказывается, что идти дальше нельзя. Джунгли кончаются. Еще одна негритянская деревенька. Над самой рекой. Реки на карте нет, потому что три раза в год она исчезает под зыбучими песками. Часть русла проходит под землей. Стоит несколько мазанок из обожженной солнцем глины и ила. Там жил Нфо Туабе. Разумеется, английского он не знал. У меня было два толмача. Один переводил мои слова на диалект побережья, а другой — с диалекта на язык бушменов. Целой полосой джунглей от шестого градуса широты правит старинная королевская семья. Потомки египтян, мне думается. Они выше и гораздо умнее негров Центральной Африки. Нфо Туабе даже нарисовал мне карту, обозначил на ней границы королевства. Я спас его сына от сонной болезни. И вот за это...

Не открывая глаз, профессор полез во внутренний карман. Достал из блокнота листок, на котором красными чернилами были начерчены запутанные линии.

— Трудно сориентироваться... Здесь кончаются джунгли, как ножом отрезаны. Это граница королевства. Я спросил, что дальше. Он не хотел говорить ночью. Мне пришлось прийти днем. И только тогда в своей вонючей норе без окон... Вы не можете себе представить, что там за духота... Он сказал мне, что дальше муравьи. Белые слепые муравьи, которые возводят большие города. Их страна протянулась на километры. Рыжие муравьи воюют с белыми. Они идут широкой живой рекой по джунглям. Тогда слоны уходят стадами из этих мест, проламывая проходы в зарослях. Тигры убегают. Даже змеи. Из птиц остаются одни стервятники. Муравьи идут по-разному: иногда по месяцу, днем и ночью, ржавым потоком, а если что встает на их пути — уничтожают. Они доходят до края джунглей, обнаруживают муравейники

белых, и начинается сражение. Нфо Туабе однажды видел его. Рыжие муравьи, победив охрану белых, входят в город. Они не возвращаются никогда. Что случается с ними — неизвестно. А на следующий год сквозь джунгли продираются новые отряды. Так было при его отце, дедах, прадедах. Так было всегда. Почва в городе белых муравьев плодородна. С давних времен негры пробовали использовать ее, пытались сжечь жилища термитов. Но они проиграли борьбу. Посевы оказывались уничтоженными. Негры строили шалаши и деревянные изгороди. Термиты добираются до них подземными ходами, проникают внутрь постройки и так истачивают ее, что она неожиданно падает от прикосновения руки. Пробовали применять глину. Тогда вместо термитов-рабочих появлялись солдаты. Вот такие, — он показал на банку.

Внутри, прикрепленные к стеклянной пластинке, были огромные термиты. Несколько бойцов, громадных и как будто искалеченных существ. Треть туловища была прикрыта роговым панцирем с забралом, увенчанным раскрытыми клешнями. Масса разросшегося панциря придавливала тонкие лапки и брюшко.

— Для вас это не новость, правда? Мы знаем, что существуют территории, где царят термиты. В Южной Америке... У них два вида солдат — что-то вроде внутренней полиции и воины. Термитники достигают восьмиметровой высоты. Они сооружены из песка и выделений, образующих цемент не хуже портландского. Никакая сталь его не берет. Безглазые, белые, мягкие насекомые, которые живут отдельно от мира десятки миллионов лет. Их исследовали Паккард, Шмельц и многие другие. Но никто из них даже не подозревал... Понимаете? Я спас его сына, и за это... О, он был мудрец... знал, чем по-королевски отблагодарить белого человека. Совершенно седой, черный с пепельным отливом негр — как маска, прокопченная дымом. Он сказал мне так:

«Термитники тянутся на мили. Вся равнина ими покрыта. Как лес, как мертвый лес, одни за другими, огромные каменные стволы — между ними едва можно пробраться. Почва везде твердая, гудит под ногой, покрыта как бы переплетениями толстых веревок. Это ходы, по которым бегут термиты. Они построены из того же цемента, что жилища. Они тянутся далеко, исчезают под землей, выходят наверх,

разветвляются, пересекаются, входят внутрь термитников, а через каждые полметра образуют расширения, где расходятся термиты, бегущие навстречу друг другу. Там, в глубине Города, среди миллиона окаменевших термитников, в которых бурлит слепая жизнь, стоит один термитник, непохожий на остальные. Невысокий, черный, изогнут крючком».

Он показал своим коричневым большим пальцем, как это выглядит. «Там сердце муравьиного народа». Больше он не хотел говорить.

— И вы ему поверили? — прошептал слушатель. Черные глаза профессора жгли его.

— Я вернулся в Бону. Купил пятьдесят кило динамита в фунтовых брусках, какие применяют в шахтах. Кирки, лопаты, ломы, заступы — массу снаряжения. Баки с серой, металлические шланги, маски, сетки, самые лучшие, какие только можно было достать. Канистры авиационного бензина и арсенал средств против насекомых, какой только можно себе вообразить. Потом я нанял двенадцать носильщиков и отправился в джунгли.

Вам известен эксперимент Колленджера? Его считают сказкой. Правда, Колленджер — не мирмеколог, а любитель. Он разделил термитник сверху донизу стальной пластиной так, чтобы обе половины совершенно не сообщались. Термитник был новый, его еще строили. Спустя шесть недель он вынул пластину, и оказалось, что они так прокладывали новые коридоры, что их отверстия по обе стороны преграды в точности совпадали — ни на миллиметр отклонения по вертикали и по горизонтали. Так, как люди строят туннель, начиная одновременно с двух сторон горы и встречаясь внутри нее. Каким образом общались термиты сквозь стальную плиту? Кроме того, опыт Глосса. Тоже непроверенный. Он утверждал, что если убить царицу термитов, то насекомые за несколько сот метров от термитника приходят в волнение и возвращаются домой.

Он вновь замолчал, всматриваясь в раскаленные угли камина, над которыми возникали и исчезали голубые язычки пламени.

— Дорога оказалась... Ну, сначала сбежал проводник, потом переводчик. Они бросали вещи и исчезали. Утром, когда я просыпался под москитной сеткой, — молчание, вы-

тарашенные глаза, искаженные страхом лица и перешептывание за спиной. Под конец я связывал их друг с другом, а конец веревки наматывал на руку. Ножи прятал, чтобы они не могли перерезать веревку. От постоянного недосыпа или от солнца воспалились глаза. Утром не мог их разлепить — так склеивались веки. А тут еще наступало лето. Рубашка от пота была жестче крахмальной, до шлема нельзя было дотронуться пальцем, тут же вскакивал волдырь. Ствол карабина жег, как раскаленная болванка.

Мы прокладывали дорогу тридцать девять дней. Я не хотел идти через селение старого Нфо Туабе, потому что он просил меня об этом, и на край джунглей мы вышли неожиданно. Внезапно кончилась адская, душная гуща листьев, лиан, вопящих попугаев, обезьян. Насколько видел глаз, впереди лежала равнина, желтая, как шкура старого льва. На ней росли группками кактусы, и среди них — конусы. Термитники. Они построены изнутри вслепую, часто бывают неправильной формы. Здесь мы провели ночь. Под утро я проснулся с дикой головной болью. Накануне неосторожно снял на минуту шлем. Солнце стояло высоко. Жара была такая, что воздух жег легкие. Все вокруг дрожало в мареве, как будто песок горел. Я был один. Негры перегрызли веревку и убежали. Остался тринадцатилетний мальчишка Уагаду.

Я двинулся вперед. Вдвоем мы перетаскивали багаж на несколько десятков шагов. Потом возвращались и переносили следующую партию. Такие ходки надо было проделывать по пять раз — под солнцем, которое палило, как дьявол. Сквозь белую рубаху мне нажгло спину до волдырей. Они не заживали. Спать приходилось на животе. Но все это ерунда. Целый день мы продвигались в глубь города термитов. Не знаю, есть ли на свете что-нибудь более грозное. Вообразите себе: со всех сторон — впереди, сзади — каменные термитники высотой в два этажа. Иногда стоят так близко, что между ними еле можно протиснуться. Бесконечный лес шероховатых серых колонн. А когда остановишься, внутри слышен слабый непрерывный мерный шелест, временами переходящий в постукивание. Когда ни прикоснешься к стене, ночью или днем, она постоянно дрожит. Несколько раз нам случалось раздавить один из туннелей, похожих на серые канаты, пучками раскиданные по земле. По ним бес-

конечной чередой шли белые насекомые. Тут же появлялись роговые шлемы солдат, которые вслепую стригли воздух клешнями и выбрасывали липкую жгучую жидкость.

Так я шел два дня — нечего было и думать о какой бы то ни было ориентировке. Два, три, четыре раза в день я вскарабкивался на какой-нибудь термитник повыше, ища тот, о котором говорил Нфо Туабе. Но видел только каменный лес. Джунгли за ним стояли зеленой полосой, потом — голубой линией на горизонте, наконец, исчезли. Запасы воды уменьшались. А термитникам не было конца. В бинокль я видел их все дальше, до горизонта, там они сливались воедино, как хлебные колосья. Меня поражал мальчик. Не жалуясь, он делал то же, что я, не зная почему и зачем. Мы шли так четыре дня. Я был совершенно пьян от солнца. Защитные очки не помогали. Небо, на которое до сумерек нельзя было взглянуть, невыносимо сияло, и страшно, как ртуть, блеснул песок. А кругом — частоколы термитников, без конца. Ни следа живого существа. Сюда не залетали даже стервятники. Только кое-где стояли одиночные кактусы.

Наконец вечером, отмерив полагавшуюся на этот день порцию воды, я влез на верхушку высоченного термитника. Думаю, он помнил времена Цезаря. Я смотрел кругом, уже без надежды, и вдруг увидел в бинокль черную точку. Сначала подумал, что это грязь на стекле. Я ошибся. Это был тот самый термитник.

Назавтра я поднялся, когда солнце еще не вставало. Еле-еле разбудил мальчишку. Мы принялись таскать вещи в направлении, которое я наметил по компасу. Я также сделал набросок местности. Термитники между тем пошли не такие высокие, но стояли очень часто. Наконец они образовали такой частокол, что мне было не пройти. Негритенок еще мог, и я подавал ему свертки, стоя между двумя цементными колоннами. Потом протискивался через верх. Это длилось пять часов. Но мы осилили, может быть, метров сто. Я видел, что таким образом нам ничего не добиться, и мной овладела какая-то горячка. Я говорю не в буквальном смысле, потому что у меня все время была температура под тридцать восемь. Климат. Может, это как-то действует на мозг. Я взял пять фунтовых брусков динамита и взорвал термитник, стоявший у нас на пути. Мы спрятались за другими,

когда я поджег фитиль. Взрыв был приглушенный, взрывная волна пошла вглубь. Земля задрожала. Но другие термитники устояли. От взорванного остались только крупные куски оболочки, которые двигались, вертелись — столько на них было белотелых насекомых. До тех пор мы не причиняли друг другу вреда. Теперь началась война. Через воронку нельзя было пройти. Десятки тысяч термитов вылезали из ямы и катились волной, как лава. Они ощупывали каждый клочок земли. Я разжег серу, надел на плечи бак. Вы знаете, как выглядит такое устройство. Похоже на штуку, из которой садовники опрыскивают кусты. Или на огнемет. Едкий дым повалил из шланга, который я держал в руке. Я надел противогаз, другой дал мальчику. Еще дал ему специально на этот случай заказанные ботинки — оплетенные стальной сеткой. Так нам удалось пройти. Я разгонял термитов струей дыма; те, что не отступали, гибли. В одном месте пришлось прибегнуть к бензину, я разлил его и поджег, создав между нами и потоком термитов огненную преграду. Оставалось каких-нибудь сто метров до черного термитника. Не могло быть и речи, чтобы спать. Мы сидели у беспрерывно коптящего бака, светя фонариками. Ну и ночь! Вы никогда не проводили в противогазе шесть часов? Нет? Ну, тогда вообразите себе, что значит торчать в раскаленном резиновом рыле. Когда мне хотелось вздохнуть свободнее, я оттягивал от лица маску, задыхался в дыму. Так прошла ночь. Мальчик все время дрожал. Я боялся, не лихорадка ли это.

Наконец занялся день. Вода кончалась. У нас была только одна канистра. Ее могло хватить на три дня при бережливом расходовании. Надо было возвращаться как можно скорее.

Профессор прервал рассказ, открыл глаза и посмотрел в камин. Угли совсем посерели. Свет лампы наполнял комнату, зеленый, мягкий свет, как бы проникающий сквозь толщу воды.

— В тот день мы дошли до черного конуса.

Он поднял руку:

— Как согнутый палец. Так он выглядел. С гладкой, будто полированной поверхностью. Его окружали низкие конусы, и, что самое примечательное не вертикальные, а склоняющиеся к нему; я бы сказал, замаскированные фигуры, застывшие в гротескном поклоне.

Я собрал все запасы в одном месте этого круга — около сорока шагов — и приступил к делу. Мне не хотелось уничтожать черный конус динамитом. С момента, как мы вошли в это пространство, термиты больше не появлялись. Можно было наконец сдернуть с лица противогаз. Что за облегчение! Несколько минут на земле не было человека счастливее меня. Неопишное блаженство свободного дыхания — и этот конус, черный, странно искривленный, не похожий ни на что на свете. Я, как безумный, плясал и пел, несмотря на пот, градом кативший со лба. Мой Уагаду смотрел потрясенный. Может быть, ему казалось, что я поклоняюсь черному божку...

Но я быстро пришел в себя. Причин для радости было не много, вода кончалась, провизии еле-еле хватало на два дня. Правда, оставались термиты. Негры считают их лакомством. Но я не мог себя переломить. Впрочем, голод учит...

Он снова замолчал. Глаза его блестели.

— Чтобы не тянуть... Знаете, я разрушил этот конус... Старый Нфо Туабе говорил правду.

Он наклонился вперед. Черты его заострились. Он говорил, не переводя дыхания:

— Сначала там был слой волокон, тонкой пряжи, необыкновенно гладкой и прочной. Внутри — центральная камера, выстланная толстым слоем термитов. Да и были ли это термиты? Никогда в жизни таких не видел. Огромные, плоские, как ладонь, покрытые серебряным пушком, с конусообразными головами, заканчивающимися чем-то вроде антенны. Антенны прижимались к серому предмету величиной не больше моего кулака. Насекомые были невероятно старые. Неподвижные, будто деревянные. Они даже не пытались защищаться. Брюшки их мирно пульсировали. Но когда я отрывал их от этого предмета в центре, от этой круглой необыкновенной вещи, — мгновенно погибали. Рассыпались в руках, как истлевшие тряпки. У меня не было ни времени, ни сил, чтобы все изучить. Я достал из камеры этот предмет, запер в ящике из листовой стали и немедленно вместе с моим Уагаду пустился в обратный путь.

Не стоит рассказывать, как я добрался до побережья. Нам встретились рыжие муравьи. Я благословил минуту, когда решил тащить назад полную канистру бензина... Если бы не огонь... Но это не важно. Это отдельная история. Скажу

только одно: на первом привале я внимательно рассмотрел вещь, похищенную из черного конуса. Когда я очистил ее от наслоений, обнажился идеально правильный шар из вещества тяжелого, прозрачного, как стекло, но гораздо сильнее преломляющего свет. И там, в джунглях, обнаружился некий феномен, на который я не сразу обратил внимание. Думал, что мне показалось. Но когда добрался до цивилизованных мест на побережье, и еще после этого, — убедился, что не заблуждаюсь...

Он откинулся на спинку кресла и, почти невидимый — только голова выделялась на светлом фоне, — продолжал:

— Меня преследовали насекомые. Мотыльки, ночные бабочки, пауки, перепончатокрылые, какие угодно. День и ночь они тянулись за мной жужжащей тучей. А точнее, не за мной — за моим багажом, за металлическим ящичком, скрывавшим в себе шар. Во время путешествия на корабле было несколько лучше. Применив радикальные средства против насекомых, я избавился от этого бедствия. Новые не прилетали — в открытом море их нет. Но как только я сошел на берег Франции, все началось сызнова. А хуже всего муравьи. Где бы я ни задерживался более часа, там появлялись муравьи. Рыжие, древоточцы, фараоновы, черные, жнецы, крупные и мелкие неотвратимо тянулись к шару, собирались на стальном ящике, покрывали его пульсирующим клубком, кусали, грызли, уничтожали все упаковки, в которые я его помещал, давили друг друга, погибали, выделяли кислоту, пытаясь с ее помощью одолеть стальную пластину.

Он помолчал.

— Дом, где мы находимся, его уединенное положение, все меры предосторожности, которые я принимаю, вызваны тем, что меня беспрестанно преследуют муравьи.

Встал.

— Я делал опыты. С помощью алмазных сверл отделил от шара крошку не больше макового зерна. Она действовала так же притягивающе, как и весь шар. Я также обнаружил, что, если окружить шар толстым слоем свинца, он перестает действовать.

— Какие-то лучи? — охрипшим голосом спросил слушатель. Он, как загипнотизированный, вглядывался в едва различимое лицо старого ученого.

- Возможно. Не знаю.
- ...Этот шар у вас?
- Да. Вам хочется посмотреть на него?

Собеседник профессора вскочил. Хозяин пропустил его вперед, вернулся к столу за ключом и поспешил за гостем в темный коридор. Они вошли в узкую, без окон, каморку. Она была пуста, в углу стоял большой старинный сейф. Слабый свет голой лампочки под потолком синевато поблескивал на стальных поверхностях. Профессор привычной рукой вставил ключ в замок. Повернул, раздался скрежет засовов, толстые двери раскрылись. Он сделал шаг в сторону. Сейф был пуст».

SETI

Каюты физиков находились на четвертом ярусе. Он уже ориентировался на «Эвридике», изучил план корабля, столь непохожего на те, на которых он летал. Ему были непонятны многие названия и назначение странных устройств кормового отсека, безлюдного и отделенного от остальной части тройными переборками. Гусеницеобразное чудовище вдоль и поперек было пронизано коммуникационными туннелями, образующими нечто подобное подземной сети вытянутого, цилиндрического города. Его мышцы хранили память о тесных коридорах — овальных или круглых, как колодцы, — в которых при невесомости приходилось плавать, время от времени помогая себе легким толчком, чтобы повернуть за угол, а на грузовых кораблях в трюм можно было попасть проще — через ствол вентиляционной системы: достаточно было включить компрессор и затем нестись в шуме почти настоящего ветра, причем ноги, висящие в воздухе, казались ненужным, рудиментарным придатком, с которым неизвестно что делать. Он почти жалел о невесомости, которую в свое время не раз проклинал из-за того, что законы Ньютона давали о себе знать: достаточно было стукнуть молотком, не держась как следует другой рукой, чтобы полететь по линии отдачи, выделывая кульбиты, смешные только для зрителей. Лифты, ни к чему не прикрепленные — обтекаемые кабины с вогнутыми окнами, в которых можно было увидеть собственное искаженное отражение, — двигались бесшумно, показывая

номера секторов и мигая на нужной остановке. Коридор был выстлан чем-то пружинящим и шероховатым, за углом исчез похожий на черепаху пылесос, а он шел вдоль ряда дверей, слегка вогнутых, как и стена, с высокими порогами, окованными медью, — наверняка прихоть какого-нибудь специалиста по интерьерам, иначе этого не объяснишь. Он остановился перед каютой Лоджера, сразу утратив уверенность в себе. Он еще не сумел стать своим для членов команды. Их доброжелательность в кают-компании, готовность то одного, то другого пригласить его к своему столу казалась ему нарочитой, будто они изображали, что он и в самом деле — один из них, только пока без должности. Он, правда, разговаривал с Лоджером, и тот уверил его, что можно прийти, когда угодно, но и это не внушало доверия, а настораживало. Все-таки Лоджер был видным физиком, и не только на «Эвридике». Он никогда не думал, что придется мучиться сомнениями насчет *savoir-vivre** — эти слова были здесь так же странны, как слово «флирт» в подземельях пирамид. Дверь без ручки — достаточно было коснуться ее кончиками пальцев, и она открылась так быстро, что он чуть не отшатнулся, как дикарь от автомобиля. Просторная комната-поразила его беспорядком. Среди разбросанных магнитных лент, пластин, бумаг, атласов высился большой письменный стол со столешницей в виде полукольца, с вращающимся стулом в центре, за ним на стене — черный квадрат с перемещающимися светлячками искр. По обе стороны мерцающего табло висели огромные подсвеченные фотографии спиральных туманностей, а дальше высились вертикальные столбы-цилиндры, частью открытые, заполненные дисками процессоров. В левом углу громоздился уходящий в потолок четырехгранный аппарат с прикрепленным к нему сиденьем, а из щели под бинокляром мелкими скачками выходила лента с каким-то графиком и, сворачиваясь, ложилась на пол, покрытый старым персидским ковром с затертой вязью рисунка. Ковер добил его окончательно. Цилиндр-колонна исчез, открыв вход в следующее помещение. Там стоял Лоджер — в полотняных брюках и свитере, с давно не стриженной головой — и улыбался ему заговорщицки и простодушно. У него было пухлое лицо

---

* Обходительность (фр.).

состарившегося ребенка, и он так же не походил на создателя высоких абстракций, как Эйнштейн в пору своей работы в каком-то учреждении.

— Добрый день... — сказал гость.

— Входи, коллега, входи. Что значит вовремя прийти: одним махом можно проникнуть в физику и в метафизику... — И в пояснение добавил: — У меня отец Араго.

Он вошел вслед за Лоджером в другую каюту, меньшего размера, с застеленной кроватью, несколькими креслицами вокруг стола. Доминиканец рассматривал в лупу какой-то план или, может быть, компьютерную карту планеты — по ней шли параллели.

Араго выдвинул кресло рядом с собой. Все трое сели.

— Это Марк. Вы его знаете? — спросил Лоджер и, не ожидая ответа, продолжил: — Догадываюсь о ваших сложностях, Марк. Трудно договориться с духом в машине.

— Машина невиновна, — заметил доминиканец с ощутимой иронией в голосе. — Она говорит то, что в нее вложено.

— То, что мы в нее вложили, — уточнил, упрямо улыбаясь, физик. — В теориях нет согласия, но его никогда и не было. Речь идет о послеоконных цивилизациях, — пояснил он новому гостю. — Вы пришли в разгар спора, я кратко изложу начало. Вы уже знаете, что прежние понятия о ЕТІ* изменились. Если даже в галактике имеется миллион цивилизаций, то время их существования настолько разное, что нельзя сначала уговориться с хозяином планеты, а потом его навестить. Цивилизацию поймать трудней, чем однодневку. Поэтому мы ищем не бабочку, а куколку. Вы знаете, что такое «окно контакта»?

— Знаю.

— Ну вот! Перебрав миллионов двести звезд, мы обнаружили одиннадцать миллионов кандидаток. У большинства из них планеты либо мертвы, либо находятся ниже окна, либо выше. Представь себе, — он неожиданно перешел на «ты», — что ты влюбился в портрет шестнадцатилетней девушки и решил добиться взаимности. К сожалению, путешествие длится пятьдесят лет. Ты окажешься перед старухой или покойницей. Если отправишь любовное послание поч-

---

* Extraterrestrial Intelligence — внеземной разум (англ.).

той, состаришься, прежде чем получишь первый ответ. Такова *in puse** начальная концепция СЕТИ**. Нельзя перемежать разговор столетними паузами.

— Значит, мы летим к куколке? — спросил он.

С некоторого времени его называли Марком, и сейчас, непонятно почему, у него мелькнула мысль, не пошло ли это от монаха, который тоже и был, и не был членом экипажа.

— Неизвестно, к чему, — заметил Араго.

Лоджер, казалось, был доволен этими словами.

— Вот именно. Жизнетворные планеты мы узнаем по составу атмосферы. Их каталог насчитывает в нашей галактике многие тысячи. Мы отобрали тридцать подающих надежды.

— На разум?

— Разум в колыбели невидим. Но когда подрастет, вылетает из окна. Нужно застать его до того. Откуда мы знаем, что наша цель стоит усилий? Это Квинта, пятая планета дзеты Гарпии. Имеется ряд фактов.

— *In dubio pro geo****, — изрек доминиканец.

— А кто, по-вашему, обвиняемый? — спросил Лоджер и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Первый космический симптом разума — радио. Задолго до радиоастрономии. Нет, не так уж задолго — около ста лет. Планету с передатчиками можно обнаружить, когда их суммарная мощность выразится в гигаваттах. Квинта излучает в коротком и ультракоротком диапазонах меньше, чем ее солнце, но для мертвой планеты феноменально много. Для достигшей этапа электроники — средне, ниже уровня солнечных шумов. Но что-то там есть, какое-то радио, хотя бы подпороговое. Имеются доказательства.

— Улики, — снова поправил его апостольский посланник.

— Даже меньше — одна улика, — согласился Лоджер. — Но еще важнее то, что на Квинте наблюдались точечные электромагнитные вспышки и излучение одной из них было зарегистрировано спектроскопами орбитеров Марса. Два эти орбитера обошлись Земле дорого: в цену нашей экспедиции.

— Атомные бомбы? — спросил человек, уже согласившийся называться Марком.

---

* По сути (*лат.*).

** Контакт с внеземным разумом.

*** Сомнение (толкуется) в пользу обвиняемого (*лат.*).

— Нет. Скорее, начало планетной инженерии, поскольку вспышки были термоядерные, чистые. Если бы на Квинте развитие шло, как на Земле, началось бы с уранидов. Более того, эти вспышки появились внутри полярного круга. То есть в тамошней Антарктике либо Арктике. Так можно растапливать материковые льды. Но мы не в этом расходимся. — Он посмотрел на доминиканца. — Речь идет о том, что своим прилетом мы можем нанести им вред. Отец Араго полагает, что можем. Я тоже так думаю...

— В чем же различие?

— Я считаю, что игра стоит свеч. Познание мира без ущерба невозможно.

Он начинал понимать смысл разногласий. Он даже забыл, кто он. К нему вернулся былой задор.

— Вы, священник... то есть отец, вы летите с нами вопреки своим убеждениям? — спросил он у монаха.

— Конечно, — ответил Араго. — Церковь была против экспедиции. Так называемый контакт может оказаться даром данайцев. Открыванием ящика Пандоры.

— Вы заразились мифологическим духом проекта. — Лоджер рассмеялся. — «Эвридика», «Юпитер», «Гадес», «Цербер»... Это мы понатащили у греков. Корабль, впрочем, должен был бы называться «Арго», а мы — психонавтами. Постараемся принести как можно меньше вреда. Поэтому и ход операции настолько сложен.

— *Contra spem spero**, — вздохнул монах. — Вернее сказать, хочу оказаться неправым.

Лоджер, похоже, не слышал его, он уже думал о другом.

— Пока мы приблизимся к Квинте, на ней за год корабельного времени пройдет по крайней мере триста лет. Это значит, что мы застанем их уже в верхней части окна. Только бы не опоздать! Секундные изменения нашего графика, и мы либо придем раньше времени, либо опоздаем. А вред... вы же знаете, отец, что технологическая цивилизация инертна, хотя и нестационарна. Иначе говоря, ее нелегко сбить с курса. Что бы ни произошло, мы не выступим в роли богов, спустившихся с небес. Мы ищем не первобытные культуры, и в СЕТИ нет астроэтнологов.

---

* Без надежды надеюсь (лат.).

Араго молчал, глядя на физика из-под полуопущенных век. Свидетель разговора отважился спросить:

— Разве это хорошо?

— Что? — удивился Лоджер.

— Считать незамеченных несуществующими. Такое приравнивание верно только прагматически...

— Это можно назвать и оппортунизмом, если вам угодно, — холодно ответил Лоджер. — Мы выбрали задание, которое можно выполнить. Окно контакта имеет эмпирическую раму, но этическое основание. Нам не вложить знаний, сублимированных двадцать вторым веком, в головы пещерных жителей. Впрочем, почему *pluralis majestaticus*?* Я отстаивал проект, и вот я здесь, потому что под контактом понимаю обмен знаниями. Обмен. Не патронат, не поучения, как стать лучше.

— А если там царит зло? — спросил Араго.

— А разве существует универсальное зло? В неизменном виде? — возразил Лоджер.

— Боюсь, что существует.

— Тогда следовало сказать «*non possumus*»** и оставить проект без внимания...

— Я лишь исполняю свой долг.

С этими словами священник встал, попрощался, склонив голову, и вышел.

Лоджер, развалившись в кресле, состроил непонятную гримасу, пошевелил губами, как бы ощущая на них горечь, и буркнул отрешенно:

— Я его уважаю за то, что он выводит меня из равновесия. Ко всему приделывает крылья. Либо рога. Хватит. Я не затем хотел с вами увидеться. Мы пошлем на Квинту разведку. Сегмент корабля, который сможет приземлиться. «Гермес». Полетит девять или десять человек. Четверка командиров уже известна. Специалистов будут выбирать голосованием. Вы хотите быть в списке?

Он не сразу понял.

— Ну, приземлиться там...

---

* Множественное возвеличение (*лат.*). Здесь: множественное число.

** Не можем (*лат.*).

Его обожгли недоверие и восторг. Лоджер увидел, как у него заблестели глаза, и сказал предупреждающе:

— Попасть в список — еще не значит участвовать. Здесь не имеют значения научные заслуги. Величайший теоретик запросто может наложить в штаны. Нужны крепкие люди. Такие, которых ничто не сломит. Герберт — прекрасный психоник, психолог, знаток душ, но мужество не проверяется в лабораториях. Ты знаешь, кто ты?

Он побледнел.

— Нет.

— Так я тебе скажу. В бирнамских ледяных завалах погибло много людей в шагающих машинах. Их застигло извержение гейзеров. Это были водители-профессионалы, они выполняли свою работу, и никто из них не знал, что идет на смерть. Двое пошли их искать по собственной воле. Ты — один из двоих.

— Откуда вы знаете?.. Доктор Герберт говорил мне, что...

— Доктор Герберт и его ассистент — корабельные врачи. Они понимают в медицине, но не в компьютерах. Они считали должным сохранить врачебную тайну — ведь личность воскрешенного не удалось установить. Не травмировать психику — вот их аргумент. На «Эвридике» нет подслушивания, но есть центр с нестираемой памятью. Доступ к нему имеет командир, первый информатик и я. Ты ведь не расскажешь этого врачам? Правда?

— Не расскажу.

— Это бы задело их. Я знаю, ты этого не сделаешь.

— Разве они не догадаются, если...

— Не думаю. Врачи систематически проверяют состояние здоровья всего экипажа. Голосование тайное. Из пяти голосов получишь три. Так мне кажется. А говорю тебе об этом сейчас, потому что ты должен как следует подготовиться. Я знаю, ты показал на симуляторах отличные навыки по астронавтике в категориях прошлого века — но не в сегодняшних. В течение года будешь межзвездным школьником. Если справишься, увидишь квинтян. А сейчас прощаемся, у меня полно дел.

Они встали. Он был выше и моложе известного физика. Лоджер не полетит, подумалось ему. Лоджер проводил его до двери. Он не видел ни физика, ни искр, мечущихся по черному экрану, не помнил, как попрощался и что говорил. Не помнил и как очутился в своей каюте. Не знал, что с

собой делать. Пошел в кладовку, по ошибке otvorил не ту дверь, увидел в зеркале свое лицо и сказал:

— Увидишь квинтян.

Он принялся за учение. Итог статистических расчетов был в целом ясен. Жизнь возникает и безгласно существует на планетах миллиарды лет. Из нее вырастают цивилизации, но не для того, чтобы исчезнуть, а чтобы претвориться в то, что выше человека. Поскольку частота рождений техногенных цивилизаций для обычной спиральной галактики, в общем, постоянна, они рождаются, созревают и исчезают в одинаковом темпе. Новые, хотя и продолжают возникать, исчезают из окна контакта быстрее, чем с ними удастся обменяться сигналами. Немота примитивных цивилизаций очевидна. Молчанию высших посвящено бесчисленное множество гипотез. Из них собралась библиотека, которой он пока не касался. Он читал: в данный момент, в данный век (астрономически это одно и то же) Земля представляет собой, следует признать, единственную цивилизацию — уже техническую, но еще биологическую — в районе Млечного Пути. Казалось, что расчеты СЕТИ провалились. Прошло полтора века, прежде чем выяснилось, что это не так. Действительно, нельзя преодолеть пространство между двумя звездами так, чтобы одни Живые и Разумные Существа могли встретить Других и вернуться; это недостижимо при обычном полете. Если бы даже астронавты летели со световой скоростью, они бы не увидели ни тех, к кому отправились, ни тех, кого оставили на Земле. И здесь и там за несколько лет корабельного времени пройдут по крайней мере столетия. Это категорическое утверждение науки дало церкви повод к следующему теологическому рассуждению. Тот, кто сотворил мир, сделал несбыточной мечтой встречи Сотворенных на разных звездах. Он возвел между ними преграду, идеально пустую и невидимую, но непреодолимую: свое, а не человеческое расстояние. Но история людей всегда идет по-другому, чем мысль, ее предсказывающая. Пространственные пропасти Космоса оказались преградой, которую действительно нельзя преодолеть. Но ее можно обойти серией особых маневров.

Среднее время галактики едино — она сама является часами, показывающими свой возраст, а значит, и время. Там же, где властвует наивысшая напряженность гравитации, га-

лактическое время резко меняется. Оно имеет границы, у которых останавливается. Это сферы Шварцшильда — черные поверхности захлопнувшихся звезд. Такая поверхность представляет собой «горизонт явлений». Приближающийся к ней предмет в глазах отдаленного наблюдателя начинает расплываться и исчезает, прежде чем коснется поверхности черной дыры, поскольку время, растянутое гравитацией, перемещает свет сначала к инфракрасным, потом ко все более длинным электромагнитным волнам, пока наконец ни один отраженный фотон уже не достигнет наблюдателя, так как черная дыра поглощает своим горизонтом каждую частицу и каждую кроху света навсегда. Кроме того, при приближении к черной дыре путешественник будет вместе с кораблем разорван нарастающей гравитацией. Приливы и отливы тяготения растягивают там любой материальный объект, пока он, как нить, продолжающая радиус черного шара, не нырнет в него навсегда.

Захлопнувшуюся звезду, коллапсар, нельзя даже облететь ни по какой траектории: приливы тяготения убьют путешественников и разорвут их корабль. Если бы кораблем был сверхплотный космический карлик, нейтронная звезда — шар из втиснутых одно в другое ядер атомов, настолько твердый, что сталь по сравнению с ним не тверже газа, — ему бы это не помогло. Коллапсар вытянет такой шар в веретено, разорвет и проглотит в одно мгновение, и останутся только агональные вспышки уходящего в пустоту рентгеновского излучения. Так — внезапно — гильотинируют пришельцев коллапсары, возникшие из звезд, в несколько раз более тяжелых, чем Солнце. Если же, однако, масса черной дыры будет в сто или тысячу раз превышать солнечную, тяготение у ее горизонта может быть слабым, как земное. Сначала ничто не угрожает кораблю, который добрался туда, и люди, влетая под такой горизонт, вообще могут ничего не заметить. Но они тем не менее не смогут выбраться из-под этой невидимой оболочки никогда. Корабль, втянутый в глубь гигантского коллапсара, в течение дней или часов — это зависит от массы ловушки — будет уничтожен в падении к его центру.

Такие теоретические модели гравитационных могил построила астрофизика в конце двадцатого века. Как обычно в истории познания, модель оказалась несовершенной. Она была упрощенной схемой действительности. Сначала внесла

поправки квантовая механика: излучение каждой черной дыры тем слабее, чем она больше. Гиганты, расположенные обычно в центрах галактик, тоже когда-нибудь исчезнут, но их «квантовое испарение» будет длиться сто миллиардов лет. Они будут последними остатками прежнего звездного величия Космоса.

Дальнейшее разнообразие черных дыр было открыто при очередных расчетах и моделировании. Звезда «захлопывается» потому, что ее излучение слабеет и не может противостоять тяготению; она приобретает форму шара не сразу. Сжимаясь, она дрожит, как капля, попеременно расплющиваясь в диск и растягиваясь, как веретено. Эта дрожь длится очень недолго. Частота колебаний зависит от массы коллапсара. Он ведет себя как гонг, ударяющий сам в себя. Но умолкший гонг можно ударом извне заставить дрожать снова. С черным шаром это можно сделать при помощи сидеральной инженерии. Нужно знать ее законы и располагать достаточной энергией, порядка 10^{44} эргов, излучаемой так, чтобы черный шар начал резонировать. Зачем? Чтобы создать то, что астрофизики, привыкшие к громадности объектов своих исследований, назвали «темпоральной луковицей». Так же, как сердцевину луковицы окружает слоями мякоть, на срезе напоминающая годовые древесные кольца, так коллапсар в резонансе окружен изогнутым гравитацией временем — вернее, сложными наслоениями пространство-времени. С точки зрения удаленных наблюдателей, черная дыра дрожит, как камертон, несколько секунд. Но для того, кто оказался бы около нее в прослойке измененного времени, показания галактических часов потеряли бы смысл. Значит, если корабль доберется до черной дыры, многообразно деформирующей пространство-время, он может всплыть в брадихрон и в этой области замедленного времени находиться годами — чтобы затем покинуть темпоральный порт.

Для внешнего наблюдателя корабль исчезнет, приблизившись к черной дыре, а после невидимой стоянки на брадихроне появится в окрестностях звезды. Для всей Галактики, для всех сторонних наблюдателей коллапсар, приведенный в резонанс, несколько секунд дрожит, изменяя форму от сплюснутого диска до веретена. Подобным образом он содрогался в агонии, когда был захлопывающейся звездой, раздав-

ленной собственной тяжестью после того, как выгорела ее нуклеарная начинка.

Для корабля на брадихроне время почти стоит. Но это еще не все. Содрогающийся коллапсар ведет себя не как идеально эластичный мяч, а скорее как неравномерно деформирующийся при подскоках шарик. Это результат усиления квантовых эффектов. Поэтому при брадихронах могут появляться ретрохроны: потоки времени, текущего вспять. Для внешнего наблюдателя не существует ни первых, ни вторых. Чтобы использовать это стоячее либо обратное время, в него нужно вторгнуться.

Проект предусматривал использование одинокого коллапсара над скоплением Гарпии, как порта, в который должна войти «Эвридика». Ведь задачей экспедиции был не контакт с любой цивилизацией, находящейся в периоде возможного контакта, а поимка цивилизации, которая, как бабочка, стремящаяся к небу, улетает из окна — уже трепещет крыльями около его верхнего края, и там ее должен настичь энтомолог. Для этой операции была необходима стоянка во времени на таком расстоянии от обитаемой планеты, чтобы земляне-космонавты успели посетить ее, прежде чем цивилизация сойдет с основного курса развития Ортеги — Нейсселя. С этой целью экспедиция была разделена на три этапа. На первом «Эвридика» должна была долететь до расположенного в созвездии Гарпии коллапсара, намеченного в качестве места для засады и темпоральных маневров. Этот коллапсар с полным основанием был назван Гадесом, ибо «Эвридике» предшествовал бесплодный гигант, ракета-заряд одноразового употребления «Орфей». Он был гравитационным орудием, представляя собой грасер (*gravitation amplification by collimated excitation of resonance**). По сигналу «Эвридики» он должен был привести черную дыру в содрогание, соответствующее ее собственной частоте колебаний.

Огромный по земным масштабам, «Орфей» был перышком по сравнению с массой коллапсара, который ему предстояло раскачать, но он должен был воспользоваться гравитационным резонансом. Отдавая дрожащую душу Гадесу,

---

*Усиление гравитации путем фокусированного возбуждения резонанса (*англ.*).

«Орфей» должен был заставить его сжаться и разжаться, чтобы черный ад раскрыл свою пропасть и впустил «Эвридику» в круговорот брадихронических потоков. Сначала с борта корабля следовало убедиться, что отстоящая на пять световых лет Квинта находится в расцвете технологической эры, и после такого диагноза установить подходящее время для ее посещения. После определения этого времени «Эвридика» должна была создать себе темпоральную пристань внутри Гадеса, приведенного в дрожь грасерным излучением «Орфея». Поскольку его хватало лишь на один гравитационный выстрел и этим выстрелом он уничтожал себя, операцию нельзя было повторить. Если бы она не удалась с первого раза из-за навигационной ошибки внутри темпоральных бурь, из-за неверной оценки темпов развития квинтянской цивилизации или из-за любого фактора, не принятого во внимание, экспедиции угрожало бы фиаско, означающее в лучшем случае возвращение на Землю ни с чем. План осложнялся к тому же намерением прибегнуть в Гадесовом аду к ретрохрону, то есть ко времени, идущему вспять по отношению ко времени всей галактики, чтобы экспедиция могла вернуться в окрестности Солнца меньше чем через двадцать лет после старта, хотя Гарпию от Земли отделяет тысяча парсеков. Правда, точная дата возвращения лежала в границах неопределенности: доли секунды полета по ретрохронам и брадихронам оборачивались годами вдали от гравитационных прессов и жерновов.

Его разум не мог принять эту информацию; он видел в ней противоречия. Основным было следующее.

«Эвридика» должна зависнуть над коллапсаром вне времени или во времени, отличающемся от обычного. Разведчики полетят к Квинте и вернутся. Это займет более семидесяти тысяч часов, или около восьми лет. Коллапсар под ударами грасера должен вибрировать, превращаясь то в уплотненный диск, то в длинное веретено, всего несколько минут — для всех отдаленных наблюдателей. Значит, когда отряд вернется, он уже не застанет корабль в коллапсической гавани. Черная дыра задолго до этого вновь обратится в пульсирующий шар. Тем не менее «Гермес», покинув Квинту, должен найти родной корабль в темпоральной гавани. Но ведь он не застанет этой гавани, возникшей, чтобы тут же

исчезнуть; она не может просуществовать до возвращения «Гермеса». Как согласовать одно с другим?

— Некоторые физики, — объяснил ему Лоджер, — утверждают, что понимают это так же легко, как понимают, что такое камень или шкаф. В действительности они понимают лишь соответствие теории и результатов измерений. Физика, дорогой мой, — это узкая тропинка над пропастями, недоступными человеческому воображению. Это собрание ответов на некоторые вопросы, которые мы задаем миру, а мир отвечает нам — с условием, что мы не будем задавать ему иных вопросов, о которых вопиет здравый смысл. Что такое здравый смысл? То, что содержит интеллект, основанный на тех же чувствах, что у обезьян. Интеллект, познающий мир в соответствии с законами, сформированными в его земной биологической нише. Но мир за пределами этой ниши, этого рассадника умных человеко-обезьян, имеет особенности, которые нельзя взять в руку, увидеть, укусить, услышать, ощупать и, таким образом, освоить. Полет «Гермеса» будет длиться для «Эвридики», стоящей в коллапсической гавани, несколько недель. Для экипажа «Гермеса» он продлится около полутора лет. Из них три месяца — путь до Квинты, год на Квинте и квартал на обратный путь. Для наблюдателей, не находящихся ни на «Гермесе», ни на «Эвридике», «Гермес» выполнит свое задание за девять лет, и «Эвридика» скроется с их глаз на такое же время. По времени, измеряемому на ее борту, она перейдет из пятницы в субботу, вернется в пятницу, и тогда коллапсар извергнет ее в пространство. На «Гермесе» время будет идти медленнее, чем на Земле, из-за его световой скорости. Время на «Эвридике» будет идти еще медленнее, а потом пойдет вспять из-за ее маневров: она перейдет с брадихрона на ретрохрон, а с него перескочит на галактохрон. То есть из времени, гравитационно растянутого, в обратное время, а из него вынырнет и встретится с «Гермесом» в неискаженном пространстве-времени. Если «Эвридика» ошибется в своих маневрах на секунды, перемещаясь по вариохронам, она не встретит «Гермеса». В этом нет никаких противоречий, если можно так выразиться, со стороны мира. Противоречия возникают, когда разум, выношенный при ничтожном земном тяготении, сталкивается с существовани-

ем тяготений в биллион раз больших — вот и все. Мир устроен по универсальным законам, именуемым законами Природы, но один и тот же закон может действовать с разной интенсивностью. Вот пример: для того, кто очутится в черной дыре, пространство приобретет вид времени, поскольку он не сможет двигаться в пространстве назад, так же как нельзя в земном времени идти вспять, то есть в прошлое. Впечатлений этого путешественника невозможно вообразить, даже приняв, что он не погибнет тут же за горизонтом событий. Несмотря на это, я считаю, что мир к нам расположен, поскольку мы можем овладеть тем, что противоречит нашим ощущениям. Ну вот подумай: ребенок может овладеть речью, не понимая ни принципов грамматики, ни синтаксиса, ни внутренних противоречий языка — они скрыты от говорящего. Видишь, я из-за тебя стал философствовать. Человек жаждет окончательных истин. Он полагает, что к этому стремится любой смертный разум. Что такое конечная истина? Это конечная точка пути, где больше нет ни тайн, ни надежд. Когда ни о чем не надо спрашивать, поскольку все ответы уже даны. Такого места не существует. Космос — лабиринт, созданный из лабиринтов. В каждом обнаруживается следующий. До тех мест, куда нельзя войти нам самим, мы добираемся с помощью математики. Мы создаем из нее средства передвижения по нечеловеческим областям мира. И еще — из математики можно конструировать внескопические миры независимо оттого, существуют ли они. Кроме того, можно оставить математику и ее миры ради веры в потусторонний мир. Этим занимаются люди типа отца Араго. Различие между мною и им — это различие между доступностью осуществления определенных событий и надеждой на осуществление определенных событий. Моя профессия занимается тем, что доступно, а его — тем, что только ожидаемо и доступным для лицезрения станет лишь после смерти. Чего ты удостоился после смерти? Что ты увидел?

— Ничего.

— Именно в этом *differentia specifica** между знанием и верой. Насколько мне известно, то, что воскрешенные ничего не видели, не нарушило догматов веры. Новая эсхато-

---

*Видовое отличие (лат.).

логия христианства утверждает, что воскресенный забывает о жизни на том свете. И что это — в моей трактовке — акт божьей цензуры, запрещающей людям прыгать туда и обратно с этого на тот свет. *Credenti non fit injuria**. Раз стоит жить для такой эластичной веры — Араго тому доказательство, — то несколько легче принять за чистую монету противоречия, которые приведут тебя к квинтянам. Доберься физике так, как Араго — своей вере. Физика в отличие от веры совершает ошибки. Ты волен выбирать. Подумай. А теперь иди. Я должен работать.

Было около полуночи, когда он оказался в своей каюте. Он думал то о Лоджере, то о монахе. Физик был на своем месте, а тот, другой? Чего он ждал? На что рассчитывал? Не на миссионерство же? Не образовалась ли уже теологическая пристройка к нечеловеческим дарам и творениям Бога и не считает ли себя Араго ее глашатаем? Почему он обмолвился, что там может господствовать зло? Теперь только до него дошел ужас, в котором, очевидно, жил этот человек. Он боялся не за себя — за свою веру. Он мог считать Искупление милостью, посланной человечеству, участвуя в экспедиции к нелюдским существам — то есть в области, которых не достигает его Евангелие. Он мог так считать. А поскольку он верил в вездесущность Бога, то верил и в вездесущность зла, ибо дьявол, введивший Христа во искушение, существовал до Благовещения и Зачатия. Значит, Араго вез с собой догматы, которыми жил, чтобы причинить им ущерб? Он покачал головой. Лоджера можно было спрашивать обо всем, а этого — нет. В Евангелии нет ни слова о том, что рассказал Лазарь после воскресения. И сам он не может помочь отцу Араго, хотя и восстал из мертвых. Вера, охраняя себя, дала таким воскресениям иное светское, земное название и благодаря этому не была нарушена. Впрочем, он в таких вещах не разбирался, он лишь почувствовал мучительное одиночество монаха, потому что сам уже не был одиноким, беспомощным и безучастным, случайно взятым на борт найденышем. Он укладывался спать, вслушиваясь в абсолютную тишину «Эвридики». Скорость — у границы световой. Предстоял поворот тяги. Часы во всех помещениях покажут критическое время: экипаж дол-

---

*Верующему не повредит (*лат.*).

жен лечь на койки навзничь и пристегнуться ремнями. Шары корпуса внутри бронированных сегментов повернутся на сто восемьдесят градусов. Все вокруг завертится. Хаос, головокружение продлятся минуту. Потом все снова застынет в спокойной тишине. Пламя тяги уже не будет омывать корму, оно рванется вдоль носа вперед. Благодаря этому несколько улучшится связь с Землей. С многолетним опозданием будут догонять «Эвридику» вести от тех, кого экипаж оставил на Земле. Ему не придет лазерное письмо, так как он никого не оставил на Земле. Но вместо прошлого у него было будущее, ради которого стоило жить.

Предыстория экспедиции была полна противоречий. Задача, в принципе выполнимая, имела множество противников. Шансы на успех высчитывали на разные лады — они не могли быть велики. Список происшествий, способных так или иначе погубить экспедицию, не уложился в тысячу пунктов. Может быть, поэтому экспедиция все-таки состоялась. Ее почти-бесполезность, ее опасность были великолепным вызовом, достойным того, чтобы нашлись люди, готовые его принять. Но, прежде чем «Эвридика» помчалась, набирая скорость, стоимость предприятия возросла на целый порядок, что, впрочем, резонно предвидели оппоненты и критики. Однако вложенные средства по инерции потянули за собой дальнейшие. Экономическая сторона проекта ходила ходуном не хуже, чем Титан после старта «Эвридики». Путешественник, погруженный в чтение, пропустил эти кризисы подготовительных работ и строительства корабля — и их отзвуки на Земле: производственные срывы и связанные с ними политические аферы и коррупцию. Что за дело ему до них, раз он уже летит? Зато он погрузился в историю астронавтики, в документацию транссолярных путешествий, полетов к альфе Центавра автоматических зондов, в отчеты, полные имен работников Грааля и Рембдена, — может быть, в надежде, что вспомнит среди них тех, кого хорошо знал. И может быть даже, как по нитке до клубка, таким образом дойдет до себя. Бывало, засыпая или только что проснувшись, он почти чувствовал, что вот-вот вспомнит — тем более что уже не однажды во сне он знал, кем был. Но к действительности он возвращался с тщетной

надеждой, что обретет свою идентичность — пригрезившуюся в снах. Спустя год, когда «Эвридика» уже тормозила, сходила со световой на подходе к коллапсару, ширящемуся в небе, как настоящая дыра — в ней не было звезд, — тренируясь, учась, читая, он отказался от таких попыток. Правда, не совсем: наяву он уже стал одним из сменных пилотов «Гермеса», но в снах, о которых никому не рассказывал, все еще был тем человеком, который вошел в Бирнамский лес.

БЕТА ГАРПИИ

«Эвридика» гасила скорость, снижая тягу. Несколько десятков часов она летела по траектории, именуемой эвольвентой, в направлении беты Гарпии, невидимого для глаз коллапсара. Корабль уже пересекал дальние от звезды изогравы, приливы тяготения, которые еще были переносимы для людей и для корабля. Курс, выбранный по оптимальному расчету, был безопасным, но отнюдь не легким. Изогравы, линии, проходящие через точки пространства с одной и той же кривизной, вились на изолокаторах, как змеи в черном огне. Дежурные в рубке, называвшейся стояночной, поскольку она служила для управления кораблем только в поле быстропеременных сил тяготения, смотрели на мерцающие мониторы, потягивая из банок пиво, и, чтобы развлечься, болтали глупости. В сущности, дежурства были традиционным наследием классической эры астрогации: никто не стал бы и пытаться перейти на ручное управление — ни один человек не обладал достаточно быстрой для этого реакцией.

Коллапсар был открыт поздно и с большими сложностями, так как он был одиночкой. Легче всего обнаруживаются коллапсары в двойных системах — имеющие по соседству звезду, называемую «живой», потому что она светится; с нее обдираются верхние слои астросферы и мчатся по сужающимся спиральям к черной дыре, чтобы провалиться в нее под аккомпанемент жестких рентгеновских вспышек. Этот поток украденных у соседки газов окружает коллапсар диском аккреции — огромной поверхностью, чрезвычайно опасной для любых объектов, в том числе и ракет. Никакой корабль не может пролететь поблизости, потому что прежде,

чем его затянет под «горизонт явлений», радиация уничтожит и человеческий мозг, и цифровые машины.

Одиноким коллапсар в созвездии Гарпии был открыт благодаря пертурбациям, в которые он вверг ее альфу, гамму и дельту. Удачно названный Гадесом*, превышающий массу Солнца в четыреста раз, он становился все заметнее — он загораживал звезды, а у его горизонта было мнимое скопление звезд, так как он служил гравитационной линзой для их света. Его аннигиляционная оболочка вращалась на экваторе со скоростью, равной двум третям световой, центробежная сила и силы Кориолиса раздували ее, поэтому Гадес не был идеально круглым шаром. Если даже «горизонт явлений» и был абсолютно круглым, над ним носились гравитационные бури, сжимая и растягивая изогравы. Для объяснения природы этих бурь, или циклонов, было создано восемь теорий, каждая из которых толковала их по-своему, а самая оригинальная, хотя необязательно самая близкая к истине, утверждала, что в гиперпространстве Гадес соприкасается с другим Космосом и тот дает о себе знать, сотрясая страшную «косточку» коллапсара, его центр, сингулярность, — место без места и времени, где пространственно-временная кривизна достигает бесконечно большой величины. Теория «другой стороны» ядра Гадеса, в котором с неопределенностью раздавленного пространства-времени все-таки справляются запредельные инженеры чуждого космоса, была, в сущности, математической фантазией астрономов, упивающихся тератологией — новейшей и самой модной правнучкой старой теории Кантора. Этот коллапсар даже собирались назвать Кантором, но его первооткрыватель предпочел обратиться к мифологии. Ни земной штаб SETI, ни руководство «Эвридики» особенно не беспокоились насчет того, что в действительности происходит под горизонтом явлений, — по причинам практическим и очевидными горизонт означал непреодолимый рубеж и, что бы за ним ни скрывалось, наверняка был губителен.

Летя в высоком вакууме над Гадесом, «Эвридика» отвечала соответствующими маневрами на каждое изменение тя-

---

*Гадес — в греческой мифологии одно из имен владыки царства мертвых и названий самого царства. (Прим. ред.)

готения, извергая потоки тяжелых элементов, синтезированных по циклу Олимоса из водорода и дейтерия. Изводя миллиарды тонн, она довольно ловко сохраняла устойчивость, ибо Гадес, повинаясь законам природы, в изобилии поставлял кораблю энергию, высвобождаемую из всего, что он поглощал, чтобы навсегда похоронить в своем чреве. Отдаленно это напоминало полет воздушного шара, который не теряет высоты за счет выбрасывания из гондолы мешков с балластом. Однако весьма отдаленно: ни один рулевой не справился бы с такой игрой.

Составленный из множества сегментов, соединенных сочленениями, корпус корабля издали был похож на гусеницу шелкопряда длиной в милю, извивающуюся, как белая запятая, над огромной черной дырой. Он был бы, наверное, интересным зрелищем для наблюдателя, но наблюдателя не было и не могло быть, поскольку на доблестном сотоварище «Эвридики», «Орфее», которому предстояло открыть для нее ад, людей не было. Находясь постоянно на лазерной связи с гигантской нимфой, он ждал сигнала, который должен был превратить его в резонансную бомбу, так называемый однопольный грасер. Такой же, но в тысячу раз меньший грасер испытали в Солнечной системе, лишив Сатурн одной из самых крупных — после Титана — лун. Поскольку и лазерная связь начала ухудшаться, «Орфей» получил окончательную программу действий и, послушно замолчав, начал count-down* в своих машинных центрах. Он подошел к коллапсару ближе, чем «Эвридика», и свет, как и все родственные ему электромагнитные волны, размазывался и сминался, вытесняемый в инфракрасную область и далее, в радио- и пострадиодиапазоны. Пока Гадес терзал близлежащее время и пространство, сминая и дробя их над своим губительным горизонтом, «Эвридика» проводила последние, решающие наблюдения цели экспедиции — Квинты, пятой планеты шестого солнца Гарпии. Запущенные ранее в пространство на большом расстоянии от коллапсара орбитальные астроматы создали планетоскоп — не с такой уж большой апертурой: в две астрономические единицы. Трехмерная модель Квинты появилась в головизоре как туманный с голубыми пятнами шар, зависший в зале обсерватории среди

---

* Обратный счет (англ.).

ее многоэтажных галерей. Правда, туда никто не заглядывал. Голоскоп подарил экспедиции японский промышленник в рекламных целях, чтобы предлагать такие же аппараты земным планетариям. Выглядел он эффектно, но астрофизикам, в сущности, был ни к чему. Они согласились на него, поскольку вся их аппаратура помещалась на стенах носового отсека, а голоскоп под прозрачным куполом украсил пустую середину. Появляющиеся в нем изображения туманностей или планет приходили рассматривать гости, чтобы хоть так увидеть космический пейзаж, скрытый за беззаконным корпусом «Эвридики».

Найденш с Титана кроме имени Марк носил теперь и фамилию — Темпе. Так называлась долина, где Орфей впервые встретил Эвридику. Фамилию дал ему Бар Хораб во время неофициальной беседы с экипажем разведчика. Собственно, не он его так назвал; найденша назначили на должность второго сменного пилота «Гермеса» под этим именем, а командир держался так, как будто ничего не знал. Лоджер отказался от авторства, точнее, ушел от ответа, отшутившись, что все в равной мере прониклись духом греческой мифологии. Пока позволяло постоянное при торможении тяготение, Марк часто бывал у Лоджера и слушал его споры с астрофизиками Голдом и Накамурой — в основном по поводу загадки «послеоконных» цивилизаций. Тех, что отклонились от главного ствола диаграммы Ортеги — Нейсселя. Поскольку об их судьбе ничего не было известно, они были богатым полем для воображения. Мнения людей, интересовавшихся этой загадкой, грубо говоря, делились на две группы: молчание объясняли либо социологией, либо космологией. Голд, хотя и был физиком, отстаивал социологическую интерпретацию, причем крайнюю, называемую социализмом. Общество, вступая в эпоху технологического ускорения, сначала разрушает жизненную среду, потом хочет и может ее спасти, но консервационные приемы оказываются недостаточными, и биосферу заменяют — в равной мере по желанию и по необходимости — артефакты. Возникает совершенно преобразованная, но не искусственная в человеческом понимании этого термина среда. Для людей искусственно то, что они создали сами; естественным остается то, что не тронуту или только поставлено на службу — как

вода, вращающая турбины, или возделанная почва для сельскохозяйственных работ. После «окна» это различие перестает существовать, поскольку искусственным становится все, то все неискусственно. Производство, интеллект, исследовательские работы «переносятся» в окружающую среду; электроника или ее неизвестные аналоги и ответвления заменяют учреждения, законодательные органы, администрацию, школьную систему, медицинскую службу; исчезает этническая подлинность национальных групп, исчезают границы, полиция, суды, университеты, равно как и тюрьмы. В такой период может настать «вторичный пещерный век» — век всеобщей неграмотности и безделья. Для того чтобы выжить, не нужно иметь никакой специальности. Кто хочет, естественно, может ее получить, поскольку каждый может делать все, что ему нравится. Это не обязательно означает застой: среда — послушный опекун и в некоторой мере способна меняться по желанию и требованиям общества. Но означает ли это прогресс? Мы не в силах ответить на такой вопрос, ибо сами расцениваем концепцию прогресса по-разному в зависимости от исторического момента. Можно ли назвать прогрессом науки ситуацию, когда специализация дробит любую деятельность — познавательную, созидательную, интеллектуальную, творческую, так что в любой специальности каждый все глубже вспахивает свою все уменьшающуюся делянку? Если машины делают расчеты быстрее и лучше, чем живое существо, зачем ему считать? Если системы фотосинтеза создают пищу более разнообразную и здоровую, чем земледельцы, пекари, повара, кондитеры, для чего возделывать поля и заниматься помолом муки или хлебопечением? Почему же цивилизация при таком социализме не рассылает во все стороны неба рецепты собственного совершенства и комфортности? Но зачем ей это, собственно, делать, когда она вообще уже не существует как сообщество ненасытных желудков и умов?

Возникает некое огромное скопление одиночек, и тогда уже трудно найти кого-то, кто счел бы жизненной целью сигнализировать в Космос о том, как идут дела. Искусственная среда неизбежно оказывается устроенной так, с таким инженерным замыслом, чтобы она не могла стать всепланетной Личностью. Такая искусственная среда — это НИКТО — вроде луга, леса, степи. Но растет она не для себя, не для себя

расцветает, а для кого-то. Для каких-то существ. Глупеют они от этого или становятся тупыми чревоугодниками, проводящими время в играх, устроенных для них всепланетной опекой? Не обязательно. Это зависит от точки зрения. То, что для одного человека — иллюзия или пустая суета, для другого может оказаться смыслом жизни. К тому же нам не хватает мерил и оценок, когда мы рассуждаем об иных существах иных миров, другой эры истории, столь непохожей на нашу.

Накамура и Лоджер отстаивали космологическую гипотезу. Кто познает Космос, тот в Космосе и пропадает. Не потому, что теряет в нем жизнь; афоризм имеет совершенно другой смысл. Астрономия, астрофизика, космонавтика — это лишь скромное начало. Мы сами уже сделали следующий шаг, овладев азбукой сидеральной инженерии. Речь не идет об экспансии, о так называемой «ударной волне Разума», который, овладев ближайшими планетами, распространяется на галактики, как звездный исход. Зачем? Чтобы все плотнее заселять вакуум? Речь идет не о «*crescite et multiplicamini*»*, а о деятельности, которой мы не можем понять, а тем более определить ее значение. Может ли шимпанзе понять муки космогоника? Не схож ли Универсум с огромным пирогом, а цивилизация — с ребенком, старающимся разделаться с ним как можно скорее? Мысль о вторжении со звезд — это проекция агрессивных черт хищной, неотесанной человекообезьяны. Поскольку она сама охотно бы устроила ближнему гадость, то и Высокую Цивилизацию она воображает по своему подобию: флотилии галактических дредноутов обрушиваются на бедняжки планетки, чтобы добраться до тамошних долларов, бриллиантов, шоколада и, разумеется, красоток. А они нужны им не больше, чем нам — самки крокодилов. Ну, и чем же занимаются те, «послеоконные»? Чем-то таким, чего мы не можем понять; но одновременно мы не можем согласиться, что деятельность Тех вышла за пределы нашего понимания. Пожалуйста: мы собираемся проделать дыру в Гадесе, в его темпоральной луковице, чтобы в ней спрятаться. Однако не ради игры. Мы хотим поймать цивилизацию, прежде чем она вылетит из «окна». Вероятность следующих экспедиций с такой же

---

*Плодитесь и размножайтесь (лат.).

целью ничтожна. Наши потомки будут относиться к нам, может быть, и с уважением — как мы относимся к аргонавтам, поплывшим за золотым руном.

Каргнер, тоже бывавший у Лоджера, интерпретировал общение с «цивилизацией за пределом контакта» как «понимание через непонимание». В последнее время он уже не мог позволить себе участия в дискуссиях — из-за близости цели ему приходилось почти все время проводить на посту распределения мощностей.

Марк Темпе, который знал, что его имя звучит иначе, но ему нельзя показывать этого знания — из-за докторов, — перед сном изучал состав экипажа «Гермеса». Из десяти его членов он хорошо знал только Герберта, а по встречам у Лоджера был знаком с невысоким черноглазым Накамурой. О командире, под руководством которого ему предстояло служить, он, в сущности, не знал ничего. Его звали Стиргард, он был заместителем Бар Хораба; вторая специальность — социодинамическая теория игр. Каждый участник полета должен был иметь вторую специальность, дублировать кого-то, чтобы при болезни или несчастном случае возможности отряда не снизились. Энергетикой на «Гермесе» ведал гравист-сидератор Поллассар. Марк знал его только по бассейну «Эвридики» как прекрасного пловца — восхищался его мускулистым телом, когда он прыгал в воду с тройным оборотом. Обстановка мало подходила для знакомства с сидеральной инженерией, так что он пытался грызть ее сам, однако безуспешно, поскольку, подступая к ней, нужно было освоиться с изысканным потомством теории относительности. Первым пилотом был поставлен Гаррах. Горячий, огромный, мощный, он неплохо разбирался в информатике и вместе с астроматиком Альбано опекал компьютер «Гермеса». Или, как заявил однажды компьютер, эти двое людей находились под его опекой. Это был компьютер поколения, называемого конечным, так как оно достигло теоретического предела мощности. Границы ее определялись свойствами материи, такими, как постоянная Планка и скорость света. Большую мощность расчетов могли бы развить так называемые мнимые компьютеры, проектируемые теоретиками, — чистая математика, не связанная с реальным миром. Дилемма конструкторов проистекала из обязательных, но взаимопротиворечивых условий: как можно большее число ней-

ронов заключить в как можно меньший объем. Время прохождения сигналов не должно превышать времени реакции элементов компьютера. В противном случае время прохождения ограничивает скорость расчетов. Новейшие датчики реагировали за одну стомиллиардную долю секунды. Они были размером с атом. Поэтому диаметр компьютера не превышал трех сантиметров. Будь он больше — работал бы медленней. Компьютер «Гермеса», правда, занимал половину рубки за счет своей вспомогательной аппаратуры, декодеров и подсистем — так называемых гипотезотворящих и лингвистических медитаторов, которым не нужна была работа в реальном времени. А решения в критических ситуациях, *in extremis*, принимало его молниеносно действующее ядро размером с голубиное яйцо. Оно называлось GOD, General Operational Device*. Не все считали, что аббревиатура получилась случайно. На «Гермесе» их было два, а на «Эвридике» — восемнадцать.

Кроме Стиргарда, Накамуры, Герберта, Полассара и Гарраха, назначенных в разведку еще перед отлетом, в состав отряда входили: Араго как резервный врач, что, похоже, было неожиданным результатом тайного голосования, Темпе в должности второго пилота, логист Ротмонт и два эксперта, выбранные из двух десятков экзобиологов и других специалистов земного президиума SETI — Кирстинг и Эль Салам. В последние недели полета эти десятеро поселились в пятом сегменте «Эвридики», изнутри представлявшем собой точную копию «Гермеса», чтобы как следует познакомиться друг с другом и предстоящей задачей. Там они ежедневно проигрывали на симуляторах различные варианты подлета к Квинте и разные тактики контакта с ее жителями. Другой делегат SETI, Тетес, распоряжался этой тренировкой. Он не давал покоя будущему экипажу, ввергая его в самые замысловатые аварии, происходящие параллельно, или заставляя принимать поток непонятных сигналов, имитирующих голос чужой планеты. Неизвестно, как и почему в это время привился обычай называть апостольского посланника не отцом, а доктором Араго. Марку казалось, что священник сам хотел этого. Тренировки были прерваны прежде конца программы — Бар Хораб вызывал к себе раз-

---

* БОГ, главное операционное устройство (*англ.*).

ведчиков в связи с последними наблюдениями системы дзеты. Из восьми планет этой спокойной звезды класса К четыре внутренние, небольшие, с массами Меркурия и Марса, при заметной вулканической активности имели слабые атмосферы. В отдалении обращались три газовых, со многими кольцами, гиганта класса Юпитера — с мощными грозовыми атмосферами, переходящими в сжатый до металлической фазы водород. Септа имела массу вдвое большую, чем у Юпитера, и выбрасывала в вакуум больше энергии, чем получала от своего солнца: ей оставалось немного до того, чтобы вспыхнуть звездой. И только Квинта, обращающаяся вокруг дзеты за полтора года, голубела, как Земля. В разрывах белых облаков виднелись контуры океанов и абрисы материков. Наблюдение с расстояния почти в пять световых лет было делом очень сложным. Оптические приборы «Эвридики» не могли надлежащим образом справиться с задачей. Изображения, передаваемые с космических орбитеров, тоже не были достаточно четкими. Квинта была видна с «Эвридики» во второй четверти. Половина ее диска была светлой, и на ней обнаружили спектральные линии воды и гидроксида в значащих количествах. Как будто у самого экватора — чуть повыше — Квинту охватывал пояс необычайно концентрированного водяного пара. Он помещался над атмосферой. Напрашивалась мысль о ледяном кольце, соприкасающемся внутренней поверхностью с верхними слоями атмосферы. Поэтому оно должно было вскоре распасться. Астрофизики определяли его массу в три-четыре триллиона тонн. Если вода в кольце была из океана, то он потерял около 20 000 кубических километров — не больше одного процента объема. Поскольку нельзя было найти естественные причины такого явления, казалось весьма правдоподобным, что там пытались понизить уровень морей и так сделать шельфы пригодными для заселения. С другой стороны, операция казалась выполненной неудачно — поднятая на недостаточно высокую орбиту смерзшаяся часть океана должна была через несколько сот лет упасть в него снова. При таком размахе работ это было странно и непонятно. Кроме того, на Квинте были отмечены быстро происходящие явления, еще более загадочные. Электромагнитный шум, неравномерно излучаемый во многих точках планеты, значительно возрос. Как будто там

сразу включили сотни максвелловских передатчиков. В то же время возросло инфракрасное излучение с точечными вспышками в центрах. Это могли быть большие зеркала, накапливающие солнечный свет на энергетических станциях. Но тут же выяснилось, что термическая компонента излучения и там невелика. Спектр вспышек не воспроизводил спектр дзеты, что было бы неизбежно, если бы зеркала собирали энергию этого солнца, и не был похож на спектр ядерного взрыва. А шум радиоволн все рос. Он был коротко- и средневолновый, во многих диапазонах. Мстровое излучение было похоже на модулированное.

Известие вызвало сенсацию, тем более что кто-то его переиначил — речь якобы шла о направленном излучении наподобие радарного, как будто планета уже замстила «Эвридику». Астрофизики опровергли этот слух. Никакому локатору не обнаружить корабль вблизи коллапсара. Тем не менее в час Ноль царило победное настроение. На Квинте, без сомнения, жила цивилизация, технически настолько развитая, что вторглась в Космос не только небольшими инженерными устройствами, но и силой, способной посылать в вакуум океаны.

Подготовка к старту разведчика шла на другой орбите, в относительно спокойном афелии Гадеса. Прекратился писк пьезоэлектрических датчиков, свидетельствовавший о постоянной смене напряжения в шпангоутах и стрингерах корпуса. Одновременно на слепых до сих пор экранах контрольного центра старта косо засветился спиральный рукав Галактики, и при желании среди белых клубов звезд и темных пылевых облаков, в неподвижной светящейся вьюге, можно было различить дзету Гарпии. Ее планеты нельзя было наблюдать оптически. Техники готовили «Гермес» к отправлению. В кормовых трюмах ворочались краны; манжеты трубопроводов, по которым «Эвридика» перегоняла гипергол в баки разведчика, дрожали под напором насосов, штаб проверял системы тяги, навигации, климатизации, исправность динатронов — и используя GOD, и без него, по дублирующим каналам. По очереди докладывали о готовности цифровые блоки со своими программами, радиолокационные эмиттеры и антенны выдвигались и прятались, как рожки гигантской улитки, глубокий бас турбин, подающих кислород в подпалубные туннели «Гермеса», приводил его ложе, нечто вроде открытого дока, в

легкую вибрацию, и во время этой сусты миллиардотонная «Эвридика» медленно поворачивалась кормой к дзете Гарпии, как орудие, готовящееся открыть огонь.

Экипаж «Гермеса» прощался с командиром и друзьями. На корабле-матке было слишком много народу, чтобы все могли обменяться рукопожатиями. Потом Бар Хораб с теми, кто мог оставить рабочее место, пришел проводить экипаж «Гермеса» и, стоя в цилиндре-туннеле между отсеками, смотрел, как закрылись большие ворота дока, как площадки подъемников закрыли маленькие проходы для людей, как снежно-белый «Гермес» начал понемногу выдвигаться со стапеля под воздействием гидравлических толкателей — дюйм за дюймом, поскольку сто восемьдесят тысяч тонн его массы, несмотря на невесомость, сохраняли никуда не исчезающую инерцию. Техники «Эвридики» вместе с биологами, Терной и Хрусом, готовили экипаж «Гермеса» к многолетнему сну. Не ледовому или гибернационному — их подвергали эмбрионированию. При таком способе люди возвращались к периоду жизни до рождения — жизни плода или, во всяком случае, подобному ей существованию без дыхания — подводному. Уже первые, малые шаги в Космосе показали, каким земным существом является человек и насколько он не приспособлен к перегрузкам, которых требует преодоление больших пространств за кратчайший срок. Стремительное нарастание скорости деформирует тело, особенно легкие, наполненные воздухом, сдавливает грудную клетку и нарушает кровообращение. Поскольку законы природы одолеть не удалось, пришлось приспособлять к ним астронавтов. Это сделало эмбрионирование. Прежде всего, кровь заменили жидким носителем кислорода, обладающим и другими свойствами крови — от свертываемости до иммунных свойств. Этой жидкостью служил белый, как молоко, онакс. После охлаждения тела — как у животных, впадающих в зимнюю спячку, — хирурги вскрывали заросшие сосуды, через которые когда-то в материнском чреве плод обменивался кровью с плацентой. Сердце продолжало работать, но прекращался газовый обмен в легких, они опадали и наполнялись онаксом. Когда ни в грудной клетке, ни во внутренностях не оставалось воздуха, лишённого сознания человека погружали в жидкость, столь же несжимаемую, как вода. Астронавта принимал в свое чрево эмбрионатор —

резервуар в форме двухметровой торпеды. Он поддерживал температуру тела выше нуля, снабжал его питательными веществами и кислородом при посредстве онакса, вводимого через пупок по искусственным сосудам внутрь организма. Подготовленный таким образом человек мог без ущерба вынести такое же огромное давление, как глубоководные рыбы, которые могут жить в океане на глубине в милю, потому что внешнее давление равно давлению в их тканях. Поэтому давление жидкости в эмбрионаторах доводили до сотни килограммов на квадратный сантиметр поверхности тела. Каждый резервуар был закреплен в захватах шарнирных подвесок. Астронавты лежали в бронированных коконах, будто огромные личинки, так, чтобы силы ускорения и торможения всегда действовали на них в направлении от груди к позвоночнику. Их тела, содержащие более 85% воды и онакса, лишенные воздуха, сопротивлялись сжатию не хуже, чем вода. Благодаря этому можно было без опаски поддерживать постоянное ускорение корабля в двадцать раз большим, чем земное. При таком ускорении тело весит две тонны, и движения ребер, необходимые при дыхании, непосильны даже для атлета. Но люди в эмбрионаторах не дышали, и предел их выносливости в звездном полете определялся только тонкой молекулярной структурой тканей.

Когда десять сердец при полной эмбриональной компрессии стали давать всего несколько ударов в минуту, опеку над лишенными сознания принял на себя GOD, а люди с «Эвридики» вернулись на ее борт. Операторы отключили компьютеры корабля-матки от «Гермеса», и, кроме мертвых, лишенных тока кабелей, корабли ничто не связывало.

«Эвридика» вытолкнула разведывательный корабль из широко развернувшейся кормы, окруженной гигантскими лепестками раскрытого фотонного зеркала. Стальные лапы, удлиняясь и разрывая, как нити, ненужные теперь кабели, выдвинули корпус «Гермеса» в пустоту. Сейчас же его бортовые двигатели засветились бледным ионным огнем, но импульс был слишком слабым, чтобы сдвинуть его с места, — такая огромная масса не может быстро набрать скорость. «Эвридика» втягивала катапульты, закрывала корму, а все, кто в рубке наблюдал старт, вздохнули с облегчением — GOD с точностью до доли секунды вступил в действие. Мол-

чавшие до тех пор гиперголовые бустеры «Гермеса» вспыхнули огнем. Для быстрого разгона поочередно срабатывали их батареи. Одновременно всю заработали ионные двигатели. Их синий прозрачный огонь смешался с ослепительным пламенем бустеров, корпус, окутанный дрожащим жаром, поплыл гладко и ровно в вечную ночь. В затемненной рубке отсвет экранов лег на лица собравшихся у командира людей, и они казались в этом освещении смертельно бледными. «Гермес» бил в их сторону длинным, устойчивым пламенем, отдаваясь с нарастающей скоростью. Когда дальномеры показали расчетное расстояние, а на краю поля зрения закувыркался пустой цилиндр, до последнего момента связывавший «Гермес» с «Эвридикой» и затем отстреленный стартовыми залпами, кормовое зеркало миллиардотонного корабля закрылось и сквозь центральное отверстие медленно выдвинулся тупой конус излучателя, он блеснул раз, другой, третий, и столб света ударил в пространство и достал до «Гермеса». В обеих рубках «Эвридики» раздались крики радости и — надо признать — приятного удивления, что все прошло так гладко. «Гермес» вскоре исчез с визуальных мониторов. На них появлялись только светящиеся кольца все меньших размеров, как будто невидимый великан курил меж звезд сигарету, пуская колечки белого дыма. Наконец они слились в дрожащую точку — это зеркало разведчика отражало блеск разгонявшего его лазера «Эвридики».

Бар Хораб, не дожидаясь конца зрелища, вернулся в свою каюту. Ему предстояло семьдесят девять труднейших часов сидеральных операций с грасером, «Орфеем»: создать при помощи гравитационного резонанса темпоральный порт; затем надо было всплыть в него, вернее, нырнуть, ибо это означало полную изоляцию от внешнего мира.

Приказ, включавший в действие «Орфей», шел до него двое суток, как раз в это время на Квинте произошло несколько поразительных явлений. Вплоть до момента, когда ослепли их приборы, астрофизики принимали все виды излучений звезд Гарпии. Спектры альфы, дельты и остальных — вплоть до дзеты — не менялись, что было важным свидетельством качественного наблюдения Квинты. Радиация планеты, доходящая до «Эвридики», фильтровалась; отфильтрованное сравнивали путем наложения и доводили

каскадные усилители компьютеров. При самом большом оптическом увеличении система дзеты была пятнышком, которое можно заслонить головкой спички в вытянутой руке.

Все внимание планетологов, разумеется, сосредоточилось на Квинте. Ее спектро- и голограммы давали не столько изображение планеты, сколько простор для компьютерных домыслов на эту тему. Поскольку источником информации были пучки фотонов, беспорядочно рассеянные по спектру всевозможных излучений, в обсерватории «Эвридики», так же, как некогда в земных, около первых телескопов, не было согласия в критическом вопросе: что видно в действительности, а что лишь кажется видимым?

Разум человека, как и любая система, перерабатывающая информацию, не в состоянии провести резкую границу между полной уверенностью и домыслом. Наблюдение затрудняли солнце Квинты — дзета, газовый хвост самой большой планеты, Септимы, и сильное излучение звездного фона. К этому времени было установлено, что Квинта по многим физическим данным похожа на Землю. Ее атмосфера содержала 29% кислорода, значительное количество водяных паров и около 60% азота. Белые полярные шапки благодаря высокому альбедо стали видимы еще из окрестностей земного Солнца. Ледяное кольцо появилось, несомненно, уже во время полета «Эвридики» — во всяком случае, достигло размеров, делающих его видимым. Сейчас, в космической близости от планеты, стало очевидно, что радиоизлучение Квинты — искусственное. Разряды атмосферных бурь не могли приниматься в расчет. Радиоизлучение Квинты в диапазоне коротких волн равнялось аналогичному излучению ее солнца. То же самое произошло с Землей, когда появилось телевидение.

Результаты наблюдений, выполненных незадолго до погружения в гравитационный порт, были полной неожиданностью, и Бар Хораб тут же вызвал экспертов на совет, понимая, что не сумеет пересказать его решения экипажу «Гермеса». Совет преследовал единственную возможную цель: как можно скорее поставить диагноз тому, что происходит на планете, и выслать информацию вслед разведчику. Закодированное высокоэнергетическими квантами письмо дойдет до «Гермеса» со спящим экипажем, его получит GOD

и передаст людям после реанимации на границах системы дзеты. Звездное письмо следовало зашифровать так, чтобы только GOD мог его прочесть. Осторожность казалась излишней: совокупность происшедших на Квинте изменений выглядела довольно тревожно.

Были зарегистрированы серии кратковременных вспышек над термосферой и ионосферой планеты, а также между ней и ее луной на расстоянии около двухсот тысяч километров от Квинты. Вспышки длились несколько десятков наносекунд. Их спектры соответствовали солнечным с укороченным излучением в инфракрасной и ультрафиолетовой областях. После каждой серии вспышек, длившейся несколько часов, на диске планеты в зоне тропиков появлялись темные полосы по обе стороны ледяного кольца. Одновременно возросло излучение волн метровой длины, превысив наблюдавшийся до сих пор максимум, и в то же время излучение южного полушария ослабло.

Прямо перед началом совещания болометр, направленный в центр диска планеты, показал внезапное падение температуры до ста восьмидесяти градусов Кельвина — с медленным последующим повышением. Зона холода заняла поверхность, равную Австралии. Сначала облачный покров над зоной разошелся, окружая ее со всех сторон светлым валом, и, прежде чем облака сомкнулись вновь, болометр установил точечный «источник холода» в самом центре зоны. Следовательно, внезапный холод расходился кругообразно от источника неизвестной природы.

На большой луне Квинты — на темной, теневой стороне — появилась точечная вспышка, которая дрожала, как будто перемещалась независимо от движения лунной коры. Как будто прямо над ее поверхностью по дуге в одну десятитысячную секунды ходило пламя, созданное ядерной плазмой с температурой в миллион градусов по Кельвину.

В момент начала совещания холодное пятно исчезло под покровом облаков и облачность установилась на поверхности Квинты, большей, чем когда-нибудь прежде, — 92% всего диска.

Нетрудно догадаться, насколько расходились мнения специалистов. Напрашивающуюся первую гипотезу ядерных взрывов, испытательных или военных, можно было отбро-

сильно без обсуждения. Спектры вспышек не имели ничего общего ни со взрывами уранидов, ни с термоядерными реакциями. Исключение составляла плазменная искра на луне, но ее термоядерный спектр был постоянным. В воображении возникал открытый водородно-гелиевый реактор с магнитной ловушкой. Для ядерщиков назначение такого реактора было загадкой. Вспышки в околопланетном пространстве могли происходить от специально сгруппированных лазеров, поражающих некие металлические объекты — возможно, никель-магнетитовые метеоры, — либо от фронтальных столкновений объектов с большим содержанием железа, никеля и титана при скорости 80 — 100 км/с. Как источник вспышек не исключались и преобразователи-зеркала, поглощающие часть солнечных волн и взрывающиеся при авариях.

На совете, перешедшем в яростный спор, специалисты разделились. Говорили о регулировании климата с помощью гигантских фотоконвертеров, о фотоэлектрических элементах, что, однако, не вязалось с источником холода у экватора. Самые удивительные результаты дала проверка методом Фурье всего радиоспектра Квинты. Признаки любой модуляции исчезли, и одновременно мощность передатчиков возросла. Радиолокационная карта планеты показывала сотни передатчиков белого шума, сливающегося в бесформенные пятнышки. Квинта излучала этот шум на всех диапазонах. Такой шум означал либо передачу типа «scrambling», то есть шифрованные сообщения под видом хаотических сигналов, либо сознательное создание радиобеспорядка.

Бар Хораб потребовал немедленного ответа на вопрос: ЧТО следует передать «Гермесу» в течение нескольких ближайших часов — потом всякая связь с ним прекратится. А более конкретно: к ЧЕМУ должны подготовиться разведчики, то есть КАК они должны действовать, прибыв в систему дзеты?

Программа действий разведки была давно разработана, но она не предусматривала происшедших явлений. Это, конечно же, было невозможно. Теперь никто не торопился брать слово. Наконец астроматик Туйма в качестве представителя консультативной группы SETI объявил, не скрывая нерешительности, что никаких стоящих советов «Гермесу» переслать не удастся: следует передать описание фактов, их гипотетические интерпретации и положиться на самостоя-

тельное решение разведчиков. Бар Хораб хотел услышать эти гипотезы, несмотря на их взаимную противоречивость.

— Каковы бы ни были изменения на Квинте, это не сигналы, посланные нам, — сказал Туйма. — С этим согласны все. Некоторые считают, что Квинта заметила наше присутствие и по-своему готовится встретить «Гермес». Но это мнение, не основанное на рациональных данных. Это просто, на мой взгляд, выражение беспокойства или, говоря без обвиняков, страха. Древнего и изначального страха, породившего некогда гипотезу о космическом вторжении как катастрофе. Такое объяснение происшедшего я считаю нонсенсом.

Бар Хораб хотел услышать что-то более конкретное. Разведчики сами решат, бояться им или нет. Речь идет о механизме новых явлений.

— Коллеги астрофизики располагают конкретными гипотезами и могут их представить, — ответил Туйма, не реагируя на иронию командира, поскольку она не относилась к нему.

— А именно? — спросил Бар Хораб.

Туйма показал на Нистена и Ла Пира.

— Скачки температуры и альbedo могли быть вызваны вторжением в систему Квинты роя метеоров и их столкновениями с искусственными спутниками. Это могло дать вспышки, — сказал Нистен.

— А как ты объяснишь сходство вспышек на поверхности планеты со спектром дзеты?

— Часть спутников Квинты может представлять собой глыбы льда, отколовшиеся от внешней поверхности кольца. Они отражали солнечный свет в нашу сторону только тогда, когда такой угол падения и отражения получался случайно: это могут быть глыбы неправильной формы с различным временем обращения.

— А что вы скажете о зоне холода? — спросил командир. — У кого есть предположения, почему она появилась?

— Это непонятно — хотя какой-нибудь естественный процесс можно было бы придумать...

— Как гипотезу *ad hoc**, — вставил Туйма.

— Я обсуждал это с химиками, — отозвался Лоджер. — Там могла произойти эндотермическая реакция. Мне, по

---

*Для этого случая (*лат.*).

правде, такие курьезы не нравятся, хотя существуют соединения, поглощающие тепло при реакции. Сопутствующие обстоятельства дают этому более смелое толкование.

— Какое? — спросил Бар Хораб.

— Не природное событие, хотя и не обязательно предумышленное. Скажем, авария каких-то огромных охлаждающих, криотронных устройств. Как пожар производственных предприятий со знаком минус. Но мне и это не кажется правдоподобным. У меня нет никаких реальных оснований так утверждать — и ни у кого из нас нет. Однако сама близость во времени всех этих событий говорит, что они как-то связаны.

— Ценность этой гипотезы тоже отрицательная, — заметил кто-то из физиков.

— Не думаю. Сведение ряда неизвестных к общему неизвестному знаменателю — это приобретение, а не потеря информации... — с усмешкой сказал Лоджер.

— Прошу объяснить подробнее, — сказал командир.

Лоджер встал.

— Насколько смогу. Когда младенец улыбается, он делает это в соответствии с установками, с которыми он вошел в мир. Таких установок, статистических по своей природе, множество: что розовые пятна перед его глазами — это человеческие лица, что люди обычно положительно реагируют на улыбку малыша и так далее.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что все и всегда основано на определенных установках, хотя они по преимуществу принимаются как данность. Дискуссия ведется вокруг явлений, которые выглядят достаточно странно — как серия не зависящих друг от друга событий. Вспышки, хаотичность излучения, изменение альbedo Квинты, плазма на луне. Откуда они появились? От деятельности цивилизации. Разве это их объясняет? Напротив, затемняет, ибо мы априорно предположили, что способны разобраться в деятельности квинтян. Напоминаю, что Марс когда-то считали стариком, а Венеру — молодой по сравнению с Землей; прадеды наших астрономов бессознательно считали, что Земля — такая же, как Марс и Венера, только моложе первого и старше второй. Отсюда пошли каналы Марса, дикие джунгли Венеры и прочее, что потом пришлось поместить в разряд сказок. Я думаю, ничто не

ведет себя так неразумно, как разум. На Квинте может действовать разум — скорее, разумы, непостижимые для нас из-за несхожести намерений...

— Война?

Голос раздался из глубины зала. Лоджер, продолжая стоять, говорил:

— Войну не надо понимать как что-то раз и навсегда разрешающее конфликты — с истребительным результатом. Командир, не рассчитывай, что тебя просветят. Поскольку нам не известны ни исходные условия, ни граничные, ничто не превратит неизвестное в известное. Мы можем предостеречь «Гермес», только посоветовав ему быть начеку. Желашь развернутого совета? Я вижу его только в альтернативе: либо действия разумных существ неразумны, либо непонятны, ибо они не умещаются в категориях нашего мышления. Но это всего лишь мое мнение.

КВИНТА

Перед погружением радиолокаторы последний раз напомнили о «Гермесе», показав, так он движется по отрезку огромной гиперболы, поднимаясь все выше над рукавом галактической спирали, чтобы идти с околосветовой скоростью в высоком вакууме; радиоэхо стало приходиться с увеличивающимися интервалами, показывая, что на «Гермес» действуют эффекты относительности и его бортовое время все сильнее расходится со временем «Эвридики». Связь между разведчиком и кораблем-маткой прервалась окончательно, когда длина волны автоматического передатчика увеличилась, сигналы растянулись в многокилометровые пучки и ослабли так, что последний был зарегистрирован самым чувствительным индикатором спустя семьдесят часов после старта, когда Гадес, пораженный «Орфеем»-самоубийцей, простонал гравитационным резонансом и разверз темпоральную пропасть. Что бы ни случилось с разведчиком и заключенными в нем людьми, это должно было остаться неизвестным долгие годы в их исчислении.

Для тех, кто был погружен в эмбриональный сон, похожий на смерть, лишенный каких бы то ни было видений и тем самым ощущения времени, полет не был долгим. Над

белыми саркофагами, над туннелями эмбрионатора светилась сквозь бронированное стекло перископа альфа Гарпии, голубой гигант, отброшенный от остальных светил созвездия одним из собственных асимметрических взрывов, — он был молодым солнцем и еще не обустроился после ядерного возгорания своих недр. После исчезновения «Эвридики» GOD начал свои маневры. «Гермес», взлетев над эклиптической, стал падать к Гадесу, тем самым отдаляясь от звезд, к которым он летел, чтобы потом разогнаться за счет гравитационной мощи гиганта, и облетел коллапсар так, что тот дал ему своим полем солидный разгон. Когда «Гермес» обрел околосветовую скорость, из его бортов выдвинулись входные отверстия прямоточных реакторов. Вакуум был настолько высоким, что собранных атомов не хватало для зажигания, поэтому GOD добавлял к водороду тритий, пока не начался синтез. Черные до сих пор жерла двигателей засияли огнем, его пульс становился сильнее, быстрее, ярче, и во мрак ударили сияющие столбы гелия. Лазер «Эвридики» при старте оказал разведчику меньшую помощь, чем ожидалось, — один из гиперголовых бустеров тянул плохо, и кормовое зеркало отклонилось от курса, а потом «Эвридика» пропала, будто ее поглотило небытие, но GOD скомпенсировал потери дополнительной мощностью, позаимствованной у Гадеса.

При скорости, равной 99% световой, вакуум в жерлах двигателей снизился, водорода хватало, постоянное ускорение увеличивало массу разведчика вместе с его скоростью. GOD держал 20 g без малейших отклонений, но рассчитанная на вчетверо большие нагрузки конструкция переносила их без ущерба. Никакой живой организм крупнее блохи при таком полете не выдержал бы собственного веса. Человек весил более двух тонн. Под таким прессом он не пошевелил бы ребрами, если бы ему пришлось дышать, а сердце лопнуло бы, нагнетая жидкость, куда более тяжелую, чем расплавленный свинец. Но сердца не бились, и люди не дышали, хотя были живы. Они покоились в той же жидкости, что заменяла им кровь. Насосы, способные действовать и при стократном тяготении (но этого уже не вынесли бы эмбрионированные люди), гнали в их сосуды онакс, а сердца делали один или два удара в минуту, не работая, а только двигаясь под напором животворной искусственной крови.

В назначенное время GOD сменил курс, и, летя теперь к центральному скоплению звезд галактики, «Гермес» выбросил впереди ограждающий щит. Он опередил корабль на несколько миль и как застыл на этом расстоянии. Он служил защитой от излучения. Иначе при такой скорости космическое излучение уничтожило бы слишком много нейронов в человеческом мозге. Голубая альфа светила уже за кормой. Внутри палубы-туннеля в длинной корме «Гермеса» не было полной темноты, потому что оболочки реакторов давали микроскопическую утечку квантов и у стен тлело излучение Черенкова. Этот полумрак казался неподвижным и неизменным, стояла абсолютная тишина, и лишь дважды сквозь броневое стекло окна в переборке, отделяющей эмбрионатор от верхней рубки, проникли резкие, внезапные вспышки. В первый раз слепой до того контрольный монитор охранного щита блеснул холодным белым огнем и тут же погас. GOD, пробудившись за наносекунду, отдал нужное приказание. Ток повернул пусковое устройство, нос корабля открылся, изверг пламя, и новый выстреленный вперед щит занял место прежнего, разбитого горстью космической пыли, обратившей защитный диск в облако раскаленных атомов. «Гермес» пролетел сквозь сверкающий фейерверк, растянувшийся далеко за кормой, и помчался дальше. Автомат за несколько секунд выровнял нежелательное боковое качание нового щита, мигая все медленнее оранжевыми контрольными лампочками бакборта и штирборта, как будто черный кот понимающе и успокоительно моргал светлыми глазами. Потом на корабле снова все замерло до новой встречи с рассеянной горсточкой метеоритной или кометной пыли, и операция замены щита повторилась. Наконец вибрирующие электронами атомы цезиевых часов подали ожидаемый знак. Компьютеру не надо было смотреть ни на какие индикаторы — они были его чувствами, и он считывал показания мозгом, который из-за его трехсантиметрового объема остряки «Эвридики» называли птичьим. GOD следил за показаниями люменометров, поддерживая курс при ослаблении тяги. Выключенные, а затем пущенные на обратную тягу двигатели начали тормозить корабль. И этот маневр превосходно удался: путеводные звезды даже не вздрогнули на фокаторах, обошлось без поправки запрограммированной траектории полета. В принципе сбрасывание околосветовой

скорости до параболической по отношению к дзете, то есть до каких-нибудь 80 км/с всего за микропарсек — перед Юноной, периферийной планетной системой, — требовало обычного реверса двигателей до тех пор, пока тяга не погаснет от недостатка водородного топлива, а затем перехода на торможение гиперголом. Однако GOD вовремя получил предостережение «Эвридики» и, прежде чем приступить к реанимационным операциям, перепрограммировал торможение. Как блеск водородно-гелиевых дюз, так и огонь самовозгорающегося топлива были легко распознаваемы по их техническому, то есть искусственному, характеру, а для GOD'а теперь первым правилом служило «весьма ограниченное доверие к Братьям по Разуму». Он не рылся в библиестике, не анализировал случившегося с Авелем и Каином, а погасил прямоточные двигатели в тени Юноны и использовал ее притяжение для уменьшения скорости и изменения курса. Другой газовый шар — дзета — послужил ему для перехода на параболическую скорость, и только тогда он привел в действие реаниматоры.

Одновременно он послал наружу дистанционно управляемые автоматы, которые наложили на кормовые и носовые джозы камуфлирующую аппаратуру, а именно электромагнитные микшеры. Так размазывалось излучение тяги: спектр радиации рассеивался. Самый тонкий этап торможения был пройден на подступах к системе, за Юноной: GOD запланировал его и выполнил четко, как подобало компьютеру конечного поколения. Он попросту проколол «Гермесом» верхние слои атмосферы газового гиганта. Перед кораблем возникла подушка раскаленной плазмы, и, гася на ней скорость, GOD выжал из климатизации «Гермеса» все возможное, чтобы температура в эмбрионаторе не повысилась больше чем на два градуса. Плазменная подушка мгновенно уничтожила охранный щит, который и так должен был быть отброшен: он был заменен щитом другого типа, защищающим от пыли и обломков комет на околопланетных орбитах. «Гермес» раскалился в огневом перелете, но в полосе тени Юноны остыл, и GOD смог убедиться, что тучи, целые протуберанцы огня, вызванные торможением, падают по законам Ньютона на тяжелую планету. Огонь скрывал не только присутствие корабля, но и его следы. Корабль с погашенными двигателями дрейфовал в далеком афелии, когда в

эмбрионаторе зажегся полный свет и головки медиконов нависли над контейнерами, готовые к действию.

По программе первым должен был очнуться Герберт — на случай, если понадобится врач. Однако очередность оказалась нарушенной. Несмотря на все ухищрения, биологический фактор оставался самым слабым звеном сложной операции. Эмбрионатор находился на средней палубе и в сравнении с кораблем был микроскопической скорлупкой, окруженной многослойной броней и антирадиационной оболочкой с двумя люками, ведущими в жилые помещения. Центр «Гермеса», называвшийся городком, был связан коммуникационным стволом с рубкой, разделенной на два яруса. Между носовыми переборками шли лабораторные палубы, где можно было работать и в невесомости, и при тяготении. Запасы энергии были сосредоточены на корме — в аннигиляционных контейнерах, в недоступном для людей сидеральном машинном отделении и в камерах особого назначения. Между внешней и внутренней кормовой броней были скрыты шасси — корабль мог садиться на планеты и тогда вставал на выдвигающиеся складные ноги. Посадку должна была предварять проба грунта на прочность, потому что на каждую из огромных лап ракеты приходилось 30 000 тонн массы. В центральной части корабля вдоль штирборта помещались разведывательные зонды и их вспомогательное оборудование, вдоль бакборта — автоматы внутреннего обслуживания и аппараты для дальних, автономных разведывательных полетов или походов; среди них были и большеходы.

Когда GOD включил реанимационные системы, на «Гермесе» царила благоприятная для операции невесомость. Разбуженный первым Герберт обрел нормальное давление и температуру тела, но не пришел в себя. GOD тщательно обследовал его и заколебался. Ему приходилось действовать самостоятельно. Точнее, он не колебался, а сопоставлял варианты возможных операций. Результат обследования был двойственен. Он мог либо приступить к реанимации командира, Стиргарда, либо забрать врача из эмбрионатора и перенести в операционную. Он поступил как человек, бросающий монетку перед лицом неведомого. Когда не известно, что предпочесть, нет лучшей тактики, чем жребий. Рандомизатор указал на командира, и GOD послушался его. Спустя два часа

Стиргард, наполовину придя в себя, сел в открытом эмбрионаторе, разорвав прозрачную оболочку, облежавшую нагое тело. Он поискал глазами того, кто должен был стоять над ним. Динамик что-то говорил ему. Он понимал, что это механический голос, что с Гербертом неприятности, хотя толком не разобрал повторяемых слов. Вставая, приложился головой к приподнятой крышке эмбрионатора — на минуту потемнело в глазах. Первым звуком человеческой речи в системе дзеты было крепкое ругательство. Клейкая белая жидкость текла с волос по лбу на лицо и грудь Стиргарда. Он слишком резко выпрямился и, кувыкаясь, с согнутыми коленями, пролетел по туннелю вдоль всех контейнеров с людьми до люка в стене. Прижался спиной к мягкой обивке в углу между притолокой и сводом и, стерев с век белую жидкость, склеивающую пальцы, обвел взглядом помещение эмбрионатора. В промежутках между саркофагами с поднятыми крышками уже были отворены двери в ванны. Он вслушивался в голос машины. Герберт, как и остальные, был жив, но не пришел в себя после выключения реаниматора. С ним не могло быть ничего серьезного: все энцефалографы и электрокардиографы показывали предусмотренную норму.

— Где мы? — спросил командир.

— За Юноной. Полет прошел без помех. Нужно ли перенести Герберта в операционную?

Стиргард подумал.

— Нет. Я сам им займусь. В каком состоянии корабль?

— В полной исправности.

— Получены какие-нибудь радиogramмы с «Эвридики»?

— Да.

— Какой степени важности?

— Первой. Изложить содержание?

— О чем они?

— Об изменении процедуры. Изложить содержание?

— Радиogramмы длинные?

— Три тысячи шестьсот шестьдесят слов. Изложить содержание?

— В сокращении.

— Я не могу сокращать неизвестные.

— Сколько неизвестных?

— Это тоже неизвестно.

Пока они обменивались репликами, Стиргард оттолкнулся от свода. Летя к зелено-красным огням над криотейнером Герберта, он успел увидеть в зеркале сквозь дверной проем ванной свой мускулистый торс, блестящий от онакса, который еще вытекал из перевязанной пуповины, как у огромного обмываемого новорожденного.

— Что случилось? — спросил он. Зафиксировал босые ноги под контейнером доктора, приложил руку к его груди.

Сердце мерно билось. На полуоткрытых губах спящего липко белел онакс.

— GOD, сообщи то, что тебе ясно, — проговорил Стиргард.

Одновременно он надавил лежащему большими пальцами под нижней челюстью, посмотрел в горло, почувствовал тепло дыхания, всунул палец между зубов и осторожно тронул нёбо. Герберт вздрогнул и открыл глаза. Они были полны слез, светлых и чистых, как вода. Стиргард с молчаливым удовлетворением отметил успех такого простого приема. Герберт не очнулся, потому что зажим на его пуповине был отсоединен не полностью. Стиргард зажал катетер, тот отскочил, брызгая белой жидкостью. Пупок затянулся сам. Обеими руками Стиргард нажимал на грудь лежащего, чувствуя, как она прилипает к ладоням. Герберт смотрел ему в лицо широко открытыми глазами, словно застыв в изумлении.

— Все в порядке, — сказал Стиргард.

Пациент, казалось, не слышал его.

— GOD!

— Слушаю.

— Что случилось? «Эвридика» или Квинта?

— Изменения на Квинте.

— Суммируй данные.

— Сумма неопределенных есть неопределенная.

— Говори, что знаешь.

— Перед погружением были отмечены быстропеременные скачки альбеда, радиоизлучение достигло трехсот гига-ватт белого шума. На луне дрожит белая точка, которую сочли плазмой в магнитной ловушке.

— Какие рекомендации?

— Осторожность и соблюдение камуфляжа.

— Конкретные?

— Действовать по собственному усмотрению.

- Расстояние до Квинты?
- Миллиард триста миллионов миль по прямой.
- Камуфляж?
- Сделан.
- Микс?
- Да.
- Программа изменена?
- Только сближение. Корабль сейчас в тени Юноны.
- Исправность корабля полная?
- Полная. Реанимировать экипаж?
- Нет. Наблюдал Квинту?
- Нет. Погасил космическую в термосфере Юноны.
- Хорошо. Теперь молчи и жди.
- Молчу и жду.

«Интересное начало», — подумал Стиргард, все еще массируя грудь врача.

Тот вздохнул и пошевелился.

— Видишь меня? — спросил нагой командир. — Не говори. Моргни.

Герберт заморгал и улыбнулся. Стиргард был в поту, но все еще массировал.

— Diadochokynesis?..* — предложил Стиргард.

Лежащий закрыл глаза и неверной рукой тронул кончик своего носа. Они смотрели друг на друга и улыбались. Врач согнул колени.

— Хочешь встать? Не торопись.

Не отвечая, Герберт ухватился руками за края своего ложа и поднялся. Вместо того чтобы сесть, стремительно взлетел в воздух.

— Смотри, тяготение нулевое, — напомнил Стиргард. — Потихоньку...

Герберт оглядел эмбрионарий — уже сознательно.

— Как остальные? — спросил он, откидывая волосы, прилипшие ко лбу.

— Реанимация идет.

— Нужна помощь, доктор Герберт? — спросил GOD.

— Не нужна, — бросил врач.

Он сам проверил поочередно индикаторы над саркофа-

---

*Способность быстро совершать симметричные движения (*греч.*).

гами. Касался груди, смотрел глазные яблоки, проверял рефлексы конъюнктивы. До него донесся шум воды из ванной. Стиргард принимал душ. Прежде чем врач дошел до последнего, Накамуры, командир, уже в шортах и черной трикотажной рубаше, вернулся из своей каюты.

— Как люди? — спросил он.

— Все здоровы. У Ротмонта следы аритмии.

— Побудь с ними. Я займусь почтой...

— Есть известия?

— Пятилетней давности.

— Хорошие или плохие?

— Непонятные. Бар Хораб советует изменить программу

Они перед погружением что-то заметили на Квинте. И на луне.

— Что это значит?

Стиргард стоял у входа. Врач помогал встать Ротмонту. Трое мылись. Остальные плавали в воздухе, здоровались, разглядывали себя в зеркале, говорили наперебой.

— Дай мне знать, когда они придут в себя. Времени у нас хватает.

С этими словами командир оттолкнулся от крышки люка, пролетел между обнаженными телами, как под водой среди белых рыб, и исчез в проходе к рубке.

Обдумав ситуацию, Стиргард поднял корабль над плоскостью эклиптики на самой слабой тяге, вышел из полосы тени, чтобы провести первые наблюдения Квинты. Ее серп был виден недалеко от солнца. Все окутано тучами. Ее шум усилился до четырехсот гигаватт. Анализаторы Фурье не отмечали никаких модуляций. «Гермес» окружил себя оболочкой, поглощающей нетермическое излучение, чтобы его нельзя было обнаружить радиолокаторами. Стиргард предпочитал риску чрезмерную осторожность. Техническая цивилизация означала астрономию, астрономия — чувствительные болометры, так что даже астероид, более теплый, чем вакуум, мог привлечь к себе внимание. Поэтому к водяному пару, употребляемому сейчас для маневрирования, он добавил немного сульфидов, какими изобилуют сейсмические газы. Правда, действующие вулканические астероиды — редкость, особенно с такой малой массой, как масса разведчика, но предусмотрительный командир выслал в пространство зонды и на-

правил их на себя, чтобы убедиться, что необходимое для дальнейшей коррекции полета применение небольших паровых двигателей останется незамеченным даже при направленном спуске к Квинте. Он хотел приблизиться со стороны луны, чтобы рассмотреть все как следует.

Все уже собрались в рубке; тяготение отсутствовало. Рубка была похожа на внутренность большого глобуса — с конусообразным выступом, оканчивающимся стеной мониторов, с креслами, покрытыми липучей обивкой. Достаточно было взяться за подлокотники и прижаться телом к сиденью, чтобы прилипнуть к этой ткани. Чтобы встать, хватало одного сильного рывка. Это было проще и лучше ремней. Они сидели вдесятером, как в небольшом проекционном зале, а сорок мониторов показывали планету — каждый в своей области спектра. Самый большой, центральный монитор мог синтезировать монохромные изображения, накладывая их одно на другое, когда было нужно. В разрывах облаков, разносимых пассатами и циклонами, неясно виднелись сильно изрезанные контуры океанских берегов. По-разному фильтруемый свет позволял видеть то поверхность облачного моря, то скрытую под ним поверхность планеты. Одновременно они слушали монотонную лекцию, которой потчевал их GOD. Он воспроизводил последнюю радиограмму «Эвридики». Беля допускал, что повреждения технической инфраструктуры квинтян вызваны сейсмическими воздействиями. Лакатос и еще несколько человек отстаивали гипотезу, названную природной. Жители планеты выбросили часть океанских вод в Космос, чтобы увеличить поверхность суши. Давление, производимое океаном на дно, уменьшилось, и в результате нарушилось равновесие в литосфере. Под давлением изнутри появились большие трещины в коре, более тонкой под океаном. Поэтому выброс вод в Космос был прерван. Одним словом, действия дали катастрофический рикошет. Другие сочли эту гипотезу ошибочной, так как она не учитывала дальнейшие непонятные явления. Кроме того, существа, способные проводить работы в планетном масштабе, должны были бы предвидеть сейсмические последствия. По расчетам, берущим за исходную модель Землю, катаклизмы в литосфере могли быть вызваны изъятием по меньшей мере четвертой части объема океана. Снижение давления из-за выброса даже шести

триллионов тонн воды не могло привести к глобальным опустошениям. Контргипотеза: катастрофа шла по «принципу домино»; это был непредвиденный эффект опытов на основе несовершенной гравитологии. Другие предположения: эффект намеренного разрушения, сноса устаревшей технологической базы; нечаянное нарушение климатических условий при забросе вод в Космос или хаотические нарушения цивилизации, вызванные неизвестными причинами. Ни одна гипотеза не сумела охватить все замеченные явления так, чтобы получилось единое целое. Поэтому радиограмма, отправленная Бар Хорбом перед самым уходом к Гадесу, давала разведчикам полномочия на совершенно самостоятельные действия вплоть до отказа от всех имеющихся вариантов программы, если экипаж сочтет это нужным.

ОХОТА

В афелии дзеты, вдалеке от ее больших планет, Стиргард вывел корабль на эллиптическую орбиту, чтобы астрофизики могли выполнить первые наблюдения Квинты.

Как обычно в таких системах, в пустоте скитались обломки древних комет, лишённые газовых хвостов и разорванные на спекшиеся куски после многократных перелетов около солнца. Среди этих разбросанных глыб и сгустков пыли GOD на расстоянии в четыре тысячи километров отметил объект, непохожий на метеорит. Когда его коснулся луч радиолокатора, он дал металлическое эхо. Это не могла быть магнетитовая глыба с большим содержанием железа: форма объекта была слишком правильной. Вроде ночной бабочки с коротким толстым брюшком и обрубками тупых крыльев. Он был на четыре градуса теплее других заледенелых камней и не вращался, как подобало бы метеориту или обломку ядра кометы, а несся вперед, без следа тяги. GOD рассматривал его во всех полосах спектра, пока не открыл причину устойчивости: слабая утечка аргона, разреженная, еле заметная струйка. Это мог быть космический зонд или небольшой корабль.

— Поймаем эту бабочку, — решил Стиргард.

«Гермес» двинулся в погоню, и, оказавшись на расстоянии мили от преследуемого, выстрелил снарядом-капканом.

Ловушка широко раскрыла челюсти прямо над хребтом бабочки и охватила ее бока, как тисками. Казалось, безжизненное создание спокойно летит в зажавших его клешнях, но спустя минуту его температура возросла, а бьющий назад поток газа сгустился. Монитор, до этого времени показывавший совпадение программы охоты с ее ходом, блеснул вопросительными знаками.

— Включить энергопоглотители? — спросил GOD.

— Нет, — ответил Стиргард.

Он смотрел на болометр. Пленник разогрелся до трехсот, четырехсот, пятисот градусов по Кельвину, но его тяга возросла незначительно. Кривая температуры задрожала и пошла вниз. Добыча остывала.

— Какая тяга? — спросил командир.

Все в рубке молчали, переводя взгляд с визуального монитора на боковые, показывавшие уровень несветовых излучений. Светился только болометрический.

— Радиоактивность — нуль?

— Нулевая, — заверил командира GOD. — Струя ослабевает. Что делать?

— Ничего. Ждать.

Так летели долго.

— Возьмем его на борт? — вдруг спросил Эль Салам. — Может, сначала просветим?

— Можно не трудиться. Он уже сдыхает — тяга уменьшилась, и он остыл. GOD, покажи его вблизи.

Электронными глазами ловушки они увидели черную оболочку в бесчисленных оспинах эрозии.

— Абордаж? — спросил GOD.

— Еще нет. Стукни его раза два. Но в меру.

Между длинными клешнями высунулся стержень с округлым концом. Он методично ударял по корпусу пойманного предмета, с поверхности отлетали чешуйки.

— Он может иметь неударный детонатор, — заметил Поллассар. — Я бы его все-таки просветил...

— Хорошо, — неожиданно согласился Стиргард. — GOD, проспинографируй его.

Два веретенообразных зонда, выстреленных из носа корабля, догнали толстую ночнушку и расположились так, чтобы она находилась между ними на соответствующем расстоянии.

Верхние мониторы рубки ожили, показывая полосы, тени, а по краям экранов в то же время выскакивали атомные символы углерода, водорода, кремния, марганца, хрома, их столбики все удлинялись, пока наконец Ротмонт не сказал:

— Это ничего не дает. Надо взять его на борт.

— Рискованно, — пробормотал Накамура. — Лучше демонтировать дистанционно.

— GOD? — спросил командир.

— Можно. Это займет от пяти до десяти часов. Начать?

— Нет. Пошли телетом. Пусть разрежет его броню в самом тонком месте и даст изображение внутренностей.

— Рассверлить?

— Да.

К окружавшим добычу аппаратам присоединился еще один зонд. Алмазное сверло попало на не менее твердую оболочку.

— Только лазер, — решил GOD.

— Ну что ж. Минимальный импульс, чтобы внутри ничего не расплавилось.

— Не ручаюсь, — ответил GOD. — Включаю лазер?

— Потихоньку.

Сверло исчезло. На неровной поверхности засияла белая точка, а когда облачко дыма поредело, в выплавленное отверстие просунулась головка телеобъектива. На мониторе показались осмоленные трубы, уходящие в выпуклую пластину. Все изображение чуть подрагивало, и тут отозвался GOD:

— Внимание: по данным спинографии, в центре объекта находятся экситоны, а виртуальные частицы смяли конфигурационное пространство Ферми.

— Интерпретация? — спросил Сгиргард.

— Давление в очаге более четырех тысяч атмосфер либо квантовые эффекты Голенбаха.

— Что-то вроде бомбы?

— Нет. Вероятно, источник тяги. Реактивной массой был аргон. Он уже исчерпался.

— Можно взять это на борт?

— Можно. Баланс энергии в целом равен нулю.

Кроме физиков, никто не понимал, что это значит.

— Берем? — спросил командир Накамура.

— GOD лучше знает, — улыбнулся японец. — А ты что скажешь?

Эль Салам, к которому был обращен вопрос, кивнул. Трофей был втянут в вакуумную камеру в носовой части и на всякий случай окружен поглотителями энергии. Только закончили эту операцию, как GOD сообщил о новом открытии. Он обнаружил объект, значительно меньший пойманного, покрытый веществом, поглощающим излучение радиолокаторов, — обнаружил благодаря спин-резонансу вещества; это была толстая сигара массой около пяти тонн. Снова полетели спутники и, расплавив изоляционную оболочку, счистили ее с блестящего металлом веретена. Попытки вызвать его реакцию кончились ничем. Это был труп: в боку зияла дыра. Край ее свидетельствовал о том, что дыра появилась недавно. Эту добычу тоже погрузили на корабль.

Итак, охота прошла легко. Сложности начались лишь при осмотре и вскрытии двойной добычи.

Первый остов — его двадцатитонная туша была похожа на огромную черепаху, — судя по шероховатому панцирю, изодранному в бесчисленных столкновениях с микрометеоритами и пылью, летал едва ли не сто лет. Его орбита уходила своим афелием за последние планеты дзеты. Анатомия бронированной черепахи оказалась полной неожиданностью для прозекторов. Протокол состоял из двух частей. В первой Накамура, Ротмонт и Эль Салам дали единое описание устройств, осмотренных в этом объекте, во второй же их мнения о предназначении этих устройств в корне разошлись. Поласар, который тоже принимал участие в исследовании, поставил под сомнение догадки обоих физиков. В протоколе не больше смысла, заявил он, чем в описании египетской пирамиды, выполненном пигмеями. Единство мнений насчет строительных материалов нисколько не объясняет их предназначения. У выдавшего виды спутника имелся особый источник энергии. Он состоял из батарей пьезоэлектриков, заряжаемых преобразователем, с каким физикам до сих пор не приходилось сталкиваться. Пьезоэлектрики, спрессованные в многокаскадных тисках механических усилителей давления, разряжаясь, давали ток порциями через систему дросселей с фазовым импедансом, но могли разрядиться сразу и одновременно, если бы сенсоры оболочки накоротко замкнули дроссели. В таком случае весь ток, проходя по двухобмоточной катушке, взорвал бы магниты. Между аккумуляторами и

оболочкой помещались сумки, или карманы, наполненные шлаком. Там тянулись полупрозрачные провода с потускневшими зеркальными каналами — возможно, разъеденные эрозией световоды. Накамура предполагал, что этот остов когда-то подвергся перегреву, который расплавил часть подсистем и уничтожил сенсоры. Ремонт же считал, что повреждения произошли без нагрева, каталитическим путем. Как если бы какие-то микроразрывы — разумеется, неживые — сжевали сеть связи в носовой части спутника. К тому же весьма давно. Внутреннюю поверхность панциря в несколько слоев покрывали ячейки, несколько похожие на пчелиные соты, но значительно меньшие. Только хроматография позволила обнаружить в их останках силикоокислоты — кремнистый эквивалент аминокислот с двойной водородной связью. Именно здесь мнения исследователей разошлись полностью. Полассар считал эти останки внутренней изоляцией панциря, а Кирстинг — системой, промежуточной между живой и мертвой материей, плодом технобиологии неизвестного происхождения и с неизвестными функциями.

Над протоколом долго кипели споры. Перед экипажем «Гермеса» были доказательства, свидетельствующие об уровне технологии квинтян столетней давности. Грубо говоря, теоретические основы этой инженерии можно было приравнять к земной науке конца двадцатого века. В то же время скорее интуиция, чем вещественные доказательства, подсказывала, что основное направление развития чужой физики уже тогда отличалось от земного. Не может существовать ни синтетическая вирусология, ни технобиотика без предшествующего овладения квантовой механикой, а та в свою очередь уже в самом начале развития ведет к раздроблению и синтезу атомного ядра. В эту эпоху лучшим источником энергии для спутников или космических зондов являются атомные микрореакторы. Но в спутнике не было и остаточных следов радиоактивности. Неужели квинтяне перескочили этап ядерных взрывов и ядерных реакций и сразу оказались на следующем — превращения тяготения в кванты сильных взаимодействий? Этому противоречила пьезоэлектрическая батарея старого спутника. С другим было еще хуже. На нем имелись батареи отрицательной энергии, возникающей при околосветовой скорости в полях тяготения больших

планет. Его пульсирующая система тяги была разбита чем-то удивившим в него очень метко — возможно, гигаджоулевым зарядом когерентного света. Радиоактивности он не обнаруживал. Внутренние перегородки выполнены из монокристаллов углерода — пучки волокон — неплохое достижение инженерии твердого тела. В уцелевшем отделении за энергетической камерой обнаружили лопнувшие трубки со сверхпроводящими соединениями, увы, перебитые как раз там, где находилось что-то самое интересное, как с отчаянием предположил Полассар. Что там могло быть? Физики отваживались на домыслы, какие не позволили бы себе, если бы события развивались поблизости от Земли. Может быть, этот аппарат производил устойчивые сверхтяжелые ядра? Аномалоны? Зачем? Если он служил автоматической исследовательской лабораторией, это имело бы смысл. Но был ли он лабораторией? И почему оплавленный металл рядом с брешью напоминал по форме архаичный искровой разрядник? А сверхпроводящий ниобиевый сплав внутри проводов имел пустоты, выведенные эндотермическим катализом. Как будто какие-то «эровирусы» попадали туда вместе с током или, скорее, со сверхпроводниками. Наиболее интересными оказались небольшие очаги разрушений, обнаруженные в обоих спутниках. Эти разрушения не могли появиться в результате какого-то мощного воздействия снаружи. Чаще всего соединения проводов были как бы разгрызены и изжеваны, от чего на них остались углубления вроде вдавлен от четок. Ротмонт, приглашенный на помощь как химик, счел их результатом воздействия активных высокомолекулярных соединений. Ему удалось выделить их довольно много. Они имели вид асимметричных кристалликов и сохраняли избирательную агрессивность. Одни из них атаковали исключительно сверхпроводники. Он показал коллегам под электронным микроскопом, как эти неживые паразиты вгрызаются в нити сверхпроводящего ниобиевого сплава, служившего им пищей, — за счет съедаемого вещества они размножались. Он не считал, что эти «виroidы», как он их назвал, могли зародиться сами в лоне спутника. Полагал, что аппаратура была заражена виroidами еще при монтаже. Зачем? Для эксперимента? Но в таком случае не стоило запускать спутники в Космос.

Поэтому появилась мысль о намеренном саботаже при создании этих устройств. Предположение, правда, довольно рискованное. Если оно верно, то за этими явлениями кроется какой-то конфликт. Результат столкновения противоположных стремлений. Для некоторых эта концепция отдавала антропоцентрическим шовинизмом. Не могло ли это быть недумом самой аппаратуры на молекулярном уровне? Что-то вроде рака неживых устройств с тонкой и запутанной микроструктурой? Химик исключал такую возможность для первого старого спутника — черепахи, во время погони окрещенной ночной бабочкой. Относительно другого у него не было такой уверенности. Хотя цель, ради которой были сконструированы оба космических аппарата, по-прежнему была неясна, инженерный прогресс за время, прошедшее между постройкой одного и другого, бросался в глаза. Несмотря на это, «эровирусы» обнаружили слабые места, пригодные в пищу, в обоих спутниках. Двинувшись по этому следу, химик уже не мог и не хотел его оставить. Микроэлектронное изучение проб, взятых с обоих пойманных аппаратов, пошло быстро, так как им занимался анализатор под контролем GOD'a. Если бы не срочность дела, ушли бы месяцы на эту некрогистологию. Вывод гласил: некоторые элементы обоих спутников обладают своеобразной устойчивостью к каталитическому разрушению, причем такой узконаправленной, что имело смысл говорить, по аналогии с живыми организмами и микробами, об иммунных реакциях. В воображении возникала картина войны микрооружия — без солдат, орудий, бомб, — войны, в которой точным секретным оружием являются псевдокристаллические квазиферменты. Как часто бывает при упорных исследованиях, совокупный смысл открытых явлений по мере работ не упрощался, а усложнялся.

Физики, химик и Кирстинг почти не покидали главной бортовой лаборатории. В неживой питательной среде размножалось около двух десятков «оборонительных» и «атакующих» соединений. Но вскоре граница между тем, что было интегрированной частью чужой техники, и тем, что в нее вторглось, чтобы разрушать, стерлась. Кирстинг заметил, что это вообще не граница в абсолютно объективном понимании. Допустим, на Землю прибывает необычайно умный суперкомпьютер, который ничего не знает о явлениях жизни, поскольку его элек-

тронные пращуры уже забыли, что их создали какие-то биологические существа. Он наблюдает и изучает человека, у которого насморк и кишечные палочки в кишечнике. Считать ли вирусов в носу этого человека его интегрированной, естественной особенностью или нет? Предположим, этот человек в процессе исследования падает и набивает шишку на голове. Шишка — это подкожная гематома. Повреждены сосуды. Но шишка может быть расценена и как род амортизатора для защиты черепной коробки при следующем ударе. Разве такая интерпретация невозможна? Нам смешно, но дело не в шутках, а во внечеловеческой познавательной установке.

Стиргард, выслушав перессорившихся специалистов, только покивал головой и дал им пять дней на исследования. Это были настоящие муки. Земная технобиотика уже полвека шла совершенно иными путями. Так называемую некроэволюцию считали не оправдывающей себя. Не было даже предположений, что «машинное видообразование» когда-нибудь возникнет. Но никто не брался категорически утверждать, что на Квинте ничего подобного не существует. В конце концов командир уже спрашивал только, следует ли считать гипотетический конфликт между квинтянами значащей предпосылкой для дальнейшей разведки. Но при том уровне анализов, которого эксперты сумели достичь, — они не хотели говорить ни о каких определенных предпосылках. Определенность — не гипотеза, а гипотеза — не определенность. Они знали уже достаточно, чтобы понять, как шатки исходные положения, на которые опирается их знание. К несчастью, и в «молодом» аппарате отсутствовали системы связи, хоть малость похожие на те, что можно вывести из теории конечных автоматов и информатики. Может быть, вириоды сожрали эти псевдонервные системы дочиста? Но от них должны были бы остаться следы. Останки. Может быть, они и остались, но их не удавалось идентифицировать. Можно ли от микрокалькулятора на батарейках, сунутого под гидравлический пресс, прийти к теории Шеннона или Максвелла? Последнее совещание проходило в исключительно напряженной атмосфере. Стиргард не интересовался позитивными определениями. Он спрашивал только, можно ли считать, что нет доказательств того, что квинтяне владеют сидеральной инженерией. Это он считал самым важным. Если кто и догадывался — почему, то молчал. «Гермес»

лениво дрейфовал во мраке, а они плутали в чаще неизвестных. Пилоты — Гаррах и Темпе — молча прислушивались к обсуждению. Врачи тоже не брали слова. Араго больше не носил свою монашескую одежду и в разговорах — как-то получалось, что они часто сидели вчетвером на верхнем ярусе, над рубкой, — никогда не вспоминал своих слов «а если там царит зло?». Когда Герберт сказал, что ожидания рушатся при встрече с действительностью, Араго с ним не согласился. Сколько они преодолели преград, которые их предкам в двадцатом веке казались непреодолимыми! Как гладко шло путешествие, они без потерь пролетели целые световые годы, «Эвридика» точно вошла в Гадес, а сами они достигли глубин созвездия Гарпии, и от обитаемой планеты их отделяют дни или часы.

— Вы, отец, занимаетесь психотерапией. — Герберт усмехнулся. Он по-прежнему называл доминиканца так — ему было трудно, обращаясь к нему, произносить «коллега».

— Я говорю правду, ничего больше. Я не знаю, что с нами будет. Такое незнание — наше врожденное состояние.

— Я знаю, о чем вы, отец, думаете, — выпалил Герберт. — Что Творец не желал таких путешествий — таких встреч, такого «общения цивилизаций» — и потому разделил их расстояниями. А мы не только сварили компот из райского яблока, но уже пилим всю Древо Познания...

— Если вы хотите знать мои мысли, я к вашим услугам. Я полагаю, что Творец ни в чем нас не ограничил. К тому же пока неизвестно, что вырастет из прививок, взятых от Древа Познания.

Пилотам не пришлось услышать продолжение теологического спора, их вызвал командир — он брал курс на Квинту. Показал им навигационную траекторию, затем добавил:

— На борту царит настроение, которого я не ожидал. Буйство воображения должно иметь границы. Как вы знаете, разговор идет о непонятных конфликтах, микромашинах, нанобаллистике, схватке — на нас давит балласт предубеждений, и он нас слепит. Если мы будем дрожать, вскрыв какие-то два устройства, то впадем в растерянность и любое действие нам покажется безумным риском. Я сказал это ученым, поэтому говорю и вам. А сейчас — в добрый путь. До Септимы курс может держать GOD. Потом я хочу, чтобы вы дежурили в рубке, очередность установите сами.

Корабль уже шел на тяге, и вернулось, хотя и слабое, тяготение. Гаррах пошел с Темпе за старой книжкой, взятой с «Эвридики». Когда они расставались в дверях каюты, Гаррах, наклонившись, как бы собираясь сообщить тайну, сказал:

— Бар Хораб знал, кого послать на «Гермесе». А? Знавал лучших?

— Может, и знал. Не лучших. Таких, как он.

ЛУНА

Планету окружало плоское кольцо из ледяных глыб, огромное, но нестабильное. Расчеты, проведенные Лакатосом и Белей непосредственно перед погружением «Эвридики», оказались верными. Разделенное одной большой и тремя меньшими кольцевыми щелями, кольцо не могло продержаться дольше тысячи лет из-за пертурбаций, вызываемых тяготением Квинты, ибо одновременно увеличивался его диаметр и терялась масса. Наружная его часть растягивалась центробежными силами, а внутреннюю трение об атмосферу превращало в тающие обломки и пар, поэтому часть вод, выброшенных неведомым способом в пространство, возвращалась на планету непрерывными потоками дождя. Трудно было представить, чтобы квинтяне умышленно устроили себе такой потоп. Кольцо первоначально состояло из трех или четырех триллионов тонн льда и год за годом утрачивало миллиарды тонн массы. В этом крылось множество загадок. Кольцо нарушало равновесие климата всей планеты. Вдобавок к ливневым дождям его мощная тень накладывалась при обороте вокруг солнца то на северное, то на южное полушарие. Оно отражало солнечный свет, и от этого не только понижалась средняя температура, но и искажалась циркуляция пассатов в атмосфере. Граничные области по обе стороны от отбрасываемой тени были зонами постоянных бурь и циклонов.

Если жители планеты понизили уровень океанов, то они располагали, по-видимому, достаточной энергией, чтобы придать водопадам, или, вернее, водовзлетам, вторую космическую скорость и тем самым вымести ледяные массы из окрестностей своей планеты так, чтобы, растопившись от

солнечного жара, они улетучились без следа либо ледяными метеоритами затерялись среди астероидов.

Недостаток мощности должен был удержать авторов проекта от нелепой затеи. Предсказать крах можно было элементарно просто. Однако не ошибка в планетной инженерии, а что-то другое остановило начатые много лет назад работы. Такой вывод напрашивался с неизбежностью. Кольцо, плоский щит с дырой диаметром пятнадцать тысяч километров, в которой торчала опоясанная планета, состояло в средних своих полосах из ледяных глыб, а на наружной кромке — из мелких кристалликов льда, причем поляризованных, очевидно, тоже в результате намеренного воздействия. Одним словом, при формировании кольцо подчинялось своим творцам по параметрам движения и по конфигурации. Оно было стационарно установлено в плоскости экватора, но на внутренней стороне, нависшей над экватором, представляло собой хаотическое месиво. В целом оно выглядело как космическая постройка, заброшенная в ходе работ. Почему?

Из океанов поднимались два больших континента и один меньший, по площади втрое превосходящий Австралию, но расположенный у северного полярного круга и поэтому названный землянами Норстралией. Инфрокаторы обнаружили на континентах относительно теплые несейсмические места — возможно, тепловые выделения больших силовых станций. Это не были теплоцентрали, использующие ископаемые вроде нефти или угля либо топливо ядерного типа. Первые выдали бы себя отходами, загрязняющими воздух, другие — радиоактивным пеплом. Как известно, на ранней стадии ядерной энергетики Земли самые большие трудности возникли с его безопасным удалением. Но для техники, способной выбросить через гравитационную воронку часть океанов, избавление от радиоактивных отходов было бы забавой. Однако лед кольца не обнаруживал никаких признаков радиоактивности. Либо квинтяне употребляли другой вид ядерной энергетики, либо их энергетика была совершенно иной. Но какой?

За планетой тянулся газовый шлейф, обильно насыщенный водяным паром, который стекал туда главным образом из кольца. «Гермес», зависнув на стационарной орбите за Секстой — подобной Марсу, но большей, чем он, с густой атмосферой, отравленной постоянными выбросами вулка-

нов и газовыми соединениями циана, — послал в качестве наблюдателей за Квинтой шесть орбитеров, которые непрерывно передавали результаты исследований. GOD составлял из них подробное изображение Квинты. Самым странным оказался ее радиошум. По меньшей мере несколько сот сильных передатчиков работали на всех континентах без какой бы то ни было модуляции по фазе или частоте. Их передачи были хаотическим белым шумом. Расположение антенн, как направленных, так и изотропных, легко удалось установить. Создавалось впечатление, что квинтяне решили забить себе все каналы электромагнитной связи — от самых коротких волн до километровых. В таком случае у них могла быть только проводная связь, но для чего тогда этот шум, поглощающий гигаватты? Еще более странными — ибо «странности» планеты возрастали по мере успехов в наблюдении — оказались искусственные спутники. Их насчитывался почти миллион, на высоких и низких орбитах, как круговых, так и эллиптических, с афелиями, вынесенными далеко за луну. Зонды «Гермеса» отмечали спутники также вблизи себя, а несколько — даже в восьми-десяти миллионах километров. Спутники эти сильно различались по размерам и массе. Самые большие были, вероятно, пусты, нечто вроде надутых в пустоте неуправляемых шаров. Часть из них опала из-за утечки газов. Раз в несколько дней какой-нибудь из мертвых спутников сталкивался с ледяным кольцом, создавая эффектное зрелище — вспышку всех цветов радуги, когда лучи солнца преломлялись в тучах кристаллов льда. Получившееся таким образом облако медленно рассеивалось в пространстве. Напротив, те спутники, которые проявляли активность хотя бы тем, что двигались по орбитам, требующим постоянной корректировки курса, или же изменяли свою форму, словно огромные свитки металлической фольги, никогда с кольцом Квинты не сталкивались. Голографическая трехмерная карта орбит спутников на первый взгляд выглядела как рой пчел, шершней и микроскопических мушек, кружащийся вокруг планеты. Это многослойное скопление не было хаотически разбросанным. Сразу же можно было заметить в нем простую закономерность: спутники на близких орбитах часто шли парами либо тройками, а другие, особенно при стационарном обращении, при котором каждое тело

движется синхронно с поверхностью планеты, ходили по солнцу или от солнца, как в фигурах танца.

По мере поступления данных об их расположении GOD построил систему координат — нечто вроде сферической системы графиков. Различение мертвых спутников и живых, то есть пассивно дрейфующих и управляемых либо автономных, было крепким орешком, ибо нужно было учесть параметры множества микроскопических масс, двигающихся в поле тяготения Квинты, ее луны и солнца. Наконец, тщательное наблюдение выявило мириады ракетных и спутниковых останков, которые часто падали на солнце. Некоторые из них имели кольцевую, тороидальную форму, и из них торчали нитевидные шипы, причем самые большие из этих колец на поодороге между планетой и ее лунной проявляли некоторую активность. Шипы были дипольными антеннами, и их излучение после отфильтровки от шумового фона планеты удалось квалифицировать, как шум на самых коротких волнах за пределами радиодиапазона. Часть этого шума приходилась на жесткое рентгеновское излучение, неспособное достичь поверхности Квинты, поскольку его поглощала атмосфера. Ежедневно к сумме полученных сведений GOD добавлял новые порции, и, пока Накамура, Полассар, Ротмонт и Стиргард ломали голову над ребусом, составленным из ребусов, пилоты, не вмешиваясь в научные рассуждения, составили собственное мнение: Квинта — это планета инженеров, одержимых какой-то манией; грубо говоря, SETI вложил массу труда и миллиарды, чтобы отыскать сумасшедшую цивилизацию. Однако и они ощущали в этом безумии какую-то систему. Сам собой напрашивался образ «радиовойны», доведенной до полного абсурда: никто ничего не передает, поскольку все заглушают всех.

Физики пытались помочь GOD'у гипотезами, основанными на допущении форм, антиподных человеческим. Может быть, жители Квинты настолько существенно отличаются от людей своей анатомией и физиологией, что речь и зрение заменяют другие, неакустические и невизуальные, чувства или коды? Может быть, тактильные? Или запахи? Или связанные с ощущением гравитации? Может быть, шум — это передача энергии, а не информации? Может быть, информация бежит по волноводам, которые нельзя обнаружить астрофизическими методами? Может быть, вместо того чтобы всячески

фильтровать этот на первый взгляд бессмысленный шум, нужно в принципе пересмотреть всю аналитическую программу? GOD отвечал с обычной бездушной терпеливостью. Зная много о людских эмоциях, сам он был их начисто лишен.

Если это передача энергии, то должны быть принимающие системы, допускающие некоторый минимум утечек или потерь — ибо стопроцентная производительность невозможна. Однако на планете не замечено никаких приемных устройств, соразмерных передаваемой мощности. Часть ее, способная пробить атмосферу, направлена на множество спутников. Однако другие передатчики и другие спутники заглушают это целенаправленное излучение, причем достаточно эффективно. Это похоже на толпу, в которой каждый старается перекрыть окружающих. И даже если бы там собрались одни мудрецы, все речи их слились бы в страшный всеобщий крик.

Наконец, если какие-то диапазоны служат для связи, то они при абсолютном заполнении каналов передаваемыми сигналами могут восприниматься как белый шум; однако квинтянский шум обладает интересной характеристикой. Это не «абсолютный хаос». Скорее это равнодействующая противоположных передач. Длину волны каждый передатчик выдерживает абсолютно точно. Другие передатчики заглушают ее или гасят, переворачивая передаваемую амплитуду по фазе. GOD наглядно показал эту электромагнитную ситуацию, преобразовав радиоспектр в оптический. Белое, спокойное пространство планеты преобразовалось в картину разноцветных вибраций, диск Квинты запестрел соревнованием красок. Разливающийся пурпур окружал ретрансляторы, окрашивая белизну, и сразу же туда впивалась зелень, возникала расплывающаяся паутина цветов; время от времени один из них достигал наибольшей яркости и сразу же тускнел.

Тем временем прибыла информация от зондов, направленных на дальнюю разведку квинтянской луны. Два из пяти пропали — неизвестно как, поскольку исчезли в периселении, невидимом с «Гермеса». Стиргард сделал выговор за неосторожность Гарраку, не пославшему вслед за разведчиками резерв, способный обеспечить постоянный надзор также и в области за луной. Однако три зонда все же совершили облет естественного спутника планеты и, не имея возможности пробить своей сигнализацией густой шум, передали полученные

снимки лазерным кодом. Информация сперва подверглась сжатию, так что тысяча битов вместились в один импульс продолжительностью в наносекунду. После неполной минуты такой передачи GOD сообщил, что из апоселения к разведчикам двинулись три квинтянских орбитера, до сих пор не замеченные из-за слишком малых размеров. Их выдало тепло работающих двигателей и доплеровский эффект развитого ими ускорения. Ничто не указывало на то, что приказ перехватить разведчиков был послан с планеты. На это просто не хватило бы времени. Горячие точки шли уже на лобовую встречу. Командир приказал избежать ее. Патрульная тройка выбросила имитаторы, послав вперед облака металлической фольги и надувных шаров. Поскольку этот маневр не сбил с толку перехватчиков, патруль разведчиков выпустил облако натрия и впрыснул туда кислород. Возникло огненное облако. И едва исчезли в нем квинтянские ракеты, разведчики вырвались из облака по спирали и, вместо того чтобы лететь к кораблю, столкнулись и саморазрушились, разлетевшись в пыль. Стиргард стянул с орбит на борт все наблюдательные зонды, а GOD приступил к демонстрации результатов разведки. На обратной стороне луны, пустынной и изрытой кратерами, перемещался туда и обратно огонек со спектром ядерной плазмы, причем так быстро, что, если бы его не удерживало соответственно сконцентрированное магнитное поле, он вылетел бы в пространство и тут же в нем погас. Что же именно совершало там эти маятниковые прогулки между двумя старыми кратерами со скоростью шестьдесят километров в секунду? Что это было за бледное пламя? GOD уверял, что планета не обнаружила «Гермес» и, значит, не следит за ним. Ничто не говорило об этом. Он отмечал только постоянный шум и слышные на его фоне потрескивания, вызываемые входом спутников в атмосферу, а также их столкновениями с ледяным щитом, поскольку использовал атмосферу Квинты в качестве линзы для своих радиоскопов.

Мнения о том, что делать дальше, разделились. Но все были согласны, что квинтян не следует уведомлять о прибытии экспедиции. Камуфляж было необходимо поддерживать, пока не понята хотя бы одна из бесчисленных загадок. Нужно было решить, послать ли на другую сторону луны беспилотный посадочный аппарат или сажать на нее корабль. Об аль-

тернативных шансах этого выбора GOD знал столько же, сколько и люди: в сущности, ничего. По данным разведки, проведенной патрулем, луна казалась незаселенной, хотя и имела атмосферу. Удержать ее луна не могла, несмотря на то что была в полтора раза массивней спутника Земли. К тому же состав лунной атмосферы оказался очередной головоломкой: благородные газы — аргон, криптон и ксенон, с примесью гелия. Без искусственной подпитки такая атмосфера улетучилась бы за несколько лет. О технических работах еще явственнее свидетельствовал плазменный огонек. Однако луна молчала, магнитное поле у нее отсутствовало, и Стиргард решился на посадку. Если и были там какие-то существа, то только в подземельях, глубоко под скальной скорлупой, изрытой кратерами и кальдерами. Застывшие моря лавы блестели лучами полос, разбегающихся от самого большого кратера. Стиргард решил совершить посадку, предварительно превратив «Гермес» в комету. Кингстоны корпуса, открывшиеся вдоль бортов, начали выпускать из баков пену, которая, раздуваемая пузырьками газа, окружила весь корабль огромным коконом хаотично застывшей пористой массы. «Гермес», подобно косточке внутри плода, укрылся в губчатой оболочке. Даже вблизи он выглядел как продолговатый скальный обломок, покрытый воронками кратеров. Остатки лопнувших пузырей делали эту скорлупу похожей на поверхность астероида, в течение многих веков подвергавшегося бомбардировке облаками пыли и метеорами. Неизбежные выхлопы тяги должны были уподобиться хвосту кометы, при ее движении к перигелию отклоняющемуся от орбиты по направлению от солнца. Эту иллюзию обеспечивали дефлекторы тяги. Точный спектральный анализ выявил бы, конечно, импульс и газовый состав, не встречающийся у комет. Но такой возможности нельзя было избежать. «Гермес» с гиперболической скоростью помчался от Сексты к орбите Квинты — в конце концов, встречаются такие быстрые внесистемные кометы — и через две недели полета, затормозив за луной, выслал наружу манипуляторы с телевизионными глазами. Иллюзия старой, выщербленной скалы была превосходной: только при энергичном ударе мнимая скала эластично прогибалась, как надувной шар. Саму посадку замаскировать не удалось: входя кормой в лунную атмосферу, корабль сжег оболочку вокруг сопел, ос-

тальное доделало атмосферное трение. Оно сорвало расплавленную маску, и голый панцирный колосс, давя собою пламя, шестью расставленными лапами стал на грунт, предварительно проверив его прочность очередью снарядов. Еще некоторое время вокруг корабля падал дождь из остатков сожженной оболочки. Когда он прекратился, открылась вся округа до горизонта. От плазменного маятника их отделял вздымающийся край большого кратера. При атмосферном давлении в четырехста гектопаскалей вполне можно было использовать вертолеты для воздушной разведки. Начиналась игра по неизвестным до сих пор правилам, но с известной ставкой. Восемь вертолетов, разосланных в тысячемильном радиусе, никто не тронул. Из их снимков сложилась карта, охватывающая восемь тысяч квадратных километров вокруг пункта посадки. Карта типичного безатмосферного спутника — с хаотическим разбросом кратерных воронок, частично заполненных вулканическим туфом. Только на северо-востоке магнетометры зарегистрировали движущийся огненный шар. Он мчался над скальным грунтом, проплавленным вдоль его трассы, в нечто вроде неглубокого горячего оврага. Этот район вторично исследовали вертолеты, чтобы произвести замеры и спектральный анализ в полете и после посадки. Один из них был намеренно направлен на сближение с солнечным шаром. Прежде чем он сгорел, была точно замерена температура и мощность излучения — порядка тераджоуля. Шар питало и приводило в движение переменное магнитное поле. Оно достигало 10^{10} гауссов.

Стиргард после глубокого зондирования магнитного дна оврага дал GOD'у указание составить схему укрытой там сети с узлами, от которых отходили глубоко проникающие под литосферу вертикальные стволы, и не был слишком удивлен поставленным диагнозом. Предназначение гигантского устройства было неясным. Однако не оставалось сомнения, что работы были остановлены внезапно, все входы в стволы и штольни закрыты или завалены взрывами — после того, как в туннели и колодцы сбросили тяжелые механизмы. Плазменное микросолнце питали термоэлектрические преобразователи, через систему магнитопроводов забирая энергию из глубин литосферы — около 50 километров под наружным слоем лунной коры.

Хотя командир выслал на эту территорию тяжелые вездеходы для более подробных исследований и дождался их возвращения, сразу же после этого он объявил срочный старт. Физики, захваченные размерами глубинного энергетического комплекса, рады были бы остаться подольше и, может быть, даже открыть заблокированные туннели. Стиргард не разрешил. Непонятным было состояние пойманных спутников, непонятна стройка, начатая на пустом месте с таким размахом, еще более непонятно — если незнание можно разделить по степеням — прекращение этих работ почти что в эвакуационной спешке. Однако этого он никому не сказал. Мысль, пришедшую ему в голову, он оставил при себе.

Детальное исследование чужой технологии напрасно. Ее фрагменты, как осколки разбитого зеркала, не дают единой картины. Они — лишь невнятное указание на причину удара.

Проблема заключалась не в инструментах этой цивилизации, а в ней самой. Подумав об этом, он ощутил всю тяжесть доверенной ему задачи, и в этот момент прозвучал вызов интеркома, Араго спрашивал, может ли он посетить командира.

— Только для короткого разговора: мы стартуем меньше чем через час, — ответил Стиргард, хотя не был расположен к беседе.

Араго явился сразу же.

— Надеюсь, я не помешаю...

— Вы, ваше преподобие, конечно, мешаете мне, — ответил он, не вставая, и указал монаху на кресло. — Однако, учитывая характер вашей миссии, я слушаю.

— Я не наделен никакими чрезвычайными полномочиями или миссией, меня направили на мое место точно так же, как вас на ваше, — спокойно возразил доминиканец. — С одной только разницей. От моих решений не зависит ничего. От ваших — все.

— Это мне известно.

— Жители этой планеты — словно живой организм, который можно как угодно исследовать, но нельзя спросить о смысле его существования.

— Медуза не ответит, но человек?

Стиргард посмотрел на него с чем-то большим, чем интерес. Он словно ожидал важного ответа.

— Человек, но не человечество. Медузы не отвечают ни за что. Каждый из нас отвечает за то, что делает.

— Я догадался, к чему вы клоните. Ваше преподобие желает знать, что я решил сделать.

— Да.

— Поднять забрало.

— Требуя контакта?

— Да.

— А если они не смогут выполнить этого требования?

Стиргард взволнованно поднялся — Араго проник в то, что он хотел скрыть. Придвинувшись к монаху, почти касаясь его коленей, командир тихо спросил:

— Что тогда делать?

Араго встал, выпрямился, взял его правую руку, пожал.

— Дело в добрых руках, — сказал он и вышел.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

После старта командир направил корабль, снова снабженный маской, на стационарную орбиту вокруг луны, над полушарием, невидимым с Квинты, и поочередно вызывал к себе коллег, чтобы каждый из них высказался, как он понимает ситуацию. И что сделал бы на его месте. Расхождение во мнениях оказалось огромным. Накамура придерживался космической гипотезы. Уровень квинтянской технологии предполагает издавна развивающуюся астрономию. Дзета со своими планетами передвигается в разрыве между ветвями галактической спирали и через какие-нибудь пять тысяч лет окажется в опасной близости к Гадесу. Точно установить критическое сближение невозможно, поскольку речь идет о неразрешимой задаче определения взаимодействия многих масс. Однако некатастрофический проход рядом с коллапсаром маловероятен. Находящаяся под угрозой цивилизация пытается спастись. Возникают различные проекты: переселение на луну, превращение ее в управляемую планету и перегон ее в систему эты Гарпии, отдаленную всего на четыре световых года и, что еще важнее, удаляющуюся от коллапсара. При начальной стадии реализации этого проекта ресурсы знаний и энергии оказываются недостаточными.

Может быть также, что одна часть цивилизации, один блок государств стоит за проект, а другой ему противится. Как известно, эксперты из разных областей знания редко приходят к полному согласию, особенно по трудному и сложному вопросу. Появляется другой проект эмиграции или же бегства в Космос. Эта концепция вызывает кризис: население Квинты наверняка исчисляется миллиардами и космических верфей не может хватить на постройку флота, способного осуществить всеобщий Exodus* из планетной колыбели. Если применить земную аналогию, отдельные государства значительно отличаются друг от друга по промышленному потенциалу. Ведущие страны строят космический флот для себя и одновременно покидают фронт лунных работ. Может быть, те, кто работают на верфях, понимая, что спасательные корабли предназначены не для них, прибегают к актам саботажа. Возможно, это вызывает репрессии, беспорядки, анархическую разруху и пропагандистскую радиовойну. Таким образом, и этот проект останавливается на начальном этапе, а неисчислимые спутники, блуждающие по системе, — следы его бесплодных усилий. Хотя такая оценка положения вещей весьма гипотетична, ценность ее не равна нулю. Следовательно, необходимо как можно скорее найти общий язык с Квинтой. Сидеральная инженерия, переданная жителям Квинты, может спасти их.

Полассар, знакомый с концепцией японца, считал, что факты в ней притянуты и переиначены ради поддержки принципа планетной эмиграции. Сидеральная инженерия не появляется как гром среди ясного неба. Мощностное, использованное для астеносферного** оборудования на луне, на три порядка отстает от мощностности, дающей доступ к гравитологии и ее промышленному внедрению. Кроме того, ничто не указывает на то, что квинтяне могли счесть гостеприимной систему эты. Через несколько миллионов лет эта окончательно сожжет свой водород. Таким образом, она превратится в красного гиганта. К тому же Накамура так подогнал данные движения всей системы Гарпии и Гадеса в пределах гравитационной неоднозначности, что сделал возможным

---

* Исход (лат.).

** Астеносфера — нижний слой литосферы. (Прим. ред.)

критическое прохождение дзеты вблизи коллапсара уже через пятьдесят столетий. Если же учесть пертурбации, вызываемые спиральной ветвью галактики, то прохождение откладывается более чем на двадцать тысяч лет. Известие, что беда грозит через двадцать пять веков, может привести в панику только неразумные существа. Наука, находящаяся еще в пеленках, как, например, земная в девятнадцатом веке, может считать свои возможности приближающимися к пределу. Более зрелая наука, хотя и не предугадывает будущих открытий, знает, что они возрастают экспоненциально и за несколько лет добывается значительно больше сведений, чем раньше за тысячелетия. Нам неизвестно, что происходит на Квинте, но в контакт с ней следует вступить — хоть это и рискованно. А вместе с тем необходимо.

Кирстинг считал, что «все возможно». Высокая технология не исключает верований религиозного типа. Пирамиды египтян и ацтеков точно так же не выдали бы гостям из иных миров своего назначения, как и готические соборы. Лунные находки могут быть произведением какой-нибудь веры. Культ солнца, притом искусственного. Алтарь из ядерной плазмы. Предмет поклонения. Символ мощи или власти над материей. И сразу же раскол, отступничество, ересь, походы — не крестовые, а информационные. Электромагнитное насилие для «обращения» еретиков-отступников или, скорее, их священных информационных машин: *Deus est in Machina**. Это не то чтобы правдоподобно, но, во всяком случае, убедительно. Символы веры, так же как творения идеологии, не раскрывают пришельцам из чужих стран своего смысла. Физика не уничтожает метафизику. Чтобы дойти до общности целей людей различных земных культур и эпох, надо по крайней мере знать, что наличие материального бытия нигде не считалось тем, что полностью удовлетворяет потребностям существования. Можно считать это допущение чудачеством. Предположить, что технология всегда сходится с *Sacrum*** . Однако технология всегда имеет нетехнологическую цель. А когда *Sacrum* исчезает, остающуюся в культуре нишу должно что-то заполнить. Кирстинг с такой

---

* Бог в машине (лат.).

** Здесь: священное, божественное (лат.).

набожностью отдавался рассуждениям о мистических вершинах инженерии, что Стиргард еле дослушал его до конца. Контакт? Разумеется, он тоже был за контакт.

Пилоты не высказали никакого мнения: раздувать воображаемые задачи, да еще во внечеловеческой сфере, — это было не в их характере. Ротмонт был готов обсудить технические стороны контакта. Прежде всего то, как обезопасить корабль от роев квинтянских спутников. Он считал, что Квинту в прошлом уже посещали иные цивилизации и это кончилось плохо, после чего наука не стояла на месте. Квинтяне отгородились от вторжения. Разработали технологию универсального недоверия. Прежде всего нужно убедить их в мирных намерениях людей. Послать «приветственные дары», а когда они с ними ознакомятся, ждать их реакции.

Эль Салам и Герберт придерживались того же мнения.

Стиргард поступил по-своему. «Приветственные дары» могли быть уничтожены еще до посадки. На это указывала судьба патрульной пятерки у луны. Поэтому он выпустил большой орбитальный аппарат к солнцу, чтобы он, как телеуправляемый «посол», передал Квинте «верительные грамоты». «Посол» вручал эти грамоты в виде лазерных сигналов с избыточным кодом, способных пробить шумовую завесу планеты, давая таким образом урок, как можно наладить связь. Он передавал эту программу подряд несколько сот раз. Ответом было глухое молчание.

Содержание послания менялось в течение трех недель на все лады — без какой бы то ни было реакции. Была увеличена мощность передачи, лазерная игла ходила по всей поверхности планеты, в инфракрасном, в ультрафиолетовом диапазонах, модулированная так и этак. Планета не отвечала.

Используя случай, «посол» уточнил детали внешнего вида Квинты и передал их на «Гермес». На континентах находились скопления, по размерам напоминавшие большие земные столицы. Однако ночью в них не видно было огней. Эти образования в виде расплюснутых звезд с кустистыми ответвлениями давали полуметаллическое отражение. От них шли прямые линии, что-то вроде коммуникационных артерий. Однако по ним ничто не передвигалось. Чем более резкие изображения приходили с «посла» (который постепенно становился шпионом), тем более явно основанные на

земном опыте догадки оказывались иллюзиями. Линии не были ни дорогами, ни трубопроводами, а пространства между ними часто напоминали леса. Эти псевдозаросли состояли из множества правильных блоков с выростами. Их альbedo равнялось почти нулю: они поглощали более 99% падающего на них солнечного света. Следовательно, они были чем-то вроде фоторецепторов.

Возможно, Квинта поглощала и «верительные грамоты», истолковывая их своими приемниками не как информацию, а как энергетическую пищу? Невидимый до той поры на фоне солнечного диска «посол» выжал из себя все. Он передавал в инфракрасном диапазоне «грамоты», стократно превышая излучение солнца в этой области спектра. Если рассуждать здраво, он повредил этим концентрированным светом их приемные устройства; значит, какие-то ремонтные технические группы должны были исследовать аварию и ее причины, раньше или позже специалисты распознали бы сигнальную природу излучения. Но снова проходили дни, и ничто не менялось. Зафиксированные на снимках изображения ночного и дневного полушарий планеты только увеличили их загадочность. Ничто не рассеивало тьму после заката солнца — оба больших континента, выступающих из океана, с крутыми снежными вершинами горных цепей, расцветивались ночью только призрачным пламенем полярного сияния, но и эти сияния, превращающие безоблачные приполярные льды в призрачное зеленое золото, блуждали не беспорядочно, а поворачивались, словно направленные невидимой гигантской рукой, против вращения Квинты. Ни на внутренних морях обоих континентов, ни на поверхности океана не было обнаружено ни одного судна, а поскольку отсутствовало движение и на разбегающихся прямых линиях, проходивших через лесистые равнины и нагромождения скальных хребтов, они также не могли служить целям коммуникации. В южном полушарии из океана, как бесчисленные бусинки, рассыпанные по безбрежным водам, торчали погасшие вулканы архипелагов — по всей видимости, безлюдных. Единственный континент этого полушария, у самого полюса, покоился под огромным ледником. Из мутного серебра его вечных снегов выступали одинокие скальные пики, вершины восьмитысячников, прихлопнутых ледяными крышками. Вблизи экватора,

под обручем замороженного кольца, день и ночь бушевали тропические грозы, и щит заатмосферных льдов, словно головокругоительно бегущее зеркало, усиливал блеск их молний фиолетовыми брызгами отражений. Отсутствие следов цивилизованной активности, портовых городов в устьях рек; выпуклые металлические щиты в горных котловинах, закрывающие их дно броневой облицовкой, только спектрохимически отличимой от естественной скалы; отсутствие движения в воздухе — хотя наблюдения обнаружили около ста гладких, окруженных низкими постройками, покрытых бетоном космодромов, — все это приводило к неотвратимому выводу, что вековая борьба загнала квинтян в подземелья и в них они проводят жизнь, обреченные смотреть на просторы неба и Космоса металлическим взглядом радиоэлектроники. Замеры тепловых перепадов открыли на поверхности Гепарии и Норстралии соединенные зарытыми глубоко в грунт разветвлениями термические пятна — словно бы пещерные города. Тонкий анализ их излучения, казалось, опровергал это предположение. Каждое из обширных пятен, достигающих сорока миль в диаметре, отличалось странным градиентом выдыхаемого тепла: самым горячим был центр, а источник этого излучения находился под литосферой у границ мантии. Может быть, квинтяне черпали энергию из жидкого нутра своей планеты? Огромные геометрически правильные области, первоначально принятые за сельскохозяйственные угодья, в сущности, представляли собой скопления миллионов пирамидальных головок, посаженных, как керамические грибы, на площади в десятки километров. Приемно-передающие радарные антенны — так определили их наконец физики. Планета, вся в тучах, грозах, циклонах, как бы нарочно замерла и притаилась, слыша неустанный зов сигналов, просящих хоть какого-нибудь отзыва.

Наблюдения археологического характера — попытки открыть следы исторического прошлого: развалины городов, какие-то строения, соответствующие земным произведениям культовой архитектуры — храмы, пирамиды, древние столицы, — не принесли бесспорных результатов. Если война разрушила их до основания или если человеческий глаз не в силах был их разглядеть из-за их полнейшей чуждости, то мостом, перебрасываемым через эту отчужден-

ность, могла быть единственно техническая деятельность. Следовало найти устройства, наверняка огромные, при помощи которых океанские воды выбрасывались в космическое пространство. Размещение этих устройств можно было рассчитать, используя универсально действующие критерии, установленные физикой. Исходя из направления вращения кольца, из его расположения около экватора, можно было делать выводы о расположении планетных водометов. Тут, однако, поиски затруднял еще один фактор: несомненно, это оборудование было установлено на стыке суши и океана — в областях, над которыми пробегало теперь скованное космическим холодом кольцо, и постоянное его трение о разреженные слои атмосферы скрывало расчетные места сплошным ливнем и грозами вечного дождливого сезона, так что даже попытка установить метод, которым пользовались в прошлом веке квинтянские инженеры, выстреливая свои моря в вакуум, окончилась ничем.

Фотографий, содержащих «косвенные улики», скопилось в архивах корабля множество, но ценность их представлялась не большей, чем у пятен на таблицах теста Роршаха. Человеческий глаз мог приписать звездообразным фигурам, повторяющимся на разных континентах, столько же привнесенных с Земли предубеждений и представлений, сколько разнообразных фигур можно увидеть — а в сущности, лишь вообразить, — разглядывая скопление чернильных брызг. Беспомощность GOD'a перед этими тысячами снимков показала, что в машине, предназначенной для абсолютно объективной переработки информации, глубоко засело косное наследие антропоцентризма. Вместо того чтобы узнать что-то о чужом разуме, заметил Накамура, они убедились, как тесно люди связаны мыслительным родством с компьютерами. Сама близость чужой цивилизации, до которой, казалось, уже рукой подать, отделяла ее от них, оборачивалась насмешкой над всеми попытками пробиться к ее сути. Они боролись с навязчивым впечатлением: это коварство, ловушка, зловредно расставленная для экспедиции, словно Кому-то — но кому? — нужно было бросить вызов их надежде, чтобы в самом конце дороги, у самой цели выявить ее неосуществимость. Те, кого удручала эта мысль, скрывали ее, чтобы не заразить пораженческими настроениями товарищей.

После семисот часов бесплодной радиодипломатии Стиргард решил послать на Квинту первый посадочный аппарат, названный «Гавриилом». «Посол» объявил о его прилете за сорок восемь часов до старта, оповестив квинтян, что зонд, лишенный какого бы то ни было оружия, совершит посадку на территории большого северного континента, Гепарии, за сто миль от звездообразной застройки, в пустынной незаселенной местности. Это будет беспилотный посланец, с которым гепарийцы смогут объясниться на машинном языке. Хотя планета не ответила и на это сообщение, «Гавриил», двухступенчатая ракета с микрокомпьютером, располагающим кроме стандартных программ контакта способностью к их пересмотру и изменению при непредвиденных обстоятельствах, был выпущен в апоселении. Полассар снабдил «Гавриила» самым лучшим из маленьких тераджоуловых двигателей, бывших на борту, чтобы он мог преодолеть четыреста тысяч километров пути до планеты за какие-нибудь полтора десятка минут с максимальной скоростью шестьсот километров в секунду. Погасить ее он должен был только над ионосферой. Физики намеревались поддерживать постоянную связь с посланцем через зонды-передатчики, высланные впереди него, но командир отверг этот план. Он хотел, чтобы «Гавриил» действовал самостоятельно и передал сведения только после мягкой посадки пучком волн, который должна была сфокусировать на «Гермесе» атмосфера луны. Он считал, что размещение передатчиков между луной, за которой укрывался «Гермес», и планетой может быть замечено и усилит подозрительность параноидной цивилизации. Одинокий полет «Гавриила» подчеркивал мирный характер его безоружной миссии. «Гермес» наблюдал этот полет, отражаемый в развернутых зеркалах «посла», с пятиминутной задержкой из-за дальности ретрансляции. Хорошо охлаждаемый зеркальный рефлектор «посла» давал прекрасное изображение. «Гавриил» выполнил маневры, делающие невозможным локацию выпустившего его корабля, и появился, как темная игла, на фоне белооблачного диска планеты. По прошествии восьми минут люди у мониторов оцепенели. Вместо того чтобы двигаться дальше, к обозначенному месту посадки на Гепарии, «Гавриил» перемещался к югу по кривой с возрастающим радиусом, преждевременно гася скорость. Причину маневра

они увидели тут же. В тропическом поясе к «Гавриилу» ползли четыре черные точки, две с востока и две с запада, по математически идеальным траекториям погони. Восточные преследователи уже сокращали дистанцию, отделяющую их от «Гавриила». Преследуемый изменил свой облик. Из иголки превратился в точку, окруженную ослепительным блеском. Погасив скорость с четырехкратной перегрузкой, он, вместо того чтобы спускаться на планету, свечой ринулся вверх. Четыре преследующих точки тоже изменили курс. Они сходились. «Гавриил», казалось, застыл в центре трапеции, вершинами которой были гончие ракеты. Трапеция уменьшалась на глазах; это означало, что и они сменили орбитальную скорость на гиперболическую и сближались, сверкая огнем максимальной тяги.

Стиргарду хотелось спросить у Ротмонта как у программиста, что сделает сейчас «Гавриил», ибо по яркости выхлопа преследователей командир мог судить об огромной мощности их двигателей. Вся пятерка шла от планеты, развив такую реактивную силу, что в ровном море облаков под ней возникла широкая воронка. В притемненной рубке царило молчание. Никто из людей, всматривавшихся в это единственное в своем роде зрелище, не проронил ни слова. Четыре точки все ближе подходили к «Гавриилу». Доплеровский дальномер-акселерометр выбрасывал на край монитора свои красные циферки с такой скоростью, словно перемальывал числа. Трудно было считывать данные скорости. «Гавриил» уже утрачивал превосходство, поскольку потерял время на торможение и поворот обратно, в то время как преследователи, окружив его, непрерывно наращивали скорость. GOD обозначил на мониторе предполагаемое место пересечения пяти траекторий. По данным дальномеров, «Гавриила» должны были догнать меньше чем за двадцать секунд. Полтора десятка секунд — это много даже для мыслящего в миллиард раз медленнее, чем компьютер, человека — особенно в момент высшего напряжения внимания.

Стиргард сам не знал, совершил ли он ошибку, не дав зонду никакого, хотя бы чисто оборонительного, оружия. Его охватил бессильный гнев. На «Гаврииле» не было даже заряда для саморазрушения. Благородные намерения тоже должны иметь границы; лишь это успел подумать командир.

Квадрат погони стал маленьким, как литера мелкого шрифта. Хотя беглец и преследователи удалились от планеты уже на ее диаметр, удары их тяги привели в дрожь поверхность моря циррусов, и через раскрывшееся в этом море окно показался океан и неровная береговая линия Гепарии. Остатки облаков таяли в этом просвете, как клочки сахарной ваты от жара.

Темный океанический фон ухудшил видимость. Только по-прежнему сыпались красные мигающие цифры дальномеров и сообщали о положении «Гавриила». Загонщики брали его с четырех сторон. Они были уже рядом. И тут окно в тучах вдруг раздулось, словно планета выросла, как гигантский надувной шар, гравиметры резко затрещали, мониторы на мгновение почернели, и изображение появилось вновь. Воронка окна снова была маленькой, далекой и абсолютно пустой. Стиргард не сразу понял, что произошло. Посмотрел на дальномеры. Все они мигали красными нулями.

— Высыпал им, — произнес кто-то с ожесточенной удовлетворенностью. Кажется, Гаррах.

— Что случилось? — спросил Темпе.

Стиргард понял все, но молчал. Он был полон каменного предчувствия, что новые попытки скорее погубят корабль, чем вынудят квинтян к контакту. С минуту он взвешивал, уже отвлекшись от этого первого столкновения, — продолжать ли далее намеченную программу, словно издали слыша взволнованные голоса в рубке.

Ротмонт пытался выяснить, что же сделал «Гавриил», — план этого, по-видимому, не предусматривал. Он смял пространство вместе с преследователями сидеральным сжатием.

— Но у него не было сидератора? — удивился Темпе.

— Не было, но мог появиться. У него же был тераджоулевый двигатель. Он дал обратный ход коротким замыканием и таким образом всю мощность, служащую для создания тяги, разрядил на себя. Хитрый фокус. Это был покер, а «Гавриил» превратил его в бридж. Пошел самым сильным козырем. Нет масти выше, чем гравитационный коллапс. Поэтому и не дал себя поймать...

— Пойдите. — Темпе уже начал догадываться, что произошло. — У него это было в программе?

— Откуда? У него были только тераватты в аннигиляционном двигателе и полная автономия. Он сыграл ва-банк.

Это же машина, мой дорогой, а не человек, так что это не было самоубийством. Согласно главному заданию, он мог допустить манипуляции с собой, но только после посадки.

— А не могли бы они вытащить из него тератрон после посадки? — поинтересовался Герберт.

— Каким образом? Вся кормовая ступень вместе с тератроном должна была расплавиться при прохождении атмосферы. Как только начал бы плавиться статор, внутреннее давление разорвало бы полюса и все вместе с агрегатами пошло бы в распыл. И без малейшей радиоактивности. Сеть должен был только верхний носовой модуль для дружеских бесед с хозяевами.

— Черт бы побрал такую работу! — возмутился Гаррах. — Мы же считали, что их ракеты не могут развивать при ускорении такую мощность! «Гавриил» должен был пролететь через их спутниковую мусорную свалку, как пуля из карабина сквозь рой пчел, и аккуратно сеть.

— А почему он не сжег свой двигатель, когда его догоняли? — спрашивал врач.

— А почему курица не летает? — Ротмонт дал волю раздражению. — Чем бы он мог расплавить тератрон? Ведь энергию для сжигания тяговой ступени он должен был взять извне — из атмосферного трения! Так его спроектировали. Вы этого не знали? Вернемся к середине игры. Он либо удрал бы от них, на что уже вообще не было шансов, либо они схватили бы его в вакууме, затащили на орбиту и разобрали. Если бы они погасили ему тягу и он только тогда сделал замыкание, произошел бы взрыв, но тороид с полюсами мог уцелеть. Этого нельзя было допустить, поэтому он выстроил черную дыру с двойным горизонтом событий, всосал в себя этих преследователей при помощи коллапса — когда внутренняя сфера западала, наружная разбегалась, ибо в этом масштабе квантовые эффекты приравниваются к гравитационным. Пространство искривилось — поэтому мы увидели Квинту, как через увеличительное стекло.

— Это и в самом деле не было запрограммировано? Этой возможности не было даже в проекте? — спросил молчаливый до сих пор Араго.

— Нет! Не было! Но к счастью, у машины оказалось больше разума, чем у нас! — Ротмонт не скрывал гнева, вы-

званного этими вопросами. — Она была безоружна, как младенец! Хотя тератрон «Гавриила» и не предназначался для гипертермического производства коллапсаров путем короткого замыкания, мы могли бы с легкостью вывести это из самой конструкции. Ясно, могли бы, если уж «Гавриил» дошел до этого за несколько секунд.

— Сам?

Это слово монаха окончательно вывело Ротмонта из себя.

— Сам! Сколько раз еще повторять? Ведь у него был световой компьютер в четверть мощности GOD'a! Святой отец за пять лет не осмыслит столько битов, сколько он за микросекунду. Он осмотрел себя, констатировал, что может обратить поле тератрона и при замыкании полюсов получится моноклеарный сидератор. Правда, едва создавшись, разлетится, но одновременно с коллапсаром...

— Это можно было предвидеть, — заметил Накамура.

— Если ты пойдешь с тростью на прогулку и на тебя упадет бешеная собака, то можно предвидеть, что ты дашь ей по черепу, — ответил Ротмонт. — Просто удивительно, как мы могли быть такими наивными! Во всяком случае, все кончилось хорошо. Они показали свое гостеприимство, а «Гавриил» доказал, что оценил его. Конечно, можно было его снабдить обычным саморазрушающим зарядом, но командир этого не захотел...

— А разве то, что случилось, лучше? — спросил Араго.

— А что мне надо было — ставить туда двигатель от мопеда? Он должен был получить мощность, значит, он ее и получил. А то, что тератрон по схеме похож на сидератор, зависело не от моего желания, а только от физики. Коллега Накамура?

— Это правда, — задумчиво согласился японец.

— Во всяком случае — даю голову на отсечение, — они не знают ни сидеротехники, ни гравистики, — сказал Ротмонт.

— Откуда ты знаешь?

— Иначе они бы их применили. Ведь тот молох, закопанный на луне, с точки зрения сидерургии — старье. Зачем пробивать штольни в магме и астеносфере, если можно трансформировать тяготение так, чтобы оно давало макроквантовый эффект? Их физика пошла другой дорогой — я бы сказал, более кружной — и отдалила их от высшей ко-

зырной масти. На наше счастье! Ведь мы хотим контакта, а не войны.

— Да, но не сочтут ли они наше поведение за военные действия?

— Могут. Наверняка могут!

— Можете ли вы, хотя бы примерно, установить, где останки преследователей, разбросанных «Гавриилом»? — Стиргард повернулся к физикам.

— Трудно сказать. Пожалуй, коллапс был сильно асимметричным. Спросим у GOD'а. Сомневаюсь, чтобы гравиторы успели его точно зарегистрировать. GOD?

— Я слышал, — ответил компьютер. — Локализация невозможна, взрывная волна раскрытия внешней оболочки Керра выбросила останки в направлении от солнца.

— А приблизительно?

— Неопределенность примерно в парсек.

— Не может быть, — удивился Полассар.

Накамура также был изумлен.

— Я не уверен, прав ли доктор Ротмонт, — сказал GOD, — может быть, я пристрастен, потому что нахожусь с «Гавриилом» в более близком родстве, чем доктор Ротмонт. Кроме того, это я ограничил его автономию согласно полученным указаниям.

— Хватит о родственных отношениях. — Командир не был любителем машинного юмора. — Говори, что знаешь.

— Я допускаю, что «Гавриил» хотел только исчезнуть. Обратиться в сингулярность. Он знал, что ни нам, ни им таким образом не нанесет вреда, ибо вероятность столкновения с этой сингулярностью практически равна нулю. Ее размер 10^{-50} диаметра протона. Скорее столкнутся две мухи, одна из которых вылетела из Парижа, а другая из Нью-Йорка.

— Кого ты, собственно, защищаешь? Доктора Ротмонта или себя?

— Я никого не защищаю. Хотя я и не человек, но обращаюсь к людям. Имена Гермес и Эвридика происходят из Греции. Так пусть это прозвучит, как под стенами Трои: поскольку экипаж не доверяет мне — тому, кто программировал и выслал «Гавриила», — я даю олимпийское слово, что выход посредством коллапса не был введен ни в один блок памяти. «Гавриил» получил максимум возможностей для ре-

шения — наносекундность обчета вероятности по всем ее разветвлениям, то есть 10^{32} , — таково было кардинальное число его комбинаций. Как он употребил эту мощь, я не знаю, но знаю, сколько времени дано было ему на решение. От трех до четырех секунд. Слишком мало, чтобы установить предел Голенбаха. Перед ним была альтернатива: все или ничего. Если бы он не свернул пространство коллапсом, то взорвался бы, как сто мегатонных термоядерных бомб. То есть освобожденная замыканием мощность стала бы взрывом. Поэтому он кинулся в другую крайность, которая гарантировала сжатие в сингулярность и попутно втянула снаряды квинтян под оболочку Керра.

GOD замолчал. Стиргард обвел взглядом свою команду.

— Хорошо. Принимаю это к сведению. «Гавриил» отдал богу душу, а в том, поставил ли он мат Квинте, будет случай убедиться. Остаемся на месте. Кто на дежурстве?

— Я, — откликнулся Темпе.

— Хорошо. А вы идите спать. В случае чего прошу меня разбудить.

— GOD всегда бодрствует, — послышался голос компьютера.

Оставшись один в рубке, пилот в полутьме проплыл круг, словно пловец в невидимой воде, вдоль матовых, слепых мониторов, поднялся к потолку и, застигнутый внезапной мыслью, оттолкнулся так, чтобы долететь до главного визиоскопа.

— GOD? — окликнул он негромко.

— Слушаю.

— Покажи мне еще раз последнюю фазу погони. В пятикратном замедлении.

— Оптически?

— Оптически с инфракрасным фильтром, но так, чтобы изображение не слишком расплывалось.

— Степень резкости — это вопрос вкуса, — возразил GOD.

Экран тут же засветился. Возле рамки высочили цифры дальномера. Они не мелькали молниеносно, как тогда, но менялись мелкими скачками.

— Дай сетку на изображение.

— Слушаюсь.

Стереометрически расчерченное изображение белело облученным слоем. Вдруг оно заколебалось, словно заливаемое

водой. Линии геодезической сетки начали изгибаться. Расстояние между иглой «Гавриила» и преследователями уменьшалось. Благодаря замедлению все происходило, как в капле воды под микроскопом, где к черной пылинке взвеси плывут запятые бактерий.

— Доплеровский дифференциальный дальномер! — потребовал Темпе.

— Пространство теряет евклидовский характер, — возразил GOD, однако включил дифференциатор.

Ячейки сетки дрожали и гнулись, но он смог определить приблизительное расстояние. Запятые отделяли от «Гавриила» несколько сот метров. И тогда огромная плоскость планеты под пятью черными сгрудившимися точками внезапно вздулась выпуклостью и тут же вернулась в обычное состояние, но все черные точки исчезли. Место, где они темнели еще минуту назад, слегка дрожало тонкой, будто воздушной дрожью. И вдруг вспыхнуло чудовищным красным сиянием, словно струей светящейся крови, которая выгорела алым пузырем, побурела и погасла. Далекие пространства туч, на тысячи миль разбросанных ударом, лениво ворочались над поверхностью океана, более темной, чем берег континента на востоке. Окно с крутыми облачными берегами было по-прежнему широко раскрытым, но пустым.

— Гравиметры! — приказал пилот.

— Слушаюсь.

GOD говорил, как всегда, голосом, лишенным эмоций, однако пилоту казалось, что в нем звучит какая-то наглость. Словно машина, превосходящая его сообразительностью, выполняла приказы неохотно и так, чтобы он это почувствовал. В клубке перепутанных геодезических линий появилась едва заметная дрожь, прорезала сгусток сети и пропала. Геодезическое сплетение распрямлялось. На фоне белой планеты с брешью в облаках, подобной огромному оку тайфуна, снова установилась прямоугольная сетка гравитационных координат.

— «Гавриил» выстрелил в себя нуклеонами с теравольтажом, ведь так? — спросил пилот.

— Да.

— По касательной с точностью до одного гейзенберга?

— Да.

— Откуда он взял дополнительную энергию? Ведь его масса была слишком мала, чтобы сжать пространство в микродыру?

— Терайтрон при замыкании работает, как сидератор. Забирает энергию извне.

— Возникает дефицит?

— Да.

— В виде отрицательной энергии?

— Да.

— В каком радиусе?

— В надсветовом подпространстве «Гавриил» взял ее в радиусе миллиона километров.

— Почему этого не ощутила ни Квинта, ни луна, ни мы?

— Потому что это квантовый заем в пределе Голенбаха. Нужно объяснять дальше?

— Необязательно, — ответил пилот. — Поскольку коллапс произошел за время, меньшее чем миллионная доля наносекунды, возникли два концентрических горизонта событий Рахмана — Керра.

— Да, — сказал GOD. Он не умел удивляться, но пилот ощутил прозвучавшее в этом слове уважение.

— Значит, сингулярность, оставшаяся после «Гавриила», в этом мире уже не существует. Просчитай, чтобы убедиться, прав ли я.

— Уже просчитал, — ответил GOD, — не существует с вероятностью один на сто тысяч.

— Так что же ты рассказывал командиру сказки о мухах? — спросил пилот.

— Вероятность не равняется нулю.

— Согласно геодезическим движениям, коллапс имел сильное гелиофугальное отклонение, и, приведя массы всех тел системы к точкам, можно высчитать фокус, куда выбросило их ракеты... Макротуннельным эффектом. Не так ли?

— Так.

— Разброс не может иметь размеров парсека. Должен быть меньше. Сможешь подсчитать?

— Да.

— И что же?

— Туннельные переброски имеют вероятностный характер, а независимые вероятности перемножаются.

— Переведем это на язык здравого смысла. Кроме дзеты в этой системе насчитывается девять планет. Создается система нелинейных уравнений, не поддающихся интегрированию, однако планеты переняли момент вращения прото-солнца, и можно поэтому свести массу всей системы к точке центра.

— Это слишком неточно.

— Неточно, но не на парсек.

— Уж не принадлежите ли вы к так называемым феноменальным счетчикам? — спросил GOD.

— Нет. Я родом из того времени, когда считали и без компьютеров. Или действовали «на глазок». Кто этого не умел, при моей профессии умирал молодым. Почему молчишь?

— Не знаю, что я должен сказать.

— Что ты небезошибочен.

— Да, я могу ошибаться.

— И потому не должен называться GOD'ом.

— Это не я сам себя так назвал.

— Даже женщина не переспорит компьютер. GOD, тебе надо подсчитать распределение вероятностей вдоль твоего парсека — оно должно оказаться двумодальным. Эту область нанесешь на звездную карту и утром передашь командиру с объяснением, что тебе не хотелось этого считать.

— Мне никто этого не приказывал.

— Я даю тебе этот приказ. Понял?

— Да.

Тем и закончился ночной разговор в рубке.

НАПАДЕНИЕ

То, что математически в высшей степени маловероятно, обладает свойством все же иногда случаться. От трех преследователей, втянутых в глубь искривленного пространства и выброшенных гравитационной релаксацией в направлении от солнца, не было найдено и следа, четвертого, однако, «Гермес» нашел и взял на борт всего через восемь суток. GOD объяснил этот действительно особый случай с помощью изоэтральной версии топологического анализа с приме-

нением трансфинальных дериватов эргодики, но Накамура, который прослышал от Стиргарда о ночном споре пилота с GOD'ом, заметил, что к тому, что произошло в действительности, всегда можно подогнать расчеты при помощи фокусов, известных каждому занимающемуся прикладной математикой. Когда краны втягивали на корабль разбитые останки ракеты, распоротые и смятые, Накамура из любопытства спросил пилота, как он пришел к правильному выводу. Темпе рассмеялся.

— Математик из меня никакой. Если я и рассуждал, то не знаю как. Не помню, кто и когда доказал мне, что если человек захочет установить вероятность собственного рождения, то, уходя в прошлое по генеалогическому древу, минуя родителей, бабок, дедов, прадедов, получит вероятность, произвольно близкую к нулю. Если не родители встретились случайно, то деды и бабушки, а когда он дойдет до средневековья, сила множества вполне возможных событий, которые исключили бы все зачатия и роды, необходимые для его появления на свет, окажется большей, чем сила множества всех атомов в Космосе. Иначе говоря, каждый из нас не имеет ни малейшего сомнения, что он существует, хотя никакой стохастикой не удалось бы это установить сотни лет назад.

— Разумеется, но что здесь общего с эффектами сингулярности в пределе Голенбаха?

— Понятия не имею. Скорее всего, ничего. Я в сингулярностях не разбираюсь.

— И никто не разбирается. Апостольский легат сказал бы, что это было озарение свыше.

— Вряд ли свыше. Я попросту внимательно наблюдал гибель «Гавриила». Я знал, что он не хотел уничтожить преследователей. Таким образом, он делал все, чтобы не затянуть их под горизонт Керра. Я видел, что эти гончие не шли идеально ровным строем за «Гавриилом». Поскольку они находились от него на разной дистанции, то их могла постигнуть и разная участь.

— И на этом основании?..

Теперь уже и японец улыбался.

— Не только. Мощностъ вычислительных машин имеет границу. Эта граница называется *limes computibilitatis*. GOD

достиг этой границы. Он не занимается расчетами, о которых знает, что они транскомпьютабельны, то есть ему не по зубам. Поэтому он даже не пытался, а мне повезло. Что физика говорит о везении?

— То же, что о рукоплесканиях одной рукой, — ответил японец.

— Это из философии дзен?

— Да. А теперь прошу за мной. Находка принадлежит вам.

В свете ламп посреди зала на дюралевой плите чернел остов, словно обугленная распластанная рыба. Вскрытие установило уже знакомое мелкоклеточное строение, фотонные тяговые двигатели значительной мощности и расплавленное устройство в носовой части, принятое Полассаром за лазерный излучатель, однако Накамура считал, что это особый тип светового тормозящего агрегата, поскольку речь шла о поимке «Гавриила», а не о разрушении его. Полассар предложил, чтобы эти сорокаметровые останки были удалены с корабля, потому что вместе с захваченным ранее они занимали почти половину зала. Стоило ли превращать его в склад балластной рухляди? Эль Салам воспротивился. Он хотел сохранить хотя бы один экземпляр, лучше всего последний, хотя на вопрос командира «зачем?» не мог дать никакого рационального объяснения. Стиргарда этот вопрос особо не занимал. Считая, что положение коренным образом изменилось, он хотел услышать от своих людей, какой шаг они считают теперь надлежащим или наилучшим. После удаления спутникового лома за борт им следовало собраться на совет. Оба физика отправились сначала к Ротмонту, чтобы, как ехидно заметил Полассар, «разработать предварительный доклад и пополнить библиографию».

И в самом деле, эта тройка желала согласовать позиции, ибо с момента гибели «Гавриила» в разговорах, которые велись среди команды, можно было заметить признаки начинающегося раскола.

Неясно, откуда — кто так первый выразился — возник термин «демонстрация силы». Гаррах высказался за такую тактику сразу, Эль Салам — с оговорками, физики вместе с Ротмонтом были против, а Стиргард, хотя только слушал, казалось, готов был стать на их сторону. Остальные воздержались от высказываний. На совете мнения обеих групп

резко столкнулись. Кирстинг неожиданно поддержал сторонников демонстрации.

— Насилие — это неотразимый аргумент, — заявил наконец Стиргард. — Но у меня есть три предварительных условия относительно этой стратегии, и каждое содержит вопрос. Уверены ли мы, что обладаем превосходством? Может ли такой шантаж привести к завязыванию контакта? И будем ли мы готовы привести наши угрозы в исполнение, если они не поддадутся на них? Все это риторические вопросы. Никто из нас не сумеет на них ответить. Последствия стратегии, основанной на демонстрации силы, непредсказуемы. Если кто-то придерживается другого мнения, высказывайтесь.

Десять человек в командирской каюте выжидательно переглядывались.

— Что касается меня и Эль Салама, — начал Гаррах, — мы хотим, чтобы командир представил свою альтернативу. На наш взгляд, никакой альтернативы нет. Мы попали в однозначную ситуацию. Это вроде бы ясно. Угрозы, демонстрация силы, шантаж — это все отвратительно звучащие слова. Если их воплотить в действие, это может привести к катастрофическим последствиям. Вопрос о нашем превосходстве наименее существен. Дело не в том, есть оно у нас или нет, а в том, будут ли они так считать и уступят ли без боя.

— Боя?.. — как эхо, повторил монах.

— Стычки. Столкновения. Это для вас звучит лучше? Эвфемизмов следует избегать. Угроза силой, не важно какого рода, должна быть реальной, ибо угрозы, за которыми не стоит возможность их исполнения, тактически и стратегически ни к чему не ведут.

— Недомолвок надо избегать, — поддержал его Стиргард. — Может, и вправду возможен этот блеф...

— Нет, — возразил Кирстинг. — Блеф предполагает минимум знакомства с правилами игры. Мы же их вовсе не знаем.

— Хорошо, — согласился Стиргард. — Предположим, что мы обладаем реальным преимуществом. И можем показать его; не принося им непосредственно никакого вреда. Это была бы явная угроза. Но если такое убеждение окажется напрасным, Гаррах, то, по-твоему, нам придется дать бой или принять бой и отразить атаку. Это не слишком выгодные предварительные условия для взаимопонимания.

— Да, не слишком, — проговорил Накамура. — Это наименее худшая исходная позиция. Правда, не мы ее создали.

— Могу ли я вмешаться? — спросил Араго. — Мы не знаем, зачем они пытались схватить «Гавриила». Вероятнее всего, чтобы сделать с ним то же, что сделали мы с двумя их спутниками вблизи Юноны и сейчас с этими преследователями. Но мы же не считаем, что действовали, как агрессоры. Мы хотели исследовать образцы их техники. Они хотели исследовать творения нашей. Это простая симметрия. Значит, не следует говорить о демонстративном разрушении, демонстрации силы, борьбе. Ошибка необязательно тождественна преступлению. Но может им оказаться.

— Симметрии нет, — возразил Кирстинг. — В общей сложности мы выслали восемь миллионов битов информации. Сигнализировали с «посла» более семидесяти часов подряд на всех волнах. Давали сигналы лазером. Передали коды инструкции по их дешифровке. Послали спускаемый аппарат без единого грамма взрывчатых материалов. Что же касается сути информации, мы передали им расположение нашей Солнечной системы, изображения Земли, описание возникновения нашей биосферы, данные об антропогенезе, целую энциклопедию. И физические постоянные, которые действуют повсюду в Космосе, — они должны их превосходно знать.

— Но о сидеральной инженерии, о голенбаховской фораминистике*, о частицах Гейзенберга там ничего не говорилось, правда? — спросил Ротмонт. — И о нашей системе тяги, и о гравитационной локации, обо всем проекте SETI, об «Эвридике», о Гадесе...

— Нет. Ты лучше знаешь, чего там не было, ведь ты составлял программы для «посла», — сказал Эль Салам. — Ни о лагерях смерти, ни о мировых войнах, ни о кострах и ведьмах. Ведь каждый, когда первый раз приходит в гости, не выкладывает хозяевам всего о грехах отца, матери и всех своих родных. Если бы мы их в общих чертах и в высшей степени любезно уведомили, что мы умеем делать из масс, больших, чем их луна, нечто такое, что уместится в замочной скважине, то теперь отец Араго сказал бы, что это уже было началом предварительного шантажа.

---

*Фораминистика — букв.: изучение дыр (лат.).

— Попробую помирить вас, — вмешался Темпе. — Поскольку они не сидят в пещерах, не высекают огонь кремнями, но овладели астронавтикой, хотя бы внутри своей системы, они знают, что мы прибыли к ним не на веслах, не под парусом и не на байдарке. И собственно, то, что мы попросту прибыли сюда, преодолев сотни парсеков, должно для них означать больше, чем демонстрация самых мощных бицепсов.

— Recte. Habet*, — прошептал Араго.

— Темпе прав, — согласился командир. — Самим своим появлением мы могли их обеспокоить. Особенно если они еще технически не способны к галактодромии, но уже знают, какого порядка мощности для нее необходимы... Вплоть до запуска «посла» мы считали, что они о нас ничего не знают. Если они заметили «Гермес» много раньше — а мы кружимся здесь третий месяц, — то наше молчание, наш камуфляж могли испугать их...

— Преувеличиваешь, астрогатор, — неприязненно пожал плечами, заметил Гаррах.

— Ничего подобного. Представь себе, что над Землей в тысяча девятьсот пятидесятом или тысяча девятьсот девяностом году зависли бы галактические крейсера длиной в милю. Даже если бы с них падал один шоколад, возникло бы небывалое замешательство, суматоха, политические кризисы, паника. У любой цивилизации в многогосударственной стадии достаточно внутренних конфликтов. Не нужно никакой демонстрации силы, ибо само преодоление ста парсеков уже является такой демонстрацией — для тех, кто этого сделать не может.

— Ну хорошо, командир, что, по-твоему, нужно сделать? Как мы сможем доказать свою доброжелательность, свои кроткие, мирные и дружественные намерения? Как сможем убедить их, что не угрожаем им ничем, что мы — экскурсия добрых скаутов под опекой священника, если четыре их наиболее совершенных боевых машины, в пятьдесят раз более тяжелых, чем наш архангел, сдунуты за пределы времени-пространства, как пылинки? Эль Салам и я, теперь ясно, впали в заблуждение. Пришли гости с цветами, в саду на них

---

* Здесь: да, это именно так (лат.).

напала хозяйская собака, один из гостей хотел отогнать ее зонтиком и нечаянно проткнул тетю хозяина дома. Нечего говорить о демонстрации силы, это все равно что искать прошлогодний снег. Она уже произошла! — Гаррах, широко улыбаясь, не без злорадства, говорил это командиру, а смотрел на монаха.

— Асимметрия заключена не там, где вы думаете, — сказал доминиканец. — Тем, кто не понимает нас, мы не можем принести благой вести. Ангельских намерений нельзя доказать, пока они остаются только намерениями. Зло же можно доказать нанесением вреда. Это *Circulus vitiosus*: для того чтобы добиться взаимопонимания, мы должны их убедить в этих намерениях, надо найти с ними общий язык...

— Но как же все, что произошло и может произойти, не приняли в расчет наши великие мыслители, проектанты и директора СЕТИ и SETI? — спросил в бешенстве Темпе. — И теперь все это свалилось нам как снег на голову? Это попросту неслыханная глупость.

Каюта гудела от ожесточенных споров. Стиргард молчал. Он думал, не вполне отдавая себе в этом отчет, что в бесплодном споре — ему была ясна его никчемность — они дают выход раздражению, нараставшему во время безуспешно повторяемых попыток договориться с Квинтой. Это был результат недосыпания, безуспешного тщательного исследования луны, выдумывания гипотез, которые, вместо того чтобы дать возможность заглянуть в чуждую цивилизацию, рассыпались, как карточные домики, и у одних вызывали ощущение потерянности среди неразрешимых загадок, блуждания в лабиринте без выхода, а других наполняли растущим подозрением, что жителями планеты овладела массовая паранойя. Если на Квинте действительно господствовала паранойя, то в заразной форме. Стиргард заметил, что указатель над тумбочкой его койки не светится. Кто-то из гостей переключил тумблер в рубке, отрезав центральный мозг корабля от его каюты, словно не желал холодного, рационального и логического присутствия GOD'a при этой встрече. Он не стал спрашивать, кто это сделал. Зная своих людей, он был уверен, что среди них не найдется труса или лжеца, который отрекся бы от этого поступка, — он мог быть действием просто подсознательным, как прикрытие наготы

перед кем-то чужим, действием инстинктивным и более спонтанным, чем стыд. Поэтому он не сказал ничего, только включил монитор и потребовал от GOD'а дать оптимальный прогноз для принятия решения.

GOD предупредил, что ему не хватает отправных данных для оптимизации. Подтекст вопроса заключен в его неизбежном антропоцентризме. Люди высказываются о себе или о других хорошо или плохо. То же касается и их всеобщей истории. Многие считают ее нагромождением жестокостей, бессмысленных завоеваний, бессмысленных даже вне пределов этики, поскольку ни нападающим, ни их жертвам они не приносили ничего, кроме разрушения культур, упадка империй, на обломках которых вырастали новые; одним словом, множество людей с презрением смотрит на собственную всеобщую историю, но никто вообще не считает ее каким-то кошмарным, страшнейшим из всех возможных во Вселенной психозоическим эксцессом, а Землю — планетой бандитов и убийц, единственной из миллионов планет залитой кровью и охваченной насилием вследствие деятельности Разума — в противоположность космической норме. Большинство людей, в глубине души не зная об этом, да и не вдаваясь в такие размышления, считают земную историю во всем ее течении от палеопитеков и австралопитеков вплоть до современности «нормальной», то есть типовым элементом, часто встречающимся во всем космическом множестве. В этом отношении, однако, ничего не известно, и не существует методики, позволяющей из информационного нуля вывести нечто большее, чем ноль. Диаграмма Ортеги — Нейсселя указывает только среднее время, отделяющее рождение протокультуры от технологического взрыва. Кривая диаграммы, так называемая главная линия психозоев, не учитывает ни биологических, ни социальных, ни культурных, ни политических факторов — участвующих в формировании конкретной истории Разумных. Исключить эти данные позволяет опыт Земли, поскольку влияния, оказываемые столкновениями различных верований и культур, форм строя и идеологии, явлений колонизации и деколонизации, расцвета и упадка земных империй, ничем не нарушили хода кривой технического роста. Это — параболическая кривая, устойчивая к возмущениям, вызванным

историческими потрясениями, нашествиями, эпидемиями, человекоубийством, поскольку технология, единожды окрепнув, становится переменной, не зависящей от цивилизованного субстрата, как логистическая при интегрировании кривая автокатализа. Если рассматривать открытия и изобретения в микроскопическом масштабе, то их делали отдельные люди — единолично или же в составе групп, — но при окончательном расчете мы вправе вывести творцов за скобки, поскольку изобретения рождаются от других изобретений, открытия служат причиной следующих открытий, и это ускоренное движение создает параболу, взлетающую, кажется, в бесконечность. Перегиб насыщения не оказывается вызванным усилиями личностей, желающих сохранить природу, — кривая изгибается в том месте, где она, не перегнувшись, уничтожила бы биосферу. Эта кривая всегда перегибается в критической точке, ибо, если технологии экспансии не придет на смену технология спасения либо замены биосферы, данная цивилизация вследствие кризисов приходит к гибели. Когда нечем дышать, то некому делать дальнейшие открытия и получать Нобелевские премии.

По данным космологии и астрофизики, главная линия Ортеги — Нейсселя принимает во внимание только граничную *выносливость* данной биосферы, называемую также пределом технологической грузоподъемности, но предел *выносливости* зависит не от анатомии или устройства форм коллективной жизни, но от физико-химических черт планеты, ее экосферной локализации и других космических факторов, включая звездные, галактические слияния и т.п. Там, где главная линия достигает предела выносливости биосферы, она разрывается, что означает лишь то, что каждая конкретная цивилизация бывает вынуждена принять глобальное решение относительно своей дальнейшей судьбы, а если не может или не хочет принять такое спасительное решение, то гибнет. Разрыв главной линии соответствует также так называемой верхней рамке окна контакта. Эта рамка, или граница, называемая также барьером роста, свидетельствует о том, что от единого ствола, которым является главная линия, расходятся ветви, то есть различные цивилизации разными способами продолжают дальнейшее существование. Хотя до сих пор не произошел обмен информацией ни с каким пси-

хозоем, из расчета видно, что не существует одного, и только одного, оптимального решения, как избежать опасности, вызванной нарушением биосферы техносферой. И для объединенной цивилизации также не открывается единственная дорога, позволяющая ей окончательно избавиться от накопившихся дилемм и опасностей.

Что же касается данной ситуации, то она является результатом неправильных действий, вызванных отходом от программы экспедиции. По мнению GOD'a, был сделан ряд ошибочных шагов, поскольку в момент принятия решений они не казались ошибками. Достаточно плачевный баланс их выявился только в ретроспекции. Точнее говоря, «Гермес» оказался вовлеченным в парадокс Арроу, который состоит в том, что некто, принимая решение, пытается реализовать конкретные ценности, причем каждая из них важна, но совместно они недостижимы. Между максимальным риском и максимальной осторожностью возникла равнодействующая, от которой нелегко будет избавиться. GOD не считал, что командир повинен в создавшемся тупике, поскольку желал соединить риск с предусмотрительностью. После поминки квинтянских орбитальных аппаратов за Юноной и обнаружения виридов он отклонился от программы в сторону излишней осторожности, закамуфлировав корабль и не посылая Квинте сигналов, предупреждающих о визите из Космоса. Цена этой предусмотрительности выявляется только сейчас.

Второй ошибкой было придание «Гавриилу» чрезмерной автономии и излишней изобретательности. Как ни парадоксально, это произошло от избытка осторожности и ошибочного предположения, что «Гавриил», имея превосходство в скорости перед орбитальными аппаратами или ракетами, сумеет сесть, не позволив себя поймать. И чтобы получить такую скорость, он был снабжен тераджоулевым двигателем. А чтобы он мог после посадки адекватно реагировать на непредсказуемое поведение хозяев, на нем установили слишком разумный компьютер. Программа SETI предусматривала посылку в первую очередь легких зондов, но от этого отказались, так как дипломатические попытки «посла» ни к чему не привели. Хотя никому в голову не пришло, что «Гавриил» превратит свой двигательный агрегат в сидеральное

орудие, сворачивающее пространство, но именно так и случилось. Из-за излишней сообразительности компьютера «Гавриила» они выбились из программы и попали в ловушку. Теперь нельзя как ни в чем не бывало посылать следующие зонды. Новая ситуация требует новой тактики. Чтобы обсчитать ее, GOD'у потребуется двадцать часов. На том и порешили.

После вечернего дежурства пилоту не спалось. Он думал о совете, из которого не вынес ничего, кроме возросшей неприязни к GOD'у. Этот высший электронный ум, может быть, и владел логикой в совершенстве, но ее результаты были удивительно фарисейскими. Верно, совершены ошибки, допущены отклонения от программы, но оказывается, что и командир ни в чем не виноват, и GOD не несет за это ни малейшей ответственности, что он и сумел убедительно доказать. Парадокс Арроу, этот чреватый дурными последствиями камуфляж, — следствие излишней подозрительности по отношению к квинтянам, вызванной гипотезой о зловредном происхождении виридов, как теперь четко определил GOD, — а кто же все это время помогал советами командиру?

Пристегнутый к постели, так как была невесомость, пилот настолько разозлился в конце концов, что о сне не могло быть и речи. Он зажег маленькую лампочку над изголовьем, вытащил из-под матраца засунутую туда книжку «Программа «Гермеса» и углубился в чтение. Сначала пролистал общие предположения, касающиеся Квинты. Это была компьютерная распечатка, сделанная непосредственно перед стартом с «Эвридики» на основании собранных и интерпретированных астрофизических наблюдений: квинтяне оценочно располагают энергией в 10^{30} эргов. Тем самым их цивилизация находится на околосоциальном уровне. Главным источником энергии наверняка являются термоядерные реакции типа звездных, но силовые станции *не* выведены в космическое пространство. По-видимому, после истощения ископаемого топлива энергетика прошла, подобно земной, период использования уранидов, дальнейшая эксплуатация которых стала нерентабельной после овладения циклом Бете. Маловероятным представляется, чтобы на планете в

течение последних ста лет прошли войны с применением ядерного оружия. Холодное экваториальное пятно не может быть результатом такой войны. «Ядерная зима» в результате войны должна была бы охватить практически всю планету, поскольку выброшенные в стратосферу тучи пыли увеличивают альбедо всего ее диска. Причины прекращения строительства ледяного кольца неясны. Он пропустил страницы, заполненные графиками и таблицами, и наконец нашел раздел «Состояние цивилизации. Гипотезы».

«1. Квинта страдает внутренними конфликтами, которые действуют совместно с технологическими факторами. Это говорит о существовании антагонистических государств либо иных формирований. Эра явных вооруженных столкновений уже ушла в прошлое и не приводит к итогу типа «победители — побежденные», но постепенно перешла в криптомилиитарную фазу».

В этом месте, уже на борту «Гермеса», вклеена дополнительная распечатка, сделанная GOD'ом: «Одним из доводов в пользу криптомилиитарного характера конфликта являются паразиты, обнаруженные на двух квинтянских спутниках. Согласно такой интерпретации, противостоящие блоки совместно находятся в таком состоянии, которое не является ни классическим миром, ни классической войной в понимании Клаузевица. Они сражаются за линиями фронтов путем криптомахических столкновений типа климатических травм, наносимых противнику, взаимной каталитической эрозии технопродукционных потенциалов. Это могло провалить строительство ледяного кольца, поскольку оно требовало глобального сотрудничества».

Выводы были сделаны еще на «Эвридике»: «Если существуют такие группы антагонистов и они сражаются неклассическим образом, то контакт с любым космическим пришельцем может быть в значительной степени затруднен. А рпiоі получение космического союзника — маловероятная возможность для каждой из сторон, если только их две. Ибо для этого нет никакой рациональной причины — в виде конкретной пользы, которую получил бы инопланетный гость, присоединившись к одной из сторон. Контакт же может оказаться запалом, который превратит тихую, тлеющую, постоянную и упорно продолжаемую борьбу в полное лобовое

столкновение сил обеих сторон. Пример: пусть на планете Т находятся блоки А, Б и В, взаимно враждебные. Если Б установит контакт с пришельцем, это будет вызовом для А и В, которые почувствуют, что они оказались перед лицом серьезной угрозы. Они могут либо атаковать пришельца, чтобы он не смог усилить потенциала Б, либо совместно атакуют Б. Ситуация отличается неустойчивостью, а при любой неустойчивости достаточно постороннего фактора с серьезным техническим потенциалом — а таковой должен быть у пришельца, поскольку он совершил галактический скачок, — чтобы началась эскалация враждебных действий.

2. Квинта объединена как федерация или протекторат. На ней нет равных по силе антагонистов, поскольку одна из сверхдержав овладела всей планетой. Такое владычество — результат ли это победоносных военных действий или невоенного захвата — с момента подчинения слабых сил главной державе планеты также не обеспечивает хорошей устойчивости с точки зрения контакта с инопланетным гостем. Не следует приписывать глобальному государству ни демонических, ни империалистических намерений, внепланетной экспансии. В планы смоделированной таким образом Квинты входит не уничтожение незваного гостя, но лишь сведение на нет возможности контакта, особенно посадки на планету. Технологические дары, которых можно ожидать от прибывших, легко могут оказаться губительными. Попытки удержать пришельцев в рамках, дабы они не нарушили господствующего социально-политического равновесия, могут рикошетом ударить как раз по этому равновесию. Следовательно, и в такой системе отказ от контакта является решением разумным с точки зрения глобальных властей. Такова обращенная к Космосу политика, именуемая PERFIS (Perfect Isolation*) по аналогии с британской splendid isolation**. Высота информационного порога, который должен преодолеть пришелец, неопределенна.

3. Согласно мнению Хольгера, Кроха и их группы, полностью объединенная планета, на которой нет ни побежденных, ни победителей, ни мощной власти и угнетенных под-

---

* Совершенная изоляция (англ.).

** Блестящая изоляция (англ.).

данных, также может не желать контакта. Главные дилеммы такой цивилизации, сходящей с линии Ортеги — Нейсселя вблизи верхней области окна контакта, находятся на стыке ее культуры и технологии. Культура всегда характеризуется запаздыванием созданных ею регулирующих правовых и нравственно-этических норм по отношению к технологии во время параболического ускорения перед моментом насыщения. Технология уже делает возможным то, что запрещает культурная традиция, и позволяет нарушать правила, которые считаются ею ненарушимыми.

Примеры: генетическая инженерия в применении к существам, соответствующим людям; регулирование пола; пересадка мозга и т.п. Рассматриваемый в свете этих конфликтов контакт с пришельцами выявляет свою амбивалентность. Планетная сторона, отвергая контакт, не обязана даже приписывать гостям каких-либо недружелюбных намерений. Опасения и без того серьезны и оправданны. Прививка радикально новых технологий может дестабилизировать общественные связи и отношения. Кроме того, ее последствия непредсказуемы. Это не касается контактов по радио и других дистанционных сигналов, ибо их адресаты могут по собственному желанию использовать либо игнорировать полученную информацию».

Он уже чувствовал себя утомленным, но сон все же не приходил. Пропустив несколько разделов, он стал читать последний — о процедуре контакта. Проект SETI рассматривал представленные выше дилеммы как помехи для достижения взаимопонимания между гостем и его потенциальным собеседником. Поэтому экспедиция была снабжена специальными средствами связи, а также автоматами, которые без предварительных переговоров, то есть без дистанционного обмена радиосигналами и сведениями, должны были показать мирный характер экспедиции еще до посадки. Предварительная процедура планировалась многоэтапной. Первым правилом для земного корабля по прибытии будет передача на указанных в приложении диапазонах радио-, тепловых, световых, ультрафиолетовых волн и с помощью корпускулярных потоков. Как при отсутствии ответа, так и при приеме непонятных сигналов ко всем континентам будут посланы спускаемые аппараты, наводящие сенсоры которых направят их на значительные скопления построек.

Было там также множество рисунков, схем и описаний. На каждом спускаемом аппарате находились приемно-передаточные устройства, а также данные о Земле и о ее жителях. Если и этот шаг не вызовет ожидаемой реакции, то есть налаживания связи, должны сесть выпущенные с корабля более тяжелые зонды, снабженные компьютерами, способными к обучающей деятельности, к объяснению визуальных, тактильных или акустических кодов. Эта процедура была необратимой, ибо каждый следующий шаг был продолжением предыдущего. Первые спускаемые аппараты содержали сигнальные передатчики одноразового действия, которые активизировались только при грубом нарушении их оболочки, вызванном не аварией или жесткой посадкой, а умышленным демонтажом без попытки переговоров. Пилоту очень понравился этот научный способ определения ситуации, при которой какой-нибудь троглодит раздолбал бы каменным топором электронного посла человечества; «демонтаж без попытки переговоров» происходит в том случае, подумал он, если дать кому-нибудь без лишних слов так, чтобы зубы у него вылетели. Индикаторы, выращенные в виде монокристаллов, отличались такой прочностью, что успели бы выслать сигнал, даже если посадочный модуль подвергся бы уничтожению за доли секунды — например, взлетев на воздух от заряда взрывчатки. Далее программа в деталях представляла модели следующих посланцев, порядок залпов, которыми их следовало синхронно направлять в выбранные места посадки, чтобы ни один континент, ни одна область не оказались предпочтенными или обойденными, и так далее.

Книжка содержала также *votum separatum** группы экспертов SETI, состоящей из нескольких человек, сторонников крайнего пессимизма. Они утверждали, что нет никаких материальных средств или сигналов, а также легких для расшифровки сообщений, которые нельзя было бы принять за коварное прикрытие агрессивных намерений. Все это происходит от неустанных различий в технологическом уровне. Явление, называемое в XIX, а еще определеннее в XX веке гонкой вооружений, появилось на свет вместе с палеопите-

---

* Особое мнение (*лат.*).

ком, когда он в качестве дубинки использовал длинные бедренные кости антилоп, разбивая ими черепа не одних только шимпанзе, поскольку в гастрономических категориях числился каннибалом.

Однако когда наука — родительница ускоряющейся технологии — возникла на перекрестке средиземноморских культур, военный прогресс воюющих европейских, а потом и неевропейских государств не обеспечил ни одному из них сокрушительного превосходства над другими. Единственное исключение из этого правила — атомное оружие, но Соединенные Штаты удерживали эту монополию — в исторических масштабах — всего лишь мгновение.

Технологический же разрыв между цивилизациями в Космосе может быть гигантским. Более того, наткнуться на цивилизацию, стоящую на той же ступени развития, что и земная, практически невозможно.

В этом толстом томе было еще множество ученых рассуждений. Пришелец, который давал в руки недоразвитым хозяевам планеты тайны сидеральной инженерии, уподоблялся человеку, дающему детям играть гранатами с выдержанной чекой. Но если он не покажет своих знаний, то рискует быть обвиненным в двуличии, желании главенствовать, то есть и так нехорошо, и так плохо.

Глубина выводов настолько одолела наконец читателя, что благодаря программе SETI он уснул; лампа осталась непогашенной, а книга — зажатой в руке.

Он шел по узкой улочке мимо домов, освещенных солнцем. У ворот играли дети, между окнами висело белье на веревках. Неровную мостовую, покрытую мусором, кожей бананов, огрызками, пересекал поток грязной воды. Далеко внизу открывался порт, забитый парусниками, на пляж лениво набегали пологие волны; лодки, вытасненные на песок, перемежались с рыбацкими сетями. Море, гладкое до горизонта, сияло полосой солнечного отражения. Он ощущал запах жареной рыбы, мочи, оливок, он не знал, как попал сюда, но в то же время точно знал: это Неаполь. Маленькая смуглая девочка, крича, бежала за мальчиком, который убегал от нее с мячом, останавливался, делал вид, что бросает ей мяч, и, прежде чем она его догоняла, удирал; другие дети

тоже что-то кричали по-итальянски; растрепанная женщина в одной рубашке, высунувшись из окна второго этажа, стаскивала высохшие комбинезоны и юбки с веревки, протянутой над улочкой; ниже начиналась каменная лестница из растрескавшихся плит. И вдруг все дрогнуло, раздался визг, стены начали валиться, а он стоял как вкопанный в тучах известковой пыли, ничего не видя; что-то рухнуло позади него, и крики, вопли женщин заглушил грохот сотрясающейся земли. *Terramoto! Terramoto!** — этот крик утонул во второй волне постепенно нарастающего грохота; куски штукатурки сыпались на него, он закрыл руками голову, почувствовал удар в лицо и проснулся, но землетрясение не прекратилось: огромная тяжесть прижимала его к постели, он попытался вскочить, застегнутые ремни удержали, книга ударила его в лоб и отлетела к потолку, — это был «Гермес», а не Неаполь, но вокруг грохотало, и стены валились, он чувствовал, как ходуном ходит вся каюта, повис на ремнях, свет лампочки мигал; он видел открытую книгу и свитер расплывшимися на потолке над ним, с перевернутых полок летели рулоны фильмов; это не был сон, и не только грохот был слышен. Выли сирены тревоги. Свет ослаб, загорелся, погас, в углах потолка — теперь пола — зажглись аварийные лампы, он пытался отыскать замки ремней, чтобы отвязаться, пряжки не поддавались, прижатые его грудью, руки словно налились свинцом, кровь ударила в голову, он перестал барахтаться, его швыряло, тяжесть ударяла так, что вдавливала то в койку, то в ремни. Он понял. И ждал. Неужели это конец?

В эту пору — миновала полночь — в темной комнате не было никого. Кирстинг сел перед погашенным визиоскопом, на ощупь пристегнулся, вслепую отыскал выключатель и пустил ленту. На белом квадрате подсветки один за другим появлялись почти черные томографические снимки с клубками более светлых округлых контуров, похожих на рентгеновские тени, — кадр за кадром, пока он не остановил ленту. Он просматривал поверхностные спинограммы Квинты. Потихоньку вращая микрометрический винт, старался полу-

---

* Землетрясение (*ит.*).

чить наилучшее изображение. В середине — кустообразное скопление, словно атомное ядро, осколки которого при столкновении разлетелись лучами во все стороны. Он передвинул изображение с молочной бесформенной плазмы к ее разреженному краю. Никто не знал, может ли это быть жилой застройкой, чем-то вроде огромного города, — на этом кадре был виден ее разрез, обрисованный нуклонами элементов, более тяжелых, чем кислород. Такое послойное просвечивание астрономических объектов, издавна практиковавшееся, было эффективно только для остывших, ставших черными карликами звезд и для планет. При всем совершенстве спиновидения оно имело свои границы. Разрешающей способности не хватало, чтобы различить отдельные костяки, даже если бы они были крупнее гигантозавров мезозойского и мелового периодов. И несмотря на это, он пытался разглядеть скелеты квинтянских существ — пожалуй, только тех, что соответствуют людям, — наполнявшие этот квазигород — если он действительно был многомиллионной метрополией. Он доходил до предела разрешающей способности и превышал его. Тогда микроскопические призраки, сложенные из белесых дрожащих волокон, рассыпались. Экран брезжил хаосом застывших зерен фотослоя. Тогда, насколько мог бережно, он возвращал микрометрический винт вспять, и мглистый образ появлялся снова. Он выбирал наиболее резкие спинограммы граничного меридиана, накладывал их друг на друга, так что выпуклые формы Квинты перекрывались, как целая стопка рентгеновских снимков одного и того же объекта, сделанных при помощи серии вспышек и сложенных вместе. Так называемый город лежал на экваторе. Спинография была выполнена вдоль оси собственного магнитного поля Квинты, по касательной, в месте, где атмосфера заканчивается у планетной коры; следовательно, если это была застройка тридцатимильной протяженности, снимки прошивали ее насквозь, словно рентгеном, установленным на одной окраине: просвечивались все улицы, площади, дома в направлении противоположного предместья. Это давало не много. Смотрящий на людские толпы сверху видит их в вертикальном ракурсе. Глядя в горизонтальной плоскости, можно увидеть только ближайшие фигуры в устьях улиц. Просвечиваемая

толпа покажется беспорядочным скоплением костяков. Правда, существовала возможность отличить постройки от прохожих. Застройка неподвижна; значит, все, что на тысячах спинограмм находилось в неподвижности, могло быть отфильтровано. Экипажи также удавалось удалить путем ретуши, ликвидирующей все, что движется быстрее, чем пешеход. Если бы перед ним были аналогичные снимки земного города, то с них равно исчезли бы как дома, мосты, промышленные предприятия, так и автомобили, поезда и остались бы только тени пешеходов. Столь гео- и антропоцентрические предпосылки имели в высшей степени сомнительную ценность. Несмотря на это, он надеялся на счастливый случай. Кирстинг столько раз заходил ночью в темную комнату, столько раз просматривал рулоны снимков — и все же не утратил надежды на случайное открытие, если удастся выбрать и наложить соответствующие спинограммы. Лишь бы увидеть, пусть неясно, пусть в виде туманного контура, скелеты этих существ. Могли ли они быть человекоподобными? Принадлежат ли они к позвоночным? Составляют ли основу их костей соединения кальция, как у земных позвоночных? Экобиология не считала вероятным полное человекоподобие, но остеологическое подобие земным скелетам было возможно, принимая во внимание массу планеты, ее тяготение, состав атмосферы, указывающий на присутствие растений. Об этом свидетельствовал свободный кислород, но растения не занимают ни астронавтикой, ни производством ракет.

Кирстинг не рассчитывал на человекоподобное строение костей. Оно ведь было результатом запутанного пути эволюции земных видов. В конце концов даже двуногость и прямохождение еще не подтверждали антропоморфизма. Ведь и тысячи ископаемых пресмыкающихся ходили на двух ногах, и если сделать спинографию стаи бегущих игуанодонтов, то в планетном масштабе при достаточном удалении они не отличались бы от марафонцев. Чувствительность аппаратуры шагнула далеко за пределы самых смелых мечтаний отцов спинографии. Он мог теперь по кальциевому резонансу обнаружить скорлупку куриного яйца на расстоянии ста тысяч километров. Когда он напрягал зрение, ему казалось, что среди мутных пятен видны микроскопические ниточки, более светлые, чем фон, будто сфотографированный через

телескоп застывший танец гольбейновских скелетов. Ему казалось, что если он усилит увеличение, то действительно увидит их и они перестанут быть тем, что он домысливал, глядя на дрожащие волоконца, такие же неверные и ускользающие, как каналы, которые видели давние наблюдатели Марса, потому что очень хотели их видеть. Когда он всматривался в скопление слабых застывших искорок слишком долго, усталое зрение подчинялось его воле и он уже почти мог различить молочные капельки черепов и тонкие, тоньше волоса, кости позвоночных столбов и конечностей. Но стоило лишь поморгать уставшими от напряжения глазами, как наваждение пропадало.

Он выключил аппарат и встал. Закрыв в полной темноте глаза, вызвал в памяти только что виденную картину, и снова зафосфоресцировали в бархатной черноте мелкие призраки костяков. Будто слепой, он отпустил спинку кресла и поплыл к рубиновому огоньку над выходом. Слепленный после долгого пребывания в темноте светом в коридоре, он вместо того, чтобы двинуться к лифту, ткнулся в нишу двери, высланную толстым пористым материалом, и это его спасло, когда вместе с грохотом на него обрушился гравитационный удар. Ночные лампы погасли, вдоль вращающегося вместе с кораблем коридора загорелись аварийные огни, но он этого уже не видел. Потерял сознание.

Стиргард после совета не ложился спать, потому что знал: вне зависимости от того, сколько тактик разработает GOD, машина поставит его перед выбором, сводимым к альтернативе: либо непредсказуемый риск, либо отступление. Во время дискуссии он изображал решительность, но, оставшись один, почувствовал себя беспомощным, как никогда до этой ночи. Все труднее ему было сопротивляться желанию доверить выбор жребию. В одном из стальных шкафов каюты среди личных мелочей у него хранилась старая тяжелая бронзовая монета с профилем Цезаря и пучком фасций на реверсе. Память об отце, нумизмате. Открывая шкафчик, он все еще не был уверен, что таким образом доверит корабль, команду, всю судьбу этой величайшей в истории человечества экспедиции монете, хотя уже подумал, что ликторские розги означают бегство — а чем, как не бегством, было бы

отступление? Затертый же профиль мясистого лица — это то, что, возможно, станет их гибелью. Он преодолел внутреннее сопротивление, открывая в полумраке шкафчик, и на ощупь достал из ячейки плоский футляр с монетой. Повертел ее в пальцах. Имел ли он право?.. Бросок нельзя было сделать при невесомости. Он всунул монету в стальную скрепку для бумаг, включил электромагнит, укрепленный под крышкой стола для фиксации фотограмм или карт стальными кубиками. Раздвинул в стороны стопки машинописных листов и лент и, как мальчишка, которым был когда-то, пустил монету, словно волчок. Она вращалась на кончике скрепки все медленнее, описывая небольшие круги, наконец упала, притянутая магнитом, и показала реверс. Возвращение. Чтобы сесть, он ухватился за подлокотники вращающегося кресла и, едва его комбинезон прикоснулся к сиденью, почувствовал, прежде чем успел осознать, сотрясение, сначала слабое, потом все усиливающееся, а затем гигантская сила смела фильмы, бумаги, скрепки и темно-коричневую монету со стола, а его втиснула в кресло. Перегрузка возросла мгновенно. В глазах потемнело, кровь уже отливала от глаз, но он все еще видел расплывчатое от мгновенных содроганий пятно света круглой настенной лампы, слышал, чувствовал, как по стальным стенам, под их обшивкой, пробежал глухой стон всех швов и соединений и как сквозь грохот летящих отовсюду незакрепленных предметов, приборов, одежды пробивается далекий вой аварийных сирен, словно кричали не их мембраны, а сам корабль, ощутивший удар всеми ста восемьюдесятью тысячами тонн своей массы. И под это завывание и протяжный грохот, ослепленный страшной тяжестью, вдавливающей налитое свинцом тело в глубь кресла, он в последний миг почувствовал облегчение.

Да. Облегчение, поскольку о возвращении уже не могло быть речи.

Зрение вернулось к нему секунд через десять, хотя гравиметр показывал еще красные деления шкалы. «Гермес» не подвергся прямому попаданию. Что-то таранило его, но всегда стоящий на страже GOD парировал атаку, проведенную так искусно и незаметно, что, не имея времени на выбор соразмерной защиты, он обратился к последнему средству. Стену гравитации не могло пробить в этом Космосе ничто,

кроме сингулярности, и «Гермес» уцелел, однако мощь такого резкого ответного удара должна была дать рикошет, и, как орудие при отдаче, весь корабль содрогнулся между разрядами сидераторов, хотя и принял на себя лишь ничтожную часть выброшенной мощности. Стиргард не пытался встать, потому что чувствовал себя по-прежнему словно под прессом, и широко открытыми глазами смотрел, как, тонко подрагивая, большая стрелка миллиметр за миллиметром сползает с красного сектора круглой шкалы. Напряженные до предела мышцы начинали уже подчиняться. Гравиметр упал до черной двойки, и только аварийные сирены продолжали монотонно завывать на всех палубах.

Обеими руками оттолкнувшись от подлокотников, он с трудом выбрался из кресла и, когда встал, поневоле опираясь ладонями на край стола, как обезьяна, привыкшая горбиться и помогать ногам руками (неизвестно, откуда пришло ему в голову подобное сравнение в такую минуту), то увидел среди разбросанных на полу пленок и карт отцовскую монету, которая по-прежнему показывала реверс, то есть возвращение. Он усмехнулся, ибо это решение было уже побито старшим козырем. Гравиметр остановился на белой шкале у единицы и медленно с нее сходил. Нужно было спешить в рубку, узнать прежде всего о людях. Он уже был у двери, как вдруг вернулся, поднял монету и засунул ее в шкафчик. Никто не должен был знать о его минутной слабости. В категориях теории игр это не было слабостью, потому что, когда не хватает минимаксовых решений, нет лучшего решения, чем чисто случайное. Он мог хотя бы перед самим собой оправдать этот поступок, но не захотел. На середине туннельного коридора вернулась невесомость. Он вызвал лифт. Все решилось. Он не хотел борьбы, но знал своих людей и знал, что, кроме посланца святого Петра, никто не примирится с бегством.

ДЕМОНСТРАЦИЯ СИЛЫ

Распознать средства, примененные во время атаки, не удалось, каковы бы они ни были: их след исчез из времени-пространства. Записи защитной памяти GOD'a подтвердили до-

пущения физиков. Поскольку все пространство вокруг «Гермеса» внутри периметра обороны во всех направлениях «подметалось» датчиками, они могли обнаружить радарные отражения частиц миллиметрового размера на расстоянии ста тысяч миль. Удар не был лучевым; иначе осталась бы его спектральная полоса. Неожиданное появление вокруг «Гермеса» нескольких десятков объектов с размытыми контурами — наподобие роя, концентрически и почти синхронно приближающегося к кораблю, — поначалу казалось загадкой. Они образовались на ничтожном удалении — порядка одной или двух миль. Физики, которым оставалось лишь строить догадки, взвесили способы незаметного проникновения сквозь чуткую защиту. Наконец пришли к трем вариантам. Облака частичек не больше бактерии могли сомкнуться в многотонные массы, что подразумевало недюжинные возможности производить самосоединяющиеся крупницы и направлять их к цели в сильно рассеянном виде. Что-то вроде облаков микрокристалликов, лавинно сгущающихся с необходимым запаздыванием уже внутри охраняемого периметра.

Отдельные крупницы, не конденсирующиеся как попало, а собственным взаимодействием формирующиеся в снаряды, должны были отличаться в высшей степени тонким строением. За девять секунд до удара бортовые магнитометры зарегистрировали скачок магнитного поля вблизи корабля. В пике оно достигло миллиарда гауссов и через несколько наносекунд упало почти до нуля. Этому противоречило отсутствие какой бы то ни было электромагнитной активности накануне. Физикам трудно было представить себе механизм создания поля такой напряженности, ибо источники его не ускользнули бы от внимания датчиков. Теоретически через защиту могли проникнуть диполи, если их облако само себя нейтрализовало взаимной ориентацией биллионов молекул. Такая реконструкция хода атаки предполагала технологию, которая никогда еще не проектировалась, а следовательно, и не проверялась экспериментально на Земле.

Другую возможность предоставлял в высшей степени спорный способ использования квантовых свойств вакуума. В этом случае никакие материальные частицы не проникали сквозь защитный барьер, и на всем сферическом предполье

не было ни единой крупинки. Пустота вмещает бесчисленное количество виртуальных частиц, которые можно материализовать ударом подпитывающей энергии извне. По этой схеме корабль следовало окружить за границей обнаружения генераторами жесточайшего ультрарентгеновского гамма-излучения и разряда, направленного внутрь, который, перемещаясь со скоростью света, как шаровая волна, точно на стыке с защитой вызвал бы туннельный эффект: кванты энергии, вынырнувшие рядом с кораблем, вытеснили бы из пустоты достаточное количество хадронов, чтобы они ринулись со всех сторон на «Гермес». Этот метод был реален, но требовал тончайшей аппаратуры с точной расстановкой ее в пространстве, а также абсолютной маскировки орбитальных устройств. Все это представлялось маловероятным.

Наконец, третий вариант принимал во внимание использование отрицательной энергии, забираемой за периметром защиты, но требовал владения сидеральной инженерией в ее макроквантовом варианте, с предварительной подпиткой от солнца, поскольку силовые агрегаты, способные развить необходимую мощность на планете, выдали бы «Гермесу» свое присутствие избыточным нагревом окружающего пространства.

GOD, захваченный врасплох, прибег к гравитационному способу спасения. Собрав всю мощь двух силовых агрегатов, он опоясал корабль тороидальными обручами тяготения. Внутри этих торов, словно в центре перекрещенных автомобильных шин, находился «Гермес», а направленные на него снаряды попали в пространство со шварцшильдовской кривизной. Поскольку каждый материальный объект, попадающий в него, теряет все физические признаки, кроме электрического заряда, момента вращения и массы, становясь бесформенной частицей гравитационной могилы, то от примененных в атаке средств не осталось никакого следа. Использованные в качестве непробиваемого панциря торы существовали чуть больше десяти секунд, что обошлось кораблю в 10^{21} джоулей. «Гермес» не разделил судьбу «Гавриила», то есть не уничтожил себя своей самообороной, благодаря тороидальной конфигурации импульсных гравитационных валов. Но поскольку их нельзя строго сфокусировать в непосредственной бли-

зости от эмиттера, корабль принял около одной стотысячной высвобожденной энергии. Уже несколько двадцатитысячных разможжили бы его, как молот — пустое выдутое яйцо.

Люди вышли из этой переделки невредимыми: кроме Стиргарда и Кирстига, все спали или хотя бы лежали, пристегнутые к своим койкам, как Темпе. Корабль теперь не имел боевого оснащения. Полассар потребовал — что бы ни произошло — выйти в перигелий, чтобы пополнить мощность, потерянную при отражении атаки. По дороге «Гермес» пробил облако разреженного газа, принятое поначалу за развевающийся в солнечном вихре протуберанец, но анализаторы показали, что к панцирю пристали бесчисленные молекулы и каталитически разъедают его. Взятые пробы выявили их специфическую агрессивность, свойственную уже знакомым вириодам. Стиргард проделал то, что в разговоре с апостольским делегатом назвал «поднятием забрала». «Гермес» развеял облако серией термических ударов, а прилипшие к бортам эрозионные вирусы уничтожил простейшим способом: включив охлаждение на максимум, промчался, вращаясь, как жаркое на вертеле, сквозь вершины протуберанцев солнца, распростертые в каких-то световых секундах над фотосферой, после чего погасил скорость до стационарной и, обратившись к дзете кормой, открыл энергопоглотители. Часть энергии заправки поддерживала систему охлаждения, остальное поглотили сидеральные агрегаты.

Мнения команды по поводу характера событий и дальнейших действий разделились.

Гаррах, Полассар и Ротмонт сочли историю с облаком второй атакой квинтян. Кирстинг и Эль Салам решили, что это не преднамеренное нападение на корабль, а своеобразная случайность: «Гермес» как бы попал на заминированный участок, подготовленный задолго до его прибытия. Накамура занял среднюю позицию: туча не была ни ловушкой, поставленной для «Гермеса», ни западней для квинтянских орбитальных аппаратов, а представляла собой «свалку» микромахического оружия, обычно применяемого в военных целях вблизи планеты, в перигелий же загнал ее гравитационный дрейф солнца вопреки намерениям воюющих сторон.

Араго молчал. GOD занимался программированием доступных вариантов защитных действий, как наступательных, так и примирительных. Предпочтения нельзя было отдать ни одному из них: данные для оптимизации любого такого процесса были явно недостаточны.

Герберт видел единственный выход в отказе от контакта, от демонстрации силы, но не считал себя достаточно компетентным, чтобы участвовать во все более обостряющихся спорах. Темпе, вызванный командиром, пока восполнялась утраченная мощь, сказал, что он не является экспертом SETI и не командует кораблем.

— Здесь никто не может быть экспертом — ты, наверное, успел это заметить, — возразил Стиргард. — И я тоже. И все же каждый имеет свои соображения. Также и ты. Я не прошу твоего совета, меня интересует твое мнение.

— GOD лучше знает, — с усмешкой сказал пилот.

— GOD представит двадцать или сто тактик. Больше ничего он сделать не может. Я знаю, что тебе известно то же самое, что нашим экспертам вместе с GOD'ом. Минимум риска — в отступлении.

— По-видимому, так. — Темпе, сидя напротив командира, все еще улыбался.

— Что в этом забавного? — спросил Стиргард.

— Вы спрашиваете меня в частном порядке, астрогатор, или это приказ?

— Приказ.

— Ситуация наверняка не слишком веселая. Но я уже достаточно хорошо знаю вас, чтобы сказать, чего вы наверняка не сделаете. Мы не обратимся в бегство.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно.

— Почему? Считаешь ли ты, что нас атаковали один раз или два?

— Это не важно. Так или иначе, они не желают контакта. И я не имею понятия, что у них еще припасено.

— Любые попытки будут небезопасны.

— Это ясно.

— И что же?

— Видимо, я люблю опасности. Если бы не любил, то лежал бы уже вторую сотню лет в Земле под надгробным па-

мятником, потому что умер бы в своей постели, окруженный заботливой родней.

— Иначе говоря, ты считаешь демонстрацию силы необходимой?

— И да и нет. Считаю крайней мерой, которой не удастся избежать.

На столе Стиргарда, прижатая стальным кубиком, лежала стопка печатных листков с графиком на первой странице. Пилот узнал его. Час назад он получил копию от Эль Салама.

— Вы уже прочитали это?

— Нет.

— Нет? — удивился пилот.

— Очередная гипотеза физиков. Я хотел сначала поговорить с тобой.

— Прочитайте, пожалуйста. Конечно, это гипотеза. Но на меня произвела впечатление убедительной.

— Можешь идти.

Исследование под заголовком «Система дзеты как космическая сфероматия» подписали Ротмонт, Полассар и Эль Салам.

«Цивилизация, которая не только уничтожила свою беспроводную связь типа радио и телевидения, заполнив всю ионосферу белым шумом, подавляющим любой сигнал, но, сверх того, тратит львиную долю глобальной продукции и энергии на производство оружия, заполняющего ее внепланетное пространство, — такая цивилизация представляется невозможной и абсурдной. Однако следует учесть, что такое положение не было ею ни сознательно запланировано, ни умышленно достигнуто, ибо оно возникло постепенно в процессе эскалации конфликта. За исходную мы примем ситуацию, при которой широкомасштабная война на поверхности планеты становится равносильной тотальной гибели. По достижении этой критической точки гонка вооружений была вытеснена в Космос. Конечно же, ни одна из сторон-антагонистов не намеревалась превратить всю солнечную систему в военную сферу чудовищных размеров, они действовали поэтапно, реагируя на шаги противника. Когда дело дошло до конфронтации в Космосе, ничто уже не могло удержать ее роста, а тем более ликвидировать ее ради решительного заключения мира.

Анализ такой модели, согласно теории игр с ненулевым результатом, выявляет в случае подобного состязания, что при отсутствии доверия к заключаемым договорам о разоружении существует потолок возможности соглашения противников путем переговоров. Это обусловлено тем, что, если нет доверия к доброй воле противника, доверия, классически называемого *pacta servanda sunt**, договоренность требует контроля над вооружениями, то есть допуска на свою территорию вражеских экспертов.

Когда же гонка, достигая все более высокого коэффициента полезного действия, вступает на путь микроминиатюризации, контроль при отсутствии доверия теряет эффективность. Заводы оружия, лаборатории и арсеналы можно тогда скрывать безупречно. В то же время становится невозможной договоренность даже на минимально узком уровне взаимного доверия (например, отказываясь от введения нового вида микрооружия, сторона *не* обрекает себя на быстрый проигрыш), и тем более нельзя ликвидировать вооружения, которыми обладаешь, опираясь на обещания антагонистов, что они поступят точно так же.

Возникает вопрос: почему вместо прогнозированной когда-то на Земле эры биомилитарных методов борьбы мы наткнулись на мертвую сферамахию вокруг Квинты?

Это случилось, видимо, потому, что противники уже достигли в области биологического оружия потенциала, так же способного уничтожить всю биосферу, как прежде ее мог уничтожить стратегический обмен ядерными ударами. Таким образом, никто уже не может применить ни того, ни другого оружия первым.

Что же касается криптомилитарной макроальтернативы, то есть причинения псевдоприродных стихийных бедствий врагу при помощи манипуляции климатом или сейсмическими явлениями, то подобные акции, возможно, и проводились, но стратегического разрешения принести не могли, поскольку тот, кто умеет действовать криптомилитарно сам, может распознать аналогичные действия, если испытает их со стороны противника».

После такого вступления авторы обрисовывали модель

---

* Договоры следует выполнять (*лат.*).

сферомехии. Модель представляет собой шар с Квинтой в центре. Древние локальные войны перешли в войны мировые, а затем — в ускоренную гонку вооружений на суше, в воде и в воздухе. Конец большим войнам обычного типа положила атомистика. С тех пор в безвоенном состязании развивались три направления: орудия уничтожения, средства связи и устройства, нацеленные против двух первых.

Образование сферомехии предполагает существование оперативных штабов, отвечающих техническими новинками на прогресс вооружений у противников, на устаревание имеющихся arsenалов и методов их применения.

Каждый из этих этапов имеет свой потолок. Как только антагонисты достигают его, наступает временное равновесие сил. При этом каждая из сторон пытается преодолеть потолок. Потолком предкосмической фазы можно считать состояние, при котором каждая из сторон может как локализовать, так и уничтожить средства противника, служащие для нанесения первого удара или для ответа на нападение. В конце этой фазы становятся доступными для уничтожения как баллистические снаряды глобального радиуса, помещенные глубоко в кору планеты, так и подвижные стартовые установки на поверхности или же скрытые в глубине океана — на плавающих единицах или врытые в морское дно.

В создавшемся таким образом равновесии взаимного поражения самым слабым звеном становится система связи между выведенными в Космос спутниками распознавания и слежения, то есть дальней разведки, и связи этих спутников со штабами и боевыми средствами. Чтобы вывести и эту систему из-под неожиданного упреждающего удара, который может разорвать ее или ослепить, создается следующая система — на более высоких орбитах. Таким образом, сферомехия начинает разбухать. И чем она становится больше, тем более чувствительной к повреждениям делается ее связь с наземными штабами. Штабы пытаются избежать этой угрозы. Как морские острова являются непотопляемыми авианосцами во время обычных войн, так и ближайшее небесное тело, то есть луна, становится неуничтожимой базой для стороны, которая первой освоит ее в военном плане. Поскольку луна только одна, то, как только ею завладеет какая-нибудь

из сторон, вторая, чтобы ликвидировать новый рост угрозы, должна либо сконцентрировать усилия на средствах, нарушающих связь планеты с луной, либо вторжением вытеснить с нее врага.

Если силы вторжения и мощь защитников лунной крепости примерно равны, никто не сможет полностью овладеть луной. По-видимому, так и произошло в то время, когда шло одностороннее создание баз. Те, кому был сделан шах, вынуждены были покинуть луну, а нападавшим не хватило сил, чтобы ее освоить.

Отступление могло иметь и другую причину — новые достижения в способах нарушения дальней связи. Если это было так, то луна теряла стратегическую ценность в качестве планетной базы командования военными операциями.

Абстрактной моделью космомахии является многофазовое пространство с критическими поверхностями перехода из полностью освоенной фазы в следующую. Раздуваясь уже до астрономических масштабов, сферамахия навязывает антагонистам беспрецедентные в их истории методы борьбы.

Единственной стратегически оптимальной реакцией на способность противника прерывать оперативную связь чужих штабов с их базами и вооружениями на суше, в воде, воздухе и Космосе является придание собственному оружию и базам все возрастающей боевой автономии.

Возникает ситуация, при которой все штабы сознают бесполезность централизованных командных операций. Это вызывает вопрос: как продолжать наступательно-оборонительную стратегию при отсутствии связи с собственными силами на планете и в Космосе?

Никто сам себе каналов распознавания и командования не блокирует. Это происходит из-за так называемого эффекта зеркала. Каждый вредит другому, разрывая его связь, и получает аналогичный ответ. На смену состязаниям в точности и мощности баллистических снарядов приходит борьба за сохранение связи. Если первые были только накоплением средств разрушения и угрозой их применения, то вторая — это настоящая «война связи». Битвы за разрушение и спасение связи вполне реальны, хотя не влекут за собой ни развалин, ни кровавых жертв. Постепенно заполняя радиоканалы шумом, противники теряют контроль над собст-

венными вооружениями, а также контроль над вооружениями и оперативной готовностью врага.

Значит ли это, что паралич командных штабов переносит битвы в Космос, как в поле постоянных атак и контратак оружия, получившего самостоятельность? Является ли задачей этого оружия автономное уничтожение орбитальных устройств врага? Ничего подобного. Приоритет борьбы за связь сохраняется. Противник в первую очередь должен быть ослеплен повсюду.

Поначалу возникает непреодолимый порог для лобового столкновения сил на планете, когда мощь зарядов, баллистическая точность и потенциальный результат обоих этих факторов — смертельная ядерная зима — равняются неизбежному окончанию войны.

Не в силах сделать ничего большего, противники взаимно уничтожают контроль над арсеналом. Все диапазоны радиоволн подвергаются глушению. Вся емкость каналов связи заполняется белым шумом. За довольно короткое время гонка превращается в соревнование заглушающих мощностей с мощностями разведывательно-командной сигнализации. Но и эта эскалация, пробивающая шум более сильным сигналом и в свою очередь заглушающая шумом сигнал, ведет к тупику.

Некоторое время еще развивается лазерная и мазерная связь. Но как это ни парадоксально, электронная война по мере роста передаваемых мощностей и тут приводит к пату: лазеры, достаточно мощные, чтобы пробить заслоны, из разведывательных делаются разрушительными. Образно говоря, слепец в тумане все сильнее размахивает своей белой палкой. Из инструмента, служащего для ориентации, палка превращается в дубинку.

Предвидя близкий пат, каждая сторона работает над созданием такого оружия, которое станет автономным — тактически, а потом и стратегически. Боевые средства получают независимость от своих изготовителей, операторов и командных баз.

Если бы главной задачей этого оружия, выбрасываемого в Космос, было уничтожение аналогичного оружия противника, столкновение в любой области сферы стало бы началом сражения, распространяющегося, как степной пожар,

вплоть до поверхности самой планеты, что привело бы к глобальному обмену ударами наивысшей мощности, а следовательно, к гибели. Поэтому оружие не должно вступать между собой в непосредственные столкновения. Оно должно только взаимно шаховать, а если и уничтожать, то коварно, как микробы, а не как бомбы. Его машинный разум пытается подчинить разум вражеского оружия при немощи так называемых программных микровирусов, вызывая «дезертирство» орбитальных аппаратов противника, чему в земной истории есть отдаленная аналогия: янычары — дети, которых турки, забрав у побежденных народов, воспитывали для своей армии.

Представленная модель сферوماхии является значительным упрощением. Все фазы ее разрастания могли сопровождаться десантными, шпионскими, террористическими, инфильтрационными операциями, камуфляжем и маневрами, имитирующими действия, чтобы обманутый противник совершил ошибку, весьма дорогостоящую для него и даже губительную. Проводная связь и электронные импульсные средства позволяют противникам на планете сохранять способность штабов к централизованному управлению в определенном радиусе, которого мы не можем установить, тем более что этот радиус меняется в зависимости от введения технических новинок. В словаре наших понятий не хватает определений для сферوماхии квинтянского типа, поскольку она не является ни войной, ни миром, представляя собой перманентный конфликт, в который противники втягиваются все глубже, истощая свои ресурсы.

Можно ли, таким образом, счесть сферوماхию космическим вариантом войны материальных ресурсов, в которой проигрывает сторона, более слабая энергетически, с меньшими запасами сырья и изобретательского интеллекта? На этот обычный вопрос следует не вполне обычный ответ. Жители планеты не располагают ни бесконечными резервами ископаемых, ни неисчерпаемыми источниками энергии. Хотя это и ограничивает время продолжения конфликта, однако никому не гарантирует победы. Упрощенно можно представить последнюю фазу как вспышку звезды.

Звезда, как известно, обязана своим существованием ядерным реакциям превращения водорода в гелий, проис-

ходящим в ее ядре при миллионных значениях давлений и температур. После выгорания водорода в ее центре звезда начинает сжиматься. Тяготение сдавливает ее, повышая температуру в центре, что дает возможность зажигания ядерной реакции углерода. Одновременно на внутренней границе гелиевого шара, который является «пеплом» сгоревшего водорода, реакция его остатков продолжается, и этот сферический фронт развивается в звезде все сильнее. В конце концов динамическое равновесие мгновенно нарушается, и звезда взрывом сбрасывает наружные газовые оболочки.

Точно так же, как в стареющем солнце возникает сфера, раздуваемая очередными ступенями синтеза: водород в гелий, гелий в углерод и так далее, — в межпланетном сфероматическом шаре возникают поверхности, соответствующие достигнутым этапам гонки вооружений.

В центре, то есть на Квинте, еще существует минимум связи у военных комплексов каждой стороны. Снаружи действуют держащие друг друга в обоюдном шахе системы автономного оружия. Их самостоятельность все же поддается ограничению, накладываемому штабными программистами, чтобы системы, сражаясь, не могли развязать цепной реакции, которая донесла бы пламя войны до планеты.

Программисты же все чаще попадают между двух огней. Чем более утонченное автономное оружие выбрасывает в Космос противник, тем больше оборонительно-наступательной суверенности приходится придавать своим боевым системам. Как числовое, так и аналоговое моделирование сфероматии показывает, что и сотня лет ведения такой войны не ведет к однозначным решениям. Однако же авторы модели, опираясь на варианты, разыгранные компьютером, допускают, что существует граничный порог в программировании автономии боевых средств и что выше этого порога оружие из *самодельного* может стать *самовольным*. Эта картина отдалается от схемы звезды и приближается к модели естественной эволюции. Автономное оружие подобно низшим организмам, наделенным агрессивностью в рамках инстинкта самосохранения. Самовольное оружие можно уподобить высшим организмам, которые получили

способность к изобретательству и из хитрых или сообразительных подчиненных исполнителей сами становятся инициаторами новых тактик поведения. Такое оружие освобождается от непосредственного контроля своих создателей. Говоря о том, что конструкторы попадают между двух огней, авторы модели имеют в виду, что поражение грозит не только тем, кто сдерживает рост разумности своего оружия, но и тем, кто этот рост подгоняет. Так или иначе, по мере разрастания сферомехия теряет динамическое равновесие, и, хотя ее будущую судьбу нельзя предсказать однозначно, она уже не действует в интересах сторон, которые развязали борьбу. В настоящее время до этого состояния еще далеко. Вспышки, замеченные с «Эвридики», могли быть стычками высокоразвитых боевых единиц на периферии системы дзеты. Такие столкновения на расстоянии миллиардов миль от Квинты означают, что реальные битвы могут вестись на фронтах, астрономически отдаленных от планеты. Там война может уже становиться «горячей». В будущем она, возможно, даст неожиданные «перескоки» в глубь сферомехии. По сути дела, никто разбирающийся в постклаузевицевской стратегии не мог бы ожидать победного финала борьбы. Однако и опытные стратеги вынужденно находятся в ситуации игрока, который не может отойти от стола, поскольку бросил в игру весь свой капитал. Именно на этом основывается принцип зеркала. Главный некогда вопрос: кто начал гонку? — теперь теряет всякое значение. Миролюбие или агрессивность намерений воюющих сторон уже не может выявиться в процессе конфликта. Игра не сулит ничего хорошего ее участникам и не может окончиться иначе, чем пирровой победой.

Каким в этом случае представляются шансы контакта? Этого авторы меморандума не знают. Пока на космической шахматной доске движутся черные и белые фигуры равной силы, не вступая в активную борьбу, а лишь угрожая шахом. Тем временем совершенно новые и неизвестные подвергаются проверке боем. Это нечто вроде авангардных стычек давних времен. Может быть, не сама планета, не ее государства, штабы, власти атаковали «Гермес», а он лишь подвергся нападению как «тело совершенно чуждое», как творение одновременно огромное, техническое и неизвест-

ное. Не как прохожий, на которого напали бандиты, а как микроб внутри организма, встреченный охранными лимфоцитами.

Ограничения для гонки вооружений незначительны. Возможен «гесуслинг» старых боевых орбитальных машин, если их спускать на планету. Для оружия типа виридов, микроминиатюризованных паразитов, самосборных молекул, черпающих энергию солнца, нужна огромная конструкторская изобретательность, но очень немного сырья.

В заключение Полассар, Ротмонт и Эль Салам суммировали свои представления о Квинте. Это детище веками продолжающейся борьбы за превосходство — сферомахию, этот искусственный организм радиусом в семь миллиардов миль можно считать системой, разъедаемой раком. Его космические органы — это в той или иной степени злокачественные метастазы конфликта, но здесь заканчивается аналогия с живым организмом, поскольку даже в зародыше это целое никогда не было «здоровым», ибо с момента зачатия заражено антагонизмом нацеленных друг на друга технологий. Оно не несет в себе никаких «нормальных тканей», а сохраняет в динамическом равновесии «новообразования». Они должны распознавать друг друга и, как только внутри планетной системы или вне ее появляется нечто, коренным образом отличающееся, тут же разоружают новичка, парализуют шахом или «перевербовывают» (речь идет об использовании в качестве янычара) технические «антитела», которые заботятся вовсе не об излечении (ибо некому и некого лечить), но лишь о сохранении динамического *status quo ante fuit**, то есть пата. Если это так, то «Гермес» сначала натолкнулся на обломки — следы давних столкновений, — а потом вторгся в «заминированное пространство», чем вызвал неожиданную ночную атаку. При таком допущении отсутствие отклика на действия «посла» становится понятным. Если отказ от контакта не входит в наши расчеты, то следует признать все разработки SETI непригодными и искать другие способы, сулящие положительный результат. Существует ли эффективная тактика, авторы сферомахической модели не знают. Они высказываются за отход от под-

---

* Положение, которое было прежде (*лат.*).

готовленной программы и за попытку разработки стратегии, еще не имевшей прецедентов.

Работу подписали также Гаррах и Кирстинг.

Что еще могло последовать, кроме очередного совета? Хотя «Гермес» и восполнил потерю мощности, Стиргард счел самой безопасной околосолнечную орбиту и маневрировал так, чтобы корабль находился над дзетой, черпая из ее жара средства для собственного охлаждения. Поскольку орбита была вынужденной (она не была стационарной ни относительно солнца, ни относительно Квинты), потребная для ее стабилизации достаточно большая тяга обеспечивала тяготение на борту.

Направляясь вместе с Гаррахом на совет, Темпе в шутку заметил, что вся космогония складывается из предотвращенных в последнюю минуту катастроф и из заседаний.

Накамура первый подверг критике модель сферомахии, независимой от планеты. Боевые средства, может быть, и не подчиняются их творцам вдали от Квинты, но оперативная деятельность штабов в ближнем радиусе продолжается по-прежнему. В противном случае «Гавриил» не столкнулся бы с двусторонне скоординированной атакой.

Океан северного полушария, покрытый белой шапкой полярных льдов, разделял два континента — западный, названный Норстралией, в два раза больший Африки, и восточный, Гепарию, названную так из-за ее очертаний, напоминавших распластанную печень. По снимкам, выполненным во время полета «Гавриила», который должен был сесть вблизи звездообразного образования на Гепарии, Накамура установил места старта ракет — оба у тропика, но на противоположных континентах. Эти точки были закрыты тучами, и старт не обнаружился типичным факелом пламени, поэтому он решил, что ракеты либо были катапультированы, либо термическая составляющая их тяги была незначительной. Но, выброшенные с заглушенными двигателями или на холодной корпускулярной тяге, снаряды разогрелись, пробивая звуковой барьер, что позволило обнаружить горячие отрезки их трасс и ретрополяцией выявить место старта.

Они вынырнули из туч почти одновременно — два с востока и два с запада, и это свидетельствовало о предварительной синхронизации атаки и тем самым о кооперации штабов на обоих континентах.

Авторы модели отвергли такую реконструкцию нападения: в самом деле, Накамура не мог доказать, что события происходили именно так, поскольку в атмосфере Квинты предостаточно горячих точек, которые обычно трактовались как следствия падения ледяных обломков медленно разрушающегося кольца. Накамура, утверждали авторы модели, выбрал из них такие, которые при желании можно приписать траекториям ракет.

Качество изображений, получаемых кораблем, было довольно посредственным, поскольку «Гермес» принимал их со своих зондов, служивших ему электронными глазами, а сам укрывался за луной в периселении. Кроме того, вокруг Квинты кружили тысячи спутников, как в направлении ее вращения, так и в противоположную сторону, и ход орбит ничего не говорил об их происхождении: противники могли выпускать свои боевые спутники как по вращению планеты, так и против него. То, что они не сталкивались и не вступали в борьбу, укрепляло авторов «отчужденной сферомании» в убеждении, что военная игра остается «холодной» и состоит в том, чтобы шаховать, а не уничтожать боевые средства противника. Если бы они начали поражать друг друга, холодная война тем самым вступила бы в стадию горячей эскалации. А потому, утверждали авторы, антагонистические орбитальные машины держат друг друга в шахе. Чтобы равновесие сил могло быть сохранено, космические системы обеих сторон должны распознавать своих и чужих. «Гавриил» же был пришельцем для всех и поэтому был атакован. Ротмонг проиллюстрировал эту точку зрения примером: два пса ворчат друг на друга, но, как только покажется заяц, вместе кинутся в погоню.

Полассар же, несмотря на это, присоединился к Накамуре. Действительно, неизвестно, должны ли были перехватить «Гавриила» ракеты одной стороны или обеих, но атака была проведена с точностью, наводящей на мысль о предварительном планировании. Сигналы, излучаемые «послом», без всякого сомнения, были приняты на планете, и отсутствие ответа не означало равнодушного бездействия. Стиргард не принял в споре ничью сторону. Решение вопроса, подвергся ли «Гавриил» атаке ракет, намеренно наведенных с Квинты, или самостоятельных орбитальных аппаратов, он считал второстепенным. Суть в том, что планета отказывается от кон-

такта, — значит, существенным является лишь вопрос, можно ли ее к этому принудить.

— Убедением нельзя, — утверждал Гаррах, — нельзя также реализацией первоначальной программы. Чем больше мы вышлем посадочных аппаратов, тем больше произойдет стычек. Они переделают наших послов в оборонительное оружие, и наши попытки закончатся отступлением или войной. Поскольку мы не хотим войны, а отступление также не входит в наши расчеты, то, вместо того чтобы щипать и укалывать, мы должны показать себя решительным образом. Нельзя ни подружиться с гориллой, ни успокоить ее, осторожно кусая за хвост.

— У гориллы нет хвоста, — заметил Кирстинг.

— Ну, значит, крокодила. Не придирайся к слову. Нам не остается ничего другого, как продемонстрировать силу. У кого есть соображения, высказывайтесь.

Все молчали.

— У тебя есть конкретный план? — спросил Стиргард.

— Да.

— А именно?

— Кавитация луны. Максимальный эффект при минимуме вреда. С планеты это увидят, но не ощутят. Я уже давно об этом думаю. GOD мне уже все просчитал. Луна распадется таким образом, что обломки останутся на орбите. Центр масс не изменится.

— Почему? — подал голос доминиканец.

— Потому что куски луны будут вращаться по той же траектории, что и луна. Квинта составляет с ней двойную систему, а поскольку масса планеты значительно больше, то и центр вращения системы находится вблизи нее. Цифр я не помню. Во всяком случае, динамическое расположение масс не изменится.

— Изменяются гравитационные приливы, — вмешался Накамура. — Ты принял это во внимание?

— GOD и это учел. Литосфера не дрогнет. Самое большее — активизируются мелкие сейсмические очаги. Океанские приливы и отливы станут меньше. Вот и все.

— И какая от этого будет польза?

— Это будет не только демонстрация силы, но и сообщение. Предварительно мы предостережем их. Надо ли вдаваться в подробности?

— Только коротко, — сказал командир.

— Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь счел меня чуждым, — с деланным спокойствием продолжал первый пилот. — С самого начала мы передавали им логические выкладки и конъюнкции типа «Если А, то Б», «Если не А, то С» и так далее. Мы объясним им: «Если не ответите на наши сигналы, то мы уничтожим вашу луну, и это будет первым доказательством нашей решимости — мы требуем контакта». Ну, и еще раз повторим все то, что передавал им «посол»: что прибыли мы с мирными намерениями, что если они втянуты в какой-то конфликт, то мы сохраним нейтралитет. Отец Араго может все это прочитать, эти оповещения висят в рубке, и по экземпляру получил каждый член экипажа.

— Я читал, — возразил Араго. — И что будет потом?

— Это будет зависеть от их реакции.

— Ты считаешь, что мы должны указать срок? — спросил Ротмонт. — Это был бы ультиматум.

— Называй как хочешь. Необязательно указывать точный срок, достаточно сообщить, как долго мы будем воздерживаться от действий.

— Есть другие предложения, кроме возвращения? — спросил Стиргард. — Нет? Тогда кто за проект Гарраха?

Полассар, Темпе, Гаррах, Эль Салам и Ротмонт подняли руки. Накамура заколебался. В конце концов и он проголосовал «за».

— Вы отдадите себе отчет, что они могут ответить до срока, но не сигналами? — спросил Стиргард.

Они сидели вдесятером вокруг огромной плоскости, опирающейся, как стол на одной ножке, на сочленение ажурных ферм, отделяющих верхнюю, гравитационную рубку от навигаторской, в этот момент пустующей. Только мигание мониторов над размещенными вдоль стен пультами, то усиливающееся, то угасающее, заполняло пространство под ними движением света и теней.

— Вполне возможно, — откликнулся Темпе. — Я не такой знаток латыни, как отец Араго. Если бы я прилетел сюда по своему собственному желанию, то не голосовал бы «за». Но мы здесь не просто десять астронавтов. Если «Гермес» после всех попыток мирного контакта был атакован,

значит, была атакована Земля, ибо она нас сюда прислала. Поэтому Земля может через нас ответить: «Nemo me impune lacessit».*

ПАРОКСИЗМ

Сидеральные операции, будучи явлениями астрономических масштабов, из-за неохватности высвобождаемой в них мощи не могут стать для наблюдателя таким же глубоким и потрясающим переживанием, как наводнение или тайфун. Уже землетрясение — происшествие, микроскопическое в звездном масштабе, — превышает возможности чувственного восприятия человека. Настоящий ужас, как и захватывающий восторг, у него не могут вызвать события ни слишком гигантские, ни слишком мелкие. Никто не сможет воспринять звезду как камень или бриллиант. Самая меньшая из звезд, океан океанов вечного огня, уже с расстояния миллиона километров становится разбегающейся за горизонт стеной жара; по мере приближения она теряет всякую форму, распадаясь на хаотические вихри одинаково ослепляющего пламени: только на большом удалении более холодные воронки хромосферы уменьшаются до солнечных пятен.

В конце концов та же закономерность, по которой переживание становится беспомощным, неспособным объять необъятное, действует и по отношению к людям. Можно сочувствовать мукам одного человека, семьи, но гибель тысяч и миллионов существ — это уже заключенная в числах абстракция, экзистенциальную сущность которой невозможно охватить.

Точно так же кавитационное раздробление небесного тела, планеты или луны, представляет собой чрезвычайно скромное зрелище, происходящее не только с сонной медлительностью, но из-за своего беззвучного и ленивого развития кажущееся как бы искусственным, ненастоящим, тем более что увидеть его и не погибнуть можно, только наблюдая его в телескоп или на экране монитора причем сиде-

---

*Никто не нападет на меня безнаказанно (лат.).

ральные хирурги следят за прогрессирующим взрывом сквозь фильтры, поочередно надвигаемые на объективы аппаратуры, для того чтобы точно отмечать фазы распада. В результате изображение, избирательно воспринимаемое в монохромных полосах спектра, то желтое, как солома, то красное, как киноварь, создает впечатление калейдоскопической игры, а не сверхчеловеческого катаклизма.

Квинта молчала до «часа ноль». Кавитацию луны должны были вызвать восемнадцать снарядов, направленных из удаленных ее окрестностей к экваториальной зоне по траекториям типа эвольвенты.

Как оказалось, GOD, к сожалению, был прав, выведя эту операцию за пределы области уверенно предсказуемых событий.

Если бы все головки поразили кору пустынного спутника под одинаковым углом, если бы они, сверля в ней туннельные пробоины, сошлись вокруг его тяжелого ядра, если бы с запрограммированной секундной точностью превратили это еще не остывшее полужидкое ядро в газ, то обломки разорванной луны, по сравнению с которыми Гималаи показались бы крошками, двигались бы по прежней орбите, а ударная волна внезапно освобожденной гравитационной мощи вызвала бы только умеренные землетрясения и толкнула бы океан к шельфам континентов серией длинных волн цунами.

Однако Квинта вмешалась в операцию. Три снаряда «Гермеса», мчавшиеся к луне со стороны диска планеты, встретились с тяжелыми баллистическими ракетами и, обратив их в клубы раскаленного газа, преждевременно включили запалы своих сидеральных зарядов. В результате запланированный одновременный удар в лунное ядро не состоялся, и кавитация получилась эксцентрической. Часть коры южного полушария и глубинных скальных масс лавиной обрушилась на Квинту, а остатки — каких-нибудь шесть седьмых массы — вышли на более высокую орбиту. Сидераторы должны были вторгнуться сквозь кору в ядро по спиральям, следовательно, те, что шли по направлению к Квинте, толкнули бы лопающийся шар к планете, а те, что двигались со стороны Квинты, — к солнцу, и, поскольку именно те, которые должны были предохранить планету от метеоритного

потока, подверглись тарану, сто триллионов тонн горных образований упало по множеству эллиптических траекторий на Квинту. Часть из них сгорела от трения в атмосфере, но самые крупные обломки, триллионы тонн, широким веером рухнули в океан, а крайние — бомбардировали побережья Норстралии. Планета получила в бок кусок луны, как заряд дробы, ударивший под острым углом.

Через две сотых секунды после поджига кавитационных головок вся луна покрылась желтоватой тучей, такой густой, что казалось, луна выросла — как бы распухла. Потом чрезвычайно медленно, как при съемке рапидом, стала раскрываться, разламываться на неправильные куски, словно апельсин, разрываемый невидимыми когтями, а из трещин коры брызнул длинными столбами огонь, по яркости равный солнечному. На восьмой секунде кавитации клубы горячих ударных волн придали разрываемой луне облик гигантского огненного куста, повисшего в пустоте. Бьющий оттуда свет затмил ближайшие звезды. В гравитационной рубке все замерли, оцепенели у мониторов. Слышно было только тиканье хронометров, отсчитывающих этапы разрушения луны, а из огненного клубка вылетали окутанные пылью, лопающиеся, как картечь, Альпы, Кордильеры, Везувии, пока эта ужасная туча не начала потихоньку расплываться и ее поначалу округло-кустистый контур изменился, вытягиваясь, — не нужно было смотреть на приборы, чтобы понять, что через несколько часов луна начнет падать на планету. К счастью — или к несчастью, — она попала в нее вдали от ледяного кольца, и только около полуночи отклонившийся рой метеоров ударами, искрящимися, как фейерверк, над самой атмосферой пробил ледяную плоскость.

Так демонстрация силы обернулась катаклизмом.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Во второй половине следующего дня Стиргард вызвал к себе Накамуру и обоих пилотов. Сразу после катастрофы «Гермес» на полной мощности маневровых двигателей поднялся над эклипстикой, чтобы миновать тучи лунных обломков, и параболическим курсом пошел в сторону солнца. Одновре-

менно он выбрасывал и оставлял за кормой радиозонды и передатчики. Они передавали сообщения, из которых явствовало, что Квинта сама навлекла на себя удар обломков разбитой луны, ибо залп баллистических ракет внес помехи в процесс кавитации и несимметричный разлет осколков рикошетом задел планету.

Результат удара, видимый даже оптически, хотя расстояние до планеты уже утроилось, был ужасен. От океанического эпицентра разбежались волны цунами. Массы воды, поднятые на стократную высоту самого мощного прилива, залили ближайшие, восточные, побережья Гепарии и тысячемильным фронтом затопили ее огромное равнинное пространство. Океан вторгся внутрь материка и не отступил затем полностью, создавая озера размером с море, так как глубинная плита литосферного покрова Квинты была смята и воды заполнили образовавшиеся на поверхности впадины.

Одновременно миллиарды тонн воды, выброшенные в виде кипящего пара за пределы стратосферы, закрыли весь диск планеты сплошным покровом туч. И только тонкое ледяное кольцо светилось над ней на солнце, как лезвие бритвы.

Стиргард потребовал у Накамуры отчет по спиноскопии, которая с момента лунокрушения проводилась непрерывно. И сразу же приказал выпустить и вывести на орбиту Квинты — впереди нее и за ней — тяжелые магнетронные агрегаты, настоящие молохи, снабженные сидеральным питанием, каждый — массой в семь тысяч тонн, и окружить их для защиты от возможной атаки излучателями концентрированного тяготения. Эти бомбовые грасеры одноразового использования, согласно утвержденному SETI плану, должны были служить для уничтожения астероидов, если бы «Гермес» встретил их во время полета к Квинте, поскольку околосветовая скорость не разрешала ему маневра для огибания препятствий, от которых не могли спасти охранные щиты.

Прежде чем Накамура представил результаты спиноскопии, Стиргард ни с того ни сего спросил второго пилота, откуда он взял это древнее латинское выражение: «*Nemo te impune lacessit*», которым завершился последний совет.

Темпе не мог вспомнить.

— Не думаю, чтобы ты когда-нибудь был филологом. Разве что читал Эдгара По. «Бочонок Амонтильядо».

При этих словах Стиргарда пилот лишь беспомощно покачал головой.

— Может быть. По? Писатель? Автор фантастических рассказов? Сомневаюсь. И вообще я не помню, что я тогда читал... до Титана. Разве это важно?

— Это еще выяснится. Но не сейчас. Прошу дать результаты.

Накамура не успел открыть рот, как Стиргард спросил:

— Была ли атакована аппаратура?

— Дважды. Грасеры уничтожили несколько десятков ракет. Голенбаховская дифракция прерывала прием спинограмм, но не искажала изображения.

— Откуда стартовали эти ракеты?

— С пораженного континента, но не из района катастрофы.

— А точнее?

— Из четырех мест в горной системе, на пятнадцать градусов ниже полярного круга. Стартовые устройства — подземные, укрытые имитацией скалы. Таких шахт там значительно больше — вдоль меридианов вплоть до тропика. Съемкой обнаружено более тысячи. Вероятно, их еще больше, но четко удалось разглядеть те, которые располагались перпендикулярно к импульсному полю. Планета вращается, а поле остается неподвижным. При непрерывной спиноскопии изображение потеряло бы всякую ценность — все равно как если бы просвечиваемый рентгеном человек поворачивался во время экспозиции пленки. Поэтому мы перешли на томографию путем микросекундных вспышек. К этому моменту собрано несколько миллионов снимков. Мы хотим дождаться конца, то есть полного оборота планеты, и только потом дать все ленты на обработку GOD'у...

— Понятно, — закончил за него Стиргард. — Значит, GOD не получил еще снимков и не сопоставил их?

— В целом нет. Я успел только просмотреть в общих чертах почасовые подборки томограмм.

— Ну, это уже кое-что! Слушаю.

— Мне хотелось бы, чтобы астрогатор сам посмотрел

наиболее четкие спинограммы. Описание на словах может оказаться необъективным. Почти все, что видно на лентах, дает основание для некоторой интерпретации, но не для абсолютно уверенного диагноза.

— Хорошо.

Все встали. Накамура вставил запись в видеоманитофон, монитор засветился, через экран побежали размазанные дрожавшие полосы, физик с минуту манипулировал настройкой, изображение потемнело, и они увидели призрачный диск с черным круглым пятном посредине и неравномерно просветленными краями. Накамура передвинул изображение, и выпуклая поверхность планеты оказалась в нижней половине экрана. Над кривизной литосферы, непроницаемо черной, простиралась такой же выгнутой полосой белесая мгла, сгущающаяся к горизонту, — атмосфера с микроскопическими клочками туч. Физик перестроил спектр, переходя от легких ко все более тяжелым элементам. Атмосферные газы исчезли, будто их сдуло, и непроницаемая до того чернота континентальной плиты начала светлеть.

Темпе стоял между Гаррахом и командиром, всматриваясь в экран. С планетной спиноскопией он ознакомился еще на борту «Эвридики», но ее применения в таких масштабах до сих пор не видел. Нуклеоскоп астрономического радиуса действия берет планету в чашу магнитного поля с гауссовской напряженностью, равной в пиках импульсов магнитосфере микропульсара. Планета подвергается сквозному просвечиванию, а получающиеся картины, создаваемые резонансом атомных спинов, можно разрезать, то есть томографировать, сосредоточивая управляемое поле на последовательных слоях шара, начиная от поверхности — вглубь, ко все более горячим пластам мантии и ядра.

Как микротом срезает замороженные ткани, чтобы их можно было поочередно рассмотреть под микроскопом, так и нуклеоскоп дает возможность делать снимки, показывающие слой за слоем, внутреннюю атомную структуру небесного тела, недостижимую ни для радиолокации, ни для нейтринного зондирования. Для радиолокаторов планета абсолютно непрозрачна, а для нейтринных потоков — слишком прозрачна, поэтому ничто, кроме магнитофокусной многополосной спиноскопии, не позволяет заглянуть в

глубь космических тел — правда, только остывших, таких, как планеты и их луны.

Темпе прочитал об этом достаточно много. Дистанционно фокусируемые магнитные потенциалы выстраивают спины атомных ядер по силовым линиям, а после выключения поля ядра отдают накопленную в них энергию. Каждый элемент таблицы Менделеева колеблется тогда в свойственном ему резонансном ритме. Зафиксированная приемным устройством картина становится ядерным портретом среза, на котором секстильоны атомов играют роль точек обычной полиграфической печатной сетки. Положительная сторона нуклеоскопии высоких мощностей — ее безвредность для просвечиваемых материальных объектов, а также живых организмов, а отрицательная — то, что, используя такую мощностность, невозможно скрыть передающие ее источники.

Следуя рекомендациям физиков, GOD отфильтровал из снимков каждой плоскости разреза спинограммы элементов, особенно важных для использования в технологии. Принципы этого подбора были абсолютно определенными — только ими можно было пользоваться: подразумевались аналогии квинтянской и земной техносфер, хотя бы частичные. В глубину коры просвеченного шара словно бы входила еле различимая сеть, обрисованная элементами типа ванадия и хрома, а также тяжелых платинидов, таких, как осмий и иридий. Вблизи поверхности нити меди напоминали энергетические кабели. Спинограммы территории, затронутой лунной катастрофой, выявили хаотические микроочаги опустошений, а разрез звездообразного образования, названного Медузой, выглядел как беспорядочные руины со следами уранидов. Там же был обнаружен кальций. Для развалин жилых построек его было слишком мало, осадочных отложений в грунте не было вовсе, и отсюда вытекало предположение, что это — останки живых существ, перед гибелью или позже подвергшихся радиоактивному заражению, поскольку значительный процент кальция был изотопом, возникающим только в скелетах облученных позвоночных. Это открытие, как косвенная улика, при всей своей жестокости содержало крупицу надежды. До сих пор не было известно, состоит ли население Квинты из живых существ или же из каких-то небιологических автоматов, на-

следников угасшей, некогда живой цивилизации. Нельзя было исключить чудовищной гипотезы, что гонка вооружений, истребив жизнь вплоть до ее остатков, забившихся в убежища или пещеры, продолжается теперь ее механическими наследниками.

Именно этого со времени первых столкновений больше всего опасался Стиргард, хотя особенно не распространялся по поводу своей концепции. Он считал возможным такой ход исторических событий, когда при военных действиях, затянувшихся на века, живую силу замещают военные машины — не только в Космосе, в чем уже была возможность убедиться, — но и на планете. Боевые автоматы, лишенные инстинкта самосохранения, предназначенные для самоубийственной войны, навряд ли легко вступили бы в переговоры с космическими пришельцами. Правда, свойством самосохранения должны были бы обладать военные штабы, даже полностью компьютеризованные, однако, считая исключительной целью стратегическое превосходство, они также не дали бы втянуть себя в переговоры.

Напротив, шанс договоренности живых с живыми все-таки был выше нуля. Однако итоги попыток распознать братьев по разуму, просматривая спинограммы и отыскивая скопления их скелетов по соотношению кальция и его изотопа, можно сказать, не внушали оптимизма. Трудно их было назвать и благой вестью. Пока пилоты и командир слушали Накамуру, который сопровождал наиболее интересные снимки пояснениями (предупредив, что по большинству это просто догадки), раздался зуммер интеркома. Командир взял трубку:

— Стиргард слушает.

Они слышали чей-то голос, не разбирая слов. Когда он замолк, Стиргард с минуту не отвечал.

— Хорошо. Сейчас? Пожалуйста. Жду.

Положив трубку, он повернулся и сказал:

— Араго.

— Нам уйти? — спросил Темпе.

— Нет. Оставайтесь. — И, словно против воли, у него вырвалось: — Это не будет исповедь.

Вошел доминиканец — в белом, но не в одежде своего ордена. На нем был длинный белый свитер, а о том, что он

носит на груди крест, свидетельствовал только темный шнурок на шее. Увидев собравшихся, он задержался у дверей.

— Я не знал, что у астрогатора совещание...

— Садитесь, ваше преподобие. Это не совещание. Время парламентских обсуждений с голосованием кончилось. — И, словно собственные слова показались ему слишком резкими, добавил: — Я не хотел этого. Однако факты оказались сильнее моих желаний. Садитесь все.

Все опустили в кресла, ибо, хотя последние слова были сказаны с улыбкой, это был приказ. Монах, как видно, приготовился к разговору с глазу на глаз. А может быть, его задела слова Стиргарда, их категоричное звучание.

Астрогатор, догадываясь о причинах его колебаний, сказал:

— *C'est le ton qui fait la chanson**. Но не я сочинил эту музыку. Хотя и попробовал — пианиссимо.

— И закончилась она на трубах Иерихона, — возразил монах. — А может быть, довольно музыкальных ассоциаций?

— Разумеется. Я не собираюсь ходить вокруг да около. Ротмонт был у меня час назад, и я знаю содержание разговора — экзегезы**, — нет, назовем это все же разговором, который спровоцировал GOD. Он касался... астробиологии.

— Не только, — заметил доминиканец.

— Знаю. Поэтому хочу спросить, в каком качестве я вас принимаю: как врача или как папского нунция?

— Я вовсе не нунций.

— По воле или без воли престола святого Петра это все же так. *In partibus infidelium*. А может быть, *in partibus daemonis****. Я говорю это в связи с достопамятным высказыванием не доктора астробиологии, а отца Арго на «Эвридике», у Бар Хораба. Я был там, слышал и запомнил. А теперь готов выслушать вас.

— Я вижу здесь снимки, которые объяснил мне Ротмонт. GOD действительно спровоцировал мой приход.

---

* Мелодия делает песню (*фр.*).

** Здесь: истолкование.

*** В областях неверия... в областях дьявольских (*лат.*).

— Кальциевая гипотеза? — спросил командир.

— Да. Ротмонт спросил его, не является ли полоска, повторяющаяся в спектре определенных пунктов, изотопом кальция. GOD не мог исключить такой возможности.

— Я знаю подробности. Если это были кости, то в миллионных количествах. Горы трупов.

— Критическое место — это большая агломерация, очевидно, местопребывание квинтян, — сказал монах. Он был бледнее, чем обычно. — Не зверинец же это диаметром пятьдесят миль? Дело дошло до геноцида. Кладбище жертв человекоубийства — не слишком выигрышная сцена для беспрецедентного события нашей истории. Отцы проекта SETI вряд ли думали о контакте с разумом на поле битвы, заваленном трупами хозяев.

— Ситуация значительна хуже, — ответил Стиргард. — Нет, позвольте мне договорить. Повторяю: случилось нечто худшее, чем катастрофа, вызванная стечением непреднамеренных и непредвиденных случайностей. Эти линии, возможно, происходят от изотопов скелетного кальция. Мы не можем исключить это со стопроцентной уверенностью. Я говорил, что планета способна ответить на наш ультиматум до истечения срока — но не сигналами. С их точки зрения, для которой характерна крайняя подозрительность, контрнаступление могло оказаться первостепенной задачей. Однако я никак не допускал того, что они совершенно преднамеренно кавитируют луну на себя. Мы стали человекоубийцами в соответствии с максимой одного итальянского еретика: «Избыток добродетели ведет к победе сил ада».

— Как это понимать? — изумленно спросил Араго.

— Согласно канонам физики. Мы объявили разрушение луны демонстрацией превосходства и уверили их, что эта сидеральная операция не принесет им вреда. Располагая специалистами по небесной механике, они знали, что небольшим приложением энергии можно разбить планету, усилив давление в ее ядре. Знали они и то, что только взрыв, точно направленный в центр лунной массы, не изменит орбиты обломков. Если бы они перехватили наши сидераторы с солнечной стороны луны или спереди по касательной к орбите, разорванные массы были бы вытолкнуты на более высокую орбиту. И только перехват наших снарядов у полу-

шария, обращенного к Квинте, мог и даже должен был навлечь последствия эксцентрической кавитации на них самих.

— Как можно в это поверить? Вы утверждаете, что они хотели совершить с нашей помощью самоубийство?

— Не я утверждаю, а факты. Я согласен, что такая интерпретация их поступков выглядит неразумной и даже безумной, но смоделированный ход катаклизма выявляет его рациональность. Мы приступили к разрушению луны в момент, когда в Гепарии всходило солнце, а в Норстралии заходило. Баллистические снаряды, направленные на наши сидераторы, были выпущены с той части Гепарии, которая находилась еще за терминатором, то есть в ночной части. Им понадобилось пять часов, чтобы оказаться в периселении и столкнуться с нашими ракетами. Для того чтобы мы не могли вовремя уничтожить их, ракеты были выведены на такую эллиптическую орбиту, что они сошли с нее в сторону луны за какие-нибудь двенадцать минут перед ее разрушением. Иная интерпретация невозможна: их ракеты поджидали наши, двигаясь по отрезку эллипса, наиболее отдаленному от Квинты и близкому к луне. Все они направились к нашим кавитаторам, лишенным защиты, поскольку такое противодействие мы не считали возможным. Я сам в первый момент подумал, что катастрофа случилась из-за ошибки в их расчетах. Анализ хода событий, однако, ошибку исключает.

— Нет. Не могу этого понять, — проговорил Араго. — Хотя... сейчас... выходит, что одна сторона пыталась нанести рикошетом удар на противника?

— И это не было бы самым худшим, — возразил Стиргард. — С точки зрения генерального штаба во время войны полезен и пригоден любой маневр, наносящий урон неприятелю. Однако поскольку они не могли знать ни мощности наших кавитаторов, ни начальной скорости кусков распавшейся луны, они должны были считаться с возможностью того, что разброс скальных масс затронет также и их собственную территорию. Вы удивлены, ваше преподобие? Не вериге мне? *Physica de motibus coelestis** — коронный свидетель в этом деле. Прошу взглянуть на состояние вещей с

---

* Физика движения небесных тел (лат.).

точки зрения штабистов столетней войны. Над ними вдруг появляется незванный космический гость с миртовой веточкой, намереваясь навязать сердечные отношения с космической Цивилизацией: он не отвечает атакой на атаку и пытается сохранить умеренную мягкость. Не хочет нападать? Значит, его следует принудить! Узнает ли население планеты, что произошло на самом деле? Искромсанное, сможет ли оно сомневаться в том, что сообщает ему власти: пришельцы — беспощадные, безгранично жестокие агрессоры? Разве они не разрушили города? Разве не бомбардировали они все континенты, разрушив для этой цели луну? Жертвы на собственной стороне? Их спишут на счет пришельцев. И если мы несем часть вины, то лишь от избытка добрых намерений, поскольку не предвидели такого поворота событий. После того, что произошло, наш уход оставил бы на планете память о нашей экспедиции, как о попытке смертоносного вторжения. А потому мы не отступим, ваше преподобие. Ставка в этой игре с самого начала была достаточно велика. Они же подняли ее до такой степени, что вынудили нас играть дальше...

— Контакт любой ценой? — спросил белый доминиканец.

— Самой наивысшей, на которую нас хватит. Поскольку ваше преподобие, как апостольского посланца, удивили мои слова о том, что на борту прошло уже время демократии, голосований, хождения от Анны к Каиафе, я считаю нужным дать разъяснения — почему, принимая на себя чрезвычайное командование и, таким образом, всю ответственность за нас и за них, я буду вести эту игру до конца. Должен ли я это сделать?

— Слушаю вас.

Стиргард подошел к одному из стенных шкафов, отворил его и, разыскивая что-то на полках, продолжал:

— Мысль о нелокальной войне, выведенной в Космос, пришла мне в голову сразу же после поимки остовов ракет за Юноной. И не мне одному. Согласно правилу *primus pop posege**, я не стал делиться этими соображениями, чтобы не заразить команду пораженчеством. Из истории давних путе-

---

*Прежде всего не навреди (лат.).

шествий вроде Колумбовых и полярных известно, как легко обособленная группа самых хороших людей может попасть в критическое положение из-за влияния одного из них, особенно если на него рассчитывают так, словно он создан из еще лучшего материала, чем другие. Поэтому я обсудил наилучшие предположения только с GOD'ом, и вот записи этих дискуссий.

Из выстеленного мягким материалом ящичка, похожего на ювелирный футляр для драгоценных камней, он вынул несколько кристаллов памяти и вставил один из них в щель воспроизводящего аппарата.

Раздался его голос:

— Как наладить связь с Квинтой, если там существуют блоки, уже много лет вовлеченные в войну?

— Дай границу пространства решения. Не просчитывается стратегически без исходной характеристики.

— Предположи двух, а затем трех противников с близкими боевыми потенциалами, с возможностью уничтожения всех при горячей эскалации.

— Данные все еще недостаточны.

— Дай минимаксовую оценку в нечисловом приближении.

— В аппроксимации величина также неопределима.

— И все же дай мне стохастически значимый пучок альтернатив.

— Это требует дополнительных данных. Результаты будут произвольными и недоказательными.

— Знаю. Действуй.

— В случае двух антагонистов на противоположных континентах — выслать два передатчика в атмосферном инфракрасном диапазоне с резкой точечной коллимацией. Оба — в антирадарной маскировке, с самонаведением на радиостанции планеты. Эта тактика, однако, принимает за очевидность то, что сомнительно. Уже в первом пункте. Антагонисты могут взаимно контролировать территории владения как по вертикали, так и по горизонтали.

— Каким образом?

— Если они, например, вошли уже в атомную фазу, то, согласно тактике устрашения, каждый из них брал в заложники население противной стороны, угрожая нападением

либо возмездием, после чего они усиливали средства нападения и защиты, а достигнув определенного уровня насыщенности техникой, сошли в подземелья. Их территория может находиться под землей в виде глубоко врытых и полойно укрепленных уровней. То же самое может происходить и над атмосферой.

— Делает ли экспансия такого рода контакт невозможным?

— В предложенной тактике — несомненно, потому что при таком размещении контакт не имеет отдельных адресатов.

— Исключи тактику взаимно подкапывающихся поселений.

— Где провести границу между противниками?

— По меридиану посреди океана.

— Это самое простое, но достаточно произвольное условие.

— Действуй.

— Есть. Предполагаю посылку зондов, излучение сигналов и получение почты. Итак, они получили переданные коды и овладели ими. На минимаксе получаю вилку. Либо переслать обеим сторонам одно и то же настоящее предложение контакта с гарантией нейтральности, или фальшивое заверение в предпочтении.

— Либо уведомить каждую из сторон, что обращаемся одновременно и к другой, или заверить, что только ей одной предлагаем контакт?

— Да.

— Дай оценку риска для этой вилки.

— Правдивость дает лучшие шансы при ошибочном адресовании и худшие шансы при ошибочном адресовании. Ложь дает большие шансы при верном адресовании и меньшие шансы при верном адресовании.

— Но это же чистое противоречие?

— Да. Пространство игры не поддается минимаксовому квантованию.

— Покажи причину противоречия.

— Тот блок, который мы заверим в исключительности контакта с ним, будет склонен к положительной реакции при условии, что он сможет проверить эту исключитель-

ность помимо нашего сообщения. Если же он узнает, что другой блок перехватил наше послание, или, что хуже, убедится в двуличии нашей игры, шанс соглашения упадет до нуля. Может даже возникнуть отрицательная вероятность контакта.

— Отрицательная?

— Отказ есть нуль. Отрицательное значение я придаю дезинформирующим нас ответам.

— Они устроят ловушку?

— Вполне возможно. Тут вилка сильно разветвляется. Западно может создать либо одна сторона, либо обе независимо друг от друга, либо в ограниченном временном союзе, решив, что, если заключат временное перемирие и скооперируются, чтобы уничтожить нас или отвлечь от контакта, они подвергнутся меньшему риску, чем если станут добиваться исключительного контакта с «Гермесом».

— А как с согласием на параллельный сепаратный контакт?

— В этом варианте противоречива сама основа. Чтобы получить такой параллелизм, ты должен как отправитель достаточно убедительно гарантировать адресатам нашу нейтральность. То есть даешь слово, что будешь держать слово. Утверждение, обращенное на себя, не может себя же подтвердить. Это типичная антиномия.

— Откуда ты берешь критерии для разветвления решений?

— Из твоего условия, что на планете только два игрока в положении вечного шаха. И из того, что они придерживаются позиции минимакса. Цена игры для них — выживание, *status quo ante fuit*, а для нас — контакт через выход из тупиковой ситуации.

— А точнее?

— Это тривиально. Предполагаю две империи — А и Б. Оптимальный вариант вилки для нас: оба адресата входят с нами в контакт и каждый считает, что обладает монополией. Если хотя бы один из них не уверен в своей привилегированности или исключительности, то сочтет монополию сомнительной. Тогда по правилу минимакса обратится к другому с предложением создать коалицию против нас, поскольку не знает своих шансов на заключение коалиции

с нами. Это очевидно: Зная собственную историю, они тем самым знают правила взаимных конфликтов. Но свойственные нам правила конфликтов им неизвестны. Если мы предложим одной из сторон союз, она нам не поверит. *Primo*: предложение союза обоим противникам — абсурд. *Secundo*: примыкая к одной из сторон, мы усиливаем ее. Тем самым увеличиваем антагонизм другой стороны, а сами не получаем ничего, кроме вступления в ведущуюся войну. Такую стратегию контакта может выбрать только цивилизация идиотов. А это даже в метагалактическом масштабе маловероятно.

— Так. Они могут временно объединиться против нас. И какая игра начнется тогда?

— Игра с неопределенными правилами. Правила будут возникать по ходу игры. Поэтому неизвестно, содержит ли функция расплаты положительные ценности. Сумма игры, скорее всего, окажется нулевой, поскольку ни один из игроков, включая и нас, не окажется в выигрыше. Все проиграют.

— Ясно, что риск не удастся свести к нулю. Но где тогда его минимум?

— У меня нет достаточных данных.

— Действуй без этих данных.

— Облегчение фрустрации, вызванной неразрешимыми задачами, не лежит в области моих расчетных возможностей. Не требуй невозможного, командир. Деревце эвристики — это не Божественное Древо Познания.

В тишине, которая установилась после этих слов GOD'а, Стиргард вложил в воспроизводящее устройство второй кристаллик, объяснив, что это фрагмент диалога с GOD'ом сразу же после разрушения луны. Снова послышался голос машины:

— Ранее риск был только неопределимым. Теперь он приобрел силу трансфинального множества, то есть стал непредсказуемым. Минимакс остался только при отступлении.

— Можем ли мы принудить их к капитуляции?

— Теоретически — да. Например, последовательным сужением их боевой техносферы.

— То есть путем уничтожения всех военных средств во всем пространстве вокруг дзеты?

— Да.

— Каковы шансы контакта при такой операции?

— Минимальные при самых оптимистических условиях: что наше накопление сидеральных мощностей будет проходить без помех, что квинтяне останутся пассивными наблюдателями того, как мы будем обдирать шелуху с их автоматических луковиц в Космосе, и что, лишенные этих оболочек, они впадут в военно-промышленный застой. В категориях теории игр это было бы таким же чудом, как главный выигрыш в лотерее для того, кто не купил ни одного билета.

— Представь варианты разоружения их техносферы без чудес.

— Кривая будет иметь по крайней мере два экстремума. Либо они будут сопротивляться, защищаясь или атакуя, либо умиротворяющее разрушение холодной сферомахии разожжет конфликт, постоянно тлеющий на планете, и таким образом мы ввергнем их в тотальную войну.

— Можно ли частично снизить их космическую автоматию, не нарушая равновесия сил на планете?

— Можно. Для этого нужно уничтожить орбитальные военные средства, предварительно распознав их принадлежность, то есть сокращать военно-космический потенциал всех противников в равной мере, чтобы не нарушить динамического равновесия сил. Это требует двух условий: что мы узнаем расстояние, на котором они могут управлять своим оружием в Космосе, то есть эффективный радиус их командования, и что мы идентифицируем боевые системы сначала за пределами этого радиуса для того, чтобы разбить их, а после уничтожения автоматического пояса будем лишать эту цивилизацию тех сил, над которыми она сохраняет управление внутри сферы командования. In abstracto можно ее до известной степени обнажить. Но если мы совершим ошибки в распознавании того, кто и чем владеет во внутренней сфере, то есть в пространстве их оперативного влияния, мы разбудим конфликт на планете, поскольку усилим одну сторону за счет другой. Тем самым мы столкнем антагонистов с точки неустойчивого равновесия гонки вооружений в тотальную войну. Командир, ты уводишь меня и сам уходишь от действительности. Ведь ты стремишься к успеху?

— Конечно.

— Но что для тебя успех? Контакт? Но в этой моделируемой ситуации такое понятие успеха неопределимо. Оно не зависит только от того, сможет ли «Гермес» преодолеть и сферромахию, и всю индустрию боевых средств, неустанно выбрасываемых в Космос.

— Мы будем проводить опосредованную борьбу, атакуя не их, а только их оружие. Можно ли быть уверенными, что, введя в боевые действия новую технику, они не овладеют секретом тех источников, которыми пользуемся мы, — сидеральных? Но предположим, что не овладеют.

— Пожалуйста. Однако кроме факторов, определяемых как некие технологические суммы, при минимаксовых решениях, согласно логическим оптимизационным подсчетам, на реакции квинтян существенно влияют и факторы иррациональные, о которых мы ничего не знаем. Известно, однако, какое значение имели именно эти факторы в земной истории.

На этом запись разговора оборвалась. После короткой паузы все услышали новый диалог Стиргарда с машиной.

— Проводил ли ты имитацию государственных структур?

— Да.

— Во всех предполагаемых вариантах этих структур, а также их конфликтов?

— Да.

— Каков коэффициент разности этих структур для нашей игры в контакт? Дай предел статистической значимости или модальное распределение влияния разностей на шансы контакта.

— Коэффициент равен единице.

— Для всех моделей?

— Да.

— Это значит, что разница в государственном устройстве противников не имеет никакого значения?

— Да. Подгоняемая длительным конфликтом эволюция техномахии становится независимой от типа строя переменной, поскольку эту эволюцию формирует структура конфликта, а не общественные структуры. Точнее говоря, на ранних стадиях конфликта разница в строе отражается в тактике психологической пропаганды, дипломатии, диверсий,

шпионажа и гонки вооружений. Деление средств внутри бюджета на военные и невоенные является функцией суммы аргументов, ценность которых зависит от структуры строя. Растущее стремление к превосходству в конфликте уравнивает разницу в сумме аргументов. Тем самым стратегии противников уподобляются одна другой. Возникает эффект отражения. Нельзя заставить зеркало отражать только расслабленные и свободно стоящие фигуры, а остальные игнорировать. Когда потолок эффективности разоружения преодолевается, дальнейшая гонка за превосходство ликвидирует зависимость стратегии противоборствующих сторон от их политического строя. Зависимость эта становится такой же, как влияние человеческой мускулатуры на запуск баллистической ракеты. В эпоху палеолита, в пещерном веке или в средневековье более мускулистый противник побеждал слабейшего. В атомную эпоху запустить ракету может ребенок, нажав нужную кнопку. Квинтяне уже не владеют выбранной ими стратегией. Наоборот: стратегия владеет ими. И если она натолкнулась на разницу в строе, то подчинила ее себе вплоть до полного стирания. Если бы этого не произошло, конфликт закончился бы победой одной из сторон. Активность сферомехии этому противоречит.

— Дай оптимальные правила игры в контакт при таком диагнозе.

— Правящие круги планеты знают, что перехват наших кавитаторов вызвал катастрофу. Никто, кроме них, не мог провести эту акцию.

— Значит ли это, что сферомехия подчиняется им в радиусе от Квинты до луны?

— Необязательно. Граница их оперативного поля не может быть шаром с поверхностью, резко и ровно отграниченной от чуждой им сферы.

— Делаешь ли ты из всего этого выводы о составе штабов?

— Содержание вопроса понял. Мысль, с которой носятся некоторые члены экипажа, — о небιологических штабах, а затем о мертвой планете с компьютерами, сражающимися после гибели квинтян, — абсурдна. Компьютеры, хотя и лишены чувства самосохранения, действуют рационально. Это значит, что они придерживаются принципа минимакса с

возможно большим прогностическим опережением. Они могут сражаться до тех пор, пока в борьбе есть реальный вариант успеха. Если функцией расплаты в конце игры оказывается полное уничтожение, минимум падает до нуля. Концепцию сумасшедших компьютеров я отбрасываю. В конце концов спектральные и спинографические улики показывают присутствие живых существ.

— Хорошо. И что же из этого?

— В штабах достаточно машин для расчетов, но есть и квинтяне. Последствия лунной катастрофы их не коснулись: в конфликте такой длительности и такого масштаба ничто так хорошо не защищено, как штабы. Тебе известно уже, что людские потери не являются для штабов аргументом, склоняющим к контакту.

— Приведи неотразимый аргумент.

— Ну вот. Пришло время назвать вещи своими именами. Опосредованный нажим недостаточен. Тебе придется действовать напрямую, командир.

— Пригрозить штабам?

— Да.

— Массированным ударом?

— Да.

— Интересно. Ты считаешь убийство людей, ведущих себя антиразумно, лучшим способом вступить с ними в контакт? Что же нам, высаживаться на планету в качестве археологов истребленной нами цивилизации?

— Нет. Ты должен пригрозить сидеральным ударом самой планете. Они видели, как распалась их луна.

— Но это же будет блеф. Поскольку мы возобновляем требования контакта, мы не можем уничтожить потенциальных собеседников. Не надо особой хитрости, чтобы это понять. Они сочтут это пустой угрозой — и будут правы.

— Угроза не должна быть вовсе пустой.

— Разрушить кольцо?

— Командир, зачем ты ведешь с машиной еженощные споры, вместо того чтобы лечь спать, если сам знаешь, что нужно делать?

Голос умолк. Стиргард вставил в щель кристаллик.

— Прошу прощения, — сказал он. — Это уже последняя беседа.

Голубая контрольная лампочка загорелась. Снова послышался монотонный голос GOD'a:

— Могу утешить тебя, командир. Я исследовал стабильность сферомагии экстраполяцией в будущее до границ прогностической уверенности. Независимо от числа противников и от диаметра, которого достигнет пространство борьбы, эта цивилизация погибнет. Самая простая модель событий — карточный домик. Он не может быть неограниченно высоким. Любой в конце концов распадется; это очевидно и без расчетов.

— Карточный домик? А конкретнее?

— Теория Голенбаха. При высоком уровне знаний нет незаменимых людей. Если бы не было Планка, Ферми, Лизы Мейтнер, Эйнштейна, Бора, открытия, приведшие к атомным бомбам, сделал бы кто-нибудь другой. Монополия, достигнутая американцами, была недолгой и вызвала противодействие. Ядерными снарядами можно шаховать противника десятки лет. Можно учитывать их точность и поражающую мощь. Сидерология таких шансов не дает. К познанию ядерных реакций, критической массы и цикла Бете вело несколько шагов. Сидеральная же инженерия обретается единым махом. До открытия предела Голенбаха не известно ничего, а потом — все. В фазе обратимости гонки вооружений еще возможны переговоры о войне и мире; тот, кто откроет ядерный козырь, может воспользоваться им как старшей мастью, но не обязан им сыграть. В фазе космической сферомагии тот, кто первым откроет сидерологию, сыграет ею немедленно. А это нарушит равновесие пространства военных игр, потенциально симметричного для обычных и ядерных военных средств. На планете невозможно шантажировать сидерологией. Невзрывные термоядерные реакции долго не поддавались управлению из-за термических утечек плазмы и плохой устойчивости удерживающих ее полей. В течение нескольких десятков лет успех казался недостижимым. Трудности овладения гравитацией похожи, но в астрономическом масштабе. Нельзя начать с малого: прежде выделить из урановой руды изотоп с атомной массой 235, потом запустить цепную реакцию в сверхкритической массе, синтезировать плутоний и таким образом получить запальник водородной бомбы. Здесь исследовательским полигоном

должно быть небесное тело. Фазе сидерологии предшествует фаза тератроновых аномалонов. Поэтому напрасно физики удивлялись тому, что сделал «Гавриил». Если бы квинтяне его перехватили, то после демонтажа вышли бы на след Голенбаха. «Гавриил» должен был расплавить себя тератроном. Я припоминаю, что предлагал построить ему саморазрушающий заряд.

— Почему ты тогда не объяснил этого подробно?

— Я не всеведущ. Опирирую теми данными, которые вы мне даете. Твои физики, командир, сочли перехват «Гавриила» невозможным, потому что ни один из объектов сферомахи не развивал и одной десятой тяги «Гавриила». У меня были данные, но не доказательства. Эту невозможность они взяли с потолка. Трудно сказать, хорошо или плохо, что мой двоюродный брат в «Гаврииле» выказал такую молниеносную сообразительность. Если бы он позволил поймать себя, не было бы уже и речи о контакте, а разговор бы шел либо о возвращении, либо о сидеральной битве с Квинтой, как с игроком такой же мощи, как и мы. А если даже исключить их сидеральный удар по «Гермесу», то нам пришлось бы удирать сквозь обломки разваливающейся сферомахи. То, что должно было погубить их через пятьдесят или сто лет, началось бы сейчас. Блок, обученный сидерологии «Гавриилом», не стал бы ждать, когда противник сравняется с ним. Он упрямился бы его своим ударом.

— Это только спекуляции.

— Разумеется. Но не взятые с потолка. Я допускаю, что кто-то хотел превратить луну в исследовательский полигон. Он не знал еще, что никакой плазмотрон не даст мощности, открывающей предел Голенбаха. А кто-то вытеснил его с луны, но сам не имел достаточно сил, чтобы там утвердиться. Кто-то объявил шах королю. Король был инфантом-недорослем. Но другой блок тоже дал шах. Не знаю, какой фигурой. Но такой, что получился пат. На луне. А за ее пределами игра продолжалась.

— Почему до сих пор ты не представил этих соображений?

— Если сейчас ты назвал мои выводы спекуляциями, то до лунокрушения назвал бы бредом GOD'а. Желает ли ты выслушать и мою версию теперешнего положения дел на Квинте?

— Говори.

— Ключ к критическому этапу этой истории — кольцо. В период ускоренного индустриального развития на планете было много государств, среди которых выделялась группа вырвавшихся вперед, сотрудничающих между собой стран. Дело дошло до выхода в Космос и использования атомной энергии. Одновременно произошел демографический взрыв — в государствах, более слабых в промышленном отношении и сильных только людскими резервами. Передовые страны решили увеличить заселяемые площади путем понижения уровня океана. Единственным способом оказалось выбрасывание воды за пределы атмосферы — мне неизвестна техника, примененная для этого, я знаю только средства, явно недостаточные для такого предприятия. Сотни кубических километров воды, конечно, не транспортировали ни на космических кораблях, ни при помощи помп и брандспойтов. Первый вариант потребовал бы недостижимого количества топлива и ракет. Второй нельзя осуществить потому, что выбрасываемые потоки, вернее, перевернутые водопады, а лучше — водовзлеты, не достигнув первой космической скорости, испарились бы от трения о воздух и вернулись в атмосферу.

Но есть, по-видимому, и осуществимые методы. Вот один из них. Нужно пробить атмосферу каналами типа грозовых разрядов, и вслед за каждой молнией — бьющей с океанического берега в термосферу по синергической линии — выстрелит струя водяного пара. Это сильно упрощенная схема. Можно создать в атмосфере своего рода электромагнитные пушки, разумеется, без стволов — в виде туннелей для бегущих вращающихся импульсов, разгоняющих ионизированный водяной пар. Можно придать воде дипольные свойства и нетермическим путем. На Земле такой гидроинженерией занимался некий Рахман. Он утверждал, что можно разогнать воду до первой космической скорости и таким образом создать вокруг Земли ледяное кольцо, но это кольцо не будет стабильным, поэтому на следующей фазе проекта следует ускорить его вращение, чтобы оно превратилось в центрифугу и разлетелось со второй космической скоростью в течение двухсот или четырехсот лет. В противном случае — когда ускорение ослабнет после прекращения работ — из-за трения

о верхние слои атмосферы — на планету будет возвращаться больше воды, чем за то же время выбросят метательные устройства. Нет смысла говорить о подробностях. Достаточно сказать, что еще с «Эвридики» замечено было рассеивание кольца в его припланетной области и расплющивание и, таким образом, расширение внешнего обвода.

Это не могло быть выгодно никому на планете. Возвращающиеся воды дают нечто большее, чем ливневые дожди: они создают зону непрерывного дождя между тропиками с переменным максимумом осадков по временам года, поскольку ось вращения планеты наклонена относительно эклиптики, подобно земной. Средняя годовая температура упала на два градуса Кельвина. Ледяной щит затеняет дневную часть планеты и отражает солнечный свет. Техническая авария вполне возможна, но ее могли бы устранить через некоторое время. Однако нет никаких следов ремонтных работ. Ненадежность планетной инженерии не может быть причиной прекращения работ. Ее следует искать где-то в другом месте — в политической разделенности цивилизации. Об исходных условиях мы знаем одно: они благоприятствовали проекту, который не мог быть реализован иначе, как при глобальном единении сил, которое затем распалось. Эпоха сотрудничества, по крайней мере в области технологии, продолжалась около ста лет. Отклонения в десять или двадцать лет для кризисной стадии несущественны. Что вызвало уход от общего пути? Локальные войны? Экономические кризисы? Сомнительно. Течение политических дел невозможно реконструировать сейчас, в момент, который мы застали, его можно оценить лишь при помощи модели, называемой цепью Маркова. Это стохастический шаговый процесс, стирающий собственные следы. Опираясь на то, что космические пришельцы обнаружили бы в двадцатом веке на Земле, без использования хроник они не смогли бы при помощи ретрополяции дойти, к примеру, до крестовых походов. Поэтому белое пятно я возьму таким предположением: развитие держав ведущей группы было неравномерным. Зародыш антагонизма тлел уже во время сотрудничества. Владычество одной военной силы на планете тогда было невозможно. Слабейшие также участвовали в глобальном процессе, но кооперация постепенно превращалась из подлинной в мнимую.

Антагонизм проявился необязательно впрямую и неожиданно. Может был, блоков было больше — три или четыре, — но для минимума эргодического столкновения достаточно двух противостоящих. Началась гонка вооружений. Она вызвала сначала прекращение работ, направленных на рассеивание ледяного обруча в Космосе. Предназначавшиеся на это средства и мощности были вложены в вооружение. Разбивать ледяное кольцо таким образом, чтобы его разрушение не принесло ущерба жителям всех континентов, стало невыгодно для сверхдержавы, которая внесла главный вклад в этот проект, поскольку положительными результатами работы воспользовался бы и противник. Противник рассуждал и действовал аналогично. С тех пор ни одна из сторон не касалась кольца, хотя оно и обрушивалось ледяными лавинами на планету, — втянувшись в раскручивающуюся спираль вооружений, они уже ничего не могли поделать. Затем эскалация вытолкнула гонку в космическое пространство. Так мог выглядеть пролог и первый акт. Мы прибыли в середине следующего — и, не ведая о том, нырнули в глубь многослойной сферомахии с невинным солнцем посредине.

— Повторяю вопрос: почему ты не представил этой ретроспекции раньше? Случаев было достаточно.

— Различные версии того, что я рассказал, существуют на борту, они высказывались приватно или открыто. Ни одной из них доказать нельзя. Границы воображения лежат далеко за границами сотворения теорий.

Отдельные данные накапливались постепенно, как фрагменты головоломки. Пока их было немного, из них можно было сложить бесчисленное количество мозаик, заполняя разрывы и пустоты безосновательным вымыслом. Я действую по принципу комбинаторики. Если бы я обрушил на вас все варианты комбинаций, вам пришлось бы неделями выслушивать доклады, заполненные предостережениями сомнительной вероятности. Кроме того, я получал распоряжения, противоречащие твоим приказам. Доктор Ротмонт, например, добивался спиноскопии Квинты. Я объяснил ему, что просвечивание Квинты всей наличной мощностью бортовых агрегатов не удастся скрыть и тем самым уменьшатся шансы контакта. Поскольку он настаивал, я выслал легкие спиноскопы, способные к маскировке. Об этом ты и сам

знаешь, командир. Ротмонт питал надежду, что разглядит то, чего этим способом разглядеть нельзя. Он ничего не достиг, но не я разрушил его надежду. Я выполнил его желание, поскольку это не могло принести вреда. Гипотезы, пока они не принимаются за основу реальных действий, могут быть ошибочными, но не губительными.

Голубой огонек погас. Пилоты и Накамура, хотя и сидели за одним столом со Стиргардом и Араго, точно так же погружившись в кресла, казались только зрителями, которые не могут вмешаться в разыгрываемую сцену. Словно их и не было при этой встрече.

— Таково мое объяснение, — сказал Стиргард. — Ваше преподобие изволили однажды сказать, что дело находится в добрых руках. Я тогда ничего не ответил — не потому, что те, кого хвалят, приличнее молчать, а потому, что знал, насколько различны для нас понятия добра и зла. Решение о новом шаге я уже принял. Никто из нас не может повлиять на то, что произойдет. Я также. Мне не хотелось бы задеть никого из присутствующих. Но время бескомпромиссного действия — это и время полной откровенности. Наш второй пилот сказал глупость. Мы прибыли сюда не для того, чтобы бросить вызов, и вступаем в поединок не для того, чтобы защитить честь Земли. Если бы это было так, я не принял бы командования экспедицией. Человек может охватить и удержать в сознании немного. Поэтому огромное предприятие распадается в его голове на части. Средства легко могут заслонить цель и сами стать целью. Принимая командование, я вначале попросил времени для размышления, чтобы мысленно отступить и охватить весь гигантский объем трудов СЕП и SETI. Миллионы рабочих часов, затраченных на космических верфях, полеты к Титану, совещания и переговоры в столицах Земли, фонды, собранные в банках; все это — выражение надежды, которая не была дешевой сенсацией для газет. Коллективы ученых просчитывали бесконечное число вариантов игры в контакт, чтобы найти среди них безупречный или хотя бы оптимальный, ведущий к цели. Я взвесил все это, чтобы уяснить себе, что на «Эвридике» или на «Гермесе» я — всего лишь один из муравьев человеческого муравейника, затерянного в бесконечных пространствах Космоса, а значит, беру на себя задачу сверх своих сил, да

и выше сил любого человека. Отказаться тогда было легко. Изъявляя же согласие, я не знал, что нас ждет. Знал только, что выполню свой долг так, как это будет необходимо. Если бы я снова стал собирать совет, то уже не для совершенствования действий, а лишь для того, чтобы снять с себя тяжесть, которая на меня возложена. Хотя бы частично переложить ответственность на других. Но я решил, что не имею на это права. Поэтому принял решение самостоятельно. Никто уже не сможет повлиять на то, что произойдет. Но каждый по-прежнему имеет право на мнение и голос. И прежде всего ваше преподобие.

— Вы намерены разбить это кольцо?

— Да. Аппаратура уже монтируется в кормовом зале.

— Разрушение кольца отбросит его от планеты?

— Нет. Триллионы тонн упадут на планету. Глыбы будут слишком велики, чтобы расплавиться. Они заденут даже сильно защищенные места. Кроме того, верхние слои атмосферы окажутся сдутыми, что уменьшит давление на уровне моря примерно на сто баров. Это будет предупреждением.

— Это будет убийством.

— Вероятно.

— Хотите вынудить контакт такой ценой?

— Нет. Контакт уже отошел на второй план. Это будет попытка спасти их. Предоставленные сами себе, они подойдут к пределу Голенбаха. Известны ли вашему преподобию таинства сидеристики?

— Я знаю ее настолько, насколько может знать неспециалист. Астрогатор, вы основываете человекоубийство на гипотезе? И не на своей, а на машинной?

— У нас нет ничего, кроме гипотез. А машина помогла мне. И существенно. Впрочем, мне известна идиосинкразия, которую вызвал в церковных кругах *Animus in Machina**.

— Мне она несвойственна. На ваше объяснение, астрогатор, я отвечаю своим. Человек часто не замечает того, что видят окружающие. GOD говорил об унификации способов, которыми сражаются на Квинте противники. Вас это также касается.

— Не понимаю.

---

*Дух в Машине (лат.).

— Вы отбросили прежний образ действий, потому что почувствовали, что парламентаризм необходимо заменить единовластием. Я не сомневаюсь в благородстве ваших намерений. Вы хотите взять ответственность за дальнейшие шаги на себя. Тем самым вы уподобились квинтянам, вы стали их зеркалом. А именно: жестокостью принятых вами решений. Хотите отвечать ударами на их удары. Поскольку они сильнее всего укрепили свои штабы, именно по ним вы хотите нанести сильнейший удар. Тем самым — я умышленно пользуюсь вашими словами — вы подчинили прежнюю структуру отношений между людьми «Гермеса» структуре выбранной стратегии.

— Это было выражение GOD'a.

— Тем хуже. Я не утверждаю, что машина повлияла на ваше решение. Но она тоже стала зеркалом. Увеличивающим вашу агрессивность, вызванную фрустрацией.

Стиргард впервые выказал признаки удивления. Однако по-прежнему молчал, а монах продолжал:

— Военные операции требуют авторитарных штабов. Именно это произошло на планете. Но мы вовсе не обязаны включаться в этот тип действий.

— Я не говорил о войне с Квинтой. Это инсинуации.

— Увы, это правда. Войну можно вести и без объявления, без употребления этого термина. Но мы прибыли сюда не для обмена ударами, а для обмена информацией.

— Я бы охотно на это пошел, но каким образом?

— Проще простого. На счастье, принцип военной тайны на борту корабля не соблюдается. Я знаю, что в ангарах строится солнечный лазер, который должен ударить по планете.

— Не в саму планету. В кольцо.

— И в атмосферу, которая составляет жизненно важную часть планеты. Солнечный лазер — солазер, как говорят физики, — можно использовать не для человекоубийственных ударов, а для передачи информации.

— Мы передавали ее уже сотни часов без всякого результата.

— Действительно, странная ситуация, при которой именно мне видна возможность, которую не видят специалисты вместе с премудрой машиной. Сигналы, высланные нашим спутником, «послом», требовали специальных устройств для

приема, антенн, декодеров — я не знаток радиотехники, — но если Квинта охвачена войной, то все приборы, способные принимать радиосигналы, милитаризованы. Адресатами, таким образом, являются генеральные штабы, а не население Квинты. Если оно и было информировано о нашем прибытии, то именно так, как вы излагали: лживо и коварно, так, чтобы в глазах квинтян мы предстали имперским флотом вторжения. Одним словом, жестокими врагами. А вы, командир, при помощи солазера хотите превратить эту ложь в правду.

Стиргард слушал его с удивлением — более того, казалось, он потерял прежнюю категоричную уверенность.

— Об этом я не подумал...

— Но это же очень просто. Вы с GOD'ом забрались в такие высоты утонченной теории игр — минимакс, квантование пространства решений! Человек и машина взлетели в такие эмпирии, что уже незаметны им стали зеркальца, которыми играют дети, пуская солнечных зайчиков. Солазер может оказаться таким зеркальцем для всей Квинты. Ведь он будет давать вспышки более яркие, чем солнце. Их заметит каждый, кто удосужится поднять голову.

— Отец Араго, — проговорил Стиргард, наклонившись к нему через стол, — блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное. Вы побили меня. Мне досталось сильнее, чем GOD'у от нашего пилота... Как это пришло вам в голову?

— Я играл с зеркальцами в детстве, — с улыбкой сказал доминиканец, — а GOD никогда не был ребенком.

— Как способ передачи информации это великолепно, вмешался Накамура. — Но смогут ли они ответить? Если поймут.

— До зачатия было благовещение, — возразил Араго. — Может быть, они и не сумеют ответить так, чтобы мы их поняли. Пусть по крайней мере они ясно поймут нас.

Темпе, который смотрел на монаха с нескрываемым восхищением, не мог дольше молчать.

— Это поистине «эврика!»... но есть ли у них зеркала? Ведь зеркала не конфискуются и во время войны...

Монах, казалось, не слышал, что-то мучило его. Тихо, медленно произнося слова, он сказал:

— У меня есть просьба. Я хотел бы обменяться несколькими словами с вами с глазу на глаз — если вы согласны и остальные не будут возражать.

— Хорошо. Одолжим эту идею у отца Араго. Коллега Накамура, нужно будет произвести доработку, чтобы солазер мог сканировать Квинту, но кроме оптических проблем здесь возникает информационная. Такая сигнализация предполагает адресатов с элементарным образованием.

Когда физик и пилоты вышли, Араго встал.

— Прошу простить мне то, что я сказал вначале. Я пришел в уверенности, что застану вас одного, астрогатор. На затею с зеркальцами я не смотрю слишком оптимистично. Ее можно было бы изложить и перед менее высоким руководством. Как предложение неспециалиста для оценки людьми компетентными. Такая сигнализация может провалиться или бросить нас из огня да в полымя. Уже в своей основе замысел слишком антропоцентричен. Вы ведь сначала почувствовали гнев, обиду, а потом облегчение.

— Скажем, так. Но к чему вы клоните?

— Не к духовному утешению. Для того чтобы разработать технические аспекты этой попытки, вам и другим специалистам придется воспользоваться услугами GOD'a.

— Разумеется. Он сделает расчеты и тому подобное. Что здесь такого? Составит программу. Сделает то, что лежит в границах возможного. Не считаете же вы, что он — *advocatus diaboli*?

— Нет. И я не явился сюда как *doctor angelicus*. Мне кажется, я не должен заверять вас, что я — христианин?

Стиргард снова почувствовал себя захваченным врасплох таким поворотом разговора.

— И все-таки к чему вы клоните? — повторил он.

— К теологии. Чтобы вы могли меня лучше понять, я изложу ее в словах не просто светских, но в моих устах даже святотатственных. Я оправдываюсь перед своей совестью только беспрецедентной ситуацией. Язык физики вам ближе, чем герменевтика религиоведения. В переводе на язык понятий физики разные ипостаси Божественного соответствуют разным спектральным линиям материи, вездесущей и той же самой во всей Вселенной. Приняв такое сравнение, можно сказать, что кроме спектра тел существует

спектр вер. Он простирается от анимизма, тотемизма, поли-теизма вплоть до веры в личного Бога. Земная линия моей веры истолковывает его как семью, одновременно человеческую и божественную. Известны ли вам теологические споры, вызванные проектом SETI, — особенно с тех пор, как поиски Иных породили эту экспедицию?

— Правду говоря, нет. Вы считаете, что я должен был знать их?

— Пожалуй. Для меня, однако, это было обязанностью. В моей Церкви точки зрения разошлись. Одни утверждали, что испорченность природы Сотворенных может быть повсеместной и эта повсеместность выходит за рамки земного понятия «*katholicos*»*. Что возможны миры, в которых дело не дошло до Искупительной Жертвы, и потому они осуждены. Другие считали, что спасение как выбор между Добром и Злом, данный милостью Божьей, явилось повсюду. Этот спор создал угрозу для Церкви. Организаторы и участники экспедиции были поглощены своей работой Их не волновали сенсации, увеличивающие тиражи газет. Преступления и секс к тому времени уже несколько поблекли, а экспедиция «Эвридики» дала пищу для газетных шуток, достигавших эффекта тем, что выражение «*credo quia absurdum*»** приобретало множитель, достаточно эффективно компрометирующий этот постулат. Представьте себе тысячи планет с множеством райских яблок там, где нет яблонь; оливок, которых и Сын Божий не проглотит, потому что там не растут оливковые деревья; дивизии пилатов, умывающих руки в миллиардах сосудов; леса распятий, толпы иуд, непорочные зачатия у существ, сама физиология размножения которых исключает такое понятие, поскольку они обходятся без копуляции, — одним словом, перемножение евангелий на множество ветвей всех галактических спиралей делало наше кредо карикатурной пародией на веру. Из-за этих арифметических фокусов Церковь утратила многих верующих. Почему это не коснулось меня? Потому, что христианство требует от человека больше, чем можно требовать. Требует не только прекращения жестокости, подлости и лжи. Оно тре-

---

* Вселенский (*греч.*).

** Верю, потому что нелепо (*лат.*).

бует любви, обращенной к извергам, лжецам, палачам и тиранам. *Ama et fac quod vis** — этой заповеди ничто не уничтожит. Прошу не удивляться такой проповеди на борту такого корабля. Моя обязанность — смотреть дальше, чем простираются шансы экспедиции, которая должна столкнуться друг с другом чуждые разумы. Ваши обязанности — другие. Попробую это объяснить. Если бы вы стояли в переполненной спасательной лодке, а тонущие, для которых не осталось места, хватались бы за борта, из-за чего лодка могла бы перевернуться, вы обрубили бы им руки. Правда?

— Боюсь, что так. Если бы не было другого спасения.

— В этом разница между нами. Это значит, что вы не отступите.

— Это правда. Я понимаю притчу с лодкой. Я не буду ждать, пока она затонет. Буду пытаться спасти эту цивилизацию всеми силами, которые у меня есть.

— И при необходимости геноцидом?

— Да.

— Таким образом, мы вернулись к исходному пункту. Мне удалось отсрочить эту неизбежность. Ничего больше. Не так ли?

— Так.

— И вы готовы спасти жизнь, лишая жизни?

— В этом, собственно, и заключается смысл вашей притчи, отец Араго. Я выбираю меньшее зло.

— Становясь убийцей?

— Я не отвергаю этого определения. Возможно, что я никого не спасу. Что погублю и нас, и их. Но я не умою руки. Если мы погибнем, «Эвридика» получит известие. Известие о состоянии дел и о том, что я исключаю отступление, что я уже двинулся вперед.

— В моей эсхатологии нет меньшего или большего зла, — сказал Араго. — С каждым убитым существом гибнет целый мир. Поэтому арифметикой нельзя измерять этику. Неотвратимое зло находится за пределами меры. — Монах встал. — Не стану больше отнимать у вас время. Может быть, вы хотите продолжить разговор, который я прервал?

— Нет. Хочу остаться один.

---

* Люби и делай что хочешь (лат.).

СКАЗКА

Перегородки, разделявшие оба зала в корме «Гермеса», были убраны. Их стальные плоскости ушли в среднюю часть корабля, и только широкие следы подвижных опор, темнеющие на светлом фоне металла цилиндрических стен, показывали, где они были недавно, так что огромное помещение напоминало ангар, который изменил свое назначение, после того как из него вывели необыкновенной величины цепелин. На высоте примерно двадцати этажей над следами втянутых перегородок, вблизи от выпуклого свода, словно две белые мушки, присевшие на шпангоуте, проходящем поперек, от штирборта до бакборта, висели пилоты, Гаррах и Темпе, прицепившись карабинами своих поясов, чтобы в невесомости сквозняк не сдул их с выбранного места. Трудно было сказать, куда они, собственно, смотрели, но им казалось, что вниз. В гигантском безлюдном помещении шла мерная, быстрая, неустанная работа. Блестевшие эмалью желтые, голубые, черные автоматы, попеременно поворачивая свои захваты вбок и вперед, словно в абсолютно синхронной гимнастике, делали наклоны, оборачивались назад, к другим, подававшим своими клешнями детали для монтажа. Они строили солазер.

Это была ажурно-решетчатая конструкция размером с эсминец. Наполовину готовый ее скелет выглядел как сложенный, спирально закрученный зонтик великана, обтянутый вместо ткани сегментами перекрывающих друг друга зеркальных чешуек. Поэтому он вызывал ассоциации с допотопной рыбой или каким-то вымершим подводным гадом, костяк которого машины складывали, словно палеонтологи. В удаленной от пилотов передней части, там, где на туловище колосса должна была находиться голова, сверкали тысячи искр в струйках синего дыма — на ободах преобразователя шла лазерная сварка.

Солазер был задуман как фотонный излучатель, работающий на солнечной энергии; сейчас срочно перепрограммированный комплекс монтажных машин переделывал его в зеркальце для пуска солнечных зайчиков. Правда, тераджоулевой мощности.

Концепция эта возникла сначала из-за опасения физи-

ков, что, воспользовавшись снова сидеральной технологией с ее специфическими гравитационными — и не только гравитационными — эффектами, они могут выдать планете нежелательные сведения, которые подведут тамошних оружейных мастеров вплотную к пределу Голенбаха. Поэтому вместо источников, использующих это явление, они решили обратиться к несколько устаревшей технике — преобразователям излучения. Повиснув перед диском солнца, солазер должен был распахнуться, словно веер, и обращенными к солнцу поглотителями всасывать его хаотическое, всеволновое излучение и сжимать его в монохроматический таран. Почти половина воспринимаемой мощности служила солазеру для охлаждения, без которого он тут же испарился бы от солнечного жара. Но оставшейся эффективной мощности хватало, чтобы столб направленного света диаметром двести метров на выходе излучателя, расширившись втрое из-за неизбежного рассеивания на пути до Квинты, мог резать ее кору, как раскаленный нож — масло. Под этим дальнобойным огненным острием десятикилометровый слой океанской воды разверзся бы до дна. Напор вод, рвущихся со всех сторон в пропасть испаряющегося кипятка, был бы неощутим для светового меча. Сквозь облака, вздымающиеся из кипящего океана, по сравнению с которыми гриб термоядерного взрыва показался бы капелькой, солазер мог врыться в подокеанскую плиту, просверлить литосферу и проникнуть в глубь Квинты на четверть ее радиуса. Но никто не собирался вызывать такую катастрофу. Солазер должен был только чиркнуть по ледяному кольцу и термосфере планеты. Поскольку и от этого пока отказались, можно было переделать световое осадное орудие в сигнализатор. Эль Салам и Накамура хотели путем незначительной доделки решить сразу две задачи. Нужно было довести разборчивый сигнал до всех адресатов одновременно. Очевидным условием такого контакта, хотя бы и одностороннего, было допущение, что планета населена существами, наделенными зрением, а также достаточным интеллектом, чтобы понять суть послания.

Первое условие не зависело от авторов послания. Они не могли одарить глазами незрячие существа. Другое же требовало от передающей стороны недюжинной изобретательности, учитывая, что квинтянские власти явно противились не-

посредственному контакту незваных гостей из Космоса с населением. Сигнал должен был упасть световым дождем на все континенты планеты, пробив густую пелену туч, причем сплошная облачность была даже выгодна, потому что прошивающие ее световые иглы никому и в голову бы не пришло счесть за солнечные лучи.

Самом крепким орешком была суть сообщения. Учить азбуке, посылать какие-то цифры, универсальные физические постоянные материи было бы бессмысленно. Солазер ожидал в кормовом зале, готовый к старту. Но не трогался в путь. Физики, информатики, экзобиологи зашли в тупик. У них было все, кроме программы. Саморазъясняющихся кодов не бывает. Говорили и о цветах радуги: фиолетовые и черные ультрафиолетовые цвета печальны, средние оптические полосы светлее — зелень, растения, то есть буйная жизнь; красный ассоциируется с агрессивностью — но это у людей. Кода же, как ряда что-то означающих конкретных сигнальных единиц, из полосок спектра не создашь. Тогда второй пилот внес свою лепту. Надо рассказать квинтянам сказку. Использовать облачное небо как экран. Спроецировать на него серию изображений. Над каждым континентом. Как позже выразился присутствовавший при этом Араго, *obsturegunt omnes**. Специалисты и вправду остолбенели.

— Технически это возможно? — спросил Темпе.

— Технически — да. Но стоит ли? Представление на небесах? Но чего?

— Сказки, — повторил пилот.

— Идиотизм, — разозлился Кирстинг, который двадцать лет посвятил изучению космолингвистики. — Может быть, с помощью рисунков ты передал бы что-нибудь пигмеям или аборигенам Австралии. Все человеческие расы и культуры имеют какие-то общие черты. Но там же нет людей!

— Не важно. У них техническая цивилизация, и они уже воюют в Космосе. Это значит, что до того они прошли каменный век. И тогда уже воевали. И эпохи оледенений были на этой планете, когда они еще не строили ни домов, ни вигвамов. Значит, наверняка сидели в пещерах. А для того, чтобы им повезло, на стенах рисовали знаки плодородия и

---

* Все обмерли (лат.).

животных, на которых они охотились. Как заклинания. Или сказки. Но о том, что это сказки, они узнали несколько тысяч лет спустя от ученых. Таких, как доктор Кирстинг. Хотите пари, что они знают, что такое сказки?

Накамура рассмеялся первым. За ним остальные, кроме Кирстинга. Экобиолог и космолингвист в едином лице не принадлежал, однако, к людям, которые защищают свое мнение любой ценой.

— Трудно сказать... — Он колебался. — Если эта идея не кретинская, то гениальная. Допустим, что мы покажем им сказку. Но какую?

— А это уже не моя забота. Я не палеоэтнолог. А что касается замысла, то он не совсем мой. Доктор Герберт еще на «Эвридике» дал мне том фантастических рассказов. Я время от времени заглядывал в него. Наверное, оттуда и забрела мне в голову эта идея...

— Палеоэтнография?... — вслух думал Кирстинг. — Смутно представляю себе. А вы?

Такого специалиста на корабле не оказалось.

— Может быть, в памяти GOD'а что-нибудь есть... — сказал японец. — Так, наугад стоит поискать. Но не сказки. Это должен быть миф. А вернее, общий элемент, мотив, фигурирующий в самых древних мифах.

— Дописьменной эпохи?

— Разумеется.

— Да. С самого начала их пракультуры, — согласился Кирстинг. Его даже увлекла эта идея, но он тут же спохватился: — Подождите. Мы должны явиться им в качестве богов?

Араго возразил:

— Это было бы затруднительно, собственно, потому, что не наше превосходство мы должны им показать и не нас самих. Речь идет о возвещении добра. О благой вести. Во всяком случае, такой смысл я вкладываю для себя в предложение. нашего пилота, поскольку сказки обычно хорошо кончаются.

Так начались обсуждения двоякого рода: попытки решить, какие общие черты могли иметь Земля и Квинта — черты жизненной среды, а также развившихся в ней растений и животных, — и одновременно просеивание собраний

легенд, мифов, преданий, ритуалов и обычаев, для того чтобы выделить наиболее устойчивые, смысл которых не могли стереть тысячелетия сменяющихся исторических эпох.

В первой группе вероятных постоянных оказались: наличие двух полов, обычное у позвоночных; питание животных, а также разумных существ на суше; смена дня и ночи, а значит, луны и солнца, а также холодных и теплых времен года; существование травоядных и плотоядных, то есть пожираемых и пожирающих, добычи и хищников — ибо повсеместное вегетарианство можно считать весьма маловероятным. А если так, то в протокультуре будет охота, каннибализм — явление вполне возможное, хотя и не безусловно; так или иначе, охота становится общим фактором, поскольку, согласно теории эволюции, она способствует росту разума.

Гипотеза о том, что первичные человекообразья прошли через кровавый естественный отбор и это стало причиной роста массы мозга, встретила некогда решительный отпор как инсинуация, оскорбление человечества, мизантропическое измышление сторонников естественной эволюции, более обидное, чем провозглашаемое ими же родство людей и обезьян.

Археология, однако, подтвердила эту теорию, собрав неопровержимые доказательства в ее пользу. Правда, плотоядность не приводит всех хищников к интеллекту; чтобы это произошло, должно осуществиться множество особых условий. Мезозойским хищным пресмыкающимся было далеко до разумности, и нет указаний на то, что они дошли бы до разума, подобного человеческому, если бы их не истребила катастрофа на стыке мелового и триасового периодов, вызванная гигантским метеоритом, который разорвал цепи питания глобальным охлаждением климата. Присутствие разумных существ на Квинте не подлежало сомнению. Но произошли они от местных пресмыкающихся или от вида, не появлявшегося на Земле, не имело значения. Важен был тип их размножения. Но даже если квинтяне не принадлежали ни к плацентарным млекопитающим, ни к сумчатым, на наличие у них двух полов указывала генетика: биологическая эволюция дает преимущество именно этой системе размножения. То, чем наделяет потомство чисто биологи-

ческий тип передачи, заключенный в половых клетках, еще не дает шанса культурогенезу, ибо при этом способе передачи видовые признаки меняются в темпе, рассчитанном на миллионы лет. Ускоренный рост массы мозга требует ограничения инстинктов, наследуемых биологически, и роста роли обучения, получаемого от соплеменников. Существо, которое является на свет, зная благодаря генетической программе «все или почти все» необходимое для выживания, может действовать избирательно, но не в состоянии в корне изменять жизненную тактику. А того, кто с этим не справляется, нельзя считать разумным.

Значит, и здесь у истоков было наличие двух полов, была неизбежно и охота, и вокруг этих первопричин разрасталась протокультура. Таков двучленный зачаток и корень.

А в чем он проявляется и как отпечатывается в протокультуре? В том внимании, которое уделяется этим корням: полу и охоте. Еще до возникновения письменности, до выработки незвериных приемов пользования телом, та ловкость, которой требует охота, переносится из реальных эпизодов в их образы; еще не как символы — как магическое приглашение Природе, чтобы она дала желаемое. Это пока еще просто изображения, их рисуют, потому что можно их нарисовать; точно так же вытесывается из камня подобие того, что можно вытесать и что хочется получить для себя.

И так далее. GOD начал с этих основных положений и выполнил поставленное задание: адаптировать, опираясь на отношения полов и на охоту, миф, конкретизированный в виде картин, — рассказ, послание, зрелище с актерами: солнцем, танцем на фоне радуг, но это в эпилоге, а в начале была борьба. Кого с кем? Неопределенных фигур, но явно прямоходящих. Одинаковых. Нападение и борьба, кончающиеся общим танцем.

Солазер повторял это «всепланетное зрелище» в нескольких вариантах в течение трех суток с короткими перерывами, означающими конец и начало, причем фокусировка была такой, что изображение появлялось в поле зрения, ограниченном центральной областью облачных экранов над каждым континентом ночью и днем. Гаррах и Полассар отнеслись к проекции скептически. Допустим, они увидят и даже поймут. Что из того? Разве мы не разбили их луну? Это было

менее радостное представление, но более доходчивое. Допустим даже, что они сочтут это за знак мирных намерений. Кто? Население? Но имеет ли вообще значение мнение населения во время столетней космической войны? Разве на Земле пацифисты когда-нибудь брали верх? Что они могут сделать, чтобы подать голос — если не нам, то хотя бы своим владыкам? Убеди детей, что война — бяка. И что из этого выйдет?

Тем временем Темпе вместо удовлетворения от реализации своей идеи чувствовал какое-то парализующее беспокорство. Чтобы избавиться от этого ощущения, он отправился на прогулку по кораблю. «Гермес» был, собственно, безлюдным гигантом — жилая часть вместе с отсеком управления и лабораториями занимала ядро, не большее, чем шестизэтажный дом. Там были еще кроме пульта управления энергетикой госпитальные помещения, небольшой зал заседаний, которым не пользовались, под ним — кают-компания с автоматической кухней, а дальше — зона отдыха, зал тренажеров, плавательный бассейн, наполняемый только тогда, когда корабль давал такую возможность, двигаясь с достаточной тягой, иначе вода вылетала бы в воздух каплями размером с воздушный шарик; был также полуовальный амфитеатр, предназначенный для развлечений и зрелищ, в котором также не бывало ни единой души. Все эти удобства, так заботливо приготовленные строителями корабля для экипажа, оказались пятым колесом в телеге. Кому пришлось бы в голову смотреть, к примеру, изысканнейшие голографические представления? Для команды эта часть средних палуб как бы не существовала — может быть, и потому, что события последних месяцев делали нелепой саму мысль о пользовании ими. Зрительный зал и бассейн были отлично продуманы архитекторами — как и развлекательный уголок: там не были забыты ни бар, ни павильоны, как в луна-парке маленького городка. Все это должно было создавать иллюзию земной жизни, однако тут, как утверждал Герберт, проектировщики забыли посоветоваться с психологами. Иллюзия, в которую невозможно верить, воспринимается как издевательство, и вовсе не в ту сторону направлялся Темпе, выбрав маршрут для прогулки.

Пространство между ядром и наружным панцирем корабля, где проходили бимсы и шпангоуты, было разгорожено на отсеки, в которых размещался легион работающих и отдыхающих агрегатов. В это пространство можно было войти через герметические люки, расположенные на противоположных концах корабля: на корме — за санитарными помещениями, а с носа — из коридора верхней рулевой рубки. Вход в кормовой отсек закрывали наглухо запертые и накрест заклиненные задвижками ворота, над которыми всегда горели красным предостерегающие надписи — там, в недоступных для людей камерах, в кажущейся мертвенности покоились сидеральные преобразователи, колоссы, подвешенные в пустоте, как легендарный гроб Магомета, на невидимых магнитных растяжках. За носовой люк, напротив, можно было проникнуть — и как раз туда направлялся пилот. Ему нужно было пройти через рубку, и там он застал Гарраха, занятого манипуляциями, которые в других обстоятельствах могли бы вызвать смех: Гаррах был на дежурстве, ему захотелось выпить сока из банки, он слишком энергично открыл ее и теперь, плывя наискось к потолку, гнался с соломинкой во рту за желтым шаром апельсинового сока, слегка колеблющимся, как большой мыльный пузырь, чтобы всосать его — и быстро, прежде чем сок облепит лицо. Открыв дверь, Темпе задержался, чтобы волна воздуха не разбила шар на тысячи капель, подождал, пока охота Гарраха не завершилась удачей, и только потом ловко оттолкнулся и полетел в нужном ему направлении.

Обычная координация движений ни к черту не годится при невесомости, однако старый опыт вполне вернулся к нему. Ему уже не надо было раздумывать, как закрепить ноги, подобно альпинисту в скальном «камине», чтобы открутить оба винтовых запорных колеса люка. Новичок на его месте сам бы завертелся на месте, пытаясь повернуть эти колеса со спицами — вроде тех, которыми снабжаются банковские сейфы. Он быстро закрыл за собой люк, потому что воздух, заполняющий носовой отсек, не обновлялся и отдавал горькими испарениями химикатов, как в заводском цеху. Перед ним было сужающееся вдаль пространство, слабо освещенное длинными цепочками ламп, с закрытыми двойной решеткой прорезями в бортовых стенках, и он неспешно

нырнул в его глубину. Привыкая на ходу к горечи на губах и в гортани, он миновал оксидированные корпуса турбин, компрессоров, термогравитаторов, все их галерейки, площадки, лесенки, ловко облетая гигантские трубопроводы, выступающие, словно арочные пролеты у резервуаров воды, кислорода, гелия, — толстостенные, с широкими воротниками фланцев, стянутыми венцами болтов, пока не уселся на одном из них, словно мушка. И в самом деле, он был мушкой внутри стального кита. Любой резервуар здесь был выше колокольни. Одна из ламп, видимо перегорающая, мерно мигала, и в этом колеблющемся свете выпуклости резервуаров то темнели, то прояснялись, будто посеребренные. Он хорошо ориентировался здесь. Из отсека запасных емкостей поплыл вперед, туда, где в массивных выгородках средних этажей сияли в блеске собственных ламп ядерноспиновые агрегаты, подвешенные к мостовым кранам, с заглушенными жерлами. На него повеяло резким холодом от покрытых инеем гелиопроводов криотронных установок. Мороз был так силен, что он поспешно воспользовался ближайшим поручнем, чтобы не прикоснуться к этим трубам и не примерзнуть к ним, как муха, попавшая в паутину. Ему нечего было тут делать, и потому он чувствовал себя словно на экскурсии: он даже испытывал некоторое удовлетворение от этого мрачного безлюдья корабля, свидетельствующего о мощи. В донных трюмах помещались закрепленные самоходные экскаваторы, тяжелые и легкие погрузчики, а дальше рядами стояли контейнеры — зеленые, белые, голубые — для инструментов, для ремонтных автоматов, а у самого носа — два большехода с огромными вращающимися колпаками вместо голов. Случайно, а может быть, и умышленно он попал в сильный поток воздуха, вырывающегося из нагревательных решеток вентиляции, и его сдуло к бакбортовым шпангоутам внутреннего панциря, похожим на мостовые фермы. Он ловко использовал полученный импульс, чтобы оттолкнуться, хотя сделал это, может быть, слишком сильно. Как прыгун с трамплина, полетел головой вперед, наискось, медленно вращаясь, к поручням крытой листовым металлом носовой галереи. Ему нравилось это место. Он сел на поручень — скорее притянул себя к нему обеими руками, — и теперь перед ним открылся миллион кубометров носовых ко-

рабельных трюмов; далеко вверху светились три зеленые лампочки над люком, через который он вошел. Под ним — во всяком случае, под его ногами, которые, как всегда в невесомости, казались чем-то неудобным и лишним, — находились автоматические подушечники, закрепленные на сложенных сейчас спусковых пандусах, и огромная крышка входа в стартовый туннель, напоминающий ствол орудия ужасающего калибра. Но едва он перестал двигаться, его снова охватило то же самое беспокойство, какая-то непонятная опустошенность, неизвестно откуда взявшееся странное ощущение — тщетности? сомнения? страха? Чего ему было бояться? Сейчас, в этот момент, даже здесь он не мог избавиться от незнакомой ему до сих пор внутренней скованности. Он по-прежнему ощущал это огромное тело, которое несло его, как мелкую частицу своей мощи, сквозь вечную бездну, — полное силы, вибрирующей в реакторах сверхсолнечным жаром, оно было для него Землей, ее разумом, сжатым в энергию, взятую у звезд. Земля была здесь, а не в жилых помещениях, с их глупым уютом и комфортом — словно для пугливых детей. Он чувствовал за спиной панцирь, его четыре слоя, разделенные энергопоглощающими камерами, заполненными веществом, твердым при ударе, как алмаз, но обладающим специфической плавкостью: оно могло самозатягиваться при повреждениях, ибо корабль, словно организм, одновременно мертвый и живой, обладал полезной способностью к регенерации. И тут, как в озарении, он нашел слово, определение своего теперешнего состояния: отчаяние.

Часом позже он пошел к Герберту. Его каюта, удаленная от других, находилась в конце второго межпалубного отсека. Врач выбрал ее за простор и окно во всю стену, выходявшее в оранжерею. В ней росли только мхи, трава и бирючина, а по обе стороны гидропонического бассейна зеленели волосатые, с серым отливом шары кактусов. Деревьев не было, только кусты орешника, потому что их прутья могли переносить большие перегрузки во время полета. Герберт ценил эту зелень за окном и называл ее своим садом. Из коридора можно было войти туда и прогуляться по дорожкам — конечно, только при гравитации; к тому же недавняя встряска, вызванная ночной атакой, произвела там немалые опусто-

шения. Герберт, Темпе и Гаррах спасали потом что могли из поломанных кустов.

Согласно решению, принятому экспертами SETI во время подготовки экспедиции, GOD наблюдал за поведением всех людей на «Гермесе», чтобы определять их психическое состояние, и это ни для кого не было тайной.

Необходимо было знать, не наступят ли при долговременном стрессе, которому будут подвергаться предоставленные самим себе люди, отклонения от нормы, типичные для психодинамики групп, годами отрезанных от обычных семейных и социальных связей. В подобной изоляции может поддаться нарушениям даже личность, ранее абсолютно уравновешенная и защищенная от душевных травм. Фрустрация переходит в депрессию или в агрессивность, а те, с кем это происходит, почти никогда не отдают себе в этом отчета.

Присутствие на борту врача, хорошо разбирающегося в психологии и нарушениях психики, не гарантирует выявления патологических явлений, поскольку он также может поддаться стрессам, непосильным для самого мужественного характера. Врачи ведь тоже люди. Машинная же программа, напротив, отличается устойчивостью и будет полезна как объективный диагност и невозмутимый наблюдатель, даже если произойдет катастрофа и корабль должен будет погибнуть.

Правда, эта защита разведчиков от коллективного сумасшествия несла в себе угрозу непреодолимого противоречия. GOD все-таки должен был выполнять функции одновременно подчиненного и руководителя команды, выполнять приказы и следить за психическим состоянием приказывающих. Тем самым он получал статус послушного орудия и категоричного начальника. От его постоянного надзора не освобождался даже командир. Вся загвоздка была в том, что осознание того факта, что существует наблюдение, которое обязано вовремя обнаружить психические травмы, само было своеобразной травмой. Но от этого средств уже не было. Если бы GOD выполнял эту функцию втайне от людей, он вынужден был бы раскрыть ее, уведомив их о выявленной аберрации, и такое сообщение стало бы не психотерапией, а шоком. Этот порочный круг как будто удался

разорвать, создав перекрестную обратную связь между ответственностью людей и компьютера. Он передавал свои диагнозы, когда считал это необходимым, в первую очередь командиру и Герберту, не проявляя в дальнейшем никакой инициативы. Ясное дело, никто не встретил этого компромисса с энтузиазмом, но никто также, включая и духоведческие машины, не нашел лучшего выхода из дилеммы. GOD, компьютер последнего поколения, не был подвержен эмоциям; он был поднятым до уровня величайшей мощи экстрактом рационального действия, без примеси аффектов или инстинкта самосохранения; он не был развитым при помощи электроники человеческим мозгом, не имел никаких черт, которые принято называть личностными, характерологическими, никаких страстей, если не считать страстью стремление к получению максимума информации — но не власти. Первые изобретатели машин, усиливающих мощь не мускулов, но мысли, поддались иллюзии, которая одних притягивала, а других ужасала: они-де вступают на путь такого увеличения разумности в мертвых автоматах, что те сначала уподобятся человеку, а затем, также на человеческий манер, превзойдут его. Потребовалось несколько десятков лет, чтобы их последователи убедились, что отцы кибернетики и информатики слишком увлеклись антропоцентрической фикцией: ведь человеческий мозг есть дух в машине, которая не является машиной. Составляя с телом неразрывную систему, мозг одновременно служит ему и им же обслуживается. Если бы кому-то захотелось так очеловечить автомат, чтобы он в психическом отношении ничем не отличался от людей, то успех при всем его совершенстве оказался бы абсурдом. По мере неизбежных доработок и усовершенствований очередные образцы в действительности станут все более похожи на людей и одновременно сделаются все более бесполезными, от них все меньше можно будет добиться той пользы, какую приносят, к примеру, гига- или терабитовые компьютеры высших поколений. Единственной разницей между человеком, рожденным от отца и матери, и максимально очеловеченной машиной будет только строительный материал — в первом случае живой, а во втором — мертвый. Очеловеченный автомат будет таким же сообразительным, но и таким же ненадежным, ущербным и руководимым в своем

интеллекте эмоциональными мотивами, как человек. В качестве виртуозного подражания естественной эволюции, увенчанной антропогенезом, это будет превосходным достижением инженерной мысли и вместе с тем — курьезом, с которым неизвестно, что делать. Это будет выполненная из небиологического сырья великолепная подделка под живое существо типа позвоночных, класса млекопитающих, отряда приматов, живородящее, двуногое, с двуполушарным мозгом, потому что именно путем симметрии в формировании позвоночных пошла эволюция на Земле. Неизвестно, однако, какую выгоду из этого гениального плагиата могло бы извлечь человечество. Как заметил один из историков науки, это напоминало бы ситуацию, в которой удалось бы при колоссальных капиталовложениях и теоретических разработках построить фабрику, вырабатывающую шпинат или артишоки, способные к фотосинтезу, как все растения, и ничем не отличающиеся от настоящего шпината или артишоков, кроме того что они несъедобны. Такой шпинат можно было бы показывать на выставках и похвалиться мастерством синтеза, но нельзя было бы съесть, и тем самым весь труд, вложенный в его производство, оказался бы поистине безумной затеей. Первые проектировщики и сторонники «машинного разума» сами, вероятно, не знали, к чему они стремятся и на что надеются. Разве дело в том, чтобы можно было разговаривать с машиной, как с посредственным или даже с очень умным человеком? Это можно сделать, но неужели тогда, когда численность человечества достигла четырнадцати миллиардов, самой срочной потребностью оказалось искусственное производство умственно человекообразных машин? Короче говоря, компьютерный разум все отчетливее расходился с людским, помогал ему, продолжал, дополнял его, содействовал в решении задач, непосильных для человека, и поэтому не имитировал его и не повторял. Пути решительно разошлись.

Машина, запрограммированная так, чтобы никто, включая и ее творца, не мог отличить ее при интеллектуальном контакте от домохозяйки или от профессора международного права, является их имитатором, неотличимым от обычных людей, пока кто-нибудь не попытается жениться на этой женщине и иметь от нее детей, а профессора пригласить на

завтрак. Если же ему удастся завести от нее детей, а с профессором съесть continental breakfast*, то, следственно, он имеет дело с окончательным стиранием грани между естественным и искусственным — но вот что из того? Можно ли производить искусственные звезды путем сидеральной инженерии, причем абсолютно идентичные космическим? Можно. Непонятно только, зачем понадобилось бы их сотворять. Историки кибернетики признали, что ее праотцам светила надежда разрешить загадку сознания. Конец этой надежде положил успех, достигнутый в середине XXI века, когда компьютер тридцатого поколения, необычайно разговорчивый, интеллигентный и смущающий собеседников своим умственным человекоподобием, спросил их однажды, знают ли они, что такое сознание в том смысле, который обычно придают этому определению, ибо он сам этого не знает. Это был компьютер, способный к самопрограммированию, и, выбравшись из начальных условий, как дитя из пеленок, он настолько развил в себе способность к имитации человека-собеседника, что его никак не удавалось «разоблачить» как машину, которая притворяется человеком, не будучи им. Однако это ни на волосок не приблизило ученых к разгадке тайны сознания, поскольку машина в этом вопросе знала столько же, сколько и люди. Да и как могло быть иначе? Они получили результат действия «самоантропизирующейся» программы, которая знала о сознании то же самое, что и они. Один выдающийся физик, присутствовавший при этой дискуссии, сказал, что машина, которая мыслит так же, как человек, знает о механизме собственного мышления столько же, сколько человек, то есть ничего. Может быть, из ехидства, а может быть, желая подсластить пилюлю, он рассказал разочарованным триумфаторам, что с подобными трудностями столкнулись его коллеги по профессии, когда век назад решили припереть материю к стенке, чтобы она призналась, является ее природа волновой или дискретной. Материя оказалась, увы, коварной: она зловредно запутала результаты экспериментов, в ходе которых выяснилось, что она может быть и такой, и такой, а под перекрестным огнем дальнейших исследований окончательно сбила их с толку,

---

*Континентальный завтрак (англ.).

ибо чем больше о ней узнавали, тем меньше это вязалось не только со здравым смыслом, но и с логикой. Наконец они были вынуждены согласиться с ее признаниями: частицы могут быть волнами, волны — частицами; абсолютный вакуум не является абсолютным вакуумом, потому что в нем полно виртуальных частиц, которые делают вид, что их нет; энергия может быть отрицательной, и, таким образом, энергии может быть меньше, чем ничего; мезоны в пределах гейзенберговской неопределенности проделывают обманные трюки, нарушая священные законы сохранения, но так быстро, что никто их на этом мошенничестве не может поймать. Все дело в том, успокаивал своих собеседников этот выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии, что на вопросы о своей «окончательной сущности» мир отказывается давать «окончательные» ответы. И хотя уже можно действовать гравитацией, как дубинкой, никто по-прежнему не знает, «какова сущность» гравитации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что машина ведет себя так, будто обладает сознанием, но для того, чтобы выяснить, такое ли оно, как у человека, пришлось бы самому переделываться в эту машину. В науке необходима сдержанность: есть вопросы, которые нельзя ставить ни себе, ни миру, а тот, кто их все-таки ставит, подобен тому, кто недоволен зеркалом, которое повторяет каждое его движение, но не желает ему объяснить, каков волевой источник этих движений. Несмотря на это, мы пользуемся зеркалами, квантовой механикой, сидерологией и компьютерами с немалой для себя пользой.

Темпе не раз заходил к Герберту, чтобы побеседовать на подобные темы, а именно об отношении людей к GOD'у. На этот раз он пришел к врачу с тревогой более личного свойства: он не был склонен к откровенничанию даже с человеком, вернувшим ему жизнь, — а может быть, именно потому, словно считал, что обязан ему слишком многим. Он вообще держал при Герберте язык за зубами и остерегался его с тех пор, как на «Эвридике» узнал от Лоджера секрет обоих врачей — не покидающее их чувство вины. К этому визиту подтолкнуло его не само отчаяние, а то, что оно явилось неизвестно откуда, внезапно, как болезнь, и он утратил уверенность, может ли дальше исполнять свои обязанности. Он не имел права это скрывать. Чего стоило ему это реше-

ние, он понял, только открыв дверь: при виде пустой каюты почувствовал облегчение.

Хотя корабль двигался без тяги и в нем царила невесомость, командир приказал всем приготовиться к возможному в любую минуту гравитационному скачку — то есть закрепить подвижные предметы, а личные вещи запереть в стенных шкафах. Несмотря на это, каюта была в беспорядке: книги, бумаги, стопки снимков не были убраны, лишь кое-как зафиксированы, а это не вязалось с обычной, граничившей с педантичностью, аккуратностью Герберта в наведении порядка. Затем Темпе увидел и его самого через огромное окно во всю стену: врач ползал на коленях в своем саду за стеклом, накрывая кактусы пластиковой оболочкой. Объявленную готовность он начал выполнять именно с этого. Темпе через коридор добрался до оранжереи и пробормотал какое-то приветствие. Тот, не оборачиваясь, отстегнул ремень, прижимавший его колени к земле — настоящей земле, — и так же, как гость, поднялся в воздух. В другом конце сада по наклонной сетке вились растения с мелкими, похожими на мох листьями. Темпе уже не однажды хотел спросить, как эти выюнки называются — он не смыслил в ботанике, — но каждый раз забывал. Врач, не говоря ни слова, бросил лопатку так, что она воткнулась в газон, и воспользовался импульсом, который себе придал, чтобы потянуть за руку пилота. Оба отлетели в угол, где в гуще орешника стояли плетеные кресла, вроде садовых, но снабженные поясами безопасности.

Пока они усаживались и Темпе думал, с чего начать, врач сказал, что уже ожидал его. Тут нечему удивляться: «GOD видит всех».

Данные о психическом состоянии получают не прямо от машины, а через врача, чтобы избежать синдрома Хикса — чувства полной зависимости от главного бортового компьютера, которое может привести к тому, чему и должен воспрепятствовать психиатрический надзор. К мании преследования и к другим параноидальным явлениям. Кроме психоников, никто не знает, в какой степени каждый человек «психически прозрачен» для следящей программы, так называемого духа Эскулапа в машине. Нет ничего проще, чем спросить, об этом у них, однако установлено, что даже психоники

плохо переносят такие откровения, когда им говорят о них самих, и уж тем более плохо влияет это на дух команды во время дальних полетов.

GOD, как любой компьютер, запрограммирован так, чтобы в нем не могла возникнуть ни малейшая черточка личности, и в качестве вечно бодрствующего наблюдателя он, в сущности, — никто, и в нем, когда он ставит диагноз, не больше человеческого, чем, к примеру, в термометре, когда им, измеряют жар, однако определение температуры тела никогда не возбуждает таких направленных вовне защитных рефлексов, как измерение психического состояния. Ничто так нам не близко и ничего мы так тщательно не скрываем от окружающих, как интимнейшие переживания собственного сознания, — и вдруг оказывается, что аппаратура, более мертвая, чем египетская мумия, может просматривать это сознание со всеми его закоулками насквозь. Для профанов это выглядит чем-то вроде чтения мыслей. Но здесь нет и речи о телепатии — попросту машина знает каждого подопечного лучше, чем он сам с двадцатью психологами, вместе взятыми. Опираясь на исследования, проведенные перед стартом, она создает в себе систему параметров, имитирующую психическую норму каждого члена экипажа, и оперирует ею, как образцом; к тому же она вездесуща на корабле благодаря сенсорам своих терминалов и, пожалуй, больше всего узнает о наблюдаемых, когда они спят, — по ритму дыхания, рефлекторному движению глазных яблок и даже по химическому составу пота, потому что каждый потеет неповторимым образом, а с ольфактором такого компьютера не мог бы равняться никакой гончий пес. Ведь у собаки нет диагностического образования в дополнение к нюху. Однако хотя компьютеры наголову победили врачей, как и всех шахматистов, мы пользуемся ими только как помощниками и не даем им функций докторов медицины, потому что люди внушают людям больше доверия, чем автоматы. Одним словом — Герберт говорил это не спеша, растирая в пальцах сорванный с орешника листок, — GOD сопровождал пилота незаметно в его «экскурсиях» и счел последние проявлением кризиса.

— Какого еще «кризиса»? — не выдержал пилот.

— Он так называет сомнение в целесообразности наших сизифовых трудов.

— То есть что у нас нет шанса на контакт?..

— Как психиатр GOD не интересуется шансами контакта, а только тем значением, которое мы им придаем. По его мнению, ты уже сам не веришь ни в действительность твоего замысла — того, со «сказкой», — ни в смысл договариваться с Квинтой, даже если бы до этого дошло дело. Что ты на это скажешь?

Пилот ощутил такое бессилие, будто падал куда-то, оставаясь неподвижным.

— Он нас слышит?

— Разумеется. Ну, не волнуйся. Ведь и так все, что я сказал, тебе известно и самому. Нет, подожди, не говори пока ничего. Ты знал и одновременно не знал, потому что не хотел знать. Это типичная реакция самозащиты. Ты не исключение, мой дорогой. Однажды, еще на «Эвридике», ты спросил меня, зачем все это и нельзя ли от этого отказаться. Помнишь?

— Да.

— Вот видишь. Я объяснил тебе, что по статистике экспедиции с постоянным психическим контролем имеют больше шансов на успех, чем без такого контроля. И даже показал данные этой статистики. Аргумент неопровержимый, но ты сделал одну вещь, которую делают все: спихнул это все в подсознание. Ну, как диагноз? Совпадает?

— Совпадает, — сказал пилот.

Обеими руками он ухватился за ремень на груди. Орешник тихонько шумел над ними от легкого ветерка. Искусственного.

— Не знаю, как это ему удалось, но хватит об этом. Да, это правда. Не знаю, как давно я ношу это в себе... Я... в общем, мышление словами непривычно для меня. Слова для меня как-то... слишком медленны... а ориентироваться я должен быстро... это, наверное, старый навык, еще до «Эвридики»... Мы бьемся головой о стенку. Может быть, и пробьем — и что из того? О чем мы сможем с ними говорить? Что они могут сказать нам? Да, сейчас я уверен, что этот фокус со сказкой пришел мне в голову, как увертка. Для того чтобы оттянуть время. Это не было надеждой, скорее бегством. Чтобы двигаться вперед, стоя на месте...

Он замолчал, тщетно стараясь отыскать нужные слова.

Орешник колыхался над ними. Пилот снова открыл рот, но ничего не сказал.

— А если они согласятся на посадку одного разведчика, полетишь? — спросил после долгого молчания врач.

— Наверняка! — вырвалось у Темпе, и только потом он добавил с удивлением: — А как же? Ведь для этого мы и здесь...

— Это может оказаться ловушкой... — сказал Герберт так тихо, словно хотел утаить свое замечание от вездесущего GOD'а.

Так, по крайней мере, показалось и пилоту, но он сразу же счел это бессмыслицей, а в самом факте такого предположения усмотрел признак собственной ненормальности — теперь он готов приписать GOD'у злой умысел или хотя бы враждебность. Словно против них были не только квинтяне, но и собственный компьютер.

— Это может быть ловушкой, — подтвердил он, как запоздалое эхо. — Наверняка может.

— И ты полетишь, невзирая ни на что?..

— Если Стиргард даст мне шанс. Об этом еще нет и речи. Если они вообще ответят, первыми высадятся автоматы. Согласно программе.

— Согласно нашей программе, — согласился Герберт. — Но у них есть и своя. А?

— Конечно. Они приготовят для первого человека группу детей с цветами и красный ковер. Автоматы они не тронут. Это было бы слишком глупо — с их точки зрения. А нас пытаются поймать в сачок...

— Ты так думаешь — и хочешь лететь?

У пилота дрогнули губы. Он улыбнулся.

— Доктор, я не склонен к мученичеству, но ты путаешь две вещи: то, что думаю я, и то, зачем и кто послал нас сюда. Нет смысла препираться с командиром, когда он отчитывает за глупость. Думаешь, если я не вернусь, он только попросит ксендза помолиться за мою душу? Готов дать голову на отсечение, что он сделает так, как я сдуру подсказал.

Герберт ошеломленно смотрел в его прояснившееся лицо.

— Это был бы ответ — не только чудовищный, но и бессмысленный. Тебя он не воскресит, если ударит, — ведь не

послали же нас сюда для уничтожения чужой цивилизации. Как ты связываешь одно с другим?

Пилот больше не улыбался.

— Я трус, потому что не отважился признаться себе в том, что не верю уже в успех контакта. Но я не настолько труслив, чтобы уклониться от выполнения моего задания. У Стиргарда — свое, и он также от него не отступит.

— Но ты сам считаешь это задание невыполнимым.

— Только если придерживаться установки: мы должны прийти к соглашению, а не сражаться. Они отказались — по-своему. Нападением. И неоднократным. Такой последовательный отказ тоже можно считать пониманием — выражением их воли. Если бы Гадес поглотил «Эвридику», Стиргард наверняка не попытался бы его за это разорвать на куски. Другое дело — Квинта. Мы стучимся в их дверь потому, что этого желала Земля. Если они не отворят, мы высадим эти двери. Может быть, мы не найдем за ними ничего похожего на наши ожидания. Этого, собственно, я и опасуюсь. Но мы взломаем эти двери, потому что иначе не выполним волю Земли. Ты говоришь, доктор, что это было бы чудовищно и бессмысленно? Ты прав. Мы получили задание. Сейчас оно выглядит невозможным. Если бы люди с пещерных времен делали бы только то, что казалось возможным, они до сих пор сидели бы в пещерах.

— Значит, ты все еще надеешься?

— Не знаю. Знаю только, что, если будет нужно, обойдусь без надежды.

Он замолчал и задумался, явно смутившись.

— Ты вытянул из меня то, чего обычно не говорят, доктор... а собственно, я сам без нужды вылез с этим «*Nemo me impune lacessit*» у командира, а он поделом осудил меня, потому что есть обязанности, которые следует исполнять, но не хвалиться ими, ибо тут нечем хвалиться. Что сказал обо мне GOD? Депрессия? Клаустрофобия? Ананкастический комплекс?

— Нет. Это все устаревшие термины. Ты знаешь, что такое коллективный комплекс Хикса?

— Так, взглянул только, на «Эвридике». Танатофилия? Нет, как-то по-другому — что-то вроде самоубийственной отчаянности, так?

— Более или менее. Это много сложнее и шире...

— Он признал меня непригодным к...

— GOD никого не может сместить с должности. Ты, думаю, это знаешь не хуже меня. Может дисквалифицировать своим диагнозом, но не больше. Решение принимает командир, консультируясь со мной, а если кто-то из нас впадет в психоз, командование могут взять на себя оставшиеся члены экипажа. О психозах пока речи не идет. Мне хотелось бы только, чтобы ты не так горячо стремился к этой высадке...

Пилот отстегнул пояс, медленно взлетел и, чтобы искусственный зефир не сдул его, ухватился за ветку орешника.

— Доктор... ты ошибаешься вместе с GOD'ом.

Ток воздуха тянул его так сильно, что весь куст начал гнуться. Не желая выдергивать его с корнями, пилот отпустил веточку и крикнул, подлетая уже к дверям:

— Лоджер на «Эвридике» сказал мне: «Увидишь квинтян», и поэтому я полетел...

Корабль дрогнул. Темпе почувствовал это сразу же: стена оранжереи резко двинулась на него. Он извернулся в воздухе, как падающий кот, чтобы амортизировать удар, соскользнул по стене на грунт, дававший уже твердую опору для ног, и, согнув колени, оценил тяготение. Оно было не слишком сильным. Но во всяком случае, что-то произошло. Коридор был пуст, сирены молчали, но отовсюду доносился голос GOD'а:

— Все на места. Квинта ответила. Все на места. Квинта ответила...

Не дожидаясь Герберта, он вскочил в ближайший лифт. Тот тащился целую вечность, поочередно мелькали огни палуб, пол подпирал его все сильнее. «Гермес» в ускорении уже превысил земное тяготение, но не больше, пожалуй, чем на пол-единицы. В верхней рубке, погрузившись в глубокие гравитационные кресла с поднятыми подголовниками, сидели Гаррах, Ротмонт, Накамура и Полассар, а Стиргард, тяжело опершись на поручень главного монитора, смотрел, как и все, на бегущие по всей его ширине зеленые буквы:

**ГАРАНТИРУЕМ ВАМ БЕЗОПАСНОСТЬ НА НАШЕЙ
НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТОЧКА 46 ГРАДУСОВ
ШИРОТЫ СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ДОЛГОТЫ КОСМО-**

ДРОМ НАШ ПО ВАШЕЙ СЕТКЕ МЕРКАТОРА ТОЧКА СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ УВЕДОМЛЕНЫ ОДОБРИЛИ ПРИБЫТИЕ ВАШИХ ЗОНДОВ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ТОЧКА ПОДАЙТЕ НЕОДИМОВЫМ ЛАЗЕРОМ СРОК ПРИБЫТИЯ ВАШЕГО ПОСАДОЧНОГО АППАРАТА ПО ВРЕМЕНИ ОЗНАЧЕННОМУ ОДНИМ ОБОРОТОМ ПЛАНЕТЫ В ДВОИЧНОЙ СИСТЕМЕ ТОЧКА ЖДЕМ ПРИВЕТСТВУЕМ ТОЧКА

Стиргард еще раз пустил все сообщение на экран для Герберта и монаха, как только они появились. Потом сел в свое кресло, повернувшись к присутствующим.

— Мы получили ответ несколько минут назад с указанного пункта вспышками солнечного спектра. Коллега Накамура, это было зеркало?

— Возможно. Свет некогерентный — через окно в облачности. Если обычное зеркало, то размером по меньшей мере в несколько гектаров.

— Любопытно. Сигналы принял солазер?

— Нет, они были направлены на нас.

— Очень интересно. Какова сейчас угловая величина «Гермеса», видимого с планеты?

— Несколько сотых секунды дуги.

— Еще интереснее. Свет был сфокусирован?

— Был, но слабо.

— Как вогнутым зеркалом?

— Или рядом плоских, соответственно расставленных на большой равнине.

— Это значит, что они знали, где нас отыскать. Но каким образом и откуда?

Все молчали.

— Прошу высказывать мнения.

— Они могли обнаружить нас, когда мы выпустили солазер, — сказал Эль Салам. Темпе не заметил его раньше: физик подал голос из нижней рубки.

— Это было сорок часов назад, и мы шли без тяги, — возразил Полассар.

— Пока оставим это. Кто из вас верит в их честность? Никто? Вот это — самое удивительное.

— Слишком красиво, чтобы быть правдой, — услышал Темпе голос сверху: на галерее стоял Кирстинг. — С другой

стороны, если это западня, они могли бы придумать что-нибудь менее примитивное.

— Что ж, проверим.

Командир встал. «Гермес» шел так ровно, что все гравиметры показывали единицу, словно корабль покоился в земном доке.

— Прошу внимания. Коллега Полассар включил у GOD'a блок программ СГ. Эль Салам погасит солазер и наложит на него маскировку. Где Ротмонт? Отлично — готовишь два тяжелых посадочных аппарата. Пилоты и доктор Накамура останутся в рубке, а я пойду приму душ и сразу вернусь. Да! Гаррах, Темпе, проверьте, хорошо ли закреплено все, что не любит десяти g. Без моего разрешения никто не должен спускаться в навигаторскую. Все.

Стиргард обошел пульты и, увидев, что только пилоты покинули свои места, бросил от двери:

— Врачей попрошу на их посты.

Через минуту рубка опустела.

Гаррах пересел в другое кресло и, бегая пальцами по клавиатуре, проверял на светящихся схемах интероцепторов состояние всех агрегатов от носа до кормы. Темпе сейчас не был нужен, и он подошел к японцу, который просматривал на подсветке спектры квинтянских сигнальных вспышек, и спросил, что такое «блок СГ». Гаррах наострил уши, потому что тоже до сих пор ничего об этом не слышал. Накамура оторвался от бинокуляров и меланхолично покачал головой.

— Отец Араго будет огорчен.

— Мы переходим на военное положение? Что такое СГ? — допытывался Темпе.

— Содержимое килевого трюма уже не является тайной, господа.

— Того, запертого? Так, значит, там не большеходы?

— Нет. Там есть сюрпризы для всех. Даже для GOD'a. Кроме командира и моей скромной особы. — Видя недоумение пилотов, он добавил: — Штаб SETI счел это необходимым, господа пилоты. Каждый из вас прошел имитационную тренировку посадки в одиночку. Тем самым вы могли бы оказаться в ситуации, скажем, заложника.

— А GOD?

— Это машина. Компьютеры последнего поколения тоже

могут подвергнуться взлому, даже дистанционному, и выдать все содержимое программ.

— Но для размещения нескольких отдельных блоков памяти не нужен целый трюм?

— Там нет никаких блоков. Там «Гермес». Нечто вроде макета. Очень красиво и старательно изготовленный. В качестве, скажем так, приманки.

— А эти добавочные программы?

Японец вздохнул:

— Это символы, очень старые. Они ближе скорее вам, чем мне. С — Содом, Г — Гоморра. Прискорбно, особенно для апостольского посланца. Я сочувствую ему.

СОДОМ И ГОМОРРА

Обычно, когда корабль шел на собственной тяге, у всех членов экипажа поднималось настроение; особенно это чувствовалось в кают-компании, ибо можно было хоть за едой забыть о гордиевом узле, который все сильнее затягивался вокруг них. Уже то, что можно сесть за стол, на котором стоят блюда, что можно обычным способом наливать суп в тарелки, а пиво в стаканы, брать соль, класть сахар в чашку с кофе, означало освобождение от процедур, неизбежных в невесомости, которая, как уже тысячу раз говорилось, не только освобождала человека от оков гравитации, но и наделяла его такой специфической свободой, что не только его поведение, но и само его тело при каждом движении превращалось в пошмище. Рассеянный астронавт — это астронавт в синяках и шишках, обливающий себя и свою одежду любым напитком, гоняющийся по каюте за разлетевшимися от него бумагами, а если он окажется в просторном помещении без материалов для «реактивного движения», то станет существом, более беспомощным, чем новорожденный младенец, ибо невозможно вылезти по воздуху из подвешенного положения; забывчивым приходилось в такой затруднительной ситуации использовать для спасения наручные часы, а если этого было недостаточно, то куртку или свитер, так как законы ньютоновской механики проявлялись неумолимо: если на тело в покое не действует никакая сила, то ничто не сдвинет его с

места — в полном соответствии с законом действия и противодействия. Во времена, когда Гаррах был еще способен шутить, он сказал однажды, что идеальное убийство с легкостью можно совершить на орбите и сомнительно, чтобы какой бы то ни было суд мог осудить убийцу: достаточно уговорить жертву раздеться догола перед душем и чуть толкнуть ее так, чтобы она зависла посреди помещения и извивалась там, пока не умрет с голоду, а перед судом можно признаться, что пошел за полотенцем и забыл о нем. Непринесение полотенца не является преступлением, а, как известно, *nullum crimen sine lege**: уголовное право не предвидело криминальных последствий невесомости.

После введения нового распорядка, названного Темпе «военным положением», настроение у людей несколько не повысилось даже за ужином. Можно было подумать, что кают-компания — трапезная монастыря, где обязателен обет молчания. Все ели, не обращая особого внимания на то, что едят, возложив ответственность за результат на желудки, а переваривали главным образом то, что сообщил им накануне Стиргард. Он представил план операции, причем говорил так тихо, что едва можно было его расслышать. Тем, кто хорошо его знал, было известно, что так холодно спокоен он бывает в состоянии крайнего бешенства.

— Приглашение — это западня. Если я ошибаюсь — чего я бы очень желал, — состоится контакт. Однако не вижу никаких оснований для оптимизма. Присутствие на планете нейтрального государства после по меньшей мере столетней войны в стадии сферомехии возможно — но невозможно, чтобы космический гость был принят без согласия борющихся между собой держав. Из сообщения ясно, что они дали такое согласие. Попробуем повернуть ситуацию, представим, что мы — один из генеральных штабов Квинты, и попытаемся ответить на вопрос: как реагировать на призыв, направленный пришельцами ко всему населению. Штаб уже осведомлен о потенциале незваного гостя. Знает, что не может его ликвидировать в Космосе, потому что уже пытался это сделать доступными способами, хотя, может быть, еще не всеми. Знает, что пришельцы в действительности неаг-

---

*Нет закона — нет преступления (*лат.*).

рессивны, хотя и пытались добиться контакта путем демонстрации силы, но объектом ее была безлюдная луна, и знает, что со значительно меньшим расходом сил они, несомненно, могут ударить по ледяному кольцу, которое и так скоро развалится. Знает, очевидно, что не он один, даже во временном союзе с противником, а вся Квинта является виновником гибели луны и катастрофических последствий этого; подчеркиваю, он знает это наверняка, поскольку нельзя вести военные действия в космическом масштабе, не опираясь на высококвалифицированных ученых. Дальнейшие сведения, которыми располагает штаб, можно вывести уже из косвенных улик. Задолго до овладения гравитацией познаются ее свойства вплоть до крайних типа коллапса черных дыр. Способ, которым мы отразили их ночную атаку, был для них неожиданностью. Но если у них есть стоящие физики, они поймут, что гравитационная защита на поверхности планеты так же самоубийственна для корабля, как и нападение. Из теории относительности нельзя вывести такую конфигурацию замкнутого поля тяготения, при которой корабль, излучающий это поле, не уничтожил бы себя вместе с планетой.

Я намерен послать два спускаемых аппарата в указанный район и допускаю, что они не обнаружат никакой опасности. Если квинтяне хотят заманить «Гермес» на планету, эти аппараты вернутся. Но они не должны вернуться ни с чем: там для них что-нибудь инсценируют, чтобы заинтересовать нас и вызвать доверие. Гостеприимные квинтяне покажут, что настоящий контакт — это встреча живых существ с живыми, а не с машинами. На это трудно возразить. И если события пойдут примерно таким образом, «Гермес» будет садиться и вопрос окончательно снимается. Встретив спускаемые аппараты, но не беря их на борт — потому что после всего, что произошло, я предпочитаю сто раз переосторожничать, чем один раз недосмотреть, — объявим о посадке.

Перехожу к подробностям операции. После выброса аппаратов средним ходом движемся от Квинты к Сексте. Для нас выгодно их взаимное расположение по обе стороны от солнца: наши зонды уже исследовали Сексту, и мы знаем, что это — лишенная воздуха планета с высокой сейсмической активностью, и поэтому она не подходит ни для колонизации, ни для устройства военных баз. Угроза, исходящая

от планеты, была бы для них опаснее вражеской угрозы. Мы войдем в тень Сексты, а «Гермес», который из-за нее выйдет, издали будет неотличим от нашего корабля. Другое дело — вблизи, но я готов поручиться, что они не будут ему мешать вплоть до вхождения в атмосферу. С точки зрения сидеристики они могли бы атаковать его еще в ионосфере — но я не верю, что они так поступят. Корабль после мягкой, нормальной посадки — гораздо более ценная добыча, чем разбитый остов, и он гораздо меньше защищен от воздействия, чем корабль в процессе посадки, который идет вниз кормой на струе огня и поэтому имеет шанс маневра или бегства.

Этот «Гермес» будет способен передавать и принимать сигналы, будет снабжен силовой установкой, обеспечивающей посадку, правда, лишь одноразовую. Никакой непосредственной связи с нами он поддерживать не сможет. И наконец, в зависимости от того, как его примут, мы им отведем.

— Содом и Гоморра? — спросил тогда Араго.

Стиргард с минуту смотрел на монаха, прежде чем ответил с нескрываемым раздражением:

— Мы не отступим от Священного писания, ваше преподобие, но обратимся к первому его изданию. Новое потеряло для нас актуальность, потому что мы уже неоднократно подставляли щеку. Дальнейших дискуссий не будет. Они бесполезны, поскольку не мы сделаем выбор между Ветхим и Новым заветом, а они. Солазер уже перенастроен?

Эль Салам кивнул.

— А GOD работает по СГ? Хорошо. Тогда приступим к переговорам о посадочных аппаратах. Этим займутся коллеги Ротмонт и Накамура. Но после обеда.

Никто не видел старта аппаратов. Выпущенные в полночь в автоматическом режиме, они помчались к Квинте. «Гермес» повернулся к ним кормой и до утра разгонялся: чтобы достигнуть Сексты, удаленной на 70 миллионов километров, требовалось неполных семьдесят часов при гиперболической скорости. В электронных лабораториях уже началось производство не использовавшихся до сих пор при разведке «диспертов» — «дисперсивных диверсантов», называемых также «пчелиными глазами». Эти миллионные рои микроскопических кристалликов, рассеянные в миллионе

кубических миль Космоса около Сексты, должны были обеспечить зрение «Гермесу». Рассыпаемые по следу корабля, они создавали в отдалении от него невидимые глаза. На Земле они служили для апикографии; каждый кристаллик, сам меньше песчинки, прозрачная иголка, соответствовал одной омматидии, столбику пчелиного глаза, рассредоточенного на тысячу миль. «Гермес» тянул за собой этот наблюдающий хвост для того, чтобы, зайдя за Сексту, следить оттуда за судьбой своих компьютерных послов. Одновременно на соответствующем отрезке траектории корабль выпустил телевизионные зонды с ясно видимым огнем реактивной тяги — свои «официальные глаза», которые могли и даже должны были быть замечены квинтянами. В рубке управления дежурил Темпе. Гаррах пришел к нему со старой газетой, которая вывела его из себя; он развернул ее перед коллегой. Газета была того времени, когда на Земле шли жаркие баталии по поводу участия женщин в экспедиции. Сначала Гаррах прочитал отрывок, посвященный семейной жизни, которая должна занять законное место на борту корабля, а также обвинения, которыми осыпали SETI, захваченный мужской мафией, представительницы вечно угнетаемого женского пола, и это привело его в такое возмущение, что он готов был порвать газету. Темпе, смеясь, удержал его за руки — ведь, что ни говори, это был раритет, почтенная древность в созвездии Гарпии, неизвестно как попавшая в багаж Гарраха. Так он, по крайней мере, утверждал. Темпе придерживался другого мнения, но держал его при себе. Гарраха, с его бурным темпераментом, нужны были такие статьи, чтобы метать против них громы и молнии. Идиотизм, заключенный в требованиях такого равноправия, был слишком очевиден, чтобы уделять ему столько внимания. Женщины — значит, жены, матери, а следовательно, и дети, ясли, детский сад — в тот момент, когда они мчались с заряженными сидераторами в корабле, ничтожно малом, несмотря на его мощь, рядом с чужой цивилизацией, которая втянула их в свою сферу магию, выброшенную в Космос столетия назад, — это казалось абсурдом. А ведь моря чернил были пролиты при обсуждении этого вопроса. Да, мусульмане посылали на фронт двенадцатилетних мальчишек, но ведь не младенцев же в колясках! Гаррах жалел, что не может тут же, сейчас, с глазу на

глаз высказать даме, написавшей этот бред, все, что он о ней думает. Темпе, стоя у рулевого управления, то проверял курс и следил за бегущими по экранам мониторов контурами увеличивающегося серпа Сексты, то поглядывал на Гарраха, все еще ораторствующего перед единственным слушателем, и не прерывал его — не хотел подливать масла в огонь, а впрочем, они не были одни: даже в рубке наблюдал за ними GOD. Темпе не был настолько силен в конструкции компьютеров, чтобы быть уверенным, что эта машина, столь хитрая, интеллектуальная и памятливая, лишена хотя бы крупницы свойств личности. Ему недостаточно было уверений учебников или специалистов. Он предпочел бы сам в этом убедиться, но не знал как, а кроме того, его занимали более серьезные проблемы. Действительно ли Накамура сочувствует отцу Араго? Мороз по коже пробежал у него при мысли, что ощущал бы он, будучи в шкуре апостольского легата.

Тем временем Араго, согласно заданию командира, обсуждал с Гербертом вероятность того, что квинтяне уже сумели распознать биологические характеристики людей, исследуя созданные ими спускаемые аппараты. Хотя их подвергли тщательной стерилизации перед отправкой на планету — так, чтобы на их поверхности не осталось и клеточки кожного покрова пальцев, ни единой бактерии из тех, от которых не может полностью избавиться организм человека, и, хотя автоматы были изготовлены без участия людей, а их энергетическое обеспечение и аппаратура для обмена информацией соответствовали земной технике восьмидесятилетней давности, Стиргард не намеревался принимать на борт электронных посланцев, когда они вернутся. Он считал это слишком рискованным. Ведь уже первые пойманные «Гермесом» старые продукты этой цивилизации выявили удивительное мастерство квинтян в области паразитарной инженерии. Посадочные аппараты кроме информации, столь же важной, сколь невинной, могут принести гибель, но не в виде инфекции, атакующей немедленно, а вирусов или ультравирусов с долгим инкубационным периодом. Поэтому он опросил у врачей и Кирстинга, подготовлены ли предупредительные средства.

То якобы нейтральное государство, которое выразило согласие принять аппараты, потребовало, чтобы они не имели

связи с «Гермесом», так как это условие поставили «сопредельные страны». После того как зонды были поглощены атмосферой, планета окружила себя усиленным шумовым заслоном на всех диапазонах волн. Если бы посланцев снабдили лазерами, способными пробить шумовую оболочку, было бы нарушено принятое условие — и тем более это стало бы явным, если бы «Гермес» стал прокалывать моря туч и хаос радиосигналов лучами своих лазеров.

Не оставалось ничего другого, как следить за Квинтой из-за Сексты тучей голографических глаз. Операция была так синхронизирована, что оба спускаемых аппарата медленно опускались по небосклону и должны были оказаться над Квинтой в момент, когда «Гермес» войдет в тень Сексты. Собравшись в рубке, все ждали критического момента. Белая от облаков планета целиком заполняла главный монитор, и хорошо видны были рои боевых спутников, черными точками ходивших на фоне облачного диска. Чтобы наблюдать вхождение обеих ракет в атмосферу, к их топливу, гиперголу, примешали натрий и технеций: первый придавал яркий блеск реактивному пламени, а другой метил газы своей спектральной линией, отсутствующей в спектре местного солнца и квинтянских орбитальных машин. Как только аппараты нырнули в атмосферу, огненные нитки — следы трения о воздух и работы тормозных двигателей — начали размазываться; тогда миллиарды глазков, развешенных незаметной гривой на миллион миль за кильватером «Гермеса», сконцентрировали внимание в направлении касательной, проведенной к пункту запланированной посадки — и не напрасно, сев на твердый грунт с разницей во времени в несколько секунд, оба аппарата дали знать об окончании путешествия двойной специально модулированной вспышкой натрия и сейчас же погасли.

Таким образом, операция вступила в следующую фазу. Донный панцирь «Гермеса» разошелся надвое, как гигантские выпуклые ворота, и манипуляторы выпихнули в пустоту из этого Сезама огромный металлический цилиндр, предназначенный для лабораторного карантина зондов. Гаррах, казалось, был чрезвычайно доволен этим трюком. Тактику Стиргарда одобряли многие, но работа шла без энтузиазма, хотя и слаженно. Радоваться было нечему. Зато первый

пилот и не думал скрывать злорадного удовлетворения: наконец-то они сломают хребет этой воинственной планетной бестии. Он просто не мог дождаться возвращения ракет, разумеется несущих ужасную заразу, — словно в намерения экспедиции входила жестокая конфронтация сил. Слушая, как он откровенничает, Темпе воздерживался от комментариев, но думал о психических отклонениях, которые, без сомнения, сейчас фиксирует GOD у Гарраха, и ему было стыдно за коллегу, однако временами он и сам не смог бы сказать, чего ему хочется больше: чтобы нарастающий и накапливающийся гнев команды оказался безосновательным или чтобы квинтяне вынудили их на худшее из всех возможных решений. Да он сам уже видел в этой цивилизации врага, беспощадное зло, которое самим своим существованием оправдывало их приготовления. Уже нечего было скрывать. Солазер, погашенный и замаскированный, заряжался солнечной энергией — не для сигнализации, а для нанесения лазерных ударов. Через 48 часов туча голографических глаз дала знать, что посланцы возвращаются. Посадочные аппараты должны были отозваться на ультракоротких волнах, пройдя орбиту, по которой обращались обломки луны, но сигналы начал подавать только один. Другой выдавал непонятную мешанину кодов. Стиргард поделил своих людей на три команды: пилотам поручил вывод фальшивого «Гермеса» на околосоляную траекторию, физикам — прием аппаратов в цилиндрической камере, отдаленной на несколько десятков миль от «Гермеса», а врачам и Кирстингу — биологическое исследование зондов, если вторая группа сочтет это допустимым. Экипаж хотя и был разделен на группы, но ориентировался в общей ситуации. Гаррах и Темпе, следя за пустым гигантом, который неспешно отправился в путь, хотя на его корпусе еще искрились огни автоматических сварочных машин, все время поддерживали связь по интеркому с группой Накамуры, ожидающей посланцев. Полассар не исключал обыкновенной аварии в болтающем чепуху передатчике второго аппарата. Гаррах же был уверен, что это работа квинтян: ему не терпелось, чтобы коварство квинтян как можно скорей вылезло, как шило из мешка, и чтобы оно стало лазерной костью у них же в горле. Темпе молчал, в глубине души удивляясь, как такой ожесточенный человек еще может

выполнять ответственную работу первого рулевого. По-видимому, может, раз GOD не донес командиру о его состоянии. А может быть, все уже поддались коллективному безумию? Карантинный цилиндр, ярко освещенный окружающими его прожекторами, принял в свою разверстную пасть спускаемые аппараты. В центре наблюдения физики после предварительной проверки не смогли решить, подвергся ли один из них случайному или намеренному повреждению; это страшно разгневало Гарраха, он-то знал лучше: черное дело квинтян! Через час, однако, обнаружилось, что зонд потерял часть антенны и носового излучателя при столкновении с каким-то небольшим метеорным обломком или куском металла. В этой системе трудно было с чем-нибудь не столкнуться.

На удаляющемся пустом близнеце «Гермеса» во мраке тлели последние накладываемые швы, уже можно было включать тягу, но с этим надо было подождать до приказа командира. Тот, однако, не торопился, ожидая, в свою очередь, результатов экспертизы: в каком состоянии вернулись аппараты и — *last but not least** — какие они привезли извещения?

Известия оказались весьма своеобразными, а посадочные аппараты — если не считать инцидента с антенной — невредимыми и ничем не зараженными. Услышав это, Гаррах не мог удержаться от возгласа:

— Ну что за коварство!

— В конце концов даже в Содоме был некий Лот, — заметил Темпе.

Ему страшно хотелось узнать новости с Квинты, которые до сих пор как-то трудно доходили до рулевой рубки. Наконец Накамура смиловался над пилотами и показал им результат разведки — сюжет, переданный из вакуумной камеры, предусмотрительно удаленной от корабля.

Начинался он со сказки — той самой, что пересказал планете солазер. Затем долго показывались пейзажи: вероятно, природные заповедники, не тронутые цивилизацией. Морские побережья, волны, набегающие на песок, красное заходящее солнце в низких тучах, лесные массивы, зелень

---

* Последнее, но не менее важное (англ.).

которых была значительно темнее, чем земная: огромные кроны некоторых деревьев казались почти серыми. На этом постоянно сменяющемся фоне засветились буквы:

ПРИЕМ ВАШЕГО РАКЕТНОГО СНАРЯДА МАССОЙ ДО 300 000 МЕТРИЧЕСКИХ ТОНН ОПРЕДЕЛЕН ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРИ УСЛОВИИ ВАШЕЙ ПАССИВНОСТИ И ДОБРОЙ ВОЛИ ТОЧКА ЭТО КОСМОДРОМ ТОЧКА

Из тяжелой зеленой мглы выплыла огромная плоскость, видимая с птичьего полета. Она матово поблескивала, как застывшая ртуть. Поразительно тонкими иглами стояли на ней через равные промежутки, как фигуры на шахматной доске, сталагмиты, безупречно белые, остроконечные — и росли. Да, росли — то есть выдвигались вверх, окруженные у основания желтой паутиной сетью, и наконец застыли. На дальнем небосклоне, абсолютно безоблачном, летели птицы — каждая с четырьмя медленно взмахивающими крыльями. Судя по всему, гигантских размеров. Они тянулись, словно журавли, улетающие из холодных стран. Внизу, у сталагмитов — а человеческий глаз уже распознавал в них ракеты, — копошилась какая-то цветная и темная мелочь — целые толпы, вползающие в глубь белых ракет по широким пандусам. Все напрягли зрение, вытаращив глаза, чтобы увидеть наконец, как выглядят квинтяне, но результат был такой же, как если бы гость с Нептуна пытался разглядеть внешний облик человека, глядя с расстояния мили на олимпийский стадион. Цветная движущаяся толпа все клубилась у подножия пандусов и реками втекала в белые, как снег, корабли. На их корпусах блестели вертикальными рядами иероглифов непонятные надписи. Толпа уже редела, и все ждали немедленного старта этой белой флотилии, но она стала опускаться с величественной медлительностью.

Желто-коричневые сети паутины, будто истлевшие, спадали с корпусов, образуя неправильные круги. Вот уже только белые острия возвышались над плоским озером ртути, но и они вошли в черный мрак колодцев, и вовсе не крышки и не ворота замкнулись над ними — сама эта матовая ртуть. Все опустело, из-за края понемногу вползало на экран многоногое, явно не живое, а механическое существо с плоским срезаным рылом. Из него бил фонтан светлой желтоватой жидкости, разливаясь и сразу же бурля, как кипятки: когда он

весь испарился, ртуть стала черной, как битумное озеро, многоног изогнулся дугой, так что его средние ноги повисли в воздухе, повернулся прямо на смотрящих на него людей и открыл четыре глаза — или четыре окна? Четыре прожектора? Но выглядели они как большие круглые удивленные рыбы глаза с узкой полоской металлической радужной оболочки и черным блестящим зрачком. Этот механический экипаж, казалось, приглядывался к ним — озабоченно и задумчиво. Словно глядел четырьмя этими зеницами, которые уже не были круглыми, но сузились, как у кошки, и одновременно в их середине слабо подрагивало что-то голубоватое. Затем он снова припал к черному грунту и, колыхаясь с боку на бок, как сороконожка, убежал из поля зрения. На небе уже не было птиц, но была надпись:

**ЭТО НАШ КОСМОДРОМ ТОЧКА СОГЛАСНЫ НА
ВАШЕ ПРИБЫТИЕ ТОЧКА ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ
ТОЧКА**

Далее шло продолжение — гроза, с молниями, шквалом, косым дождем, секущим ступенчатые постройки, соединенные друг с другом бесчисленными воздушными виадуками. Странный город под хлынувшим дождем — вода лилась по выпуклым крышам, выбивалась из отверстий у подножия мостов, но это были, однако, не мосты, а скорее туннели, трубы с эллиптическими окнами, внутри которых проносились полосы мигающего света. Наземный транспорт? Но ни единой живой души нигде, в глубине улиц — но, поскольку строения были ступенчатые, словно отлитые из металла тольтекские пирамиды, там, собственно, не было улиц, нельзя было даже увидеть уровня основания города, если это только был город, — дождь лил, взметаемый вихрем, который гнал по гигантским зданиям серебристые волны ливня, молнии били беззвучно, с пирамидальных строений вода падала странным образом: собиралась в углублениях вроде водостоков, на конце загнутых кверху, так что мощные струи взлетали в воздух и смешивались с потоком дождя. Но вот одна из молний рассыпалась и стянулась в огненные буквы: **ГРОЗЫ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ЧАСТОЕ ЯВЛЕНИЕ
ТОЧКА**

Изображение сделалось пепельным и погасло. Из грязной серости возникли силуэты каких-то развалин. Где-то в

глубине отблеском амальгамы дрожал огонь в клубах облаков или дыма. Слой на слое лежали обломки огромных конструкций. На первом плане ровными рядами белели какие-то пятна, словно туловища голых, разорванных существ, вымазанные в грязи. Над этим кладбищем цвета железа засветились буквы:

ЭТОТ ГОРОД БЫЛ РАЗРУШЕН В РЕЗУЛЬТАТЕ УНИЧТОЖЕНИЯ ВАМИ ЛУНЫ ТОЧКА

Надпись исчезла, а изображение все блуждало по руинам, показывая детали непонятных устройств. Одно из них, окруженное защитой из необычайно толстых металлических плит, лопнуло, и внутри — тут телеобъектив сделал наезд — снова разодранные останки, прижизненный облик которых невозможно было угадать — как человеческие трупы, извлеченные из общих могил, — уже почти излохмаченные и цвета глины, — и в резком удалении снова неоглядно раскинувшиеся руины с глубокими рвами, а в них, словно тупорылые насекомые, вгрызались в щебень челюстями красно-полосатые приземистые бульдозеры. Они упорно ползли, с натугой ударяя в середину алебастрово-молочного растресканного фронтона, покрытого пятнами копоти от пожара, пока не рухнула и эта стена и пыль, поднявшись рыжими клубами, не закрыла видимость. Некоторое время в рубке было слышно только учащенное дыхание и стрекот секундомера. Наконец экран прояснился. Появилась странная диадема, кристалл, прозрачный, как слеза, с углублением не для человеческой головы, с бриллиантово сияющими лучами, а внутри ее дрожал вплавленный закрытый додекаэдр, бледно-розовая шпинель. Над ней надпись: **УВЕНЧАНИЕ КОНЕЦ.**

Но это не был конец: в галогенном слепящем свете темнели на плавном склоне горы безголовые панцирные существа — как стадо скота, пасущееся на альпийском лугу, — напрасно взгляд пытался различить, что это — огромные черепахи? гигантские жуки? Камера поднялась выше, пошла вдоль более крутой скальной стены с черными устьями гротов, пещер; из них текла — нет, не вода, какая-то жижа, рвотно-коричневая. Затем на лиловом слегка колеблющемся фоне побежали слова:

СОГЛАСНЫ НА ВАШЕ ПРИБЫТИЕ КОРАБЛЕМ ДО

300 000 МЕТРИЧЕСКИХ ТОНН МАССЫ ПОКОЯ НА ПОКАЗАННОМ КОСМОДРОМЕ АА 035 ТОЧКА УКАЖИТЕ ВРЕМЯ ТОЧКА ГАРАНТИРУЕМ ВАМ МИР ЗАБВЕНИЕ ТОЧКА ПО ВАШЕЙ ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ МЕРКАТОРА МЕРИДИАН 135 ПАРАЛЛЕЛЬ 48 ТОЧКА ЖДЕМ ВАШЕГО СИГНАЛА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О ПРИБЫТИИ ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА

Монитор погас, и рубку залил белый дневной свет. Второй пилот, сильно побледнев, все еще бессознательно прижимая руки к груди, смотрел на пустой экран. Гаррах боролся с собой: крупные капли пота стекали с его лба и блестили в светлых густых бровях.

— Это... это шантаж, — пробормотал он. — Нас обвиняют в том... что случилось... там...

Темпе вздрогнул, словно внезапно пробудившись.

— Ты знаешь — ведь это правда... разве кто-нибудь нас сюда звал?.. Мы попали в самую гущу их несчастий — чтобы их усугубить.

— Перестань! — огрызнулся Гаррах. — Если хочешь покаяться, иди к своему монаху — а меня оставь в покое. Это не просто шантаж... это похитрее. Ох, вижу, как они пытаются взять нас на крючок. Опомнись, парень, это не наша вина, это они...

— Ты сам сначала опомнись. — Темпе встал, он больше не мог спокойно сидеть. — Независимо от того, чем кончится игра, мы сделали то, что сделали. Контакт разумных. Боже мой... Если уж тебе так необходимо кого-то проклинать, кляни SETI и SETI. И себя — за то, что тебе захотелось стать «психонавтом». А лучше всего — заткнись. Это самая разумная вещь, которую ты можешь сделать.

Вечером Сезам вместе с аппаратами был втянут на корабль. Араго потребовал от Стиргарда, чтобы он собрал общий совет по поводу дальнейших действий. Стиргард решительно отказал. Никаких советов или заседаний до конца решительной фазы программы. Направляемый гамма-лазером фальшивый «Гермес» исчез за выпуклостью Сексты и полным ходом двинулся к Квинте, обмениваясь с ней условными сигналами, паролями и отзовами. Темпе после дежурства хотел увидеться с командиром — тот отказался. Не при-

нимал никого, сидел один в своей каюте. Пилот поехал на среднюю палубу — ему не хватило духу пойти к Араго: он вернулся с полдороги и по интеркому вызвал Герберта, не застав его в каюте. Тот оказался в кают-компании вместе с Кирстингом и Накамурой. Корабль маневрировал, чтобы держать малую тягу; они оставались в тени, и тяготение было слабым. При виде ужинающих коллег Темпе вдруг вспомнил, что с утра ничего не ел. Он молча сел за стол, положил себе на тарелку мяса с рисом, но, когда тронул его вилкой, ему в первый раз в жизни сделалось нехорошо при виде этих сероватых волокон; но что-то нужно было съесть, и он, выбросив содержимое тарелки в кухонный слив, взял из автомата подогретую витаминную кашницу. Лишь бы чем-нибудь наполнить желудок. Никто не обратился к нему, и, только когда он сунул тарелку и нож с вилкой в моечную машину, Накамура еле заметной улыбкой пригласил его сесть рядом. Он сел напротив японца, который вытер губы бумажной салфеткой и в ожидании, пока уйдет Кирстинг и они останутся втроем вместе с Гербертом, наклонил набок голову с гладко причесанными черными волосами и уставился на пилота. Тот пожал плечами в знак того, что ему нечего сказать. Нечего.

— Когда мы отворачиваемся от мира, мир не исчезает, — внезапно сказал физик. — Где мысль, там и жестокость. Они ходят парой. Это приходится принять, если нельзя изменить.

— И поэтому командир никого не допускает к себе? — вырвалось у пилота.

— Это его право, — невозмутимо ответил японец. — Командир, как каждый из нас, должен сохранять лицо. Даже наедине с собой. Доктор Герберт страдает, пилот Темпе страдает, а я не страдаю. Об отце Араго не смею и упомянуть.

— Как это... вы не страдаете?.. — не понял его Темпе.

— Не имею права, — спокойно объяснил Накамура. — Современная физика требует такого воображения, которое не отступает ни перед чем. Это не моя заслуга, это дар моих предков. Я — не пророк и не ясновидец. Я жесток, когда надо быть жестоким, в противном случае тоже не смог бы есть мяса. Кто-то однажды сказал: «*Neto me impune lacesit*». Разве он сейчас этого стыдится?

Пилот побледнел.

— Нет.

— Вот и хорошо. Ваш друг и коллега Гаррах устраивает представления. В маске великого гнева на лице, как у демонов в нашем театре кабуки. Не следует впадать ни в гнев, ни в отчаяние — ни жалеть, ни мстить. И вы теперь сами знаете почему. Или я ошибаюсь?

— Нет, — сказал Темпе. — Мы не имеем на это права.

— Ну что же, тогда кончим разговор. Через тридцать... — он посмотрел на часы, — семь часов «Гермес» сядет. Кто будет тогда дежурить?

— Мы оба. Таков приказ.

— Вы не будете в одиночестве.

Накамура встал, поклонился им и вышел. В пустой кают-компании тихо шумела моечная машина и слегка дула климатизация. Пилот взглянул на врача, который сидел все так же неподвижно, подпирая голову руками, и смотрел прямо перед собой невидящим взглядом. Темпе вышел из кают-компании, не обменявшись с ним ни словом. И в самом деле, говорить было не о чем.

Посадка «Гермеса» прошла в высшей степени зрелищно. Спускаясь в назначенную точку планеты, он изрыгал такое тормозное пламя, что его искра, наблюдаемая мириадами неисчислимых глазков, раскаленной иглой вошла в молочную пелену туч, разрывая их под собой на мгновенно розовеющие в отблеске огня и быстро разлетающиеся по сторонам клубки, — и в это окно, в прожженную пламенем дыру корабль погрузился и исчез. Ключья циррокумулосов, скручиваясь волокнами в спирали, начали закрывать прорыв в облачном покрове Квинты, но еще не затянули ее полностью, когда через их просветы ударил желтый блеск. Все это было видно с запаздыванием в девять минут — столько времени нужно было световому сигналу, чтобы пройти расстояние, отделявшее их от планеты, — и тогда же был получен сигнал ориентированного на Сексту передатчика того «Гермеса» — в первый и последний раз. Тучи еще раз разбежались над местом спуска, на этот раз мягче и медленней, а по рубке, заполненной людьми, пробежало что-то вроде короткого сдавленного вздоха.

Стиргард, стоявший у экрана на фоне безупречно белого огромного диска Квинты, вызвал GOD'a:

— Дай мне анализ взрыва.

— Есть только спектр излучения.

— Определи причину взрыва на основании этого спектра.

— Оценка будет вероятностной.

— Знаю. Действуй.

— Есть. Через четыре секунды после выключения главной тяги центральный стержень реактора пустил его вразнос. Дать варианты причины?

— Да.

— Первый: в корму ударил нейтронный поток с таким соотношением медленных и быстрых, чтобы пробить всю конструкцию реактора. Реактор даже после выключения начал работать, как размножитель, и в плутонии пошла экспоненциальная цепная реакция. Второй вариант: кормовую броню пробил кумулятивный снаряд с холодной аномалоновой головкой. Дать доводы в пользу первого варианта?

— Да.

— Атака баллистического типа разбила бы весь корабль. Нейтронный удар мог уничтожить только силовой отсек; предполагалось, что на борту находятся живые существа, отделенные от силового отсека рядом перегородок антирадиационной защиты. Показать спектр?

— Нет. Молчи.

Стиргард только теперь заметил, что стоит в белом блеске Квинты, как в ореоле. Не оборачиваясь, выключил изображение и с минуту молчал, словно взвешивая в мыслях слова машины.

— Кто-нибудь хочет высказаться? — спросил наконец командир.

Накамура поднял брови и медленно, словно бы с полным соболезнованием почтением, нарочито церемонно сказал:

— Я сторонник первой гипотезы. Корабль должен был потерять мощь, а команду надо было сохранить. С некоторыми повреждениями, но живой. От трупов много не узнаешь.

— Кто другого мнения? — спросил командир.

Все оцепенело молчали — не столько от того, что произошло и было сказано, а от выражения лица Стиргарда.

Почти не разжимая губ, словно его челюсти схватила судорога, он заговорил:

— Ну, что же вы, голуби, сторонники добра и милосердия, отзовитесь, дайте нам и им шанс на спасение. Убедите меня, что мы должны вернуться на Землю и принести ей скромное утешение, что есть миры и похуже, чем она. А их оставить погибать самостоятельно. На время ваших уговоров я перестаю быть вашим командиром. Я только внук норвежского рыбака, простак, который забрался выше своих возможностей. Я выслушаю все аргументы, а также оскорбления, если кто-то сочтет их полезными. То, что я услышу, будет стерто из памяти GOD'а. Я слушаю.

— Это не смирение, а издевательство. А символический отказ от полномочий командира ничего здесь не меняет. — Араго, словно для того, чтобы его лучше было слышно, шагнул вперед, отделился от остальных. — Но если каждый до конца должен поступать по совести, будь то в драме или в трагифарсе — ведь никто не режиссирует свою жизнь и не учит заранее свою роль, как актер, — я скажу: убивая, мы никого и ничего не спасем. Под маской «Гермеса» крылось коварство, а под маской стремления к контакту любой ценой видна не жажда знания, а мстительность. Все, что бы ты ни предпринял, отказавшись от возвращения, окончится фиаско.

— А возвращение — это не фиаско?

— Нет, — ответил ему Араго. — Ты знаешь наверняка, какой убийственный удар можешь им нанести. Но ни в чем другом у тебя такой уверенности нет.

— Да. Это правда. Вы кончили, святой отец? Кто еще хочет говорить?

— Я. — Это был Гаррах. — Если ты, командир, захочешь повернуть назад, я приложу все силы, чтобы помешать. Ты меня остановишь, только заковав в кандалы. Знаю, что по диагнозу GOD'а я уже ненормальный. Хорошо. Но ненормальные мы здесь все до одного. Мы изо всех сил старались убедить их, что ничем им не угрожаем, четыре месяца позволяли атаковать себя, вводить в заблуждение, заманивать в ловушку, обманывать, и если отец Араго представляет здесь Рим, то пусть вспомнит, что сказал его Спаситель Матфею: «Не мир я принес, но меч». И что... но я и так слишком разговорился. Будем голосовать?

— Нет. Со времени их разочарования прошло пять часов, медлить нечего. Эль Салам, ты должен включить солазер.

— Без предупреждения?

— Какие предупреждения после похорон? Сколько тебе нужно времени?

— Дважды по шестнадцать минут на пароль и отзыв плюс наведение. Еще через двадцать минут может резать.

— Пусть режет.

— По программе?

— Да, в течение часа.

— Накамура, обеспечишь нам наблюдение. Кто не хочет этого видеть, может уйти.

Хорошо укрытый облаками пылевой маски, светящейся от наведенного дзетой излучения, солазер открыл огонь в час ночи, с трехчасовым опозданием, потому что Стиргард потребовал точной коллимации, чтобы удар в кольцо по касательной пришелся именно там, где была приготовлена ловушка. Пришлось выждать, пока планета не повернется вокруг своей оси на необходимый угол. Восемнадцать тераджоулей слились в световую шпагу. Скачок фотометров засвидетельствовал, что невидимый в пустоте нож солнечной фрезы ударил сбоку в кромку кольца и сорвал его наружный обруч. Глухое и немое изображение, которое можно было закрыть ладонью, показало всю мощь, взятую у солнца, когда она разрядилась в столкновении света, более твердого, чем сталь, с гигантским ледяным колесом, растянутым на тысячи миль. Сам центр удара был виден сначала как искрящийся разрыв, из которого брызнула распухающая белыми клубами метель, окруженная странно изогнутыми дрожащими радугами. Ледовое кольцо кипело, испарялось и, обратившись в газ, тут же замерзло и рассеивалось в черной пустоте за огненной зоной, образуя длинную, тянущуюся полосами за край планеты вуаль. Она уходила за горизонт, так как лазер резал в направлении, противоположном вращению планеты. Стиргард приказал ударить в косо сияющий диск кольца так, чтобы вывести его из динамического равновесия. Сосредоточенной в солазере мощности хватало на семь минут тераджоупевого резания.

— Этого достаточно, — определил GOD.

И действительно, наружное кольцо уже лопалось, а во внутреннем, отделенном от внешнего шестимильной щелью, все бурлило от турбуленций, вызванных изменениями момента вращения. Когда ледяной край, сметенный во мрак, достиг гривами туч ночного полушария, горизонт Квинты засветился, словно за ним в дымящихся столбах радуг вставало второе солнце-близнец и кровавой зарей окрасило еще гладкую поверхность облачного моря. Картина этой ужасной катастрофы была великолепна. В триллионах кристалликов льда свет, бьющий из рассеченного кольца, создал космический фейерверк, заслоняющий все созвездия звездного фона. Зрелище, захватывающее дух. Люди в операторской инстинктивно переводили взгляд с верхнего локатора, на котором над солнечным диском, эксцентрично смещенный, дрожал лазерный бриллиант, на главный экран, где ровный безымпulseльный поток мощи послойно сдирали с ледового круга лопающиеся плиты белоснежных кристаллов.

Могли ли они там ожидать такого катаклизма? С планеты он должен был выглядеть ужасающим непрерывным взрывом высоко в небесах, но они, наверное, уже не увидели радуг, молниями взлетающих вверх, так как миллиарды ледовых обломков рухнули им на головы. Кипящие в ревущей атмосфере ледяные горы падали сквозь разорванные в ключья тучи, но это было зрелище не для тех, что гибли под гремящим ледопадом.

Какой же тонкой казалась из операторской атмосфера, окружающая планету! Всю огромность этой астроинженерной ампутации могли без ущерба для себя наблюдать только жители приполярных областей, пока до них не добежала ударная волна, распространяющаяся быстрее звука. У жерла солазера фотонный струг перемещался миллиметр за миллиметром, а у цели разрушал ледяные плоскости на сотни миль — только на самом юге все еще не сказывался бешеный вихрь разрушения кольца, с каждой минутой терявшего сотни кубических километров битого льда. Теперь, проходя через тучу, выброшенную высоко над планетой, луч лазера стал видимым, пробивая в ней огненный колодец. Спектрометры показывали присутствие уже не раскаленного пара, а ионизированного свободного кислорода и гидроксильных групп. Для присутствующих в рубке минуты казались веч-

ностью. Кольцо, разболтанное, как лопающийся плоский волчок, прогрызаемое темными расщелинами, теряло свой чистый блеск. Северное полушарие начало пухнуть, словно что-то раздувало саму кору планеты, но это были только выбросы воздуха, огня и снега от ударов ледяного обвала, а у экватора лазерный луч упорно сверлил по касательной грибовидный нарост взрыва коловоротом бело-голубого огня, и облачный покров Квинты на западе потемнел, превратившись в мутно-жемчужную равнину, в то время как восток пылал, затмевая звезды брызжащими взрывами. Никто не промолвил ни слова. Позже, вспоминая эти минуты, все были уверены, что их охватило ожидание контратаки, ожидание того, что те хотя бы попытаются как-нибудь парировать этот удар, нанесенный им в самом сердце сферомехии, создаваемой в течение столетия, что они уже готовятся ударить по источнику катаклизма, видимому на солнечном диске, — он был в пять раз ярче. Однако ничего не происходило. Над планетой восходил более широкий, чем она сама, столб белодымной метели, расплываясь многоэтажным грибом, сплошь в непрерывно ломающихся радугах, ужасающе красивый, а режущий луч продолжал бить, проходя через завалы туч, как раскаленная золотая струна, натянутая между солнцем и планетой. Она сама — казалось, для самообороны — понемногу укрывала свой диск раздувающимися циркумпульсами от этого неправдоподобно тонкого и такого разрушительного луча, который пронзал остатки ледовых панцирей, уже тонущие в атмосфере, и теперь только на мгновения среди раздираемых туч мелькали остатки все еще вращающегося в агонии кольца.

Стиргард приказал выключить солазер на шестой минуте. Он хотел сохранить в качестве резерва оставшуюся в нем мощь. Солазер погас так же неожиданно, как зажегся, и дал знать в инфракрасном диапазоне, что покидает прежнюю позицию. Обнаружить ее было элементарно просто даже после выключения — по планковскому спектру, типичному для твердых тел с излучением, наведенным близкой хромосферой. Защитные решетки выстрелили из небольших металлических устройств пыль, светящуюся в лучах солнца, и под этой завесой солазер выполнил смену позиции, сложившись, как пружинисто закрывающийся веер.

GOD работал в режиме максимальной нагрузки. Регистрировал результаты удара, судьбу бесчисленных спутников, которые с нижних орбит влетели в распухшую от взрывов атмосферу и догорали огненными параболами, а кроме того, сообщил, что копия «Гермеса» могла быть поражена также и магнитодинамическим нападением с концентрацией поля в миллионы гауссов. В запасе у GOD'а была и четвертая гипотеза — имплозивных криотронных бомб. Командир велел считать эти данные архивными.

Они все еще находились на стационарной орбите в тени Сексты, когда Стиргард вызвал Накамуру и Полассара, чтобы показать написанный им от руки ультиматум. Передатчиком должны были послужить голографические глаза, которые погибнут при передаче непосильных для них сигналов, но игра стоила и такой свечи.

Ультиматум был однозначен:

ВАШЕ КОЛЬЦО УНИЧТОЖЕНО ОТВЕТ НА НАПАДЕНИЕ НА НАШ КОРАБЛЬ ТОЧКА ДАЕМ ВАМ 48 ЧАСОВ НА РАЗМЫШЛЕНИЕ ТОЧКА ЕСЛИ АТАКУЕТЕ НАС ИЛИ НЕ ОТВЕТИТЕ В ПЕРВОЙ ФАЗЕ СМЕТЕМ ВАШУ АТМОСФЕРУ ТОЧКА ВО ВТОРОЙ ФАЗЕ ПРОВЕДЕМ ОПЕРАЦИЮ РАЗРУШЕНИЯ ПЛАНЕТЫ ТОЧКА ЕСЛИ ПРИМЕТЕ НАШЕГО ПОСЛА КОТОРЫЙ НЕВРЕДИМЫМ ВЕРНЕТСЯ НА НАШ КОРАБЛЬ ОТМЕНИМ ПЕРВУЮ И ВТОРУЮ ФАЗЫ ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА

Японец спросил, действительно ли командир намерен сдуть атмосферу. На кавитацию планеты, добавил он, нам не хватит мощности.

— Я знаю. Атмосферу я не смету. Но рассчитываю на то, что они поверят. А что касается сидерального удара — хочу выслушать мнение Полассара. Даже за невыполненной угрозой должна стоять реальная сила.

Полассар ответил не сразу.

— Это было бы опасной перегрузкой для сидераторов. Правда, мантию можно было бы пробить. Если нарушим основание континентальных плит, биосфера погибнет. Останутся бактерии и водоросли. Стоит ли об этом говорить?

— Пожалуй, нет.

Оба сочли необходимым оценить размеры катастрофы, что было чрезвычайно трудно. Дыры в шумовом экране

Квинты свидетельствовали о выпадении сотен передающих станций, но без спинографии невозможно было установить хотя бы приблизительно степень поражения технической инфраструктуры на большом континенте. Последствия катаклизма давали себя знать на южном полушарии и остальных территориях. Сейсмическая активность резко возросла: среди моря туч темнели пятна — почти все вулканы изрыгали магму и газы со значительной примесью цианидов. GOD оценил массу льда, который достиг поверхности грунта и океанов, в три или четыре триллиона тонн. Северное полушарие подверглось значительно более сильному поражению, чем южное, но океан поднялся повсюду и вторгся в глубь побережий. GOD предупредил, что не может установить, какое количество остатков кольца упало на планету в твердом состоянии, а какое было растоплено, ибо это зависело от неизвестной в точности величины ледяных глыб. Если они превышали тысячу тонн, то должны были потерять лишь малую часть массы в плотных слоях атмосферы. Однако конкретное соотношение установить невозможно.

Гаррах, который дежурил в рулевой рубке, не принимал участия в разговоре, происходившем в операторской, но слышал его и неожиданно вмешался:

— Командир, прошу слова.

— Ну что там? — нетерпеливо откликнулся Стиргард. — Тебе еще мало? Хочешь еще им добавить?

— Нет. Если учесть сведения GOD'а, сорока восьми часов не хватит. Они должны как-то опомниться.

— Слишком поздно ты присоединился к голубям, — заметил Стиргард.

Физики, однако, признали правоту пилота. Срок ответа был увеличен до семидесяти часов. Вскоре Гаррах остался один и тогда перевел управление в автоматический режим: он не мог больше смотреть на Квинту, тем более что дым бесчисленных вулканических взрывов рыжим цветом разливался по кипенной белизне планеты и темнел, как грязные подтеки запекающейся крови. Это была не кровь. Он знал, но не хотел на это смотреть. По приказу Стиргарда корабль начал вращаться на месте, как стрела башенного крана. Так они получали замену тяготения, особенно ощутимую в носовой части, в рубке. В кают-компании, куда

спустилась команда, обороты такой центрифуги позволяли усесться за стол без акробатики, необходимой при невесомости. Прецессионные эффекты, типичные для гироскопического вращения, вызывали у Гарраха тошноту, хотя он не раз плавал на Земле на морских судах и даже боковая мертвая зыбь не вгоняла его в морскую болезнь. Ему не сиделось. То, чего он хотел, произошло. Разумно рассуждая, на нем не было вины за этот катаклизм. Наверняка все произошло бы точно так же, если бы он не бесился и воздержался от неуместных споров с ни в чем не повинным отцом Араго. Нет, ничто бы не изменилось, если бы он делал свое дело молча. Он вскочил с пилотского кресла и лишь только распрямил ноги, как они понесли его по навигаторской. Он не в состоянии был иначе разрядиться от жгучего гнева, который вернулся к нему, словно эхо, не давал ему спокойно ждать, сидеть сложа руки и смотреть на климатические — если бы только климатические! — муки раненной тераджоулями планеты. Если бы мог, он выключил бы изображение, но это не допускалось правилами. Эллипсоидальное помещение окружала галерея, отделяющая его верхний уровень от нижнего. Шатаясь на расставленных ногах, как моряк при качке, он взбежал наверх и рысью сделал круг по галерее — можно было подумать, что ему пришла охота потренироваться в беге. На шпангоутах, сбегających, как спицы огромного колеса, между крестовинами, прикрепленными к своду, покоилась центральная операторская. Восемь глубоких кресел окружали терминал, похожий на срезанный конус. Перед каждым креслом пусто моргал зеленый монитор. На плоском срезе этого стола-конуса лежал забытый черновик ультиматума, написанный характерным наклонным острым почерком Стиргарда. Пройдя между креслами, Гаррах сделал то, чего никак не мог от себя ожидать. Он перевернул этот листок бумаги так, чтобы он лег чистой стороной кверху, и огляделся, не видит ли его кто-нибудь. Но только мигающие экраны имитировали движение. Он сел в кресло, которое обычно занимал командир, и посмотрел по сторонам. Между серебристой пластиковой обшивкой шпангоутов через клинообразные окна была видна навигаторская, и там тоже латала россыпь разноцветных лампочек, и виден был отблеск, который все

еще шел с главного экрана, — мутный свет Квинты. Гаррах оперся локтями на скос стола и закрыл руками лицо. Если бы он умел, если бы только мог, то заплакал бы по этим Содому и Гоморре.

КВИНТЯНЕ

Он выглядел совершенно спокойным и не попрощался ни с кем. Никто из товарищей не вошел с ним в лифт, когда наступил час. Одетый в обычный белый скафандр, со шлемом под мышкой, он в одиночестве смотрел на поочередно мигающие номера палуб. Под куполом стартового зала стояла ракета, до странного маленькая, безупречно серебристая, потому что еще никогда не прорезала атмосферу и жар не опалил ее носовой обтекатель и бока. Он направился к ней по ажурному металлическому полу, глухо отзывающемуся на каждый шаг, чувствуя возросшее тяготение — знак того, что «Гермес», усилив тягу, повернулся кормой от планеты, чтобы дать ему хороший толчок при старте. Он осмотрелся. Высоко, там, где сходились дугообразные шпангоуты, горели гирлянды сильных ламп. Он задержался в их бестеневом сиянии, чтобы надеть шлем. Люк кабины открылся над ним. Замки шлема щелкнули, он инстинктивно коснулся широкого обруча металлического воротника, вдохнув кислород, уже отсеченный от воздуха, наполняющего зал, давление было чуть великовато, но тут же само выровнялось. Подъемник, на который он взошел, двинулся вверх. Отверстие люка, еще минуту назад темное, осветилось изнутри, движущаяся ступенька коснулась порога и замерла. Не спеша он перенес ноги в больших башмаках через порог, держась при этом рукой в эластичной перчатке за трубу перил, согнувшись, вполз ногами вперед внутрь, ухватился обеими руками за поручни вокруг люка и мягко упал в глубину кабины. Люк закрылся. До него донесся певучий нарастающий звук — это газонепроницаемый колпак, до сих пор висевший над ракетой, опустился на нее, и гидравлические цилиндры прижали его к обшивке стартовой воронки, чтобы обезопасить «Гермес» от потери воздуха при старте и от заражения ядовитыми выбросами двигателей. Легко, как на тренажере, он поднял

ребристые змеевики климатизатора, ввинтил их в соответствующие гнезда скафандра; замки щелкнули, подтвердив, что резьба вошла правильно. Теперь он уже был единым целым с ракетой. Стенки кабины начали распухать, пока он не повис, обтянутый оболочкой эластичной пелены до подмышек так, что только руки были свободны. Места осталось не больше, чем в египетском саркофаге. Кстати, так часто и называли эти одноместные посадочные аппараты. Рукоять автомата отсчета была справа от него. Прямо перед глазами светили ему в лицо через стекло шлема табло аналоговых указателей и резервные числовые индикаторы высоты, мощности, горизонта, а посередине — прямоугольный экран монитора, пока еще слепой. Он двинул рычаг до упора, и все огоньки на пульте загорелись, мигая ему с доброжелательной фамильярностью, заверяя, что готовы: главный двигатель, восемь корректирующих, четыре тормозных, кольцевой ионосферный парашют, большой аварийный (экран тут же молниеносно гаснущими точками обнадеежил его, что аварии не будет, нарисовав идеально точную кривую полета от зеленой звездочки «Гермеса» до выпуклости планетного диска). С ничтожным запозданием доложилась третий парашют, каскадный, — собственно, пятое колесо в телеге. Он не однажды переживал такие минуты, и это нравилось ему. Верил этим мигающим в ритме быстрого пульса зеленым, оранжевым и голубым огонькам. Знал, что могут загореться и красные, словно налитые кровью глаза страха, ибо нет безаварийных устройств, но знал и то, сколько стараний было приложено, чтобы ничто его не подвело. Автомат уже начал отсчет от двухсот. Ему показалось, что он слышит в наушниках затаенное дыхание людей, собравшихся в рулевой рубке, и на этот живой фон сыплются цифры, роняемые равнодушным механическим голосом в убывающем порядке. Около десятки он почувствовал легкое ускорение пульса и нахмурил брови под навесом шлема, словно укоряя недостаточно послушное сердце. Правда, тахикардии не избегал при старте никто, причем в самых банальных обстоятельствах, не говоря уже о таких. Он был рад, что никто не обратился к нему с напутствием, но, когда прозвучало сакраментальное ПУСК и он почувствовал содрогание слитых воедино своего тела и ракеты, до него донесся слабый голос — кого-то, сто-

явшего, наверное, вдали от микрофонов: «Бог с тобой». Эти неожиданные слова застали его врасплох, хотя кто знает, не ожидал ли он их, зная этого человека. Но на такие раздумья уже не было времени. Снаряд, выпихнутый бережно, но мощно гидравлической лапой — будто гигантская стальная ладонь, одетая шелком, протолкнула его по цилиндрическому устью пускового устройства, — отделился от корабля, и пилот, хотя и не мог двигаться в своей надувной оболочке, ощутил невесомость на две или три секунды, пока не заработали двигатели. Еще мгновение он видел у верхней кромки монитора убегающий корпус корабля, но, возможно, это ему лишь показалось. Ракета называлась «Земля» — он так хотел и такой позывной выбрал. «Земля» сделала сальто, слабые точки звезд полетели наискось через монитор, белым кружочком проплыла среди них Квинта и пропала; ракета, сверкнув во мраке выхлопом корректирующих сопел, легла на курс: траектория реального полета идеально легла на рассчитанную компьютером. Пора уже было связаться с «Гермесом», но он все молчал, словно упиваясь одиночным полетом.

— «Гермес» ждет.

Это был голос Стиргарда. Прежде чем он успел ответить, донесся другой голос — Гарраха:

— Наверное, заснул.

Таковыми шутками, слегка отдающими казармой, сопровождались в свое время первые космические полеты: надо было как-то смягчить беспрецедентные переживания людей, запертых в головной части ракеты, словно в выпущенном снаряде. Поэтому Гагарин сказал в последнюю секунду «Поехали!», поэтому говорили не «утечка кислорода, мы задыхаемся», а «у нас кое-какие затруднения». Гаррах, наверное, не отдавал себе отчета, что своей шуткой воскресил прошлое, — как и Темпе, который ни с того ни с сего ответил: «Лечу», — прежде чем, спохватившись, перешел на тон, соответствующий инструкции.

— Я — «Земля». Все системы в норме. На оси полета — дельта Гарпии. Через три часа войду в атмосферу. Все нормально? Прием.

— Все в порядке. Гепария передала метеорологические условия в точке ноль. Облачность сплошная. Ветер северо-

северо-восточный, тринадцать метров в секунду. Над космодромом высота облачности девятьсот метров. Видимость хорошая. Хочешь с кем-нибудь поговорить?

— Нет, хочу видеть Квинту.

— Увидишь через восемь минут, когда сойдешь в плоскость эклиптики. Сделаешь тогда поправку курса. Прием.

— Сделаю поправку, когда «Гермес» мне ее передаст. Прием.

— Счастливого пути. Конец.

Переговоры после разрушения ледяного кольца продолжались четверо суток. Причем исключительно с Гепарией, чего земляне поначалу не поняли, поскольку на ультиматум ответил искусственный спутник, такой маленький и так искусно замаскированный под скальный обломок, что GOD не распознал его, пока он молчал. Помещенный на высоте 42 000 километров над планетой на стационарной орбите, он вращался в соответствии с ее оборотами, и, когда заходил за край диска, связь прерывалась на семь часов. С «Гермесом» он связывался на 21-сантиметровой волне спектра водорода, и радиолокаторам корабля пришлось потрудиться, исследуя его излучение в сторону планеты, чтобы выяснить способ связи, используемый Гепарией. Для этого служила мощная подземная радиостанция, укрытая вблизи космодрома, на котором совершил посадку бесплодный «Гермес». Работала станция на волнах десятикилометровой длины, что дало физикам основание считать ее за особый военный объект, предназначенный для использования в случае, если бы дело дошло до взаимного обмена ядерными ударами. Как известно, они сопровождаются электромагнитными помехами, прерывающими всякую беспроводную связь, а если на целях рвутся мегатонные бомбы, становится невозможной и замена обычных передатчиков лазерными. В такой ситуации пригодны только ультрадлинные волны, но их низкая информационная емкость делает невозможной передачу многобитовых сообщений в короткие отрезки времени. Тогда Стиргард направил эмитеры «Гермеса» на эту радиостанцию и, не дождавшись ответа, передал следующий ультиматум: либо разговор пойдет напрямую, либо в течение 24 часов он уничтожит все естественные и искусственные тела на всем радиусе стационарных орбит, а если и тогда не получит ответа, сочтет

себя вправе поднять температуру 800 000 гектаров вокруг космодрома, включая и его, до 12 000 градусов по Кельвину. Это означало пробой планетной коры на глубину четверти ее радиуса. Угроза помогла, хотя Накамура и Кирстинг пытались отговорить командира от этого жестокого решения, ибо де-факто оно равнялось объявлению войны.

— Соблюдение межпланетного права стало для нас обязательным с тех пор, как на нас напали, — возразил Стиргард. — Переговоры на километровых волнах с трансляцией и ретрансляцией могут продолжаться месяцами, а за чисто физической причиной их медлительности может крыться игра на оттяжку времени — чтобы пересмотреть стратегический расклад сил. Этого шанса я им не дам. Если это обмен неформальными мнениями, прошу о нем забыть, а если *votum separatum*, занесите его в протоколы экспедиции. Я отвечу на него, когда сдам командование. Сейчас я не имею такого намерения.

В своих контрпредложениях Гепария требовала четкого ограничения полномочий посланца. Понятие «контакт» становилось тем более туманным, чем точнее пытались его определить. Стиргард требовал непосредственной встречи своего человека с представителями местной власти и учеными, но либо было совершенно невозможно установить единый смысл этих понятий для квинтян и людей, либо тут действовала злая воля. Темпе полетел, не зная, кого он должен увидеть на космодроме, но это его как-то не беспокоило. Он не чувствовал за плечами крыльев эйфории, не рассчитывал на крупный успех и сам был заинтригован собственным спокойствием. Во время подготовки на тренажерах он сказал Гарраxu: вряд ли там сдерут с него шкуру — какими бы жестокими они ни были, — что, впрочем, неудивительно: они все же не глупцы. Переговорам сопутствовали обсуждения на борту корабля.

При неустанном сопротивлении квинтянской стороны пункт за пунктом выторговывались условия приема посла. Пришелец получал право покинуть ракету для осмотра обломков фальшивого «Гермеса» и свободно передвигаться в радиусе шести миль вокруг ракеты с гарантией неприкосновенности, если он не предпримет «враждебных действий» и не передаст принимающей его стороне «угрожающей инфор-

мации». Много трудностей вызвало углубленное определение этих терминов. Номинация у людей и у квинтян расходилась тем больше, чем ближе они подходили к области высоких абстракций. Такие понятия, как «власть», «нейтральность», «союзничество», «гарантии», не удавалось однозначно установить то ли по высшей причине — коренного различия в историческом развитии, — то ли от вползающей в переговоры преднамеренности. Но и преднамеренность необязательно означала желание запутать и обмануть, если втянутая в столетнюю войну Гепария не была ни свободной, ни суверенной в этих переговорах и не хотела или не могла выдать этого «Гермесу». Ибо и тут, по мнению большинства членов экипажа, крылась равнодействующая борющихся сил, которые за множество поколений сформировали как язык, так и образ мышления.

За день до старта Накамура попросил пилота уделить ему время для частной беседы — как он выразился. Начал он издалека: разум без смелости все равно что смелость без разума. Война, вытесненная в Космос эскалацией, становится — причем наверняка — межконтинентальной. При таком положении вещей лучше всего было бы выслать двух равноправных послов на оба континента, предварительно заверив, что они не выдадут никакой существенной в военном отношении информации хозяевам. Командир отверг этот вариант, поскольку хотел следить за судьбой посла, а корабль не может находиться одновременно на двух сторонах планеты. Командир хотел, чтобы квинтяне знали, что он волен выбрать способ ответа, если посол не вернется невредимым. Он не определил размеров возмездия, что, в общем, было тактично, но не служило гарантией безопасности посла. Накамура меньше всего намеревался критиковать командира, но попросил выслушать его, поскольку счел это своей обязанностью. Как прекрасно сказал Шекспир: «Беда второстепенным фигурам, если они окажутся между клинками могучих противников». Могучих противников три: «Гермес», Норстралия и Гепария. Что знают квинтяне? Знают, что незванный гость имеет преимущество как в нападении, так и в защите и умеет наносить удары с высокой точностью. В чьих интересах лежит в таком случае безопасность посла? Допустим, что посол пострадает. Гепария будет утверждать, что

произошел несчастный случай, а Норстралия будет эти доводы опровергать. Тем самым каждая из них попытается так отклонить ответный удар «Гермеса», чтобы он поразил противную сторону. Командир и вправду обещал им TAD — Total Assured Destruction* — однако история учит, что Страшный Суд не является хорошим средством в политике. Машину Конца Света, Doomsday Machine, кобальтовую супербомбу для шантажирования всех государств Земли, выдумали двое американцев в двадцатом веке, но никто не взялся за реализацию идеи, и совершенно разумно, потому что, когда всем уже нечего терять, нельзя вести реальную политику. Апокалипсис как расплата весьма маловероятен. Почему «Гермес» должен ударить по всей планете, если на Гепарии найдется один камикадзе, который совершит покушение на посла? Аргументация японца показалась пилоту убедительной. Но почему не поддался на нее командир?

Японец, все еще вежливо наклоняясь к собеседнику, улыбнулся.

— Потому что у нас нет безошибочной стратегии. Командир не хочет развязывать узел. Он намерен разрубить его. Накамура не желает ни над кем возвыситься. Накамура мыслит так, как может Накамура. О чем? О трех загадках. Первая — это посольство. Приведет ли оно к «контакту»? Только символически. Если посол вернется невредимым, увидев квинтян и узнав от них, что он ничего не может от них узнать, это будет гигантским достижением. Вам это кажется смешным? Планета менее доступна, чем Эверест. Но ведь, зная, что на этой горе нет ничего, кроме скал и льда, сотни людей многие годы рисковали жизнью, чтобы побыть на вершине хотя бы минуту, а те, которые повернули назад, когда до цели оставалось каких-то двести метров, считали себя побежденными, хотя место, до которого они добрались, было несколько не менее драгоценно, чем то, куда они так жаждали попасть. Подход нашей экспедиции к вопросу контакта подобен настрою покорителей Гималаев. Это загадка, с которой люди приходят в мир и умирают, она стала привычной. Другая загадка для Накамуры — судьба пилота. Только бы он вернулся! Но если случится что-нибудь не-

---

*Гарантированное полное уничтожение (англ.).

предвиденное, Гепария докажет, что было белое, а Норстралия — что черное. Это противоречие столкнет командира с роли мстителя на роль следователя. Угроза, достаточная, чтобы заставить принять посла, зависнет в воздухе. Третья загадка — самая большая. Речь идет о невидимости квинтян. Может быть, покушения не будет. Однако нет никакого сомнения, что квинтяне категорически не желают показать, как они выглядят.

— Может быть, они выглядят как чудовища? — подсказал пилот.

Накамура все еще улыбался.

— Здесь обязательна симметрия. Если они чудовища для нас, то мы являемся таковыми для них. Прошу прощения, это ясно и ребенку. Если бы у осьминога было эстетическое чувство, красивейшая женщина Земли была бы для него чудовищем. Ключ к этой загадке лежит за пределами эстетики.

— Где же? — спросил пилот. Японцу удалось его порядком заинтриговать.

— Общие черты квинтян и землян мы открыли в военно-технической области. Эта общность указывает на дилемму: либо они похожи на нас, либо являются «исчадиями ада». Это распутье — фикция. Однако не фикция то, что они не хотят, чтобы мы узнали, как они выглядят.

— Почему?

Накамура печально склонил голову:

— Если бы я знал почему, узел был бы развязан и коллеге Полассару не пришлось бы готовить сидераторы. Осмелюсь высказать только неясную догадку. Наше воображение несколько отличается от западного. Одной из глубоких традиций моего народа является маска. Я считаю, что квинтяне, изо всех сил сопротивляясь нашим устремлениям, а именно: не желая присутствия людей на планете, с самого начала уже считались с такой возможностью. Вы еще не уловили связи? Пилот может увидеть квинтян и не понять, что он их увидел. Мы показали планете сюжет, в котором фигурировали человекообразные персонажи. Накамура не может прибавить пилоту храбрости — ее у него больше, чем требуется. Накамура может дать только один совет. — Он помолчал и, уже без улыбки, медленно выговаривая слова, произнес: — Я рекомендую *смирение*. Не осторожность. Не советую также быть

доверчивым. Смирение я рекомендую как готовность признать, что все, то есть все, что пилот увидит, на самом деле совершенно иное, чем кажется...

На этом беседа окончилась. Только теперь, уже летя к Квинте, Темпе понял, что в совете Накамуры крылся укор. Ведь он своей идеей о проекции на тучах выдал квинтянам облик людей. Но может быть, это вовсе не было укором.

Размышления пилота прервал восход планеты. Ее невинно белый диск, заснеженный вихрями циррусов, без всякого следа ледяного кольца и катастрофы, мягко выплыл из мрака, вытесняя его черноту с бледным инеем звезд за рамку монитора. Одновременно замигал цифрами, разразился поспешным стрекотом дальномер. Вдаль изрезанных фиордами побережий Норстралии с севера плоской полосой туч шел холодный фронт, а отделенная океаном Гепария, видимая в сильном ракурсе на восточной выпуклости шара, находилась под темным покровом туч, и только приполярная область светилась ледовыми полями. «Гермес» дал знать, что через двадцать семь минут ракета коснется атмосферы, и рекомендовал небольшую поправку курса. Из рулевой рубки следили за его сердцем, легкими и биотоками мозга Герберт и Кирстинг, а в навигаторской контролировали полет командир вместе с Накамурой и Полассаром, готовые вмешаться в случае необходимости. Хотя ни эта необходимость, ни род вмешательства не были заранее определены, то, что главный энергетик с главным физиком стояли в полной готовности рядом со Стиргардом, укрепляло хорошее, хотя и полное напряжения, настроение на борту корабля. Телескопы сопровождения давали четкое изображение серебряного веретена «Земли», регулируя кратность увеличения так, чтобы ракета находилась в центре экрана на молочном фоне Квинты. Наконец GOD брызнул на экран пустого до той поры атмосферного монитора оранжевыми цифрами: аппарат в двухстах километрах над океаном вошел в разреженные слои газа и начал разогреваться. Сразу же на облачное море упала маленькая тень ракеты и помчалась по его безупречной белизне. Компьютер непосредственной связи залпами импульсов передавал последние данные полета, так как через минуту подушка раскаленной трением плазмы должна была прервать связь в плотных слоях атмосферы.

Золотая искра обозначила вхождение «Земли» в ионосферу. Сияние усилилось и разрослось; это означало, что пилот начал торможение контртягой. Тень ракеты исчезла, когда она нырнула в тучи. Через двенадцать минут цезиевые часы расчетного и реального времени подошли к единице, после чего спектрограф, следивший за огнем посадочного двигателя ракеты, ослеп и после ряда нулей выдал наконец классическое слово: BRENNSCHLUSS*.

«Гермес» двигался в высоте над Квинтой так, чтобы место посадки находилось точно под ним в надире. Главный монитор наблюдения заполняла непроницаемая облачная завеса. Согласно предупреждению, хозяева впрыснули в облачный слой над этой территорией массу металлической пыли, создавая непреодолимое препятствие для радиолокации. Стиргард в конце концов согласился на это условие, оставив за собой право на «жесткие меры», если до «Гермеса» не придет хотя бы один из лазерных сигналов, которые Темпе должен посылать каждые сто минут. Но для того, чтобы обеспечить пилоту хоть какую-то видимость в конечной стадии посадки, физики снабдили ракету дополнительной ступенью, наполненной газовым соединением серебра и свободными радикалами аммония под высоким давлением. Когда ракета ворвалась в атмосферу и прорезала ее кормой, окруженной пламенной гривой, трепещущей вдоль бортов до самого носа, эта кольцевая ступень, окружавшая до поры втулки сопел, была отстрелена пиропатронами, благодаря чему опередила аппарат и, попав в плазменный огонь, лопнула от жара. Сразу же разогнанные газы завихрились, как смерч, и громовым порывом разметали в тяжело нависших тучах широко разорванную воронку. Одновременно вместо гипергола в сопла был подан жидкий кислород, и ракета, опускаясь уже на холодной тяге, обрела зрение. Жароупорные объективы телекамер показали посадочную площадку в бурлящем кольце разогнанных туч. Пилот увидел серую трапезиевидную плоскость космодрома, с севера ограниченную гористыми склонами, а с прочих сторон обрамленную множеством красных искр, дрожащих в струящемся над ними воздухе, как огоньки обильно коптящих свечей. Это из них

---

*Конец сгорания (нем.).

били потоки металлической пыли. Взрыв аммония и серебра сделал свое дело: разорвав остаток туч над посадочной площадкой, он вызвал такой ливень, что дымящие пурпурные искорки на несколько минут потемнели, но, окончательно не задушенные, вновь разгорелись в грязных клубах водяного пара. Взглянув на юг сквозь дымы, разгоняемые вихрем циклона, он различил темную массу строений, напоминавшую расплющенного головоногого моллюска, каракатицу с множеством разбегающихся полос-щупальцев — не трубопроводов и не дорог, ибо они были вогнутые, покрытые поперечными полосами. Впечатление осьминога создавал единственный полифемовский глаз, который смотрел на него оттуда пронзительным зеркальным взглядом. По-видимому — огромный оптический парабоид, следивший за спуском. По мере снижения зелень северных взгорий за космодромом меняла свой вид. То, что с высоты казалось высоким лесным массивом с врезанным в него плоским бетонным четырехугольником, теряло облик покрытых листвою зарослей. В зеленую курчавую поверхность сливались не кроны деревьев, а сухие, мертвые кустообразные скопления не то уродливых заграждений, не то огромных клубков каких-то проводов или проволочных тросов, и, расставаясь с воображаемой картиной лесистого взгорья с просвечивающими сквозь серо-серебряное скопление хвои лысинками незаросших полей, он увидел творения чужой инженерии, которая в своем искусстве не ведала земных канонов. Если бы у людей возникла необходимость расположить техническое оборудование космодрома в широкой котловине между большим городом и склонами гор, они позаботились бы прежде всего о благоустройстве территории, сочетающем функциональность с эстетикой геометрических форм, и уж наверняка не стали бы затягивать лысые склоны чащобой, состоящей из тысяч дико разветвленных металлических комков и узлов, которые никак не могли быть результатом работ саперов, маскирующих якобы растительными сетями военные объекты, ибо ненатуральность такого камуфляжа бросалась в глаза. Пока ракета на холодной тяге опускалась на серый бетон, весь склон взгорья заслонила прилив возвращающихся туч, скрыл его, как колючую шкуру ящера, крапчатую от шишек или сыпи. И, прежде чем это загадочное без-

образии дало ему возможность оценить разницу между проектированием технических устройств и запуском их в какой-то самопроизвольный злокачественный рост, прежде чем он успел вновь взглянуть на застройку юга — эту уже уползающую за горизонт каракатицу, смотрящую на него обведенным чернью зеркальным глазом, — ему пришлось взяться за рулевое управление. Перегрузка с трех упала до двух, жидкий кислород брызнул ледяным кипятком из сопел, суставчатые лапы выдвинулись в стороны из-под кормы, и, как только они ударились о твердый грунт, двигатель в последний раз взревел и замолк.

Трехсоттонная ракета выполнила несколько затухающих приседаний на опорах и замерла. Ощущая всеми внутренностями смену силы тяжести после торможения, он под слабое шипение амортизаторов отстегнул ремни, выпустил воздух из оболочки скафандра и поднялся с кресла. Пряжки ремней соскользнули с плеч и груди. Анализатор не показывал никаких ядовитых примесей в воздухе, давление составляло тысячу сто миллибар, но выходить полагалось в шлеме, поэтому он переключил кислородную муфту на индивидуальный баллон. Обзорные экраны погасли, и в кабине зажегся свет. Он окинул взглядом привезенное хозяйство — по обе стороны сиденья покоились тяжелые контейнеры, снабженные колесиками, так что их можно было катить, словно тачки. Гаррах предусмотрительно нарисовал на них огромную единицу и такую же двойку, словно их можно было перепутать. Гаррах наверняка завидовал ему, хотя ничем этого не выказывал. Он всегда был хорошим товарищем, и пилот пожалел, что сейчас его нет рядом. Вдвоем они, может быть, лучше справились бы с задачей.

Задолго до этого полета, когда еще ничто, кроме слов Лоджера, сказанных на «Эвридике», не позволяло надеяться, что он «увидит квинтян», на него напала депрессия, выявленная GOD'ом, но после беседы с врачом он отверг диагноз, поставленный машиной. Его угнетало не то, что взаимопонимание с квинтянами в самой основе казалось бессмысленным, а то, что в этой игре земляне сочли старшей мастью насилие. Он держал эти мысли про себя, ибо сильнее всего на свете желал увидеть квинтян и ему вовсе не хотелось дискредитировать саму идею контакта. Араго рассматривал

этот шанс пессимистически еще до того, как была высказана идея «демонстрации силы», называл притворство притворством и повторял, что игра идет на проигрыш — мы так рвемся к взаимопониманию, что сами же от него и отрекаемся, заставляя всяческими масками и трюками. В результате, может быть, и находимся в большей безопасности, но при этом все более отдаляемся от истинного взгляда на Чужой Разум. Разоблачая все его увертки, отвечая ударом на каждый его отказ, мы делаем цель экспедиции тем менее достигаемой, чем более жестокие меры используем для ее достижения.

Он включил механизм открывания люка, но сначала надо было дождаться результата автоматического анализа, и, пока компьютер проглатывал поступающие данные о химическом составе грунта, о силе ветра, о радиоактивности окружающей среды (практически нулевой), в голове вместо последовательности этапов программы роились все те же мрачные мысли, которые он до сих пор в себе подавлял. Накамура разделял мнение монаха, но не принял его сторону: это было бы равносильно признанию поражения. Сам он тоже был согласен с отцом Араго, но знал, что его не сможет удержать никакая логика. Если Квинта была адом, он готов спуститься в ад, чтобы увидеть квинтян.

Правда, пока прием не казался адским. Ветер — девять метров в секунду, видимость под облачным слоем хорошая, никакой отравы, мин, зарядов взрывчатки под прозондированными ультразвуком плитами посадочной площадки. Понесся свист — это давление в кабине уравнивалось с наружным давлением. Над люком загорелись три зеленые лампочки, тяжелый щит сделал пол-оборота и отскочил вверх. Снаружи донесся грохот спускаемого трапа и треск, с которым его сегменты зафиксировались, наискось упершись в бетон. Он выглянул наружу. Сквозь стекло шлема в глаза ударил белый свет дня. С высоты четвертого этажа он смотрел на огромную равнину космодрома, распростертую под затянутым тучами небом; северное нагорье скрывала мгла, вдалеке из длинного ряда низких, похожих на колодцы труб вырывались рыжие и красноватые дымы, а на их фоне на расстоянии мили торчала кривая башня, наклоненная сильнее, чем пизанская: ложный «Гермеса» — одинокий и странный в этой пустыне. И нигде ни единой живой души.

Там, где скрылись за опускающимися тучами взгорья, на самом краю бетонной плоскости, виднелось приземистое цилиндрическое строение, похожее на ангар для цеппелинов. За его контурами поднимались к небу тонкие мачты, соединенные блестящими нитями, будто паутиной, затягивающей четверть горизонта. Город-каракатица с единственным глазом остался за дымным горизонтом, и он подумал, что теперь за ним наблюдают с помощью этой паучьей сети. Он внимательно осмотрел ее в бинокль и подивился неправильности плетения. Сеть свисала неравномерно, образуя бóльшие и меньшие ячейки, как старый невод, развешенный рыбаком-гигантом на мачтах, которые из-за своей высоты выгнулись в разные стороны под тяжестью сети. Уж очень неряшливо все это выглядело. Да и космодром был пуст, как территория, отданная после эвакуации неприятелю. Трудно было отделаться от впечатления, одновременно отталкивающего и навязчивого, что это вовсе не антенное оборудование, а творение чудовищных насекомых. Он, пятась, спустился по трапу, согнувшись под тяжестью контейнера, весившего почти центнер. Скинув лямки, опустил контейнер на бетон и покатил его прямо к «Гермесу», косо торчащему из обломков своей кормы. Он двигался ровным шагом, без особой поспешности, не давая тем, кто за ним следил — а он не сомневался, что за ним скрытно наблюдают, — никакого повода для подозрений.

Они знали, что он должен исследовать остов корабля, однако не могли знать, каким образом. У кормы, врезавшейся смятыми соплами двигателей в лучеобразно растресканный бетон, он остановился и осмотрелся вокруг. Сквозь шлем был слышен шум порывистого ветра, неосязаемого, однако, через скафандр. Писк хронометра напомнил ему о деле. Складная дюралевая лесенка не понадобилась. Сразу над кожухами сопел, смятыми в гигантские гармоники, в корпусе зияла оплавленная пробоина, из которой торчали языки выгнутых наружу броневых плит и изуродованный взрывом обрубков шпангоута.

Худо-бедно, но можно было вползти через это отверстие внутрь, главное — не порвать скафандр о стальные заусеницы. Он полез вверх по башмаку кормовой лапы, которая при посадке не успела выдвинуться до конца — так спешили они

открыть огонь, и, нужно признать, действовали разумно, поскольку корабль особенно беззащитен в момент, когда гасит главную тягу, перенося свою массу на выдвижные опоры. Втащив за собой контейнер, он насколько мог задрал голову, чтобы оценить состояние корпуса. Он не мог, конечно, видеть носовых люков, которые были заварены наглухо, но видел ворота трюма и удивился, что они были заперты — не взломаны, хотя другим способом их нельзя было вскрыть извне. Это было странно. Уничтожив силовой отсек одним снарядом крупного калибра, при таком наклоне пораженного корабля они обследовали его через радиоактивную пробоину метрового диаметра, вместо того чтобы подпереть свой трофей солидными подмостками и вломиться в средний грузовой трюм. Неужели после ста лет войны у них нет ни саперов с соответствующими инструментами, ни порядочной военной инженерии? Не переставая удивляться повадкам местных военных, он возился с контейнером уже внутри корабля — и начал с того, что направил во мрак датчик радиометра. Реактор одноразового назначения после попадания расплавился и, как задумали проектанты, вытек через специально предусмотренные кингстоны в глубь растрескавшихся плит космодрома, создав не слишком обширное радиоактивное пятно. Помянув добром хорошую работу Полассара и Накамуры, он осветил внутреннее помещение переносным фонарем. Кругом стояла мрачная тишина. От реакторного отделения не осталось и обломков. Конструкция была рассчитана так, чтобы двигать две тысячи тонн пустого макета и разлететься в клочья от дуновения сквозняка. Стрелка Гейгера подскочила на шкале, указывая, что в течение часа он получит не более ста рентген. Он вынул из контейнера две плоские металлические коробки, открыл их и высыпал содержимое — синтивов, синтетических насекомых, снабженных микросенсорами. Осторожно опустился среди них на колени, словно воздавал траурные почести погибшему кораблю, и включил активизатор на дне большей коробки. Муравейник, рассыпанный по измятым стальным листам палубы, ожил. Беспорядочно, поспешно дрыгая проволочками ножек, как настоящие жучки, перевернутые на спину, синтивы очнулись и разбежались в разные стороны. Он терпеливо дождался, когда уйдут последние. Наконец

уже лишь несколько, по-видимому, дефектных экземпляров остались беспомощно кружиться у его колен. Тогда он встал и выбрался на дневной свет, таща за собой почти пустой контейнер. На половине пути к ракете достал из него довольно большое кольцо, раскрыл его штатив, сориентировал на корму «Гермеса» и вернулся к «Земле». С момента посадки прошло 59 минут. Следующие полчаса он фотографировал окрестности, главным образом возносящуюся к небу паучью сеть, сменяя фильтры и объективы, после чего по трапу взобрался в ракету. В затемненной кабине уже светился исследовательский монитор. Синтivity подавали донесения инфракрасным излучением через транслятор, установленный для лучшей когерентности на середине дистанции. Вместе с компьютером и его специальной программой они составляли электронный микроскоп, весьма своеобразный, ибо пространственно он был разделен на отдельные агрегаты. Десять тысяч его «жучков» сновали по всем закоулкам разбитого корабля, исследуя сажу, обломки, мусор, пыль, опилки и брызги оплавленной стали, стараясь обнаружить то, чего в них раньше не было. Их электронные рыльца выявляли «ордофилию» — стремление к молекулярной упорядоченности, свойственное всем живым или искусственным микроорганизмам. «Жучки», слишком глупые, чтобы ставить диагноз, были только объективами микроскопа и анализатора в ракете, который рисовал уже первые кристаллические мозаики находок и классифицировал их. Технобиотическое мастерство местных инженеров смерти заслуживало уважения. «Жучки» позволили распознать в невинном мусоре вирусы замедленного действия. Миллионы их скрывались под маской обычной грязи. Компьютер еще не успел определить их инкубационный период. Это были зародыши, спящие в молекулярных пленках, чтобы вылупиться через недели или месяцы. Из этого открытия он сделал важный вывод: по их расчетам, он должен был уйти с планеты невредимым и занести на корабль заразу. Это соображение, безусловно логичное, вдохновляло на смелые действия — ведь только возвратившись, он мог стать источником гибели. Но тут же у него мелькнуло сомнение. Вирусы могли быть одновременно и настоящими и обманными. Как только он их обнаружит, у него должна возникнуть — согласно с только что сделан-

ным выводом — тяга к опрометчивым поступкам, а легкомысленного храбреца вполне может постигнуть несчастный случай. Он попал в ситуацию, типичную для структурной алгебры конфликтов: игрок создает себе модель противника вместе с его моделью ситуации, отвечая на нее, создаст модель модели — и так без конца. В такой игре уже отсутствуют факты, имеющие окончательное значение. Вот дьявольские штучки, подумал он. Здесь больше пригодились бы не инструменты, а экзорцизмы. Хронометр пропищал ему в ухо: прошло сто минут. Он приложил обе ладони плашмя к панелям и почувствовал легкую зудящую дрожь — компьютер заряжался, чтобы послать «Гермесу» однобитовый лазерный сигнал о том, что его разведчик жив.

Настало время для самой разведки. Он бегом выкатил по трапу другой контейнер и вынул из кормового люка складной экипаж — легкую раму с сиденьем и надувными колесами, снабженными электроприводом. Лишь только он двинулся в сторону северных горных склонов, к поднебесной сети, как начался мелкий дождь. Серая мгла окутала силуэт растущего перед ним загадочного строения. Он остановил свой открытый вездеход, отер перчаткой капли воды, стекающие по стеклу шлема, и остолбенел. Колосс казался одновременно абсолютно чуждым и странно знакомым. Без окон, с выпуклыми стенами, схваченными параллельно расположенными шпангоутами, он производил впечатление чего-то противного архитектонике и природе, словно труп кита, которому выстрелили в брюхо гранатой со сжатым газом, а его кошмарно раздутое тело почему-то оказалось внутри мостовой фермы и выгнуло ее балки выпуклостями своей агонизирующей туши. Между двумя ребрами зияло полукруглое отверстие. Он скинул с вездехода контейнер и вкатил его, толкая перед собой, через эти ворота в непроницаемый мрак. И сразу же на него обрушился поток слепящего белого света. Он стоял на дне зала, внутри которого и большеход показался бы муравьем. По стенам переплетались какие-то странные кривые галереи, словно в железном театре с вырванными внутренностями сцены и зрительного зала. Посредине на ажурном металлическом листе лежало нечто вроде многокрасочной морской звезды из цветов, сверкающих, словно кристаллы. Когда он подошел ближе, то увидел,

что над звездой висит перевернутая пирамида, прозрачная почти как воздух, так что только под острым углом ее поверхность становилась видимой, отражая свет ламп. Погруженные в стекловидный тетраэдр, поочередно стали появляться изумрудные буквы:

ЭТО ПРИВЕТСТВИЕ ТОЧКА

Кристаллические цветы запылали великолепными красками — от светлой лазури до глубокого фиолетового. Их свещающиеся чашечки раскрывались. В каждой горел огненный бриллиант. Надпись сменилась другой:

ВЫПОЛНЯЕМ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ ТОЧКА

Он стоял, не шевелясь, а радуга горящих кристаллов постепенно серела. Их алмазные сердцевинки еще минуту тлели рубиновым светом, пока не исчезли, и все рассыпалось в легкий пепел. Перед ним оставался только колючий моток переплетенной проволоки, а в кристалле зеленели новые слова:

ПРИВЕТСТВИЕ ОКОНЧЕНО ТОЧКА

Он поднял глаза от дотлевающего пепелища, окинул взглядом галереи, их свисающие пучки, местами оторванные от вогнутых стен, и вздрогнул, как от удара в лицо. Он наконец понял, почему казалось ему знакомым странное строение, — это была вывернутая наизнанку, стократно раздутая копия «Гермеса». Галереи воспроизводили подмости, приваренные к бортам во время монтажа и смятые взрывом в момент посадки, а ребра, вдавленные в стены, были шпангоутами корабля, опоясывающими его пустое туловище снаружи. Огни под навесами криво свисающих галерей поочередно гасли, пока не вернулась тьма, и только подвешенная в воздухе надпись: ПРИВЕТСТВИЕ ОКОНЧЕНО ТОЧКА светила понемногу слабеющей бледной зеленью.

Что теперь предпринять? Исследовав разбитый корабль, они повторили его с дотошностью бездушного педантизма — возможно, ради утонченного издевательства, чтобы гость вошел в него, словно в чрево убитого и выпотрошенного существа. Было ли это злобным коварством или же ритуалом нечеловеческой культуры, именно так выказывающей гостеприимство, оставалось вопросом без ответа. Пятясь в темноте, он толкнул контейнер, который с грохотом упал на металлические плиты пола, и это шумное падение отрезвило его и одновременно привело в бешенство.

Он бегом вытащил груз на дневной свет, под дождь. Мокрый бетон потемнел. За сеткой измороси вдали серебрилась игла его ракеты, грязные тучи дыма из бурых труб однообразными волнами плыли к низкому мутному навесу облаков, а над всей этой пустошью мертвой башней торчал «Гермес». Он проверил время. До следующих ста минут оставался почти час. Он боролся с гневом, пытаясь сохранить рассудительность и спокойствие. Если они могли конструировать военные машины, развивать военную технику в масштабах планеты и космического пространства, они должны быть способны к логическим рассуждениям. Если для них нежелательна личная встреча, они могли бы проводить его указателями направления туда, где их терминалы доказали бы ему при помощи уравнений алгебры конфликтов — кодом, переданным несколько месяцев назад, — невозможность соглашения. И пусть бы они опровергли аргументы насилия серьезными аргументами высшего порядка, теми высшими соображениями, которые дают им выбор только между различными обличьями гибели, — но не было никаких знаков, терминалов, устройств для обмена информацией, ничего, даже меньше, чем ничего, — был дымовой экран в тучах, труп корабля, напитанный тайной заразой, а в качестве храма гостеприимства — повторенный его корпус, распухший, словно жаба, надутая безумцем через соломинку, и хрустальный цветник, распадающийся ради приветствия в пепел. Церемониал был так противоречив по смыслу, будто говорил: напрасно стараетесь, пришельцы, ни огнем, ни ледовым обвалом не добьетесь ничего, кроме ловушек, иллюзий и камуфляжа. Пусть ваш посланец делает что хочет — везде его будет встречать то же непреклонное молчание. До тех пор пока, обманутый в ожиданиях, сбитый с толку, одурев от бешенства, не начнет бить излучателем во что попало и не похоронит себя под развалинами либо выберется из-под них и улетит — не как разведчик, возвращающийся с добытыми сведениями, а как бегущий с поля боя паникер. В самом деле, мог ли он что-то преодолеть, вторгнуться силой в железные пределы одноглазого города, за стену дымов — ведь в таком нечеловеческом окружении он узнает тем меньше, чем сильнее ударит, и не сможет даже отличить то, что откроет, от того, что уничтожит.

Дождь лил, тучи оседали, обволакивая верхушку останков «Гермеса». Открыв контейнер, он вынул из футляра биосенсор, прибор настолько чувствительный, что за пятьсот метров он живо реагировал на тканевый обмен мотылька. Стрелка непрерывно дрожала около нуля, доказывая, что жизнь здесь есть, как и на Земле, повсюду, однако ни бактерии, ни пыльца растений не могли стать для него нитью Ариадны. Поднявшись на трап, он выдвинул ствол прибора до конца и направил его на юг, в сторону скрытых дымами щупалец города. Датчик по-прежнему слабо дрожал около нуля. Он перевел фокусировку на максимальное удаление. Дым, даже металлический, не мог быть преградой, так же как и стены; он даже провел биометром вдоль горизонта — стрелка не двинулась. Мертвый железный город? Это было так невероятно, что он инстинктивно потряс аппарат, как остановившиеся часы. Только когда, повернувшись, он нацелил ствол на маячившую сквозь дождь поднебесную паутину, стрелка дернулась и при поворотах ствола заколебалась в широком рваном ритме.

Он рысью вернулся к вездеходу, устроил контейнер за сиденьем, воткнул биосенсор в захват рядом с рулевым колесом и поехал на юг, к подножью растянутой на мачтах сети.

Лило как из ведра. Вода разбрызгивалась из-под колес, заливая ему окошко шлема, ослепляла, и приходилось все время поглядывать на биосенсор, стрелка которого постоянно быстро колебалась. Согласно счетчику, он проехал четыре мили и, таким образом, приблизился к границе области разведки. Но он только прибавил скорости. Если бы не предостерегающее мигание красных сигналов на приборной доске, он скатился бы вместе с вездеходом в глубокий ров, издали выглядевший, как черная полоса на стартовом поле. Резко затормозивший экипаж занесло, он проехал боком на заблокированных колесах и застыл у кромки разломанных плит. Он слез, чтобы рассмотреть препятствие. Мгла, затрудняющая оценку расстояния, создавала иллюзию глубины — мощенная равнина заканчивалась бетонными обломками. Кое-где они повисли в воздухе над глиняным обрывом. Ров неодинаковой ширины, который, однако, нигде нельзя было преодолеть при помощи дюралевой лесенки, был создан, по видимому, взрывными зарядами, причем совсем недавно и

в спешке, о чем свидетельствовала глина, местами так разодранная и нависшая, что в любую минуту могла обвалиться.

Противоположный край, покрытый обломками, вдавленными взрывом в грунт, возвышался не слишком крутым широким откосом, над которым сквозь мглу проглядывали ячейки уходящей в небо паутины. На той стороне через широкие промежутки располагались небольшие колодцы, где закреплялись стальные тросы — типичные растяжки, которыми обычно поддерживаются в вертикальном положении антенные бесподкосные мачты на шаровой опоре. Из двух ближайших труб взрывом вырвало якоря вместе с растяжками. Проследив взглядом, куда тянутся беспомощно свисающие тросы, в нескольких десятках метров выше по склону он увидел ствол мачты с телескопически выдвинутыми все более тонкими сегментами, согнувшимися наверху, как сильно перегруженное удилище, из-за чего плохо натянутая сеть обвисла, и некоторые ее провода почти касались грунта. Насколько он мог видеть сквозь мглу, склон был покрыт более светлыми, чем глина, выпуклостями — это были не купола вкопанных резервуаров для жидкости или газа, а скорее неправильные, вспученные кротовые кучи или наполовину зарытые панцири гигантских черепах. Может быть, шляпки огромных грибов? Или землянки-укрытия?

Ливень и ветер трепали над ним ячейки провисшей паутины. Он забрал из вездехода биосенсор и принялся водить его стволом по склону. Стрелка раз за разом выскакивала в красный сектор шкалы, возвращалась и снова билась в ограничитель, побуждаемая метаболизмом, свойственным не каким-нибудь микроскопическим существам или муравьям, а скорее уж китам или слонам, словно целые их стада расположились на истекающем водою склоне. Осталось сорок семь минут до ста. Возвратиться в ракету и ждать? Жалко времени, да и хотелось бы использовать эффект неожиданности. В голове у него уже смутно вырисовывались правила игры: они не стали нападать, но создали препятствия, на которых он мог бы сломать себе шею, если бы очень этого захотел. Больше не о чем было раздумывать. С невыразимым ощущением того, что реальность оказалась менее правдоподобной, чем сон, он доставал из контейнера устройства для прыжка на ту сторону. Надев на плечи управляемые сопла,

воткнул в карман саперную лопатку, биосенсор в рюкзаке закинул за спину и, считая, что такая попытка не повредит, сначала воспользовался ракетницей, стреляющей тергалевым тросом. Прицелившись в нижнюю часть склона, выстрелил, поддерживая ракетницу левым локтем. Развернувшись со свистом, трос перелетел через ров, крюки вонзились в глину, но, когда он попробовал потянуть, размокший грунт подался при первом же рывке. Тогда он открыл клапан. Струя газа с шелестом подняла его в воздух — легко, как на тренировочном полигоне. Он пролетел над темным провалом с мутной водой, скопившейся на дне, и, уменьшая тягу, которая была его холодным вибрирующим выхлопом по ногам, опустился на выбранное место за одним из выступов, напомнившим ему, когда он над ним пролетал, огромный бесформенный каравай, испеченный из шершавого асбеста. Ботинки разъехали на жидкой глине, но он устоял. Склон был здесь не слишком крут. Повсюду вокруг него были эти пузатые приземистые мазанки цвета пепла с более светлыми полосками там, где с них стекали струйки воды. Затерявшаяся во мгле деревушка примитивного негритянского племени. Или кладбище с курганами. Вынув из рюкзака биосенсор, он направил его с расстояния одного шага в шершавую выпуклую стену. Стрелка затряслась у красного максимума, будто низковольтный прибор подключили к мощному генератору. Держа перед собой тяжелый прибор с выдвинутым стволом, словно оружие, готовое к выстрелу, он обежал вокруг сероскорлупчатого горба, выпирающего из глины, в которой его башмаки, хлюпая, оставляли глубокие следы, сразу наполнявшиеся мутной дождевой водой. Он кинулся вверх по склону — от одной бесформенной буханки к другой. Их приплюснутые верхушки были выше его на половину его роста. В самый раз для существ размером с человека, но там не было вообще никаких входов, отверстий, смотровых щелей, амбразур. Это не могли быть ни бесформенные колпаки бункеров, ни трупы, погребенные в покрытых скорлупой могилах. Куда бы он ни направил датчик, повсюду кипела жизнь. Для сравнения повернул ствол датчика на себя, в собственную грудь. Стрелка сразу сдвинулась с предела на середину шкалы. Осторожно, чтобы не повредить, он отложил в сторону биосенсор, выхватил саперную лопатку из набедренно-

го кармана скафандра и, опустившись на колени, стал рыть податливую глину; острое скрежетало о скорлупу, он ударял наугад, сквозь жижу, выбрасывая ее взмахами лопатки. Вода быстро заполняла растущую яму, он сунул туда руку по самое плечо, насколько мог достать, пока ошупью не наткнулся на горизонтальное разветвление. Корневая система колонии грибов? Нет: толстые гладкие круглые трубы, и — что удивило его — не холодные и не горячие, а теплые. Запыхавшийся, измазанный глиной, он поднялся с колен и в сердцах ударил кулаком в волокнистую скорлупу. Она эластично подалась, хотя была достаточно твердой, и приняла прежнюю форму. Он оперся на нее спиной. Сквозь дождь он глядел на окружающие его холмики, сформованные с такой же неаккуратностью. Некоторые из них, придвинутые друг к другу, образовывали крутые улочки, тянущиеся вверх по склону туда, где их поглощала мгла.

Он вдруг вспомнил, что биосенсор работает в двух диапазонах: переключается на кислородный и бескислородный метаболизм. Кислородную разновидность живой материи он уже открыл. Подняв датчик, он отер перчаткой глину, размазанную по стеклу шлема, переключил биосенсор на бескислородный метаболизм и поднес к шершавой поверхности. Стрелка начала колебаться не слишком быстрой равномерной пульсацией. Кислородный обмен вместе с анаэробным? Возможно ли это? Он в этом не разбирался, да здесь вообще вряд ли кто разобрался бы. Увязая в илистых потоках, под ливнем, он кидался от одного холма к другому. Их метаболический пульс отличался по темпу. Может быть, в одних они спят, а в других бодрствуют? Словно желая пробудить спящих, он бил кулаками в шершавые вздутия, но пульс от этого не менялся. Он так забегался, что чуть не упал, зацепившись в одном из проходов за трос антенной растяжки, косо протянутой вверх, к невидимым в молочной мгле сетям огромной паутины. Хронометр, неизвестно уже сколько времени, предостерегал его, все громче повторяя тревожные сигналы. Он и не заметил, как прошло сто двадцать минут. Как он мог так зазеваться? Что теперь делать? До ракеты он долетел бы за три-четыре минуты, но газа в баллоне оставалось максимум на двухсотметровый прыжок. Хоть бы на триста. К вездеходу?.. Но ехать больше шести

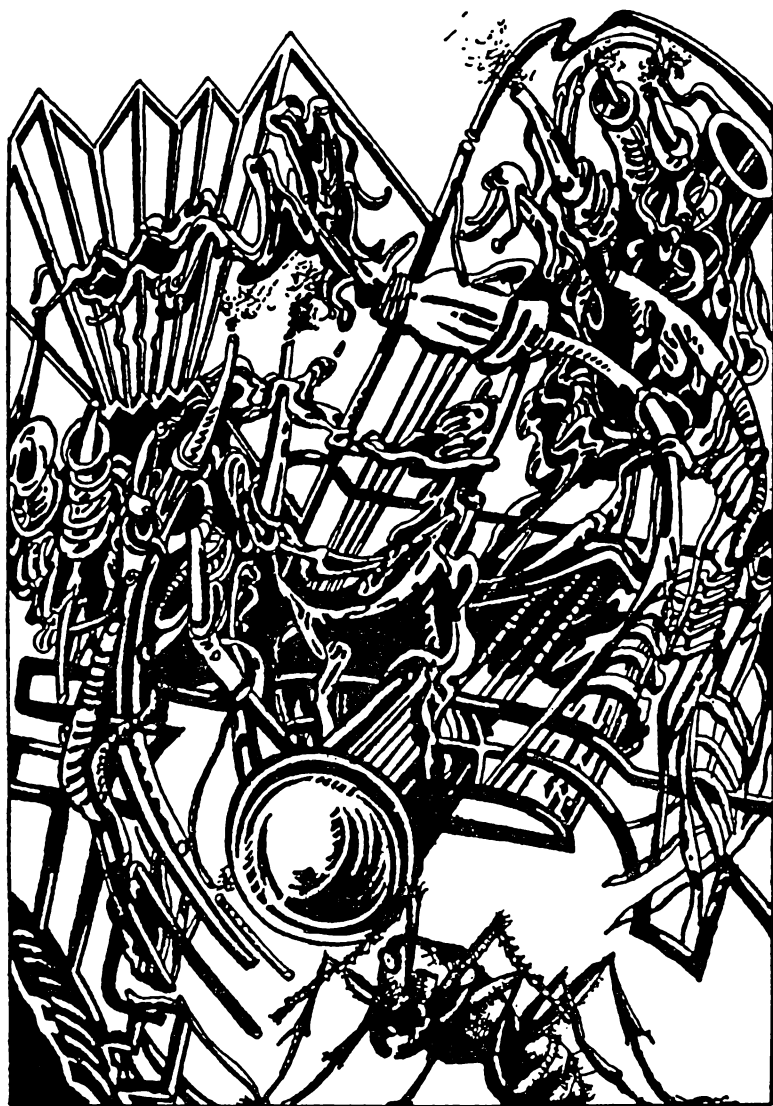
милль. По меньшей мере четверть часа... Попробовать? А если «Гермес» ударит раньше и его посланник погибнет не как герой, а как последний идиот? Он потянулся за черенком лопатки — напрасно: карман был пуст.

Он забыл лопатку, воткнутую возле выкопанной ямы. Где ее теперь найдешь в этом лабиринте?

Взяв обеими руками биометр, он размахнулся и ударил в шершавую скорлупу. Он бил и бил, пока она не лопнула; из пролома вырвалась желтоватая пыль, как из гриба-дождевика, и в глубокой трещине он увидел — нет, не глаза существ, скрывавшихся внутри, а монолитную поверхность с тысячами мелких пор — словно разрубленная пополам буханка с тягучим недопеченным тестом внутри. Он застыл, замахнувшись для следующего удара, и в этот момент небо над ним заполнилось страшным блеском. «Гермес» открыл огонь по антенным мачтам за космодромом, навывлет пробил тучи, дождь мгновенно прекратился, улетучиваясь белым кипятком, взошло лазерное солнце, термический удар в широком радиусе сорвал мглу и тучи с верхней части склона, покровтого, насколько мог видеть глаз, скоплением голых беззащитных бородавок, и, когда вознесенная к небу паутиная сеть вместе с антеннами, ломающимися в пламени, упала на него, он понял, что увидел квинтян.

Рассказы

КРЫСА В ЛАБИРИНТЕ

Я уложил на полки папки с протоколами опытов, запер шкаф, повесил ключ на гвоздь и направился к двери. Шаги звонко разносились в нагретой тишине. Взявшись за ручку, я замер с поднятой головой: послышался легкий торопливый шелест. «Крыса, — мелькнуло у меня в голове. — Удрала из клетки? Это невозможно». Лабиринт, расставленный на столах, я мог охватить одним взглядом. Петляющие коридорчики под стеклянной крышкой были пусты. Наверное, показалось. Однако я не двинулся с места. Снова шорох у окна. Отчетливый стук коготков. Обернувшись, я быстро присел и заглянул под столы. Ничего. Опять шорох, на этот раз с другой стороны. Я подскочил к печке. Упрямый шумок донесся из-за спины. Застыв на месте, я медленно повернул голову и посмотрел краем глаза. Светло и тихо. Еще шорох, и еще — с противоположной стороны. Я резко раздвинул столы. Ничего. Совсем рядом со мной нахальная возня, треск разгрызаемого дерева. Неподвижный, как изваяние, я обводил глазами комнату. Ничего. Неожиданно три-четыре резких шороха, шум под столами. Дрожь отвращения прошла у меня по спине. «Ну, не боишься же ты крыс», — уговаривал я себя. От шкафчика, который я только что запер, донесся энергичный скрежет зубов. Я подскочил к дверцам — за ними что-то мечется, мягко клокочет, трепещет. Срываю замок... серый клубок летит мне прямо в грудь. Ох-

---

Szczur w labiryncie, 1956

Перевод Д. Брускина, 1963

ваченный ужасом, задыхаясь, с отвратительным комком в горле, сделав такое усилие, будто свалил с себя каменную плиту, я проснулся.

В автомобиле было темно. Я едва разглядел профиль Роберта в зеленом свете приборов. Он небрежно откинулся назад и скрестил руки на руле. Где-то он подсмотрел эту позу, наверно, у какого-нибудь профессионального водителя.

— Ну, что там с тобой? Не можешь усидеть? Уже подъезжаем.

— Душно в этой коробке, — буркнул я, опуская стекло, и подставил лицо резкому ветру. Тьма стремительно летела назад, только лента шоссе перед нами мерно покачивалась в свете фар.

Один поворот, другой — снопы света открывали длинные коридоры между стволами высоких сосен. Как белые призраки, выскакивали из мрака и исчезали дорожные столбики. Неожиданно асфальт кончился. «Шевроле» подпрыгнул на выбоине и, приплясывая, помчался узкой лесной дорогой — по мне мурашки пробежали при мысли, что мы сейчас налетим на какой-нибудь невыкорчеванный пенёк. Но я смолчал. Лес перед нами поредел, деревья расступились, и мы оказались на месте. Как я и ожидал, Роберт не убавил скорости на краю поляны и со скрежетом затормозил у самого полотнища палатки, бледно просвечивающего сквозь темноту. Передними колесами мы чуть не уперлись в колышки, к которым были привязаны тросы. Я уже хотел выругать Роберта за глупую браваду, но вспомнил, что это наш последний вечер.

В Олбани на почте Роберта ожидало известие, что через два дня он должен явиться в редакцию. Ровно столько времени нужно, чтобы преодолеть без малого тысячу километров, отделяющих наш лагерь от Оттавы: до Олбани на автомобиле, потом на пароходе и снова — автострада. Роберт предложил мне остаться на озере до конца сентября, как мы рассчитывали, но я, конечно, не согласился.

Сразу же за городом, выезжая в сумерках на автостраду, мы пересекли зайца. Это была единственная дичь, если не считать форелей, что досталась нам в добычу. Мы взяли его в машину и сейчас принялись готовить ужин. Заяц был старый и поэтому огнеупорный; подступить к нему удалось

только около полуночи. Борьба с мочалистым жарким не много развеяла наше похоронное настроение, этому способствовало и пиво, припрятанное в багажнике для какого-нибудь особого случая. Мы решили, что сейчас именно такой случай. Роберт вдруг вспомнил о привезенных из городка газетах и пошел за ними к машине. Гаснущий костер давал мало света, и он включил одну фару.

— Погаси! — крикнул я.

— Сейчас.

Он разложил газетные полотнища.

— Ты недостойн жить в этой почтенной лесной глуши, — сказал я, закуривая трубку. — Горожанин несчастный.

— Лучше послушай. — Роберт наклонился над газетой. — Тот метеорит, о котором писали на прошлой неделе, помнишь? Снова показался.

— Чепуха.

— Да нет, слушай: «...сегодня рано утром — это вчерашняя газета — он в третий раз приблизился к Земле и, входя в верхние слои атмосферы, раскалился добела, после чего удалился, остывая. На пресс-конференции профессор Мерривизер из местной астрономической обсерватории опроверг версию, распространяемую американскими газетами, будто бы это тело — космический корабль, облетающий нашу планету перед посадкой. Это — заявил профессор — метеорит, захваченный земным притяжением, который стал новой луной и обращается вокруг Земли по эллиптической орбите. В ответ на вопрос нашего корреспондента, следует ли считаться с возможностью падения метеорита на Землю, профессор Мерривизер ответил, что это не исключено, так как, приближаясь при каждом обороте к Земле, метеорит подвергается торможению вследствие трения о воздух. Названная проблема разрабатывается многими обсерваториями и будет решена в ближайшее время...» Тут у меня газеты из Штатов, трехдневной давности. Ну, они там и изощряются: «Космический звездолет приближается», «Электромозги будут переводить речь неизвестных существ», «У нас гости из космоса...» Ну-ну, — добавил Роберт с оттенком сожаления, — а я тут сижу в лесу.

— А, обычные утки, — сказал я. — Гаси свет и выброси эту макулатуру.

— Ну ладно, конец сказке...

В полумраке Роберт вернулся к костру, который стал грудой красных углей, подбросил веток и, когда они занялись, уселся на траву и заговорил негромко:

— А может, и впрямь звездолет... Чего ты смеешься?

— Да я знал, что ты не оставишь этого в покое.

— Эх ты, психолог, психолог, — пробурчал Роберт и пошевелил веткой костер, который, словно рассердившись, выбросил с ужасным треском сноп искр. — А почему и взаправду не может быть корабля? Ну-ка, скажи?

— Скажу. Где одеяло? От земли тянет, как из преисподней, а это к заморозкам. Итак, мой друг, за шесть тысяч лет земной цивилизации к нам не прибыл ни один космический корабль. Эдакое событие неизбежно оставило бы след в исторических хрониках... Но его нет. А вероятность события можно оценить по тому, как часто оно происходит, — понимаешь? Большие метеориты падают на Землю регулярно — раз, а то и два раза в столетие. А кораблей не было... поэтому вероятность, что огненное тело было ракетой, практически равна нулю.

— Пусть так... Но ведь известно, — Роберт заговорил оживленней, — что есть обитаемые планеты. Не в нашей Солнечной системе, так в других. Когда-нибудь возьмет какой-нибудь корабль да и прилетит к нам.

— Да, возможно. Скажем, через два миллиона лет. А может, уже через сто тысяч. Как видишь, я не хочу тебя огорчать.

— Какое было бы событие... — вслух мечтал Роберт. — Знаешь, в этом вопросе мнения делятся так: одни считают, что такой контакт с другим миром принес бы нам пользу, а другие — что это было бы началом «войны миров». А ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Вышло бы что-то вроде визита улиток к белкам, и результаты соответствующие: никакие. Различие в строении — препятствие неодолимое.

— Структуры мозга?

— Не только. Структуры жизни вообще. Даже если бы они обладали речью — что совсем не обязательно, — мы не договорились бы с ними...

— Но ведь через какое-то время удалось бы.

— Весьма сомнительно.

— Почему?

— Мы, люди, — зрители: масса наших понятий выводится из сферы оптических впечатлений. А их ощущения могут основываться на другом принципе... Например, на обонянии. Или на совершенно неведомом — скажем, химическом... Становится все холоднее. Подбрось-ка в огонь... Впрочем, дело даже не в разнице ощущений, ее бы мы в конце концов преодолели. Но тогда мы увидели бы, что нам просто не о чем с ними говорить... Мы создаем и совершенствуем футляры — для жилья, для укрывания тела, для путешествий. Засим занимаемся питанием и очищением наших тел, двигаемся по особым методикам — я имею в виду спорт, — и во всех этих областях у нас не было бы общего языка...

— Ну что ты говоришь, Карл? Ведь не прилетели бы они к нам, чтобы поговорить о моде или спорте.

— А о чем?

— Ну... об общих проблемах...

— О каких?

— Что ты меня экзаменуешь! О науке, о физике, о технике...

— Я докажу, что ты ошибаешься. У тебя под руками нет какого-нибудь прутика? Трубка засорилась. Спасибо. Итак, во-первых, их цивилизация может развиваться совсем в ином направлении, чем наша, — тогда взаимопонимание было бы чрезвычайно затруднено. Но даже если предположить, что, как и у нас, она базируется на высокой технике, все равно беседовали бы мы с огромным трудом. Мы еще не можем преодолеть пространство между звездами — не правда ли? — а они своим прибытием докажут, что могут. Значит, они превосходят нас, опережают в технике и одновременно в науке — одно связано с другим. Вообрази, к примеру, что современный физик, какой-нибудь де Бройль или Лоуренс, встречает своего земного коллегу, жившего сто пятьдесят или двести лет назад. Тот рассказывает о каких-то флогистонах, а этот говорит о космическом излучении, об атомах...

— Ну хорошо, но мы-то уже знаем об атомах, и немало.

— Согласен, но они знают существенно больше, атом может быть для них понятием безнадежно устаревшим, а может, они его вообще перепрыгнули, иначе решили проблему материи. Нет, не думаю, чтобы беседы оказались пло-

дотворны — даже в области точных наук. А в повседневных делах вовсе не нашлось бы ничего общего. Не сумев понять друг друга в конкретных вещах, мы тем более не сможем договориться в сфере обобщений, которые являются производными этих конкретностей. Иные планеты, иная физиология, иная интеллектуальная жизнь... Разве лишь... Но это сказка...

— Что «разве лишь»? Расскажи.

— Э, ничего. Мне пришло в голову, что с виду они могли бы походить на нас и все-таки представлять непонятный мир... — Я остановился.

— Не совсем понимаю. Что ты хотел сказать?

— Речь о том, — объяснил я, постукивая мундштуком трубки о камень, — что на Земле только человек достиг высокого уровня разума. В других условиях могли бы параллельно развиваться два разумных вида, различных...

— И между ними вспыхнула бы война — об этом ты говоришь?

— Нет. Это как раз земная, антропоцентрическая точка зрения. Лучше оставим фантазии в покое. Скоро два, давай спать.

— Ну, ты хорош! Сейчас спать? Нет, ты должен сказать все.

— Бог с тобой. Скажу, хотя и лезу в совершенно невероятную фантастику. Один из разумных видов мог бы быть человекообразным, но на низкой ступени развития... А другой господствовал бы и... вообрази себе такую ситуацию: на Землю садится корабль, мы находим в нем существа, похожие на нас, чувствуем их как покорителей пространства, а на самом деле это просто низшие виды иного мира — понимаешь, существа, которых настоящие конструкторы звездолета посадили в кабину и выстрелили в пространство... Ну, как мы посылаем в ракетах обезьян...

— Неплохая история. Почему ты не пишешь таких рассказов? У тебя буйное воображение.

— Сказок я не пишу, потому что занят другими делами. Ладно, давай спать. Утром еще поплаваем на озере, я хотел... Погоди, что это?

— Где?

— Там, над лесом.

Роберт вскочил с земли. Невидимое до сих пор небо посветлело. Засверкали кромки туч.

— Что это, луна? Свет слишком яркий... смотри.

Зареве разгоралось. Мгновение, и ближние деревья начали отбрасывать тени. Вдруг ослепительный столб огня разорвал тучи, пришлось закрыть глаза. Лицо и руки опалил мгновенный жар. Земля вздрогнула подо мной, подпрыгнула и провалилась. Потом послышался протяжный, идущий со всех сторон гром, который нарастал и опадал каскадами. Сквозь слабеющий грохот был слышен только страшный треск падающих деревьев. Порыв горячего ветра ударил в нас, разметал костер, я почувствовал обжигающую боль в ноге — меня огрело головешкой. Задыхаясь в облаках пепла, я покатился куда-то вбок. Втиснув лицо в траву, подождал несколько долгих секунд. Постепенно стало тихо, беспокойный ветер шумел в стволах уцелевших деревьев, темнота вернулась, и только над северным горизонтом красновато светилась луна.

— Метеорит! Тот метеорит! — возбужденно закричал Роберт.

Он закрутился на месте, подскочил к машине и включил фары. Свет вырвал из темноты распластавшуюся на земле палатку, перекрученные и осыпанные золой постели, а Роберт бегал вокруг и сообщал лихорадочно:

— Переднее стекло машины треснуло — наверное, какой-нибудь осколок... Эту огромную ель вырвало с корнем... Счастье, что нас деревья заслонили... погоди, я возьму бинокль, пойдем посмотрим с берега, что там делается...

Оставив включенными фары автомобиля, мы по узкой дорожке вышли на плавно понижающийся берег бухточки. В слабом свете далекого зарева едва намечались темные контуры скал, торчащих из воды. Роберт внимательно рассматривал в бинокль темноту, но ничего не обнаружил, кроме равномерного пурпурного свечения у северного горизонта.

— Слушай, пойдем туда. Посмотрим вблизи. Ну, дружище, какая у меня будет сенсация! — воззвал Роберт.

Вдохновленный этой идеей, он кинулся к лагерю.

— Для твоей газеты? — спросил я серьезно, хотя в горле у меня щекотало от сдерживаемого смеха.

— А как же!

— Уже третий час. Ночь. Давай-ка ляжем спать.

— Как ты можешь!

— Ложимся спать! — повторил я внушительно. — Бери

полотнище с другой стороны, натянем. Матрацы продырявлены, как решето... Нужно взять подушки из машины. Если это был метеорит, он до утра не сбежит. Засветло можем предпринять туда экскурсию — через озеро, потому что на машине не проехать. По-моему, это на северном берегу, на болоте. Машина цела?

— Да, только переднее стекло...

— И на том спасибо. А теперь — спать.

Роберт, бурча что-то насчет обывателей, которые, даже если наступит конец света, не забудут надеть войлочные туфли, вместе со мной поставил палатку и уложил в ней автомобильные сиденья. Мытье посуды, в связи с исключительными событиями, мы отложили до утра. Я уже засыпал, когда Роберт окликнул меня:

— Карл, с точки зрения статистики, вероятность того, что метеорит упадет как раз здесь, была равна нулю. Что ты на это скажешь... Ты меня слышишь? — переспросил он громче.

— Слышу, — ответил я сердито. — Оставь меня наконец в покое.

Я натянул на голову одеяло и тотчас уснул. Меня разбудил автомобильный клаксон. Я выглянул из палатки. Было уже светло. Роберт возился с машиной. Он принялся объяснять, что нажал гудок нечаянно. Я не стал его слушать и пошел к воде. Наш бивак находился на конце большого полуострова, вдававшегося в черное, почти неподвижное озеро, в котором отражалась плотная стена леса. Кое-где в ней зияли прогалыны. Северный берег озера, обычно прерченный на горизонте тонкой линией, сейчас не был виден — там тянулась пелена белого тумана. Сразу же за большими камнями было глубоко. Я прыгнул в воду, у меня перехватило дыхание — такая она была холодная, обогнул мыс и потом, лежа на спине и работая только ногами, вернулся на берег. Роберт уже сталкивал лодку, но ему пришлось подождать, пока я позавтракаю, — я не хотел поддаваться на его уговоры и есть в пути. Потом не желал заводиться мотор, нужно было продуть карбюратор, так что мы отчалили только после десяти.

За нами простиралась изрезанная линия лесистого берега, удалившись от него, мы почувствовали слабый восточный ветер, поднявший легкую волну. Мотор громко стучал,

мы быстро двигались вперед. Минут через пятнадцать берег превратился в синеватую полоску, зато стена тумана, казалось, вздымается все выше, молочный пар достиг уже хмурого неба. Мне было нечего делать, я неподвижно сидел на скамье и все сильнее сомневался в целесообразности нашего похода. Я старался припомнить все, что читал о метеоритах, особенно об огромном сибирском метеорите. Место его падения безрезультатно искали годами, а жителям окрестных селений, над которыми пролетел метеорит, казалось, что он упал совсем рядом. Если «наш» метеорит тоже был огромным, он мог упасть на десятки миль дальше на север, думал я, и поиски ни к чему не приведут. Однако этот туман... Я еще никогда не видел такого густого и на столь большом пространстве. Мне вдруг пришло в голову, что без компаса мы в нем заблудимся. Я взглянул за корму — берега исчезли, вокруг простиралось черное, иссеченное волнами, мерно колыхавшее лодку озеро. Даже если метеорит упал относительно близко... путь к нему, да еще по болоту, будет не из легких. В автомобиле была карта окрестностей, ее нужно было взять с собой, но, как это обычно бывает, мы о ней забыли. Направление к центру катастрофы показывают своими корнями поваленные деревья... по крайней мере, теоретически. По берегу, к которому мы стремились, двигаться было нелегко даже при хорошей видимости... Все предприятие уже казалось мне бессмысленным, однако я молчал, слишком хорошо понимая, что Роберт будет глух к доводам рассудка.

Мы подплывали к туманной стене. Ключья тумана тянулись к нам; они стелились над водой и были похожи на огромные скрюченные корни. Мы окунулись в молочную пелену. Еще раз в просвете меж клубами тумана я увидел черный простор воды, потом его расплывающиеся языки мягко сомкнулись; теперь мы плыли в теплой влажной туче. Меня охватило странное чувство — не страх, а непреодолимое ощущение, что мы приближаемся к чему-то необычному и оно вот-вот вынырнет из непрозрачного света. Я нажал на рукоятку мотора и поднял вращающийся винт из воды.

— Что ты делаешь! — воскликнул Роберт.

Другой рукой я опустил весло; мне казалось, что происходит что-то нехорошее. Вода забурлила вокруг лопатки весла.

— Роберт, — крикнул я, — нас несет течение. Раньше его здесь не было.

Белый пар заполнил лодку, размазав очертания носа. Энергично работая веслом, я поставил ее бортом, а потом кормой к направлению потока, опустил винт, вода за кормой закипела, но, хотя мотор толкал нас теперь в обратном направлении, мы продолжали плыть в глубь тучи, кормой вперед.

— Весла! Роберт, весла! — заорал я.

Лодка уже не покачивалась, как прежде. Она вибрировала — не сильно, но так, что в этой мелкой дрожи чувствовалась неодолимая сила потока, — и мчалась, пронзая туман. Становилось темней; в разрывах тумана вода, рассекаемая веслами, была странно коричневой. Наши усилия не давали результата, от стремительного движения скамейка подомной дрожала, как натянутая струна. В этот момент прямо над нами послышался басовитый голос мотора. «Самолет!» — воскликнули мы одновременно, задрвав головы в надежде на чудо. Мы не увидели ничего. Звук мотора удалялся, потом пропал совсем, зато сквозь постукивание нашего моторчика прорвался глухой гул, похожий на гул водопада. Впереди, в тумане очертился чудовищный горб; лодка вздыбилась и ринулась вниз. Отчаянно работая веслами, мы тщетно пытались удержать ее в равновесии. Я почувствовал, что скамья вырывается из-под меня, удар холодной волны швырнул меня в сторону, я потерял из виду Роберта и поплыл, бессознательно стараясь удержаться на поверхности, но чувствовал, что слабею. Я летел по черной, круто спадающей дуге, со всех сторон потоки воды врывались в клокочущую воронку. Меня засасывало. Тянуло все глубже и глубже. Задыхаясь, давясь, я увидел пульсирующие красные огни и потерял сознание.

Я пришел в себя от рвоты. Я лежал животом на чем-то тугом, эластичном, выплевывая и выхаркивая воду. Лежал долго. Что-то плоское, скользкое ударяло меня в бок. Это движение замирало на время и снова начиналось, оно было похоже на трепетание живого существа. Оно отрезвило меня. Приподнявшись на руках, я сел. Я начал видеть: вокруг было темно, но вблизи все мерцало очень слабым сероватым светом. И невдалеке лежал какой-то большой слабо светящийся

предмет. Все еще кашляя, я поднял руку к лицу, чтобы утереться, и остолбенел. Сквозь мою мокрую рубашку, облепившую тело, сквозь шорты пробивался мутный свет. Мои ладони, пальцы, голые до локтей руки излучали сероватое фосфорическое сияние. Все тело пылало слабым, негреющим огнем. Я ощутил головокружение и судорожно протер глаза. «Это ничего, это всего лишь галлюцинация», — уговаривал я себя беззвучно. Закрыв и снова открыл глаза. Видение не исчезало, наоборот, я замечал все новые подробности. Предмет, лежавший неподалеку, оказался Робертом. Его тело сверкало, как мое. С огромным усилием я привстал и на коленях подполз к нему. Потряс за плечо раз, другой — он очнулся. Я увидел его глаза, они не светились и потому казались темными пятнами на лице. Он начал дышать глубже, потом громко закашлялся, выплевывая воду. Я был слишком слаб, чтобы поднять его, и сидел, терпеливо ожидая, когда он окончательно придет в себя.

— Что это... Карл? Где мы?.. — заговорил он наконец хрипло.

Я молча глядел, как он встает, покачиваясь, как проявляется на нем феномен свечения, который меня так поразило. Постепенно возвращались силы. Я глубоко дышал, чувствуя, как проясняется у меня в голове. Потом встал рядом с Робертом. Мы смотрели друг на друга; знакомые черты выглядели непривычно из-за мутного, бледного свечения кожи.

— Что это? — спросил Роберт, шагнул вперед и пошатнулся: из-под ног что-то выскочило с громким шумом. Я нагнулся — между пальцев проскользнуло что-то трепещущее, скользкое.

— Рыба, — сказал я удивленно.

— Рыба? Но... но она светится... — пробормотал Роберт. Действительно, рыба излучала слабый свет, который, казалось, пробивался сквозь ее чешую.

— Как мы... но слабее... — проговорил я, оглядываясь.

Вокруг неясными пятнами фосфоресцировали рыбы, неуклюже бьющиеся о поверхность, на которой мы стояли. Я заметил, что она слегка прогибается под ногами. Пытаясь понять, что это такое, я низко наклонился и увидел правильно расположенные круглые отверстия, такие большие, что можно было в них всунуть руку.

— Где мы? — услышал я голос Роберта; он, не шевелясь, смотрел, как я по плечо всовываю руку в отверстие.

Я не ощутил ни малейшего препятствия — внизу была пустота.

— Не знаю. Ничего не понимаю. Нужно осмотреться... насколько возможно, — сказал я, вставая. — Раз уж мы сюда попали, здесь должен быть какой-то вход. Нужно его найти...

Не знаю почему, я не верил в то, что говорил.

— Пошли, — согласился Роберт. Он отлепил мокрую рубашку от груди, несколько раз провел пальцами по светящимся бедрам и буркнул: — Что это может быть?

Я тронулся с места. Мы почти на ощупь двигались в глубокой тьме, которую чуть-чуть освещал блеск наших тел. Осторожно ступая на полусогнутых ногах, расставив руки в стороны — эта колеблющаяся под ногами субстанция не внушала доверия, — мы через пару-другую шагов наткнулись на нескольких рыб, подающих слабые признаки жизни. Одна, уже заснувшая, совсем не светилась. Мне это запомнилось. Мы двигались вперед по пологому склону. Внезапно Роберт наткнулся на стену, вернее, на вогнутую гладкую поверхность. Ощупав ее снизу доверху, я решил, что мы внутри какой-то ниши или пещеры овальной формы. Дальше отверстия в полу исчезли, и мы стали продвигаться немного быстрее. Роберт меня обогнал. В свете, который излучало его тело, я разглядел противоположную стену, такую же закругленную.

— Какое-то овальное подземное корыто... — сказал он.

Я не ответил. Роберт достал складной нож, приставил его к матовой поверхности и нажал. Лезвие вошло почти по рукоятку, так что он с трудом его вытащил. В приступе бессмысленного гнева он еще несколько раз ткнул податливую субстанцию.

— Оставь, — бросил я сердито. — Это нелепо.

— Хорошо, хорошо. — Роберт спрятал нож и пошел дальше.

Его фигура, бледно светясь, мелькала передо мной в темноте. Он остановился, насунился, снова выпрямился и возбужденно окликнул меня:

— Тут что-то есть... какая-то дорога...

В стене туннеля, по которому мы до сих пор шли, откры-

лась широкая воронка. Возможно, это было начало ведущего куда-то коридора — сразу мы не могли этого определить. Но я вглядывался в темную глубь так, что закололо в глазах, и мне показалось, что вдалеке тлеет мерцающая искорка. Дно воронки находилось несколько выше уровня туннеля. Мы вошли внутрь. Под ногами пружинило все то же эластичное вещество. Огонек приближался, рос, наконец мы очутились прямо под ним. По вогнутому своду бежала светящаяся полоска, сначала тонкая, как нитка, потом она становилась все толще, пока не перешла в голубоватую жилу, протянутую в глубь коридора. Сбоку, в стене, появилось отверстие. Из него выходила тонкая светящаяся жилка и соединялась с той, которая бежала под потолком. Словно сговорившись, мы остановились.

— Ты знаешь, где мы? — тихо сказал Роберт.

— Догадываюсь...

— Внутри... метеорита...

— Это не метеорит...

— Нет. Это какой-то...

Он не закончил. Я молчал. Эта сумасшедшая мысль овладела мной, как только я открыл глаза. Высказанную, я принял ее спокойно. Мы находились — как я мог в этом сомневаться? — рядом с непохожими на нас разумными существами, должны были с ними встретиться, увидеть их, это было неизбежно. Роберт думал о том же. До меня донесся его шепот:

— Они должны быть где-то здесь...

Там, где к главной жиле присоединялась другая, коридор плавно изгибался. Мы шли дальше, наклонив головы, слегка увязая в мягком полу, — у меня мелькнула мысль, что эти существа здесь не ходят или... у них нет ног... Еще одна жила, и еще. Их немного змеистый бег наводил на мысль об их живой природе — обычный кабель шел бы прямо. Роберт кончиками пальцев дотронулся до мерцающей над головой жилы.

— Холодная, — шепнул он.

Мы снова задержались. Стену перед нами заливал трепещущий свет. Я чувствовал еле уловимое дуновение — там угадывалось какое-то пространство. Мы замерли. Роберт стиснул мою руку.

- Я думаю... мы в плену, — выдохнул он прямо в ухо.
- Чепуха, — мигом ответил я, тоже шепотом.
- Я тебе говорю.
- Откуда ты знаешь?
- Подумай: мы ведь можем дышать.

Эти слова поразили меня. Роберт был прав. Трудно было предположить, что помещение космического корабля с иной планеты наполняет земной воздух — не похожий, а самый настоящий земной: я отчетливо чувствовал сырой, свежий запах озера.

- Они о нас заботятся, — дыхнул мне в ухо Роберт.

Толстый светящийся кабель пульсировал над нами. Я не знал, был ли в словах Роберта страх. Сам я его не чувствовал.

- Пошли! — нарочито громко сказал я.
- Это не сон, правда? — спросил он, не двигаясь с места.
- Общих снов не бывает. Пошли! — повторил я.

За поворотом коридор стал просторней и закончился отверстием, обрамленным по кромке толстым валиком. Дальше открывалась ширь, размеры которой не поддавались определению. Полумрак, наполненный кружащимися вверху и внизу огнями. Искрящиеся жилы толщиной в человеческое тело шли с разных сторон, соединялись в извилистые переплетающиеся каналы, в местах их соединений непрерывно циркулировали пушистые продолговатые светящиеся комья. Из глубины выступали плотные глыбы темной блестящей материи, в которых двигались световые блики, повторяясь в сериях удаляющихся слабеющих вспышек. Все пространство попеременно расширялось и сокращалось, сверкающие каналы то становились уже, то растягивались с какой-то змеиной грацией, в огнях появлялись полосатые сгустки, огни распадалась на отдельные облачка, чтобы через мгновение лениво, как бы сонно разогреться снова и плыть и кружиться в разгорающемся блеске. Внутри толстой жилы, вознесенной высоко над нами, переплетенной с другими такими же жилами, лениво проплывали продолговатые голубые огоньки. Серое, словно пригашенное свечение наших тел было теперь едва видно. Стоя плечом к плечу, недвижимые, мы рассматривали окружающее нас пространство.

- Смотри, — ахнул Роберт.

Пушистая светящаяся масса с темными сгустками внутри

двинулась к нам. В ее блеске совсем угасло свечение наших лиц; она взлетела вверх; удаляясь, она становилась все меньше.

— Карл... — шепнул Роберт. — Может... это... они?

— Эти огни?

— Да, ведь мы тоже... наверно, у этого пространства такие свойства. А рыбы? Помнишь? Они тоже светились... Все живое здесь так светится...

Я молчал, глядя на хороводы парящих огней. Глубоко вдохнул воздух. Он был холодный и чистый. Да, это не могло быть случайностью. От этой мысли сердце у меня начало биться медленно и тяжело.

— Карл, — снова зашептал Роберт.

— Что?

— Что будем делать?

Этот беспомощный вопрос напомнил мне о чем-то.

— Прежде всего нужно запомнить дорогу, которой мы сюда пришли, — сказал я и оглянулся.

Отверстия коридоров, таких же, как тот, что привел нас сюда, темнели в плавно изогнутых нишах. «Наш» вход отличался большими размерами и окружающим его валиком.

— Попробуем пройти, — сказал я и двинулся вперед.

Роберт послушно пошел за мной.

Все в той же абсолютной тишине кружились огни, они проплывали, минуя нас; пушистые светляки медленно пульсировали внутри стекловидных жил, и все пространство, казалось, мерно дышало, словно во сне. Удивительно: эта мысль появилась и у Роберта.

— Карл!

— Что?

Я видел, что он пытается побороть страх. Он не сразу сумел произнести:

— Может, это не внутренность звездолета, а...

— А что?

— Организма...

Я вздрогнул.

— Одного организма?

— Да. В космическом корабле мог быть всего лишь один... одно существо. Может, это металлическая скорлупа, заполненная одним огромным организмом, который...

— Который спит, сейчас проснется и проглотит тебя, —

сказал я язвительно. — И мы в его чреве, да? В брюхе Леви-афана.

— Почему бы нет?

— Потому что исключено.

— Почему?

— Откуда бы в брюхе взялся воздух? Впрочем, хватит об этом. Это у тебя слишком буйное воображение, а не у меня. Пошли.

Продвигаясь шаг за шагом под перекрещивающимися жилами, огибая вертикальные, выходящие из-под пола трубы, я старался привыкнуть к мысли, что продолговатые огни — живые существа, но никак не мог с этим примириться. Они не обращали на нас — насколько можно было судить — ни малейшего внимания. Мы шли и шли по извилистой запутанной дороге. Это продолжалось, пожалуй, около часа. Постепенно обстановка изменилась. Пол, до сих пор гладкий, стал ребристым. В нем появились неглубокие поперечные желобки. Меня мучила жажда. Если бы хоть немного воды. Мне вспомнился ледяной водоворот озера, в котором мы чуть не утонули, и злая гримаса искривила мои губы. О, человеческое убожество, вечные метания между недостатком и избытком... Я сразу же обругал себя за это дурацкое философствование. Уголкем глаза взглянул на Роберта. Он то убыстрял шаги, то останавливался и оглядывался, облизывая губы, один раз даже уселся, но, когда я посмотрел на него, молча встал и поплелся за мной. Наконец он загородил мне дорогу.

— Карл, это бессмысленно. Вернемся.

— Куда?

— Туда, откуда пришли. Там... рыбы.

Я понял.

— Ты голоден?

— Я сгораю от жажды, я едва могу говорить. С меня хватит. Вернемся. Попробуем прорезать ножом эти стены. Они словно резиновые.

— Сначала нужно исследовать здесь, это пространство. Может быть, удастся найти выход. Я не думаю, что мы найдем его там, в темноте.

— Пошли сейчас. Я больше не могу. Я... говорю тебе, за нами следят.

— Следят? С чего ты это взял?

— Не знаю. Я это чувствую.

— Роберт, тебе почудилось. Чтобы выбраться из этой истории, мы должны стараться...

Его лицо исказилось, он закричал:

— Перестань меня поучать! Знаю, знаю, мы должны вести себя разумно, я должен быть рассудительным и осторожным...

— Не трать силы на крик, — перебил я. — Пока нам не из-за чего отчаиваться; с нами не произошло ничего плохого и...

— Конечно. Да, знаю, они заботятся о нас. Прошу тебя, дай им понять, что без воды и пищи мы не можем жить. Мы здесь будем подыхать, а они нам посветят.

— Роберт!

Я подавил гнев.

— Пойми, Роберт, они не могут быть такими, как мы. Считать, что эволюция повторяется во всем космосе, с теми же формами, мозгами, отверстиями глаз и рта, мышцами, — это же чушь. Мы должны сохранять хладнокровие.

— Ну и что? Ну и что? — снова взорвался он. — Разве я хочу, чтобы они были на нас похожи? Разве я вообще чего-нибудь хочу? Очень тебя прошу, будь разумным, будь здесь гениальным мыслителем, Ньютоном, Эйнштейном, продемонстрируй им человеческое достоинство и мудрость.

Роберт вдруг смолк, закусил дрожащие губы и пошел, даже не посмотрев, иду ли я за ним. Огни по-прежнему плавали над нами. Мы продвигались по дну длинного желоба; его стены становились все выше. Сверкающие клубки рассыпались вокруг пятна света. Я размеренно шел вперед. Роберт иногда почти бежал, все больше опережая меня, — я не пробовал его задержать, считая это бессмысленным. Светящаяся чащоба пульсировала огнями, она опускалась все ниже, ближе к нам, — огромные трубы, наполненные голубоватым мерцающим, в котором все чаще появлялись трепещущие красные полоски; в глубине стеклянистых колонн они росли и превращались в сгустки. Я отчетливо видел, как в одной колонне, прямо передо мной, такое уплотнение, освещенное изнутри рубиновым огнем, отвердело, затем накатилась волна более мощного света и движения и унесла пурпурные сгустки — снова в глубине колонны горела молочная белизна. Заглядевшись на эту игру пурпурных закатов и белых

рассветов, я на мгновение потерял Роберта из вида. Осмотрелся — он стоял в нескольких шагах от меня, словно окаменев. Вдруг он начал медленно пятиться... Коснулся ногой чего-то на полу и с воплем ужаса бросился бежать.

— Стой, — крикнул я. — Роберт! Роберт!

Я кинулся к нему. Он вырвался с такой силой, что я упал. В момент столкновения я заметил, что у него сумасшедшие стеклянные глаза. Я поднялся на колени и позвал его еще раз, не надеясь, что он услышит. Его сверкающий силуэт становился все меньше. Он несся, согнувшись, сквозь переплетения медленно плывущих, облачных огней. Я видел, как он перепрыгнул через какое-то препятствие, потом он исчез. Я остался один. Первым порывом было бежать за ним, но я мог бы часами искать его в этом лабиринте огней. Я повернул назад — что его так напугало? В неглубокой выемке между двумя стенами-желобами притаился съездившийся человек. На темном фоне стен его тело бледно светилось, так же, как мое. Он наклонил голову, подтянул колени к груди и сидел совершенно неподвижно. Вверху проплыла сверкающая масса, обдала нас светом. Ничего не понимая, с горлом, сжатым отвратительным страхом, я схватил недвижимое тело за плечо и ощутил под пальцами нечто твердое — оболочку — человек был покрыт тонкой стеклоподобной пленкой. Мумия? Я непроизвольно отпустил его — он медленно качнулся назад, уперся спиной в стену, так что его лицо, слабо светящееся в темноте, смотрело на меня.

Какое это было потрясение! Я знал эти черты. Но не мог сразу понять, на кого они похожи. Конечно — лицо Роберта, но похожее и на мое... Я еще раз схватил это тело... легкое... пустое... это не был живой человек, он никогда не жил — это вообще был не человек, а кукла, мертвая кукла... Я был близок к истерике. Вокруг меня летали продолговатые извивающиеся огни, и я смотрел на них, словно пытаясь найти разгадку. Еще раз добросовестно ощупал светящуюся неподвижную фигуру. В голове моей был хаос. Я встал и осмотрелся; я как будто что-то искал. Вдруг вспомнил: нет Роберта. Попытался убедить себя сохранять спокойствие — так же, как убеждал перед этим Роберта, но во мне не было никаких мыслей, никаких слов. Я ползл туда, откуда пришел.

Я был как в горячке, огни роились в глазах, изо всех сил

я стискивал зубы и беззвучно повторял: «Спокойно... спокойно...» Жажда иссушила меня, я не мог даже облизнуть губ. Вдруг вспомнил о рыбах, об их сочном свежем мясе, и у меня свело челюсти. Я уже ни о чем больше не думал, только о том, чтобы найти рыбину. Шел все быстрее под толстыми пульсирующими кабелями, добрался до отверстия большого коридора и, спотыкаясь, тяжело дыша, побежал под голубой жилой, тянущейся по потолку. Горло словно скребло когтями, дыхание перехватывало. Мне пришлось замедлить бег, когда вокруг стало темно. Лишь мое тело давало во тьме толику света. Вытянув руки, я двигался вперед, время от времени натываясь на эластичные стены, и наконец ногой почувствовал край небольшого отверстия. Наверно, где-то здесь... Я упал на колени и, с сердцем, полным отчаяния, освещая собственным лицом и руками пол, стал лихорадочно искать. Нет ничего... Вдруг я коснулся чего-то скользкого, овального. Рыба! Она была довольно большая, но плоская, в ней было больше плавников, чем мякоти, я даже не почувствовал вкуса ее крови. Я начал искать дальше — ничего. Подумал, что они свалились вниз, в пустоту, разверстую под этими круглыми отверстиями, и все же искал, пока не увидел еле заметный огонек. Это была рыба, она слабо светилась — я схватил ее и остоленел... некоторое время смотрел на нее и разразился отчаянным хохотом. Не рыба, а имитация рыбы, стеклянистая кукла — как и то подобие человека в пространстве кружащихся огней... Я не мог справиться со смехом, заходился так, что потекли слезы. Замкнутое пространство отозвалось тихим звоном. Внезапно я умолк. Сел в темноте, стиснув голову руками, и начал думать с огромным усилием, как будто поднимал тяжести. Эта их систематичность в исследованиях, это предъявление рыбам кукол рыбы, а нам — человека, свидетельствовало о таком полном непонимании земного мира, что для веселья у меня не было ни малейшего повода. И где они вообще есть? Под моими опущенными веками появилась картина пространства кружащихся огней. Мог это действительно быть единый организм, его внутренность? Не верится... Но на каком основании я отбрасываю эту гипотезу? Из-за присутствия воздуха. Организм из иного мира, наполненный земным воздухом, — этого никак не объяснишь. Сравнение с внутренностями было натянутым и примитивным.

«На аналогиях далеко не уедешь, — подумал я. — Что-то, однако, нужно понять, с чего-то нужно начать, иначе грозит смерть. Не только в муках голода и жажды, но и в полном незнании я буду блуждать здесь, в самом ядре загадки, и до самого конца ничего не пойму. Что за издевательство! Подожду, как эти рыбы, выловленные из воды, задыхающиеся рядом с деликатно подложенной им имитацией...»

Я нашел отправную точку. Пожалуй, это было доказательством моего отупения или утраты способности рассуждать логически, — во всяком случае, как открытие, как путеводную звезду я принял тот очевидный факт, что они прибыли на Землю. Прибыли на корабле, который разогрелся в атмосфере, а значит, должен быть сделан из какого-то твердого вещества, нечувствительного к высоким температурам. Но не это было сейчас самым важным. Главное, что прежде, чем прибыть, они должны были захотеть этого, решиться на такой полет, и в этом оказались похожи на нас — мы ведь тоже планируем космические путешествия. Итак, они предприняли экспедицию — с какой целью? Наверняка с научной. Откуда? Неизвестно. Впрочем, это не важно. Какой еще у меня был материал? Куклы. Возможно, попытки установить контакт. Чем это подтверждено? Нужно быть чрезвычайно осторожным, чтобы не ошибиться, поспешно трактуя факты. Какой цели должны служить куклы? Изучение наших реакций? Людей — и рыб? Но этих реакций они не поняли бы, не сумели бы их расшифровать, так как не понимали ни нашего языка, ни значения наших жестов, движений, поведения. Ничего. Они, наверное, не знали о нас ничего — разве не доказывало этого одинаковое отношение к нам и к рыбам? Однако вот существенный фактор — присутствие воздуха. Почему нас они обеспечили воздухом, а рыбам воды не дали?

У меня было неясное впечатление, что здесь кроется если не разгадка, то начало какой-то путеводной нити. Я переработал этапы своих рассуждений. Воздух... Самый простой ответ такой: он наполняет это пространство, потому что корабль сообщается (или какое-то время сообщался) с атмосферой. Может быть, открыты лоуки для проветривания? Нонсенс. Но возможно, они открыты по другим, не известным мне причинам, безотносительно к земным условиям, и

воздух вторгся в корабль и наполнил его совершенно случайно? Если так, то мой логический анализ я мог оставить при себе. Из присутствия воздуха ничего нельзя было вывести — во всяком случае, в отношении интеллекта и обычаев Существ. Они могли вообще не дышать, и состав газа, наполняющего корабль, мог быть им совершенно безразличен. Это вполне вероятно. Нет, это не тот путь — слишком много вариантов, и сверх того, случайности, которые я не мог угадать, — а они вполне могли быть причиной событий. Во всяком случае, благодаря истории с куклами, мысль о том, что Существа все знают и хорошо ориентируются в земных условиях можно было похоронить. Но куда они подевались? Или же мы действительно оказались в «брюхе Левиафана», втянутые потоком втекающей воды? И эти огни... Что потом произошло с водой? Если она заполнила помещение, то затем вытекла сквозь круглые отверстия, через которые ушли рыбы. Рыбы вернулись в воду? И об этом они позаботились?

На этом я со вздохом закончил анализ. Голова болела все сильнее, я все еще мог рассуждать. По-прежнему мучила жажда. В темноте появилось что-то едва различимое — я вскопчил. Светящаяся, удлинённая фигура была уже близко. Я узнал Роберта, но не сдвинулся с места. Он подошел ко мне, осмотрелся — я понял его.

— Рыб нет. Оставалась одна, я ее съел. Остальные, должно быть, упали вниз.

Он молча направился туда, где поблескивала стеклянистая кукла. Я остановил его и в двух словах объяснил, в чем дело. Роберт пихнул ногой эту мертвую вещь и мгновение постоял над ней, сгорбившись. Когда он повернулся ко мне, я испугался: он выглядел постаревшим на много лет.

— Что делал? Где был? — спросил я с перехваченным горлом.

Он пожал плечами и медленно сел. Я последовал его примеру и спросил:

— Видел что-нибудь новое?

Он покачал головой.

— Где нож?

— В кармане.

— Дай его мне.

Он отдал нож.

— Ты успокоился?

— Перестань, — хрипло сказал Роберт.

Мне стало жаль его.

— Ладно, старик, что было, то было, — сказал я, — но ты мог бог знает какую беду навлечь...

— Не могу говорить... во рту пересохло, — шепнул он.

Я молча раскрыл нож и, попробовав лезвие пальцем, приложил к краю ближайшего отверстия. Упругий материал сначала прогнулся, но я нажал сильнее, и он поддался. Орудя ножом, как пилой, я дошел до следующего отверстия и изменил направление разреза. Таким путем я вырезал большой кусок пола, отогнул его и наклонился над образовавшимся отверстием — там было темно. Я заколебался — что делать дальше? На помощь пришел Роберт. Он подал мне светящуюся имитацию рыбы, я кивнул и бросил ее вниз. Стоя на коленях, затаив дыхание, следили мы за голубоватой черточкой ее полета.

В черной глубине мигом вспыхнула такая же светящаяся полоска и понеслась вверх, навстречу падавшей, — они встретились, послышался тихий плеск, и бледный огонек «рыбьей куклы» стал неподвижен.

— Вода! Там есть вода! — разом вскрикнули мы.

Я попробовал оценить расстояние: метра четыре — пять. Роберт шевельнулся, как будто собираясь прыгнуть вниз. Я схватил его за руку.

— Не делай глупостей!

— Мы должны туда попасть!

— Постой. Прыгать нельзя, потом не вернешься. Погоди-ка. Есть!

Это была хорошая мысль. Я неспешно стал вырезать длинную полосу из эластичного пола — на коленях рассекал его от отверстия к отверстию. Работа продвигалась не так быстро, как хотелось бы, — лезвие застревало в вязком упругом материале. Роберт понял мой план и стал помогать. Сменяясь, мы наконец вырезали полосу шириной в полметра, длиной метра четыре, почти до самой стены. Свободный конец полосы опускался до черного зеркала воды. Благодаря сегментам отверстий, оставшимся по краям ленты, ею можно было пользоваться как лестницей. Я дернул ее раз другой — она показалась достаточно прочной, чтобы выдер-

жать нашу тяжесть. Мы осторожно полезли вниз, ноги коснулись холодной поверхности, и мы спрыгнули в воду — сразу по шею. Не выпуская из рук косо натянутой ленты, пили и пили, пока не забулькало в животе. Я еще умыл лицо и теперь чувствовал себя бодрым. Сил сразу прибавилось. Какое это было блаженство! Роберт тоже повеселел, как от прикосновения волшебной палочки; он отпустил ленту, поплыл и в два взмаха достиг стены. Мы обследовали это замкнутое пространство — колодец четырех-пяти метров в поперечнике. Потом я нырнул, но, хотя ушел как мог глубоко, так что зазвенело в голове и от давления заболели уши, мне не удалось ни дна достать, ни обнаружить какой-нибудь люк в стене. Вынырнув, я сказал об этом Роберту.

Лишь сейчас, когда мы были по шею в воде и только слегка прикасались к свисающей сверху эластичной полосе, мы вдруг заметили, что наши тела перестали светиться, — только плавающая рядом искусственная рыба излучала бледно-голубой свет.

— Может, здесь граница того пространства, понимаешь?! — возбужденно сказал Роберт. — А это выходной колодец: корабль частично погрузился в озеро, и здесь его уровень!

— Озера?

— Ну да! Пронырнуть бы до конца этого проклятого колодца и выбраться наружу!

Я услышал, как он глубоко вдохнул, набирая воздух для нырка. Потом сильно оттолкнулся и едва видимой белесой чертой ушел вниз, исчез в глубине — только вода около меня слегка запенилась от пузырьков воздуха. Я уже начал беспокоиться, когда он появился на поверхности, судорожно хватая ртом воздух.

— Бесполезно, черт возьми! — сказал он прерывающимся голосом.

— Что ты делаешь?!

— Пробую стену ножом, — буркнул Роберт.

Но он не добрался до пустого пространства, хоть и всадил нож по самую рукоятку; стены колодца оказались толстыми.

— Поосторожнее, еще уронишь нож, — сказал я. — И давай вылезать. Дьявольски холодно.

Молча мы выбрались наверх. Только здесь нам стало по-

настоящему холодно; мы отряхивались от воды и выжимали ее из волос, энергичными движениями восстанавливая кровообращение. Наши тела снова слабо светились в темноте. Должно быть, таково было свойство этого пространства.

— Неплохо мы начинаем, — заговорил Роберт. — Продырявим им стены...

Я заметил блеск на его запястье.

— Твои часы ходят?

— Да. Водонепроницаемые.

Он посмотрел на циферблат.

— Сидим здесь уже восемь часов... Ты голоден?

— Пожалуй.

— Я тоже. Что будем делать?

— Пошли еще раз к тем огням. Там должны быть еще коридоры, нужно их исследовать...

— Я был в одном, — сказал Роберт. — Сжимался как мог, но в конце концов не сумел пролезть даже на четвереньках. Потом пошел в другую сторону, где этих огней больше всего, там есть какое-то большое углубление и наклонная шахта, немного похожая на эту, но уже. Внутрь я не входил, побоялся, что не сумею вылезти. Там какие-то зеркала или что-то в этом роде...

— Зеркала?

— Не знаю, я увидел недалеко самого себя, но нечетко, как сквозь туман.

Некоторое время мы стояли в нерешительности.

— Знаешь, что я подумал? — снова заговорил Роберт. — Это проклятая кукла совершенно выбила меня из колеи. Признаться, я потерял голову. Потом мне это показалось недоразумением, но таким нелепым...

— Космическим...

— Да. Да. Но это может быть еще чем-то иным. Не стоило бы обращать на это внимание, но не всегда то, что кажется невинным, невинно на самом деле... Помнишь, ты говорил об этих обезьянах и ракетах? Мне вспомнилась фотография обезьянки, которую одели в хорошенькую, подбитую мехом курточку, а на голову надели летный шлем... Она, наверно, думала, что это какая-то игра, а ее взяли и выстрелили в ракету на пятьсот километров!

— Думаешь, наша ситуация?..

— Я этого не говорю. Но как-то ассоциируется...

— У тебя слишком богатая фантазия для нашего положения, — сказал я. — Ну что ж, веди к этому углублению и шахте, поглядим...

Как обычно бывает, дорога по коридору теперь, в третий раз, показалась гораздо короче; скоро коридор кончился, и нас окружили рои огней.

— Это, пожалуй, не... они, — понизив голос, сказал Роберт. Он остановился и уставился в огненное облако, проплывающее мимо нас. — Хотя... эти изменения света могут быть языком. Что? Как ты думаешь, многое понимала обезьянка из тех звуков, которые издавали люди, сажавшие ее в ракету?

— Оставь ты в покое эту несчастную обезьяну! — огрызнулся я.

Роберт двинулся вперед, туда, где я до тех пор не был. Светящееся облако осталось позади; мы пробирались между приземистыми, примерно в человеческий рост, грушевидными образованиями. Я коснулся одного из них — поверхность была твердой и гладкой.

— Здесь, — сказал вдруг Роберт, останавливаясь.

Мы находились на дне пологой воронки; вокруг поднимались эти грушевидные образования, будто слепленные из комьев, похожих на картофелины; над нами, на высоте, которую трудно было определить, густо кружились огни, создавая как бы небосвод этого пространства. В их свете было видно зияющее перед нами, окаймленное круглым валиком отверстие шахты. Она косо падала вниз; мне удалось разглядеть лишь несколько метров стен, дальше они пропадали во мраке. Я ждал, пока глаза привыкнут к темноте, и через некоторое время действительно увидел, что шахта заканчивается плоской черной поверхностью, которая иногда неярко поблескивает. Я искал в карманах какой-нибудь ненужный предмет, ничего не нашел и оторвал пуговицу от рубашки. Бросил ее вниз; она соскользнула по наклонной стене и со слабым всплеском исчезла в черном зеркале.

— Там вода! — сказал я с удивлением.

— Раньше ее не было, — ответил не менее удивленный Роберт.

— Мне кажется, здесь мы куда выше, чем там, у темного колодца... Значит... Неужели уровень воды поднялся?

— Может, тут и нет единого уровня, в одних помещениях вода поднимается, в других опускается, — заметил Роберт.

Мы долго стояли над темным отверстием.

— Немного погода заглянем сюда еще, — сказал я. — Посмотрим, изменится ли что-нибудь. А теперь... где... Ты говорил, что открыл еще что-то?

— Никакое это не открытие, — ответил Роберт. — Пошли.

Насколько я мог сориентироваться, мы находились в центральной части этого огромного зала. Вблизи его стен светящиеся переплетения шли довольно низко, так что местами загораживали дорогу, но здесь они создавали высокие, непрерывно мерцающие своды. В этом непостоянном, но сильном свете перед нами открылась круглая впадина, дно которой лежало примерно на метр ниже того места, где мы остановились. Посреди высилось внушительных размеров сооружение; ничего подобного я никогда не видел. Верхняя часть была похожа на выпуклый зеркальный щит, на котором играли уменьшенные отражения огней; этот щит возносился на шишковатых колоннах, сдвинутых вплотную, так что между ними вряд ли можно было просунуть палец. Они излучали мутный желтоватый свет.

— Ты был внизу? — обернулся я к Роберту.

— Нет.

— Давай спустимся.

По наклонному краю мы соскользнули на дно углубления. Теперь оно казалось кольцевым желобом; я мог охватить взглядом только его часть — остальное заменяла высившаяся в центре громада. Я решил обойти ее вокруг. Через несколько шагов Роберт остановился и пожаловался на головокружение. Мне тоже было не по себе. Поддерживая друг друга, мы подошли к янтарно тлеющим колоннам и уселись у их основания. Роберт приложил ко лбу металлическую рукоять ножа.

— Мне уже лучше, — сказал он, открывая глаза. — Не может быть, чтобы мы попали сюда случайно. — Он положил нож рядом с собой. — Твои крысы, входя в лабиринт, тоже... — Он замер с полуоткрытым ртом. — Лабиринт! Лабиринт! — повторил он чуть слышно.

Я намеренно громко рассмеялся.

— Роберт, ты неисправим. Где здесь лабиринт? Этот коль-

цевой желоб? Где здесь можно заблудиться? Выбирать дорогу? Снова твои аналогии — сначала макака, теперь крысы — нет, мой дорогой... Что это?! — воскликнул я внезапно.

Роберт в это время тянулся к ножу. Мы оба смотрели на этот длинный нож с металлической ручкой, он лежал в желтом свете у основания колонны, и вдруг она начала стремительно разгораться, нож запылал огнем, отраженным в клинке, а потом стал серым, потом прозрачным и растаял. Исчез... Роберт, пытавшийся схватить его, сжал пустую ладонь. Не издавая ни звука, как замороженные, смотрели мы на пустое место. Меня снова охватило неприятное ощущение, как при начале морской болезни. Янтарное сияние колонны медленно бледнело... На прежнем месте появилась прозрачная удлиненная тень, окрасилась серебром... и вот нож лежал, как и раньше, спокойно отражая свет.

Роберт не решался протянуть руку, и я взял нож. Металл был теплый, словно нагретый прикосновением к телу. Мы медленно посмотрели друг на друга.

— Оптический обман... — заговорил я, не веря собственным словам.

Роберт молча оглядел колонну, притронулся к ней рукой, вдруг резко, испуганно повернул ко мне лицо.

— Что?..

— Слушай!

Я услышал слабый стук... отзвук шагов. Роберт мгновение сидел неподвижно, определяя, откуда доносятся звуки, вскочил и пошел туда. Я за ним. Шаги впереди на секунду стихли... послышались снова, торопливые, как будто кто-то от нас убегал. Мы побежали оба, Роберт на три шага впереди. Вдруг из-за поворота показались спины двух бегущих, как и мы, людей. Один — он был на полголовы выше — тянул за руку другого, тот, казалось, упирался. Удивление словно парализовало меня, я замедлил шаг, остановился... те обернулись... мы смотрели друг на друга. Тот, что пониже, был Роберт. Тот, который его тянул, — я сам. Роберт — тот, другой, — испуганно вскрикнул и бросился бежать, а настоящий Роберт, застывший было в двух шагах от меня, погнался за ним. Второй человек, похожий на меня, как отражение в зеркале, все еще стоял; когда Роберт пробежал мимо, он попытался схватить его за руку и крикнул что-то, чего я не

понял, но Роберт увернулся и исчез за поворотом; тот сейчас же кинулся за ним. Может быть, секунд десять я стоял один, потом побежал за ними. Я не успел сделать и шага, как слышался шум борьбы, сдавленный стон и грохот. Заметалось эхо, возвращая плаксивые, вихрящиеся голоса со всех сторон сразу. Я увидел Роберта. Он полулежал у желтоватой мерцающей колонны и держался за горло. Я задел ногой за какой-то предмет — нож. Он касался острием небольшого пятна. Я машинально наклонился и поднял его. Острие было вымазано чем-то липким, темным. Я взглянул на Роберта. Он сидел, массируя себе горло. Попытался что-то сказать. Начал кашлять и отплевываться, потом, умоляюще глядя на меня, прошептал:

— Он... он душил меня...

— Что произошло?

— Я не хотел! Думал, это какой-то призрак, обманка...

Хотел только увидеть его вблизи, коснуться...

Снова закашлялся. Вдруг вскочил и медленно, сторбившись, подошел ко мне. Долго смотрел мне в лицо стеклянными глазами.

— Кто ты такой?! Кто ты такой?! — крикнул он страшным голосом.

Я схватил его за руку; некоторое время мы боролись. Когда он попробовал кусаться, я ударил его. Он упал на колени.

— Возьми себя в руки, ты, тряпка! — крикнул я.

Я все еще держал его и почувствовал, что его мышцы ослабились.

— Бежим отсюда... бежим, — бормотал он, не глядя на меня.

— Сейчас пойдем. Сейчас! Но ты держись, Роберт! Выше голову! Расскажи, как это было, но спокойно, понимаешь?

— Я бежал за ним, быстрее, чем он, догнал его здесь... схватил сзади за рубашку, тогда он вцепился мне в горло. Начал душить и... и...

— Дальше!

— Я ударил...

— Ножом?

— Да. Он упал, тогда подбежал ты и поднял его...

— Как это я?

— Ну, ты! Ты прибежал, поднял его на руки и пошел туда, — он показал в противоположную сторону, — а потом... потом снова пришел, но уже без него...

— Это был не я, а тот... Впрочем, сейчас не время. Встань! Как ты себя чувствуешь? Идти можешь?

— Могу... Да, могу.

Роберт судорожно глотнул.

— Давит...

— Покажи.

Я осмотрел его шею; с обеих сторон краснели отпечатки пальцев. «Может, это сон?» — мелькнуло у меня в голове. Я вытер кровь с ножа, приставил его к бедру и нажал. Когда боль стала острой, отнял нож. Нет, это не был сон.

— Темнеет... — сказал Роберт.

Я поднял голову. Действительно, огни вверху, над нами, краснели, но зато в глубине колонны, у которой мы стояли, в ее утолщениях пламенели сгущения медового цвета. Этот огонь все усиливался. Почему-то его нарастающий блеск казался мне пожаром, бушующим за стеклянной оболочкой.

— Пошли! — позвал я и вдруг ощутил головокружение. Я не мог двинуть ногами, такие они стали тяжелые. И услышал хриплый голос Роберта:

— Нет сил... Карл...

Обеими руками вцепившись в бесформенную колонну, дрожа всем телом, он медленно сползал вниз, упал на колени. Жар разрывал мне виски; пришлось поскорее сесть, почти упасть; казалось, что под ногами нет опоры, что меня куда-то несет. В глазах все плясало. «Корабль стартует, — мелькнула мысль, — улетают... забирая нас с собой!» Но в своем странном давящем бессилии я не почувствовал страха. Я не был уже способен ни на какую мысль. Лежа рядом с Робертом, слышал стремительные удары сердца, разрывающие грудь, а сияние над нами все усиливалось, вся эта аморфная конструкция горела, словно объятая пламенем. Я закрыл глаза и окончательно потерял чувство времени и пространства. Потом начал медленно приходить в себя. Я обливался потом, рядом блестело лицо Роберта, он дышал открытым ртом.

— Уйдем! Уйдем отсюда! — прохрипел я, вставая с огромным усилием.

Мышцы мои дрожали, но я уже мог идти. Роберт был слабее. Я подпер его плечом, и мы двинулись к крутой стенке желоба, чтобы вернуться в зал, из которого мы пришли, нужно было подняться всего на метр, но я сомневался, что в нашем состоянии мы с этим справимся. Блеск уже угас, превратившись в слабое свечение, когда я услышал сзади шаги. Меня охватил ужас, я потянул Роберта за собой, а он поднял голову, прислушиваясь, и выдохнул:

— Бежим!

Мы побежали. Шаги за нами тоже стали быстрее. Они были совсем рядом. Роберт, держа меня за руку, быстро обернулся. Я тоже взглянул назад. Там стояли двое людей. Прежде чем я разглядел их лица, я понял, что увижу нас самих, что двойник Роберта бросится в погоню за моим товарищем, что разыграется — только с переменной ролей! — сцена, которую я уже раз пережил. Все это пронеслось у меня в голове какой-то ослепительной вспышкой, а «мой» Роберт с искаженным лицом начал убежать, тот побежал за ним. «Стой! Стой!» — крикнул я, протянул руку, но он вернулся. Тот, второй, смотрел на меня, а я на него, и вдруг я вспомнил, что, стоя там, где он сейчас, я видел, что мой двойник колеблется. Потом меня кольнула мысль о Роберте, и я кинулся за ним, он уже исчез вместе со своим преследователем. Я подбежал, когда они, сцепившись, лежали под колонной. Один уткнулся мне в грудь — кровь заливала его рубашку. Я поднял его, как перышко, и, изо всех сил прижимая к себе, побежал дальше. Я несся как сумасшедший, мне казалось, что, если я вынесу его отсюда, если выберусь из этого безумного кольца, все будет в порядке, и, убегая на подламывающихся ногах, с неподвижным Робертом, я прижимал его к себе, словно таким способом мог остановить его кровь, сквозь рубашку жгущую мне тело. Некоторое время я слышал за собой топот... потом стало совершенно тихо. Силы меня покинули. Шатаясь, я уложил обмякшее тело у подножия колонны. Кровь из раны уже не шла. Я все-таки содрал с Роберта рубашку, разорвал ее и начал перевязывать ему грудь. Получалось плохо, я никак не мог затянуть узел трясущимися руками. Внезапно Роберт открыл глаза.

— Это ты?.. — сказал он тихо. — Сними маску...

— Что ты говоришь?! Молчи, лежи спокойно!

— Прощу тебя, сними маску... — повторил он, опуская веки. — В лаборатории... Карл надевал маску... чтобы крыса в лабиринте... не могла угадать, идет ли она по правильной дороге, но я... я не должен... сними, прошу тебя...

— Тебе померещилось, Роберт... У меня нет маски, и мы не в лаборатории, а на этом корабле... ты ведь знаешь... Тебе немного не повезло, но не бойся... все будет хорошо, — торопливо бормотал я, склоняясь над ним.

Он молчал, глаза его были закрыты. Я приник к его груди. Не услышал ничего. Снова и снова прижимал ухо к обнаженному телу. Ничего. Я поднял его. Тряхнул за плечи — голова свалилась набок. Я опустил его, охватил руками его виски и почувствовал, что он холодеет. Я сел около него, положил подбородок на руки и застыл в неподвижности. Светящийся свод над нами угасал, колонны изливали пурпурное сияние, оно тоже становилось все темнее. Я словно погрузился в кровавую тучу. Свет медленно остывал, серел, делался пепельным. Я уже давно слышал какой-то ровный шум, но не обращал на него внимания. Вдруг что-то прикоснулось к моей ноге и отступило. Скоро прикосновение повторилось, оно было холодное. Я машинально поднял голову. Вода. Она заливала впадины в полу, поднималась миллиметр за миллиметром. В полном оцепенении я смотрел на блестящую извилистую, продвигающуюся вперед полоску. Вода все прибывала, она покрыла уже мои ноги. Я хотел поднять Роберта, чтобы его не затопило, но ничего не сделал, сидел неподвижно, а вода медленно подбиралась к груди... Затопленное основание колонны снова засияло; она одна еще пылала в стущавшемся сумраке. Свет ослепил меня, я зажмурился. Сердце опять разрывалось, навалилась, придавила страшная тяжесть... Вдруг черный ледяной водоворот сорвал меня с места и поглотил. Больше я не помню ничего.

Очнулся я — через несколько недель, как я потом узнал, — в монреальской городской больнице. Саперы, объезжавшие на моторных лодках северный берег озера через два дня после катастрофы, заметили на воде человека — полураздетого, без сознания. Это был я. Следов Роберта никто не обнаружил. Несколькими днями позже рыбаки нашли в камышах западного берега остатки нашей лодки; это место удалено от линии, по которой мы плыли через

озеро, на несколько десятков километров по прямой. Долгое время врачи не позволяли мне даже вспоминать о пережитых событиях. Мне сказали, что я перенес тяжелый шок и бредил, пока лежал без сознания.

Все то время, которое я провел в больнице, меня мало интересовало, что делается вокруг. Мне пришлось заново учиться ходить — до такой степени утратил я власть над собственным телом. В последние дни я начал задавать вопросы; чтобы удовлетворить мое любопытство, меня снабдили пачкой газет, из которых я узнал подробности катастрофы.

Метеорит, который мы видели в ночь с 26 на 27 сентября, упал в болото, раскинувшееся на площади в тысячи гектаров, начиная от северного берега озера. Никаких остатков метеорита найти не удалось; ученые объясняли это тем, что огромная энергия удара превратила раскаленную массу в газ, который, расширяясь, повалил лес в радиусе десятков миль и вызвал многочисленные пожары. Поэтому в течение многих дней нельзя было приблизиться к центру катастрофы. Исследования проводились с самолетов и вертолетов. Один из них мы с Робертом, по-видимому, и слышали из-под огромной тучи тумана, закрывшего тогда всю северную часть озера. Специалисты по метеоритам пришли к единодушному мнению, что повторилась история знаменитого сибирского болида. Превращенный в газ метеорит огненным столбом вонзился в верхние слои атмосферы и полностью в ней растворился. В то же время взрывная волна ударила в болота и образовалась огромная впадина, которую в течение суток заполнили воды озера, создавая новый залив, так что истинное место падения находится под водой на глубине в несколько десятков метров, окруженное болотистыми островами.

То, что я рассказал о своих переживаниях, было признано плодом галлюцинации. Когда мы плыли по озеру — объясняли мне, — нас подхватил мощный поток воды, наполнявшей образовавшуюся в момент удара воронку, лодка затонула, а мы стали игрушкой волн. Роберт утонул, меня же выбросило центробежной силой к берегу. Я пробовал спорить. Утверждал, что человек, потерявший сознание, не может продержаться на воде несколько часов — а именно спустя такое время меня выловили. Врачи притворялись за-

интересованными и со всем соглашались. Наконец я понял, что никто не принимает мои слова всерьез.

До весны я пробыл на юге; у меня был отпуск для поправки здоровья, который мне любезно предоставил ректор Блесбери. Перед самым концом отпуска я сел в поезд и поехал в Ричмонд — там в дальнем предместье, вдали от автостреды, жил мой старый учитель, слава канадской психологической науки, профессор Гедшилл. Я сообщил ему телеграммой о своем приезде и ранним апрельским утром очутился в маленьком домике профессора.

Сидя в тесном колбочке тростниковом креслице, я рассказывал о своих приключениях. Профессор уже слышал о них. Шаг за шагом, час за часом я рассказал ему все. Закончил и, стиснув зубы, ждал, что скажет он.

— Хочешь услышать мое мнение? — спросил он тихо. — Тогда сначала скажи, что ты сам об этом думаешь.

— Думаю, что это было, — сказал я настойчиво, глядя на свои руки, сцепленные на колене.

— Конечно. Но ты пробовал это как-то упорядочить, понять?

— Да. Я много читал... Искал в книгах... говорил с физиками и о механизме некоторых явлений догадываюсь... Во всяком случае, об их физическом механизме. Течение времени только в определенных условиях, таких, как земные, является равномерным и однонаправленным. Изменения гравитации могут его ускорять либо замедлять. Возможно, для тех существ время — примерно то же, что для нас пространство... Они могут моделировать его, формировать его ход... Какая-то архитектура времени — так я себе это представляю. Думаю, что мы попали в лабиринт времени. Эпизод с ножом: в усиливающемся гравитационном поле поток времени начал течь быстрее, но только в одной точке, и нож ушел от нас, как бы прыгнул в будущее, а потом, когда это явление охватило и нас, мы его «догнали»... Я прочел у Вейля о теоретической возможности так называемой «петли времени». Нормально есть единственное настоящее, непрерывно становящееся прошлым — сначала близким, потом все более отдаленным. Ну, а в «петле времени» можно первый раз прожить семь часов, второй — восемь... Тут время начинает отступать, снова — еще раз — будет семь... И если

человек окажется в том же месте, где он был в семь, — может встретить самого себя. В этот момент существует два сечения настоящего... Одно — раннее, другое — позднейшее. Мы были в том месте дважды: первый раз, когда вошли в «петлю времени» и встретили самих себя, постаревших на час, а потом, когда петля замкнулась, второй раз... постаревшие на тот же час, мы видели снова самих себя. Раз с одной стороны... раз с другой... Следствия и причины сомкнулись, образовали кольцо... Ощущение тяжести, потеря сил, жар — это из-за стремительного роста гравитации, который искривлял ход времени. Так я себе это объясняю. Но чему это должно было служить, что означало — не знаю.

— Да... я думал о чем-то в этом роде, — сказал профессор. — А что стало с кораблем? И как ты из него выбрался?

— Не постигаю. Может быть, они просто улетели. Допустим, поняли, что Земля не является для них объектом, достойным дальнейшего исследования. Или пренебрегли нами... Решили, что мы недостаточно развитые существа...

Профессор смотрел на меня голубыми глазами, которых не изменила старость.

— Этого не было, Карл. Корабль должен был подниматься на виду экспедиций, прочесывающих озеро. Окрестности непрерывно патрулировались самолетами и вертолетами, а на южном берегу работали радиолокационные станции — зондировали туман. Если посадка была чем-то вроде катаклизма — под аккомпанемент огня, взрывов, землетрясений, то и старт не мог пройти незамеченным! Однако сейсмографы и другие регистрирующие приборы молчали. Не замечено ничего... Я информирован точно, Карл. Это наверняка.

Я опустил голову.

— Понимаю. Значит, вы тоже думаете, профессор, что...

— Нет, мой дорогой. Есть еще одна возможность. Только одна. Другой я не вижу.

Я поднял голову. Профессор, не глядя на меня, поглаживал кончиками пальцев поверхность стола.

— Что сказал твой друг перед смертью? «Сними маску» — так? Я верно запомнил? И еще: «Карл носил маску в лаборатории, но это для крыс...» Ты понял, чего он хотел?

Я молчал, удивленный.

— Не понял! Думал, это бессмыслица? Он бредил, верно,

но в его словах был смысл, и очень серьезный. Он обращался к этому существу, просил его показать свое настоящее лицо; он не хотел умирать, ничего не понимая, — как крыса... Мне кажется, я знаю, каким было настоящее лицо Существа... Во всяком случае, в часы, когда вы блуждали там, в темноте. Я склонен принять концепцию твоего приятеля. Имею в виду «брюхо Левиафана». Да, это мог быть один организм, заключенный в металлическую скорлупу. Это не единственный возможный вариант, но, по-видимому, самый простой. Колодец, который вы обнаружили... Темный колодец с зеркалом воды. Наклонная шахта, в которой поднималась вода; поднялась и начала заливать углубление, где вы были под конец. Эта вода наводит на мысль... Ну, затем некоторые явления, которые ты наблюдал в этом светящемся мире... Ты говорил о сонной пульсации огней... Об угасании... Помнишь?

— Да. Да. Что-то начинает проясняться. Вы думаете, что... Что этот корабль был неисправен? Что произошла авария?

— Авария? Дело серьезней... Существо с иной планеты, огромное, запертое в своем корабле, который не выдержал стремительной посадки... Возможно, непредвиденные последствия соприкосновения с атмосферой... Либо резкое охлаждение в водах озера. Панцирь, раскаленный до этого трением, лопнул. Что попало внутрь через трещины?

— Вода...

— Нет, мой дорогой. Воздух! Вы ведь могли дышать! А потом уже вода. Трясина медленно расступалась под гигантской массой, поглощала ее. Понимаешь? Гаснущие огни... Смена цветов... Думаю, эти чудеса творились там не в вашу честь...

— Как же... А... а те куклы? — едва выговорил я.

— Действительно, загадочно. Но и здесь проявилась некоторая последовательность: кукла была похожа на вас. Потом вы встретили самих себя. Что это означало? Я не решаюсь связывать эти элементы жесткой логической цепью. Возможно, они были следствием знакомства с какими-то существами, напоминающими земные... Может быть, действовали только органы или системы второстепенные, подчиненные главному, который уже терял власть над ними... Но может быть, он сам предпринял эту пробу... Или это было

начало, как бы первые буквы, за которыми ничего не последовало, потому что тот, кто хотел говорить, уже не мог ничего сказать. Этот колосс медленно утонул в трясине: огни становились все разнообразнее — краснели, бледнели, не правда ли? Феерическое действо, феномены, совершенно непохожие на все, нам известное, их непостижимые свойства... А ведь они складывались в картину, такую близкую нам, такую знакомую!.. Он умирал, Карл! Это была агония.

У меня перехватило горло, я не мог выдавить из себя ни звука, а профессор продолжал с бледной улыбкой:

— Звездных пришельцев, посещающих нашу планету, мы представляем себе триумфаторами, способными все предусмотреть, бесконечно мудрыми покорителями космических пространств, а ведь они существа живые и ошибающиеся, как мы, и так же, как мы, обладающие искусством смерти. Наступило молчание.

— А как я выбрался оттуда? — спросил я наконец.

— Агония усилила и исказила его внутренние процессы, резко ускорила ход времени и, когда твою тюрьму почти затопило, спасла тебя, так как ты оказался выброшенным во времени далеко, на часы вперед... А когда эти часы, продолжавшиеся для тебя несколько мгновений, прошли, ты оказался на волнах. Понимаешь?

— И значит?..

— Да. Затянутый полужидким болотом, там, в глубине вод, в толще ила, под пластами гниющих растений, в своем расколовшемся корабле покоится пришелец со звезд.

ВТОРЖЕНИЕ

1

Они перестали целоваться. Янек Хайн шел напрямик через луг и был уже совсем близко от них. Временами трава доходила ему до коротких кожаных штанишек с вышитыми на карманах шестизарядными револьверами, по одному на каждом. Тонким прутиком маленький Янек старательно сшибал головки одуванчиков. Они ждали, когда мальчик пройдет. Он миновал их, оставив за собой ленточку светлого пуха, и ветер пронес ее над головами влюбленных. Несколько пушинок запуталось в крыжовнике, за которым они прятались. Юноша прижался щекой к обнаженной руке девушки, нежно прикоснулся губами к смуглой коже там, где снежинкой отпечатался след от оспы, и посмотрел в ее ореховые глаза. Она глянула на луг и тихонько оттолкнула его от себя. Янек остановился, так как одуванчик, до которого он едва дотянулся концом прутика, не облетел, а лишь чуть-чуть наклонился. Резко просвистел прут, и над одуванчиком поднялось белое облачко. Янек пошел дальше, становился меньше и меньше. За спиной у него болтался мешочек, из которого торчала бутылка для сливок.

Девушка бросилась на траву, над ее черными волосами качались покрытые пушком твердые прозрачные ягоды крыжовника. Юноша пытался перевернуть ее навзничь, а девуш-

---

Inwazja, 1958

Перевод А. Якушева, 1960

ка прятала свое лицо на его груди и беззвучно смеялась; потом вдруг подняла разгоряченное лицо, обожгла его губы горячим дыханием, обняла за шею и провела рукой по коротко подстриженным волосам на затылке. Они целовались, лежа в небольшом углублении, походившем на неглубокую могилу, — вероятно, когда-то здесь был окоп. До того, как деревне передали пастбище, тут был полигон. Да и сейчас еще лемеха плугов натыкались на зарывшиеся глубоко в землю, позеленевшие от времени гильзы.

Маленькие мушки — они были видны только в солнечном луче — роились над кустарником тонким кружевным венчиком, будто их единственная цель заключалась в том, чтобы образовывать в воздухе переменчивые, просвечивающиеся, непонятные силуэты. Мушки не жужжали и почти не чувствовались, когда садились на руку, — такие были маленькие. Где-то невидимый косарь точил косу, и размеренный звон доносился неизвестно откуда. Девушке не хватило дыхания, она оттолкнула парня, запрокинула резко голову, зажмурив ослепленные солнцем глаза, блеснули зубы, но она не улыбалась. Он поцеловал закрытые глаза девушки, чувствуя губами трепетанье жестких, длинных ресниц. В небе что-то засвистело. Девушка оторвалась от юноши, веки ее дрогнули, и он увидел страх в ее расширившихся зрачках.

— Это самол... — начал юноша.

Свист перешел в вой. На голове юноши от ветра зашевелились волосы. И наступила темнота. Клен, росший в пятнадцати шагах от них, взлетел кверху, его раскидистая крона медленно описала в воздухе дугу, и над остатком расщепленного ствола поднялось облако пара; далеко в траву падали ветви, но шума падения не было слышно, все перекрывал грохот, непрерывный, катящийся во все стороны, дальше и дальше — покамест не прекратилось мерное позвякивание косы.

Янек Хайн — шестьсот метров отделяло его от первых деревьев на шоссе — обернулся с побелевшим от страха лицом и увидел облако дыма и пара, разделившееся вверху на две части; кислая, едкая волна горячего воздуха, обрушилась на него и швырнула в сторону, прежде чем он успел крикнуть и закрыть лицо руками (в правой он все еще дер-

жал прутик); ему показалось, что громадное, свитое из отдельных клубков облако застыло, как на моментальном снимке, а у его основания, у самой земли, до этого зеленой, а теперь вдруг почерневшей, вздымается что-то блестящее, похожее на огромный мыльный пузырь. Больше мальчик ничего не видел, как подкошенный упал он в траву, услужливо раздвинутую перед ним грозовой волной звуков, жесткая стена воздуха, сметающая все на своем пути, была уже далеко — у шоссе, и высокие тополя ломались один за другим, как спички. Устояли лишь самые дальние, почти на самом горизонте, там, где блестела крытая медью башенка «Дома туриста».

Косарь работал в противоположном конце пастбища, почти на середине длинного склона, спускавшегося к высохшему ручейку. Вершина холма заслоняла происходившее, но он слышал протяжный надрывный свист и треск и увидел, как из-за холма поднялся столб дыма. Он был единственным, кто подумал, что упала бомба, хотел бежать к воде, спрятаться в ней, но даже не успел обернуться — налетела взрывная волна, она была сильнее, чем у шоссе, ее подгонял ветер, она пронеслась вверх, высоко над косцом, у него замелькало все перед глазами, посыпались листья, мелкие комья земли. Он бросил косу и оселок, сделал несколько шагов в сторону вздымавшегося кверху столба дыма, но тут же повернул назад и, втянув голову в плечи, помчался вдоль речки к шоссе.

Примерно на час воцарилась тишина. Усилившийся ветер разметал столб дыма, его грушевидная, клубящаяся шапка, рассеиваемая ветром по мере того, как она поднималась выше и выше, слилась с облаками, мерно плывущими к югу, и наконец исчезла за горизонтом. В первом часу на шоссе показались две медленно идущие автомашины. Они подъехали к тому месту, где поваленные деревья преградили дорогу, и остановились.

В машинах сидело несколько десятков солдат, офицер и трое штатских. Солдаты сразу же принялись убирать с дороги поваленный тополь, но офицер, увидев, что это займет много времени, отозвал их и, стоя возле первой, открытой машины, пристально рассматривал в бинокль пастбище. Бинокль был большой, с сильными линзами, и офицер, чтобы

удержать его, вынужден был опереться локтем на открытую дверцу машины.

По траве под порывами ветра бежали волны мелких блесков. Офицер, плотно прижав к глазам бинокль, тщательно просматривал изрезанную холмами местность. Примерно в семистах метрах от автомобиля, на пологом склоне холма совсем недавно стояла группа деревьев — остатки старого, давно вырубленного сада, — окруженная низкими кустами одичавшего крыжовника и смородины. Теперь на этом месте было серое неправильной формы пятно, окаймленное пожелтевшей травой, дальше от пятна желтизна исчезала, постепенно переходя в сочную зелень луга.

Полоска кустарника, росшая вдоль старой границы сада, обрывалась возле пятна, и на месте ее под сильными порывами ветра дымились какие-то бесформенные лохмотья, а в самом центре воронки медленно пульсировало полупрозрачное, молочного цвета облачко, напоминая клубы пара, вырывававшиеся из старого локомотива, и виднелся какой-то выпуклый, блестящий, голубой, как небо, предмет. От него в черную как уголь землю отходили короткие, блестящие на солнце отростки, воронкообразно расширявшиеся на концах. С одной стороны эти ответвления упирались в остатки ствола вывороченного, обгоревшего дерева.

Офицер решил, что увидел все, что можно было увидеть. И вдруг среди взлохмаченного кустарника заметил какой-то бледно-серый холмик со срезанной вершиной. Офицер подкрутил окуляры бинокля, но все расплылось, и ему больше ничего не удалось разглядеть.

— Это там упало.

— Наверное, спутник.

— Смотрите, как блестит, — стальной...

— Да нет, на сталь не похоже.

— Во какой прилетел! Как думаешь, горячий?

— Еще как!

— Но почему он так дымит?

— Это не дым, а пар. Наверное, внутри была вода.

Офицер слышал эти разговоры за своей спиной, но сделал вид, что не обращает внимания. Он спрятал бинокль в футляр и тщательно его запер.

— Сержант, — обратился он к унтер-офицеру, который

мгновенно вытянулся в струнку и принялся есть глазами начальство, — возьмите солдат и окружите это место в радиусе... метров двухсот. Никого не допускать, зевак гоните прочь. И смотрите, чтобы кто-нибудь из них ненароком не пролез туда. Ваше дело — занять посты, остальное вас не касается. Понятно?

— Так точно, господин капитан!

— Ну, ладно. А вам, господа, здесь больше делать нечего. Возвращайтесь в город.

Штатские, стоявшие вместе с шоферами возле второго автомобиля, протестующе зашумели, но открыто никто ничего не сказал. Когда солдаты, перейдя ров, двинулись, растянувшись цепочкой, напрямик к холмам, капитан закурил сигарету и, стоя под сломанным тополем, ждал, пока оба автомобиля развернутся. Он быстро набросал что-то на листке из блокнота и передал шоферу.

— Зайди на почту и дай телеграмму, немедленно! Понял?

Штатские неохотно сели в машину, все время поглядывая на цепочку солдат, фланги которой уже скрылись в поросшей травой ложине, а середина медленно полукругом приближалась к желтеющей вдаль полоске.

Заворчали моторы, автомашины одна за другой двинулись в сторону местечка.

Офицер постоял еще немного под деревом, затем подошел к неглубокой канаве, сел на ее край и снова, подперев локоть рукой, стал рассматривать в бинокль пятно на склоне холма.

В третьем часу, когда на дне канавы у его ног валялась уже куча окурков, а едва заметные фигурки солдат, до пояса скрытые травой, все чаще стали переминаясь с ноги на ногу, с трудом подавляя желание присесть, с запада послышался густой рокот моторов.

Офицер вскочил. Прошло несколько минут, прежде чем ему удалось высмотреть в небе что-то вроде огромного комара: сначала одного, затем второго и третьего. В бинокле их силуэты росли довольно медленно, но все же через минуту, гудя моторами, вертолеты проплыли треугольником над шоссе и стали описывать над пастбищем неровные круги.

Строй, в котором вертолеты шли над шоссе, нарушил-

ся — один из вертолетов повис над черным пятном, два других замерли в воздухе чуть в стороне от первого, и только ветер, слегка покачивая машины, немного относил их. Офицер выбежал из-за деревьев и большими скачками, чтобы не мешала высокая трава, помчался по лугу, потом вдруг остановился и начал махать руками, словно приглашая вертолеты приземлиться. А они, казалось, не замечали этого, даже когда в руке офицера затрепетал на ветру белый платок. Офицер взмахнул им еще несколько раз и наконец опустил руки, немного постоял и медленно побрел в сторону пятна, над которым в каких-то ста метрах от земли все еще висел, тяжело перемальвая воздух, вертолет с толстым брюхом и длинным, похожим на трубу хвостом с блестящим диском второго винта.

Над стекловидной бочкой в центре пятна все еще поднимались маленькие облачка пара и таяли под вертолетом, который чрезвычайно медленно снижался, словно опускался на невидимом канате. Вдруг моторы всех трех машин заворчали сильнее, и вертолеты снова выстроились треугольником. Офицер растерялся от неожиданности и остановился. Он стоял, расставив ноги, подняв вверх голову. Ему показалось, что вертолеты улетают, но в это мгновение винты остановились, машины спланировали и одна за другой приземлились на вершине ближайшего холма.

Офицер резко повернулся и направился к ним, ему нужно было сделать, наверное, шагов пятьсот, а тем временем вылезшие из двух машин люди в серо-голубых комбинезонах выгрузили целую грудку продолговатых пакетов, завернутых в брезент, канистры, несколько высоких узких ящиков, обмотанных парашютным шелком, увязанные в тугие пучки штативы, треноги, большие кожаные футляры. Выгрузка происходила под надзором трех мужчин, высадившихся из последнего вертолета. Возле этой машины стояли еще два человека: один в пыльнике, другой в летном комбинезоне с расстегнутой до пояса молнией, — хорошо был виден белый короткий мех на его подкладке. Они разговаривали с сержантом, успевшим добежать к месту приземления раньше офицера.

Капитан шел медленно, так как склон, по которому он поднимался, оказался крутым. Офицер был зол на сержанта

за то, что тот самовольно покинул пост, но внешне не обнаруживал своих чувств. Пилот, взглянув на офицера, спросил:

— Капитан Тоффе? Это вы прислали донесение?

— Сержант, скажите ребятам, чтобы пропустили экспедицию, — приказал капитан, делая вид, что не слышал вопроса. Тогда пилот отвернулся и стал разговаривать с другим пилотом, прихлебывавшим кофе прямо из термоса. К ним присоединился и третий спутник.

— А вы будете здесь ждать? — рискнул задать вопрос капитан, несколько нерешительно подходя к пилотам, которые в этот момент стали вдруг смеяться над тем, что сказал самый низкий из них, казавшийся непомерно толстым в комбинезоне на искусственном меху. Никто не ответил офицеру, но в этот момент мужчина преклонного возраста, в пыльнике, опирающийся на тонкую трость с серебряным набалдашником — капитан никогда еще такой не видел, — спросил:

— Может, вы мне расскажете, что здесь произошло? Я профессор Виннель.

Капитан повернулся и горячо, но весьма обстоятельно начал рассказывать ему, как в полдень в местечке услышали грохот, словно гром прогремел, хотя небо было ясным, как на горизонте заметили облако дыма, как в полицию прибежал запыхавшийся косец, но полицейский пост был на замке, так как все полицейские выехали в Дертекс на торжественное открытие мемориальной доски, установленной на том месте, где во время войны бомбой убило трех участников обороны побережья, как он сам, капитан Тоффе, на свой риск и страх принял решение направить солдат к месту взрыва, как, выезжая из местечка, они встретили прихрамывающего и заплаканного мальчика Янека Хайна...

— Подходили ли вы к этому месту близко? — Профессор указал тростью на склон противоположного холма, над которым тихо плыли освещенные солнцем искрящиеся белые облачка.

— Нет, я расставил посты и отправил телеграмму...

— Вы поступили разумно. Благодарю вас. Мауреля! — повысил голос профессор, обращаясь к мужчине, занятому выгрузкой. — Что там такое?

Профессор уже не замечал капитана. Тоффе обернулся и

посмотрел на пилотов — они возились с горизонтальным винтом последнего вертолета. Затем взгляд его остановился на группе людей, толпившихся у выгруженных предметов. Работа там шла полным ходом. На штативах темнели аппараты: один, с длинными трубами, походил на огромный бинокль; второй — на теодолит; кроме этих аппаратов, были там еще и другие; два человека усердно утаптывали траву и заколачивали в землю ножки штативов, кто-то, сидя на корточках, копался в открытых чемоданах, где находились аппараты. Они уже были соединены между собой кабелем, брошенным прямо на траву; несколько человек в комбинезонах торопливо монтировали что-то вроде крана.

— Солдаты считают, что это спутник, господин профессор. Конечно, болтают вздор. Сейчас такое время — стоит кирпичу упасть с крыши, как все кричат о спутнике.

— Активность? — спросил Виннель. Не глядя на Маурелла, который сращивал концы провода, профессор что-то мудрил над своей тростью. Вдруг ручка ее открылась и оттуда выскочил маленький, уже раскрытый зонтик. Это был просто-напросто складной нейлоновый стул, на котором профессор уселся, широко расставив ноги, и поднес к глазам огромный бинокль.

— Нет ничего, — ответил Маурелл, выплевывая кусочек изоляции.

— Следы?

— Нет, все в норме. Холостая пульсация, несколько недель назад здесь, должно быть, выпал дождь с остатками стронция, вероятно, от последнего взрыва, но уже почти все смыло водой — счетчик едва реагирует.

— А эти облачка? — спросил профессор, медленно цедя слова, так говорят люди, все внимание которых поглощено чем-то другим. Трость, на которую он опирался, постепенно все глубже и глубже уходила в землю.

Резким движением профессор отнял бинокль от лица.

— Там какие-то тела, — проговорил он глухим голосом.

— Да, я видел.

— Профессор, а это не хондрит? — спросил третий мужчина. Он подошел к ним, держа в руках металлический цилиндр, от которого тянулся провод к кожаному футляру, висевшему у него на плече.

— Вы что, хондрита не видели, — обрушился на него Виннель. — Это вообще не метеорит.

— Ну, пошли? — спросил Маурелл.

Его собеседники с минуту стояли как бы в нерешительности. Виннель сложил трость и медленно пошел вниз по склону, внимательно глядя себе под ноги. Вчетвером, вместе с профессором, они миновали неглубокую седловинку между холмами, прошли посты — солдаты, замерев, глазели на них — и вступили на ломкую, обгоревшую, рассыпающуюся под ногами траву.

Капитан, минутку помедлив, двинулся за ними.

Маурелл первым вошел в проход, образовавшийся среди обожженных кустов, наклонился, что-то поднял с земли, посмотрел вперед и медленно пошел к темнеющему неподалеку холмику, к тому месту, где торчал обуглившийся пенек. Вскоре к Мауреллу подошли и остальные, вся эта небольшая группа застыла у воронки.

Немного ниже того места, где они стояли, из воронки торчал какой-то высокий — в два человеческих роста — грушевидный предмет, с совершенно гладкой, как будто отполированной поверхностью; из его верхнего конца вырывались чуть заметные маленькие облачка, точнее, очень тонкие колечки прозрачного пара, которые сразу же теряли форму и таяли в воздухе, а вместо них появлялись новые, — весь этот процесс проходил абсолютно бесшумно.

Никто из присутствующих, однако, вверх не смотрел.

Стеклянная груша, суживающаяся кверху, была слегка наклонена. В первую минуту она показалась прозрачной. На необычайно гладкой поверхности, освещенной солнцем, отражались, как в зеркале, небо, облака и группы людей, уменьшенных до размеров пальца. В глубине, пронизанной лучами, можно было увидеть как бы погруженную в стекло, удлинненную фигуру в человеческий рост. По мере приближения к центру стекло все более и более мутнело, а в самом центре становилось совсем матовым, местами даже отсвечивало темным перламутром. Фигура с одного конца заканчивалась двумя продолговатыми, склеенными между собой шарами, а с другого — расщеплялась на четверо, словно у нее было четыре ноги: две подлиннее, а две покороче, — и все это упиралось в нечто, напоминавшее живую изгородь, тоже

погруженную в стекло; виден был только один ее фрагмент, контуры которого с обоих концов расплывались в мутной стеклообразной массе, и только посредине она рельефно выделялась, будто эту изгородь кто-то вырезал в снежно-белом коралле. Чем дольше люди всматривались в эту грушу, над которой через равные промежутки времени взмывали облачка пара, тем отчетливей и отчетливей молочно-белые фигуры выделялись в окружающей их прозрачной массе, а мутная жидкость прилегалa к ним все плотнее и плотнее. Процесс этот совершался слишком медленно, и никому не удалось заметить какое-либо движение, хотя все смотрели не отрываясь очень длительное время и никто даже не пошевелился, когда донеслись ослабленные расстоянием тревожные крики людей, оставшихся на холме, у вертолетов, — ведь фигуры, заключенные в груше, становились еще более отчетливыми, и каждому казалось, что вот-вот можно будет все рассмотреть.

Первым из оцепенения вышел Маурелл, слабо вскрикнув, он закрыл глаза рукой и на какое-то мгновение застыл в этой позе.

— Там кто-то есть, — послышался голос за его спиной.

— Подождите, — проговорил профессор.

— Что это? — удивился капитан, он пришел последним, но уже пробрался вперед и стоял ближе всех, на самом земляном валу, окружавшем это прозрачное небесное тело, и прежде, чем кто-либо успел его удержать, начал спускаться вниз. Сделав три шага, он резко вытянул руку и прикоснулся к блестящей поверхности груши. Вдруг он скорчился и упал прямо на грушу, тело его судорожно дернулось, как у заводной куклы, скользнуло вниз, ударилось головой о грудь земли и осталось так лежать, вклинившись между основанием этой небесной «груши» и большим стекловидным ответвлением, уходившим глубоко в почву.

Все вскрикнули. Маурелл придержал за плечо товарища, бросившегося на помощь к капитану. Плотная группа людей медленно отступила и остановилась.

— Нельзя его так оставить! — крикнул мужчина с бледным от ужаса лицом. Он мгновенно вытащил из сумки кабель и, бросив его на землю, завязал петлю.

— Гетсер, что ты делаешь? — вскрикнул Маурелл. — Остановись!

— Пусти меня!

— Не смей!

Гетсер перескочил через грудь земли, лежавшую на краю воронки, остановился в трех шагах от груши и забросил петлю на задранный кверху ботинок капитана. Петля, когда потянули кабель, соскользнула с ноги и возвратилась пустой. Гетсер еще раз бросил аркан, более тщательно целясь. Петля крутнулась в воздухе несколько раз, коснулась зеркальной поверхности и упала. Все замерли, но ничего не произошло. Гетсер сделал еще шаг и уже смелее, старательно нацелившись, бросил петлю. Наконец она обвилась вокруг ботинка. На этот раз Гетсеру помогали тащить уже два помощника. Тело капитана дрогнуло, медленно перевалилось через стекловидный корень груши и поползло по склону. Перед земляной насыпью капитана подняли и понесли на руках. Его повернули лицом вверх — оно было белое и покрыто крупным, как роса, потом. Лоб и щеки были в крови.

— Жив! — с радостью воскликнул Маурелл.

Он и другой мужчина присели на корточки и, торопливо отрывая пуговицы, расстегнули мундир. Потом стали поднимать и опускать руки не подающего признаков жизни офицера, сжимали и отпускали его грудную клетку. Наконец у капитана появилось дыхание. Он судорожно хватал воздух ртом и стонал при выдохе. Когда отпустили его руки, они мягко упали на траву. Тут все увидели, что правая ладонь, которой капитан прикоснулся к груше, сжата и почернела, будто ее опалило огнем. Пострадавший застонал, по его телу пробежала дрожь. Ему быстро перевязали лоб, разбитый при падении, забинтовали руку, кто-то подозвал двух солдат, неторопливо шедших по склону. Солдаты унесли так и не пришедшего в себя капитана. Маурелл бросил взгляд на грушу и тут же вскрикнул.

Все взоры обратились к ней.

На высоте человеческого роста в том месте, где капитан прикоснулся к груше, в глубине, под поверхностью, белел расплывчатый, но постепенно становившийся все более и более отчетливым отпечаток чего-то, походившего на утопленную в стекле ладонь с пятью слегка расставленными пальцами.

Маурелл чуть ближе подошел к груше. С момента, когда он увидел ее в первый раз, прошло несколько минут. За это время то, что было внутри груши, обрисовалось более четко. Две фигуры, несомненно человеческие, похожие на молочно-белые скульптуры, лежали внутри, они, казалось, были окутаны слоями стекловидной массы, которая на глазах мутнела, — мужчина, обнимающий за талию лежащую рядом женщину, их прижатые друг к другу головы сливались с нежным кружевом видневшейся за ними живой изгороди, вырезанной гораздо более филигранно, чем тела, — Маурелл даже отчетливо видел какой-то маленький совершенной шаровидной формы плод, свисавший с кружевной веточки над головой женщины.

Но черты лица, линии рук, одежду невозможно было различить, хотя видно было, что оба одеты, — поверхность их тел скрывало обманывающее зрение мутное вещество; когда Маурелл присмотрелся внимательнее, стараясь не пропустить ни малейшей детали, он заметил места, где безвестный скульптор как бы ошибся, и в результате — если пропорции частей тела, формы торсов и голов, исключая застывшие позы, переданы были великолепно, верно, по-человечески естественно, то в других местах были заметны искажения: на маленькой закругленной пятке девушки виднелся молочно-белый нарост, казавшийся продолжением ее тела. Почти такой же полип Маурелл увидел и на обнаженной руке, которая обнимала мужчину, а обращенные друг к другу лица молодых людей покрывало что-то вроде неплотно прилегавшего, усеянного похожими на пальцы вздутиями савана из того же самого молочно-белого вещества, которое застывшей массой блестело в ядре груши.

Маурелл стоял, не шелохнувшись, пока не услышал возглас Гетсера. Он обернулся — перед глазами все еще стояла эта непонятная картина — и увидел своих товарищей, склонившихся над обуглившимся кустом, и под ним две человеческие фигуры, лежащие обнявшись, как и те, которые он рассматривал минуту назад. У него подкосились ноги, он едва мог идти. Машинально, совершенно обессиленный, он опустился на корточки рядом с профессором.

Юноша и девушка, чуть присыпанные тонким слоем земли, обгоревшими листьями, щепками, лежали в неболь-

шом окопчике. Они были удивительно маленькими, как бы высохшими, съжившимися от жара, сторевшая рубашка юноши и юбка девушки рассыпались от легкого дуновения ветерка, пепел, поднимаясь в воздух, сохранял еще форму ткани — заметны были даже ее изгибы. Маурелл закрыл глаза, он попытался вскочить, убежать и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Споткнулся, чуть не упал, кто-то схватил его крепко, грубо за плечо, он даже не заметил кто.

Словно издалека донесся до него голос Виннеля:

— Успокойтесь, успокойтесь...

2

В сумерках на дороге показался танк. Было уже почти темно, но длинный ствол пушки и скошенный силуэт башни четко вырисовывались на фоне пылающего заката. В темноте светились сигнальные огни. Танк сбавил ход, с треском и лязгом проехал по ветвям, завалившим дорогу. Отброшенная гусеницей ветка ударила человека, выскочившего из придорожной канавы с фонариком. Человек зло вскрикнул от боли и остановился. Танк медленно развернулся, напоминая слепого, осторожно нащупывающего дорогу, ствол пушки чуть качнулся, когда машина переползала через канаву. На луг танк въехал, задрав кверху тупую морду. Фары едва светились, в их свете можно было увидеть лишь высокую траву и неясные тени людей, расступившихся перед танком. Офицер, стоявший в открытом люке, что-то проговорил, наклонившись вниз, и танк остановился как вкопанный, только двигатель работал, сонно постукивая на холостых оборотах.

— Ну, как там? — спросил офицер, не зная, к кому обращается в темноте. Человек, которого спрашивали, неизвестно зачем осветил карманным фонариком шершавый бок танка и, похлопывая его ладонью, ответил:

— Еще сидят, только я думаю, ничего у них не получается. Надеюсь, ты справишься с этой штукой.

— С чем? — переспросил офицер, сдвигая шлем на затылок, в нем он почти ничего не слышал.

— С этим проклятым елочным стеклянным шаром. Ты что — даже не знаешь, зачем приехал?!

— А ты знаешь, с кем разговариваешь?! — не повышая голоса, проговорил офицер, он уже рассмотрел в слабом отблеске фонаря, падавшем от брони танка, нашивки рядового.

Фонарь тут же погас, и солдат растворился в темноте, только слышно было, как под ногами шелестела трава. Офицер усмехнулся уголками рта и искал взглядом ориентиры, указывающие путь танку.

На вершинах близлежащих холмов светили прожекторы, их лучи перекрещивались в одной точке, и там, где они пересекались, вспыхивали голубовато-серебристые отблески, слепившие глаза. Офицер зажмурился — какое-то мгновение он ничего не видел. Кто-то подошел к танку с другой стороны.

— Ну как, сынок, справишься?

— Что? Это вы, господин майор?

— Да. Танк шел через Дертекс?

— Так точно, господин майор.

Офицер высунулся из башни. Он видел лишь темный силуэт головы собеседника.

— Ты не знаешь, что с тем капитаном?

— С тем, которого обожгло?

— Да. Он жив?

— Кажется, жив. Точно не знаю. Я торопился очень. А что здесь творится? Я ведь даже не знаю точно, в чем моя задача. Я получил приказ в пять часов — прямо из дома вытащили! Собирался как раз уезжать...

— Вылезай-ка, сынок, сюда ко мне.

Командир танка легко соскочил с башни на лобовую броню и ловко спрыгнул на землю. Его ботинки скользнули по мокрой хрустящей траве. Майор предложил ему сигарету, сунув открытую пачку прямо в ладонь. Они закурили. Огоньки сигарет мерцали в темноте.

— Наши мудрецы сидят там с трех часов. Первая партия прилетела на вертолетах, в пять часов примчались эксперты из академий, самые сливки; где светит вон тот крайний прожектор, стоит с полдюжины вертолетов, даже легкие транспортеры перебросили по воздуху, так им было невтерпех. «Операция стеклянная гора» — во как!

— А что на самом деле с этим шаром?

— Ты что, радио не слушал?

— Нет. Я слышал только, что говорят люди, — всякую ерунду, будто тарелка приземлилась, марсиане, какие-то похитители детей, едят их живыми — черт его знает, еще что!

— Ну и ну, — буркнул майор, и огонек сигареты осветил его лицо, широкое, отливающее металлом, будто покрытое ртутью. — Я там был, знаешь?

— Там? — спросил командир танка, всматриваясь в дальний холм, где полукругом расположились прожекторы. В перекрещивающихся снопах света передвигались гигантские тени людей.

— Да, там. Действительно, упало с неба, а что — неизвестно. Вроде бы из стекла, но прикасаться к нему нельзя. Тот капитан — как там его — прикоснулся.

— Ну, а что с ним случилось?

— Точно неизвестно. Врачи говорили всяк свое; а когда все вместе собрались, то, конечно, согласовали — они всегда согласуют. Сотрясение, ожог, шок.

— Электричество?

— Говорю тебе, ничего не известно, сынок. Сидят там, разглядывают — слышишь, как полевые генераторы для них крутятся?

— И что?

— И ничего. Шар — не шар, тверже, чем скала, да что там — тверже алмаза, по-всякому к нему подступали — ни сдвинуть, ни просверлить, а в середине — парень с девушкой.

— Что вы говорите! Так это правда? Как же это? И живы?

— Ну, что ты — это слепки, похожие на гипсовые, что-то вроде мумий. Ты видел мумии?

— По телевизору.

— Так вот, это похоже. В середине, в шаре, белые как кость. Но это не тела — не люди...

— Как не люди? Господин майор, по правде говоря, я ничего не понимаю.

— Эх, сынок, сынок, думаешь, кто-нибудь понимает? Блеснуло, загремело, что-то упало в полдень, воронка — как от двухтонной бомбы, из середины вылез какой-то пузырь с

твою коробку. В нескольких шагах от места, где он упал, лежал парень с девушкой, местные, — сам понимаешь, лето, амуры. Уложило на месте.

— Чем?

— Мудрецы наши не знают чем. Одни говорят — взрывной волной, другие — что умерли от жара. Наверное, было тут чертовски жарко, когда эта штука упала. Понимаешь, как от снаряда. Обжарило их, скрючило, вероятно, не успели даже испугаться...

— Но вы говорили, что они в этом... в этом шаре?

— Не они. Их изображения. Как бы слепки. Правда, не совсем точные. Я рассматривал со всех сторон. Там и часть куста, под которым они лежали...

— Где?

— В этом шаре.

— Господин майор, и... что все это означает?

Майор затянулся последний раз, бросил окурочек, который описал геометрически правильную огненную параболу и погас.

— Неизвестно. Успокойся, сынок, не только я или ты ничего не знаем. Профессора, ученые, президент оказались такими же умными, как и мы. Фотографировали, измеряли, искали, с самолетов что-то сбрасывали каждые несколько минут — прямо-таки вся их лаборатория спустилась на парашютах! Репортеров, всяких важных персон, каких-то дотошных типов — толпы. Посты видел?

— Да. Действительно, контролируют, с десяток встретил их только на одном этом шоссе.

— Просто не понимаю, зачем эта горячка. С телецентра в пять часов на собственных самолетах прилетели, сесть им не разрешили, так они с воздуха щелкали и транслировали, как могли.

— И что, в самом деле я должен буду стрелять... по этой штуке?

— Правду говоря, и это еще неизвестно. Разве ты не знаешь ученых? Трясутся над ней. Был скандал! К счастью, не ученые у нас командуют. Они добились отсрочки еще на четыре часа. Но это уж все. Им хотелось еще четыре недели!

— А этот... этот шар что-нибудь делает?

— А что он должен делать? Ничего не делает. До вечера

немного дымился, теперь уже перестал. Утверждают, что совершенно остыл, но прикасаться все равно нельзя. Привозили всяких зверей, даже обезьян, и ставили опыты. Как только прикоснется, сразу — фьють и конец.

— Господин лейтенант! Донесение! — раздался откуда-то сверху голос.

Командир танка подскочил к башне, из люка высунулся танкист в шлеме. Над его головой спокойно мигали звезды.

Лейтенант при свете фонаря с трудом читал каракули на листке, вырванном из блокнота.

— Господин майор — уже! — с волнением в голосе воскликнул он.

— Что, едешь громить?

— Так точно.

Танкист вскарабкался на башню. Через минуту мотор загудел, танк развернулся на месте и двинулся в направлении холма.

Майор, заложив пальцы за ремень, смотрел ему вслед. В отдалении, в освещенном квадрате, что-то происходило. Мелькали быстрее, чем раньше, тени, слышался тонкий, пискливый гул, в воздухе клубами поднимался откуда-то дым, мигали фонари, а в самой центре этого муравейника сияла, вбирая в себя прожекторные лучи, сверкающая голубоватая капля. По мере удаления шум двигателя становился все тише, неожиданно мотор взревел — начался подъем, — темное пятно, опережаемое двумя полосами света от фар, начало взбираться по склону. Сноп света, падающие с вершин холмов, дрогнули и стали медленно один за другим удаляться в разные стороны от груши, и только два луча с противоположных концов поля скрещивались на ней. Майор машинально стал считать про себя. Окружавшая его темнота была наполнена звуками человеческих голосов, он слышал шум моторов вездеходов, едущих в направлении шоссе, люди с большими фонарями шли по траве, раздвигая ее руками, капли росы блестели на стеклах, вдалеке кто-то кричал что-то непонятное, крик повторялся без устали через равные промежутки времени; за холмом на больших оборотах выли динамо-машины, и вдруг все эти звуки покрыл приглушенный грохот.

Майор напряг зрение, но ничего не увидел. Грохот по-

вторялся ритмично, каждые несколько секунд, — между одним и другим ударом майор успел сосчитать до десяти. Напрасно он старался увидеть вспышки выстрела. «Видимо, стоит за гребнем», — подумал он о танке. Потом послышался скрежет металла. В последнее мгновение майор отскочил в сторону, на него двигался тягач, тащивший высокое, неуклюжее, облепленное со всех сторон людьми сооружение, покачивавшееся на фоне звездного неба. Когда все это проезжало мимо майора, в глаза ему ударил отблеск огней, отраженный от линзы двухметрового прожектора. Невидимый танк продолжал стрелять. Скрежет за спиной майора прекратился, теперь был слышен размеренный приглушенный топот множества ног. Мимо проходили нескончаемой вереницей люди, мелькали лучи карманных фонариков; вдруг от конца колонны к месту, где стоял майор, набежала волна неясных голосов, она надвигалась все ближе и ближе, люди что-то кричали друг другу, водители вездеходов, обгонявших колонну, перекликались друг с другом, волна звуков обрушилась на майора и покатилась дальше к шоссе, а он все еще ничего не знал.

— Что?! Что?! — закричал он.

— Не берет! Снаряд не берет! — ответило ему из темноты сразу несколько голосов, в которых послышалось что-то похожее на разочарование и огорчение. Потом до него долетели такие же вопрошающие возгласы и отчетливо доносился ответ:

— Не берет, не берет...

Вдруг майора ослепил свет фары — огненный глаз, раздвигающий черные стебли травы, и кто-то окликнул:

— Господин майор, садитесь!

Проведя рукой по крылу машины, майор нащупал покрытое войлоком железное сиденье и уселся на него, свесив ноги, как и другие. Маленький вездеход тронулся, подсакивая на толстых шинах. Когда машина выезжала через ров на шоссе, сидящие сзади покатались по скамье, их хватали за ремни, воротники, раздался смех. Мотор взвыл, маленькая машина с трудом выбралась на шоссе. И тут, в первый раз за весь вечер, майор увидел красоту пейзажа, расстилающегося перед ним: под звездным небосклоном раскинулась огромная сверкающая равнина, наполненная мелькающими

точками огней. Где-то высоко в небе, будто стараясь что-то кому-то внушить, настойчиво и размеренно ворчал самолет, а вдалеке, в двух скрещенных снопах света, сверкала, переливаясь, груша — словно капля жрустала — и по-прежнему равнодушно гремела танковая пушка.

По обочинам шоссе среди поваленных в кюветы тополей стояли солдаты-регулирующие и направляли движение зелеными огнями сигнальных фонариков — в некоторых местах предупреждающие красные фонари висели прямо на еще не убранных стволах деревьев. Медленно, то и дело останавливаясь, двигался поток легковых автомобилей, грузовиков, амфибий.

— Эй, что там! Вперед! — кричали сзади. Никто не отвечал, впереди загорались фонарики, машины трогались, двигались дальше. Вот миновали сползший в кювет легкой автомобиль, из которого торчали головки детей, мужчина за рулем кричал что-то командиру дорожного патруля, а тот усталым голосом повторял: «Проезда нет, проезда нет».

Сразу же за поворотом снова образовалась пробка.

— Что это такое? Отступаем? — спрашивал кто-то молодым, звонким голосом.

— Едем в отпуск! — раздались возгласы с огромного грузовика, идущего впереди амфибии, кто-то стал петь, кто-то сердито прикрикнул на поющего, песня оборвалась, какой-то солдат высунулся сквозь деревянную решетку, надставленную над бортом, и прокричал вниз:

— Эвакуация местности, удирай, пока цел.

— А что? Что? — допытывался молодой голос.

— Будут бомбардировать, вот что!!!

Вдруг колонна увеличила скорость, проехала между стоящими в темноте мотоциклистами с белыми повязками на рукавах и в таких же белых касках и попала в слепящий поток света. Лучи прожектора медленно, подобно морскому маяку, крутились над самым краем шоссе, задевая верхушки деревьев. Раздались возмущенные возгласы ослепленных людей, водители включили сирены, а прожектор поднял свою серебристо-серую колонну кверху, задел одинокое облачко и вновь прошелся лучом по шоссе, выхватывая из мрака лоснившиеся крыши автомобилей, кузова с торчащими в них головами людей, и вдруг замер — в этот момент

майор увидел едва ползущий рядом с ними открытый легко-вой автомобиль. Высокий мужчина, опиравшийся на зажатую в коленях трость с серебряным набалдашником, повторял срывающимся от волнения голосом:

— Это безумие, это безумие, хотят бомбардировать. Мы не должны этого допустить...

Этот мужчина с серебристыми волосами, залитый каким-то неестественным зловещим светом, обращался к самому себе, сидящие рядом с ним более молодые, чем он, спутники молчали, один из них держал на коленях большой, завернутый в плащ ящик, все без исключения были в черных очках — в лучах прожектора они походили на слепых, — полоса света дрогнула и переместилась дальше, автомобиль, ехавший рядом с вездеходом, поглотила тьмота. Прожектор погас, все утонуло во мраке, настолько густом, что казалось, будто фары автомобилей светили через толщу воды. Майор закрыл лицо руками и сидел в такой позе, безвольно подчиняясь толчкам автомобиля, подскакивающего на ухабах.

Вдруг он поднял голову.

Танк прекратил стрельбу, а может, выстрелы не слышны из-за дальности расстояния? Он увидел первые тускло светившие фонари на улицах местечка. Машины проезжали по многолюдным улицам, люди стояли на тротуарах, из настезь открытых окон освещенных квартир неслись звуки радио; колонна медленно заворачивала, обгоняемая несущимися с бешеной скоростью мотоциклами, а где-то вдалеке кричали детские голоса: «Чрезвычайный выпуск! Второй шар упал в Баварии! Чрезвычайный выпуск!»

Высоко в небе рокотал самолет.

3

Маурелл примчался домой в мокрой от росы одежде, на коленях — следы глины и золы. Вытирая ноги в прихожей, он счистил прицепившуюся к каблукам траву. Фокстерьер, увидев хозяина, радостно завертелся вокруг него, барабаня твердым обрубком хвоста по открытой дверце шкафа, потом вдруг насторожился, припал к ногам хозяина и задвигал

носом, жадно втягивая воздух; неожиданно собака оцетинилась. Жена Маурелла как раз направлялась к двери, когда он открывал ее. Она молча остановилась.

— Дорогая, я должен сейчас же ехать с профессором. Ты знаешь, они хотят этот шар бомбардировать на рассвете... Я должен ехать с профессором, — повторил он еще раз, — у него плохо с сердцем.

— Второй упал, — проговорила госпожа Маурелл, всматриваясь в лицо мужа. — Ежи, что это? Что это значит?

— Не знаю. Никто не знает! Что-то из межпланетного пространства, со звезд. Непонятное! Ты видела?

— Да, по телевизору.

— Значит, ты представляешь, как это выглядит.

— Это был слепок с них за секунду до гибели, да? В последнее мгновение их жизни?

— Да, похоже на это.

— Что вы собираетесь делать?

— Прежде всего не допустить сумасшедших поступков тех... тех... — Он не находил слов. — Они сначала действуют, потом думают — знаешь их девиз. Утром будут бомбить. Профессор рассказывал мне, что кто-то из департамента уже поговаривает и об атомной бомбе — в случае если обыкновенные не возьмут.

— Но почему они так спешат, почему хотят растоптать, уничтожить? А может быть, под этим шаром есть... что-нибудь?

— Что? — Маурелл поднял голову. — Что ты говоришь? Под шаром? Ах, ты, наверное, думаешь — какая-нибудь ракета, снаряд? Нет, там нет ничего. Мы зондировали. Шар, точнее, это вовсе не шар — так его почему-то все называют — вошел в землю на три метра, не больше. Материал везде одинаковый, похожий на стекло, но тверже алмаза. На вершине имелось отверстие, но через четыре часа оно затянулось. Из него выходил пар — нам удалось взять пробу. Делаются анализы. От этого предмета, что зарылся в землю, отходят в разные стороны шесть цилиндрических отростков.

— Корни? — предположила она.

— Можно и так сказать... Дорогая, я должен собираться. Я... честное слово, не знаю, когда возвращусь. Думаю, что

завтра вечером. Что?.. — и не закончил фразы под ее взглядом.

— А второй шар, Ежи?..

— Что?! — Он подошел к ней, схватил ее за плечи. — Ты что-нибудь слышала? Сообщали по радио? Я знаю только то, что он упал где-то возле Обераммергау; в газете поместили об этом три строчки — почему ты молчишь?

— Нет, нет, ничего нового я не знаю, но, вероятно, они еще будут падать.

Он отошел от жены и нервно заходил по комнате, снял со шкафа маленький чемоданчик, открыл его, бросил туда рубашку, потом остановился с полотенцем в руках.

— Это возможно. Возможно.

— Так что это такое? Что думаешь ты об этом? Что говорит профессор?

Зазвенел телефон. Госпожа Маурелл подняла трубку и молча протянула ее мужу.

— Алло? Это вы, господин профессор? Хорошо, сейчас еду. Что? Что не нужно? Где? К вам? В институт? Сейчас? Ладно. Буду там через четверть часа.

Он бросил трубку.

— Заседание института. Сейчас. Который час? Только двенадцать? Мне казалось, что больше... все равно. За чемоданом забегу потом. Быть может, уже не нужно будет, не знаю. Ах, я просто ничего не знаю!

Маурелл поцеловал жену и стремительно выбежал; пес, прижавшись к полу, заворчал на него.

Расположенный на крутом берегу реки, у подножия старой крепости, институт был виден уже издали, особенно сейчас, когда Маурелл ехал по аллее на подножке совершенно пустого ночного автобуса. Во всех окнах небольшого старого дворца, в котором помещался институт, было темно, но Маурелл знал, что со стороны фасада расположены только библиотечные комнаты и почти никогда не используемый зал для торжественных актов. Кованая железная калитка была открыта, во дворе длинной шеренгой выстроились автомобили. Маурелл обогнул дом, за домом тянулся большой сад. Нереида, из рук которой бил фонтан, лежала, нагая и темная, на своем камне посередине маленького, усеянного огромными листьями озера. Маурелл черным ходом поднялся

на второй этаж. До него донеслось покашливание и шум многочисленных голосов. В коридоре возле телефона кто-то стоял спиной и упрямо повторял в трубку:

— Нет, не могу. Не вернусь. Сейчас нет. Ничего определенного не могу сказать.

Это был Треворс — Маурелл узнал его. У него он слушал курс математического анализа. Маурелл прошел мимо него и очутился в небольшом зале. Виннель, окруженный плотной толпой (голова к голове — седые, седеющие, лысые), держал в руке что-то блестящее и, потрясая этим предметом, говорил:

— Если это не достаточное доказательство, тогда прошу в кинозал.

Все двинулись за ним. Слышен был шум отодвигаемых кресел, кто-то уронил стул, все говорили одновременно, перебивая друг друга. Маурелл стоял в нерешительности, не зная, что делать. Профессор заметил его, когда проходил мимо, он как раз отвечал на вопросы сразу нескольких человек.

— Ага, вы здесь, прекрасно, прошу к нам, вы мне можете.

Кинозал представлял собой обыкновенную затемненную комнату с небольшим количеством мест, и половина присутствующих вынуждена была стоять в проходах и у стены, где были пробиты четырехугольные окошки для киноаппарата. Виннель, стоявший возле экрана, поднял руки. Стало тише.

— Коллеги, вы увидите фильм, заснятый необычным способом и в особых условиях. В течение четырех часов, покамест нас не выгнали военные, коллега Терманн с шестидесяти метров делал одиночные снимки с интервалом в три секунды.

— Почему снимали с такого далекого расстояния? — спросил кто-то.

— Для безопасности, — ответил профессор. — Того, что дал фильм, мы, конечно, совсем не ожидали. Снимки не идеальны, проявлялись они в необычайно тяжелых условиях, даже не полевых, а под постоянной угрозой удаления нас с места работы, в условиях непрекращающихся столкновений с военными властями, — но сейчас не об этом

идет речь. Коллега Терманн! — повысил голос профессор. — Прошу вас!

Профессор сел и исчез из поля зрения Маурелла, стоявшего у самых дверей, сбоку, но он знал, что это не такое уж плохое место. Свет потух, и аппарат застрекотал. Изображение сначала перемещалось вверх и вниз и наконец вошло в рамку. Почти весь экран заняла груша.

Снимки сделаны были, вероятно, телеобъективом, о чем профессор ничего не сказал. Постепенно изображение стало четким, и хотя по экрану временами проходили темные полосы, но грушу и то, что находилось внутри нее, видно было довольно сносно. Иногда все изображение бледнело, вероятно, из-за отблесков; пленка в некоторых местах была засвечена. В зале стояла тишина, время от времени чуть слышно поскрипывали кресла.

Маурелл внимательно смотрел на экран — он разглядел беловатые, лежащие внутри груши фигуры; ленту крутили, наверное, с минуту, и вдруг он в первый раз заметил какое-то движение.

Юноша и девушка, заснятые сверху и сзади и выглядывшие, словно расчлененная надвое статуя, пошевелились. Медленно, необычайно медленно девушка запрокинула голову назад, и стало видно ее лицо. Глухой вздох пронесся по комнате. Напряжение росло. Вместо лица у лежащей белой фигуры была плоская маска, и с нее лениво стекали огромные полиповидные капли. Впечатление, что обе фигуры сделаны из белого коралла или камня, рассеялось — казалось, что они вылеплены из тягучей, густой, похожей на застывающее стекло массы. Голова девушки клонилась назад и коснулась шевелившейся как бы под каким-то необычайно замедленным дуновением ветра белой веточки, на которой висела белая ягодка. Затем обе головы снова миллиметр за миллиметром начали сближаться, и, хотя они двигались в границах нескольких сантиметров, это передвижение хорошо было видно, видны были и плавные движения торсов, можно было подумать, что фигуры дышат. А потом снова две белые головы стали отходить друг от друга, но на этот раз вещество, та белая масса, из которой они были сделаны, застыло, и между медленно удалявшимися друг от друга лицами повисли тонкие, рвущиеся перемычки — клейкие нити,

которые, лопаясь, скручивались в маленькие шарики и медленно поглощались поверхностью масок, заменявших скульптурам лица. Зашевелились и ступни ног, а ладонь девушки, белая, гибкая, переместилась с затылка юноши на шею — и опять, уже в третий раз, головы нежно коснулись друг друга, как в поцелуе, — это движение было настолько естественным, что в зале кто-то вскрикнул.

Дождь черных линий прошел по экрану, потом на сером фоне замелькали какие-то черные пятна, некоторое время пустой экран ярко блестел в потоке света, идущего от киноаппарата, но потом погас и в комнате зажглись лампы.

— Прошу всех в зал! — пригласил профессор, первым поднимаясь с кресла. Он был бледен, как и все, кто находился в комнате, хотя профессор, наверное, уже видел эту картину, может быть, не один раз.

— Никогда в жизни не мог бы представить себе что-то более ужасное и в то же время более непонятное, чем это, — проговорил какой-то мужчина, столкнувшись с Мауреллом, не торопившимся уходить. Постепенно кинозал пустел. Из кинобудки вышел доктор Терманн, он был без пиджака, в одной рубашке. На лбу у него блестели капельки пота.

— Ты видел, Ежи? — спросил он Маурелла, беря его под руку.

Маурелл кивнул головой.

— А профессор... Что он говорит об этом?

— Ничего. По крайней мере мне ничего не говорил. Пойдем, уже начинают!

В зале все уже уселись, и для Терманна и Маурелла не оказалось мест, поэтому они стали у тяжелой бархатной портьеры серо-зеленого цвета. Что-то коснулось плеча Маурелла, он оглянулся, это был всего-навсего кончик золотистого шнура портьеры.

— Здесь, — говорил Виннель, который снова стоял у стола в глубине зала, — лежат все данные, какие нам удалось добыть: фотографии, результаты измерений, анализов и так далее. Прежде чем приступить к ознакомлению с этими материалами, обработка которых, несмотря на всю их фрагментарность, займет недели, я хотел бы, коллеги, сообщить вам содержание телефонограммы, которую только что получил из Баварии...

По залу прошел шорох.

— Эта телеграмма от доктора Монеггера, который занят исследованиями в Баварии возле Обераммергау и к которому я обратился по телеграфу немедленно по получении сообщения о приземлении второго шара. Гм, гм, — захмыкал профессор, читая про себя первую фразу, а вслух сказал: — Да... так вот что он сообщает: «Тело неземного происхождения упало в восемь часов сорок две минуты по местному времени», то есть раньше, чем наше, — уточнил профессор, глядя в зал поверх очков, — «и его полет в атмосфере был замечен компетентными наблюдателями — местной метеорологической станцией; в это время они производили измерение силы ветра, и ими было установлено, что летящее тело — огненный болид. Тело это появилось на северо-востоке, описало дугу на небосводе и упало на юго-западе, вне поля зрения наблюдателей». Это во-первых, — прибавил от себя Виннель, — и дальше: «Тело, замеченное...» и так далее «упало на участке, принадлежащем крестьянину, по имени Юрген Польш, срезав непосредственно перед столкновением с землей верхушку старой липы, росшей в ста шестнадцати метрах от северного угла дома. Хозяйственные постройки состоят из...»

— И если вся телеграмма так составлена, придется вам, коллега, читать ее до утра, — бросил толстый мужчина из второго ряда кресел. Кто-то засмеялся, все зашикали на него.

— Это пишет немец, — ответил Виннель и, не поднимая глаз, продолжал: — Гм, да, итак, м-м... «...Тело пробило насквозь крышу свинарника, который сразу же запылал, и врезалось в землю в тридцати восьми метрах от свинарника, в точке, расположенной на...» Ну, да не об этом речь. Как вытекает из вышеизложенного, траектория полета тела была тангенциальной, а угол падения... Я опускаю здесь абзац относительно вычисления кривой полета, — кашлянув, произнес Виннель и принялся читать дальше: — «В точке приземления образовалась воронка правильной концентрической формы и тут же повалил дым, сначала черный, затем грязно-серый, желто-лимонно-серый, белесый и, наконец, снежно-белый. Дым поднялся на высоту, определяемую в...» Это опустим. Так, дальше следует описа-

ние пожара в усадьбе; все сгорело, люди спаслись, погибло пять свиней, в том числе два поросенка...

— Какой породы? — спросил остроумный толстяк, но никто не обратил внимания на его остроу.

— Две курицы... гусь... так. Дальше идет: «Место падения находилось под непосредственным наблюдением отряда скаутов, их лагерь был разбит в четырехстах восьмидесяти метрах у ручья» — и так далее, и так далее, — нетерпеливо повторял профессор, пробегая глазами листки и откладывая их один за другим. — Ну, наконец! Итак, что говорят эти скауты... сначала тут характеристика каждого, с точки зрения степени доверия, которого каждый из них заслуживает, ага, вот здесь: «Когда дым рассеялся, можно было заметить...» — прошу прощения, я не сказал, что наблюдение велось с расстояния почти полкилометра, но у двоих ребят имелись бинокли, — итак: «...можно было заметить блестящий шар, переливающийся всеми цветами радуги, который поднимался из земли все выше и выше, раздаваясь при этом пропорционально и в стороны, словно его надували... это длилось больше часа. За это время к шару прибыли наблюдатели с метеорологической станции и случайные прохожие... пожарные тем временем тушили пожар...», так... «был расставлен полицейский кордон...» Ну, а теперь о содержимом этой колбы! — оповестил приподнято Виннель, он облизнул пересохшие губы и начал медленно читать: — «Содержимое...» ага... «состоящее из матовой, белой, как обожженная кость, массы неизвестного состава и консистенции...» — наблюдение затруднено отложением туманного слоя, что-то вроде последовательных напластований — центральное ядро и три слоя, края которых в некоторых местах сливаются, их описание дается для большей ясности отдельно...

— Ясность изумительная, — снова не выдержал толстяк в светлом костюме.

— «...части тел одного поросенка и свиноматки плюс фрагмент как бы вырезанной и реконструированной во всех чертах стены свинарника... полное изображение второй свиньи... постепенно переходящее в фигуры двух кур... над этой двуфрагментной группой, приблизительно на семьдесят сантиметров выше, в стекловидной массе имеется изображение

из аналогичной белой субстанции маленькой птички с распростертыми крыльями, по всей видимости, синицы. Представляется вероятным, что птица непосредственно перед моментом приземления тела находилась над местом падения, так как вблизи находились...», — тут какие-то орнитологические наблюдения, не существенные для нас. Таким образом — это все, что я хотел зачитать, вам, коллеги, — проговорил в заключение Виннель и положил бумагу на стол.

— И что дальше? — раздался голос из глубины зала.

— Именно этот вопрос я хотел поставить перед вами, уважаемые коллеги, — ответил Виннель. — Наша храбрая армия имеет на это готовый ответ, до атомной бомбы включительно. Боюсь, что это стекло не выдержит цепной реакции урана, как оно выдержало оружейный обстрел.

— Неужели это правда? — раздался вопрос из зала.

— Да, бронебойные снаряды — это снаряды литые, без заряда — рикошетировали от поверхности шара. Несколько снарядов было найдено. Разумеется, никто из ученых не имел возможности даже посмотреть на них. Ну, да бог с ними! Так вот — проблема не разрешена. Конечно, имеется ряд догадок, но говорить о них публично еще рано. На основе изучения этих двух событий вырисовывается следующая картина: данные тела обладают способностью создавать внутри себя изображения вещей, существ, предметов, которые находились вблизи в момент столкновения их с землей. Возникает ряд вопросов: как это происходит? Прилетает ли тело готовым к получению таких изображений или способность к этому возникает лишь после некоторого подготовительного процесса? Ну, и прежде всего: к чему все это?

Наступила тишина. Математик, у которого Маурелл учился, проговорил со своего места:

— Мы здесь собрались, чтобы наметить план исследования и представить его компетентным органам, не так ли? Разумеется, нас могут не выслушать — нас слушают ровно столько, сколько в нас нуждаются, — и совершенно не исключено, что дертекский шар будет уничтожен. Остается тем не менее другой, упавший возле Обераммергау, поэтому нам следует отправиться туда, по крайней мере некоторым из нас, если, конечно, немцы окажутся более здравомыслящими, нежели наши власти...

— Да, это правильно, — сказал Виннель. — Я хотел бы еще... Я считаю, что коллеги должны быть ознакомлены с точкой зрения военных. Они считают, что мы имеем дело с попыткой вторжения.

— Вторжения?!

— Да. Это гипотеза... Она так же хороша, как и всякая другая, когда ничего не известно. Сообщение о падении шара в Баварии министерство получило почти в одно время с известием о приземлении шара на территории нашей страны. Они ожидают дальнейших — гм, гм — десантов... и готовятся каждый такой падающий объект уничтожить.

— Но ведь шар не обнаруживает никакой агрессивности? — возразил из первого ряда высокий мужчина, рассматривавший на свет негативы снимков.

— Ну... постольку, поскольку. Офицер, прикоснувшийся к нему, погиб на моих глазах.

— В чем причина смерти?

— Шок. Так говорят врачи. Мы исследовали шар — все животные, которые прикасались хотя бы на какую-то долю секунды к его поверхности, гибли с симптомами шока.

— Электрического?

— Нет, скорее анафилактического. Агглютинация крови — выпадение белка из протоплазмы, — еще это бывает под действием токов высокой частоты.

— Шар радиоактивен?

— Нет.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Вы говорили об изображениях, профессор, — отозвался стоявший у стены худенький, лысый человек с покрытым шрамами лицом, — но ведь эти изображения... подвижны. Мы даже видели это в фильме. Выглядит это так, как будто падавший объект подсмотрел, если можно так сказать, не только предметы или живые существа... людей... но и их движения. Это означает, что они во время этого... наблюдения, этого... копирования, как там ни назови данный процесс, — еще жили. То есть я хочу сказать, что смерть, возможно, никоим образом не связана с этим процессом получения изображений, она могла наступить вследствие непосредственной близости объекта к месту падения, в результате воздушной волны, высокой температуры и так далее.

— Профессор Лаарс, вопрос не представляется таким простым, — вмешался в дискуссию математик, — так как случаи ранения или убийства человека либо животного падающим метеоритом, обычным метеоритом, неизвестны и практически маловероятны. Это следствие того, что поверхность земного шара настолько велика и, так сказать, настолько пуста по сравнению с площадью тел живых существ, которые перемещаются по ней, что прямые попадания или падения метеоритов вблизи живых существ статистически почти невероятны. И то, что один шар упал в нескольких десятках метров от двух молодых людей, а другой — вблизи населенной усадьбы, не кажется результатом слепого случая. Но если это так, то данные шары перемешаются не как мертвые космические тела, а как объекты, управляемые или нацеленные.

— Это звучало бы убедительно, если бы мы были уверены, что на Землю упали только эти два шара, — защищался Лаарс. — А что, если таких предметов за последние сорок восемь часов упало, скажем, сто, причем четыре пятых в океаны, одна шестая в пустынных местностях — и только два там, где их заметили? В таком случае следует ожидать обнаружения таких шаров в труднодоступных местах.

— Я с вами согласен. Трудность состоит в том, что мы не знаем, где их искать...

— Предлагаю послушать сейчас радио, — сказал Виннель, подымаясь из-за стола, за которым он что-то писал. — Уже почти половина третьего, должны быть сообщения о результатах бомбардировки.

— Они собираются провести это ночью?

— Да, спешат — им все не терпится! Точно, правда, я не знаю: решения менялись каждые полчаса. Маурелл, прошу вас, подключите в кабинете к радио громкоговоритель, установленный здесь.

Маурелл вышел.

Через минуту-две послышался неясный шум, то усиливающийся, то затихающий, и вдруг сквозь него пробился мужской голос, затем исчез и так же внезапно снова возник, наполняя весь зал.

— ...в траншею был заложен заряд тротила, величина ко-

того не была сообщена прессе. Затем саперы удалились на противоположную цепь холмов и оттуда подожгли шнур. Взрывом шар подняло в воздух, и он по склону скатился в лощину. В настоящее время ведутся интенсивные исследования.

Диктор сделал паузу.

— Из Мюнхена наш корреспондент сообщает. Работы по исследованию шара, который упал вчера утром в окрестностях Обераммергау, идут полным ходом. На место падения выехали шесть научно-исследовательских групп. Согласно плану, шар будет подвергнут действию различных видов энергии, и в связи с этим рассматривается возможность транспортирования его в ближайший город, где имелись бы необходимые приспособления и аппаратура. Немецкие ученые оценивают вес шара в пределах от ста девяноста до двухсот двадцати тонн. Ввиду этого проблему транспортировки решить нелегко.

Диктор снова умолк, в репродукторе слышен был шелест переворачиваемых листков. Пауза затянулась. Вдруг голос диктора зазвучал громче:

— Передаем только что полученные сообщения. Джакомо Каэлли, который вместе со своими товарищами сегодня возвратился в Рио-де-Жанейро из экспедиции в глубь бассейна Амазонки, заявил на пресс-конференции, что неподалеку от места, где река Путумайо впадает в Амазонку, экспедиция обнаружила в джунглях выжженную огнем значительную площадь, где на дне кратера лежала большая стекловидная глыба, а вокруг нее погибшие по неизвестным причинам животные, в том числе хищники, а также птицы и насекомые. Под прозрачной оболочкой глыбы можно было заметить нечто вроде барельефов или отлитых в белом металле копий голов различных животных, трупы которых валялись возле шара. Ввиду отсутствия соответствующей аппаратуры Каэлли не смог произвести каких-либо исследований этого объекта, кроме фотографирования его. Снимки эти вы будете иметь возможность увидеть в нашей телевизионной программе утром, в восемь часов тридцать минут. Бейрут. Здесь собрался политический совет...

Репродуктор щелкнул и умолк.

— Кое-что мы узнали, — проговорил Виннель и встал. —

Кажется, профессор Лаар оказался прав — следует ожидать и других открытий.

— Что это за история с изображениями погибших животных? — спросил кто-то из сидевших в зале.

— Как, разве я не говорил? В самом деле! Прошу прощения, коллеги. В месте, где этот несчастный офицер прикоснулся к шару, появился потом отпечаток или слепок его руки — собственно говоря, ее негатив — зеркальная копия, чем ближе к поверхности шара, тем явственней различима.

— Вероятно, военные уже довольно много знают, если им удалось вскрыть шар... — заметил кто-то.

— Не думаю. Не замедлили бы похвастаться, — ответил Виннель. — А теперь, уважаемые коллеги, давайте наконец приступим к выработке плана действий...

4

Пресс-конференция подходила к концу. Вспышки фотоламп больше не слепили глаза сидевших за столом. Репортеры, журналисты и представители иностранных агентств толпились у стен; некоторые, устав, присаживались на корточки, сидели на ступеньках вокруг возвышения, на котором стоял стол президиума. Мало кто из корреспондентов записывал, только обладатели карманных магнитофонов все еще не переставали целиться головками микрофонов в шефа пресс-отдела Специальной комиссии. Все растерялись, будучи не в состоянии переварить ту лавину научного материала, который им представили. На столе громоздились стопы таблиц и бумаг с результатами спектральных анализов, чертежи, изображающие шар в поперечном и продольном разрезах, рисунки, аналитические таблицы, сопоставляющие веса, цветные таблицы с записями физических и химических реакций, абсорбций и адсорбций, сравнительные таблицы всех исследованных образцов, а по обоим концам стола высились кипы толстых книг в лимонных переплетах — отчет комиссии. Все корреспонденты имели экземпляры этой книги, но только самые отважные решались перелистать толстый том — будто им было недостаточно того, что сказал доктор Хейнс.

Итак, четверо суток падали на Землю шары. Известны уже точки падения на поверхности Земли. Вычислена энергия удара, раскрыт механизм образования так называемого «радужного волдыря», который был не чем иным, как зародышем с необычайно ускоренным — в период «укоренения» — обменом веществ. Было установлено, что каждое упавшее из космоса тело, хоть и не было ни животным, ни растением, жило. Из врезающегося в землю при падении «яйца» почти взрывным путем формировался «плод», покрытый быстро затвердевающим защитным панцирем, способным поразить всякого, кто к нему прикоснется. Расположенное внутри молочно-белое ядро выполняло в организме груши роль органа, управлявшего всеми жизненными функциями, его сравнивали — но только для профанов и с целью популяризации — с ядром клетки. После периода «взрывного» развития метаболизм груш замедлялся. Через десять месяцев появлялись первые признаки регрессии — контуры внутренних органов и частей организма сперва становились неясными, потом полностью исчезали, превращаясь постепенно в темнеющую удлинненную каплю, все стекловидное содержимое груши всасывалось, и, наконец, на дно пустой уже оболочки опадала продолговатая груда темной комкообразной субстанции величиной в две человеческие головы. Расколоть внешнюю оболочку на этой стадии эволюции груши было уже совсем нетрудно, а исследования доктора Карелла и профессора Казаки показали, что «черная голова» представляет собой нечто вроде «личинки-зародыша». Она начинает развиваться тогда и только тогда, когда ее выстрелят с большой скоростью в какую-нибудь материальную преграду. И лишь после того как с «зародышем» поступят так жестоко, он в условиях высокой температуры, возникающей при ударе, начинает преобразовывать окружающую материю в стекловидную массу, из которой возникает дочерняя груша.

В свете этих фактов очень близкой к истине казалась гипотеза Виннеля, что груша представляет собой живое тело, приспособленное к космическим путешествиям и даже более того — к космическим катастрофам. Так что на одной планете, на которую попадает это тело, может развиваться только одно поколение груш, а их зародыши вынуждены

ожидать миллиарды лет, до тех пор пока данная планета вследствие какого-нибудь катаклизма не распадется, и тогда зародыши, смешавшись с осколками планеты, отправятся в виде метеоритного дождя путешествовать в какой-нибудь загоулук Галактики. Гарвардские астрофизики по этому поводу высказали предположение, что либо развитие груш совершалось в необычайно далекие эпохи существования Вселенной и они представляют собой реликты форм жизни, существовавших за миллиарды лет до появления ее белковых форм, либо они упали из таких областей космоса, в которых планетные катастрофы — явления закономерные и частые. Ученые не скрывали своей радости: открытие организмов, способных развиваться не только в условиях отсутствия катастроф, но именно благодаря им, стало поразительным доказательством приспособленности феномена жизни к любым возможным материальным условиям во Вселенной.

Что касается падения груш на Землю, то это следует рассматривать как совершенно исключительное явление. Это был какой-то отдельный рой, затерявшийся в космическом пространстве блуждавший там многие миллионы лет или веков.

Разумеется, не все ученые придерживались одного мнения. Профессор Лаарс, например, считал, что груши — это форма жизни, типичная для планет, вращающихся вокруг звезд, периодически меняющих свою яркость, — цефеид с большой амплитудой мерцания, и даже для периодических звезд — новых. Это подтверждает характер развития данных форм, приспособленных никоим образом не к путешествиям в космосе, а к неслыханно высоким температурам, возникающим на планетах в период взрыва на звезде-солнце. Действительно, оказалось, что одним лишь нагреванием «черной головы» до белого каления, можно вызвать у груши весь цикл развития.

Некоторые ученые не считали данный эксперимент доказательным. Но все эти различия точек зрения людям несведущим казались не очень существенными.

Когда доктор Хейнс закончил свой доклад, корреспонденты засыпали его вопросами, которые по существу сводились к одному: почему ядро груши создавало слепки объектов, окружавших место, где начинался процесс его развития.

Доктор Хейнс отвечал с величайшей добросовестностью. Вновь он перечислил физико-химические причины, приводящие к тому, что высокомолекулярное ядро груши, испытывая воздействие световых волн определенной длины, начинает вырабатывать центральный сгусток, на котором откладываются последующие слои вещества, а световые волны, являющиеся существенным фактором развития, поступают главным образом из ближайшего окружения и тем самым влияют на систему катализаторов, которые в известной степени моделируют форму ядра. Форма ядра для жизненных процессов груши не имеет никакого значения, лучшим доказательством чего следует считать тот факт, что ядро довольно-таки свободно принимает форму человеческих фигур, угла дома и даже кустарника. В то же время движение молочно-белой субстанции ядра далеко не безразлично для жизненных функций груши, так как циркуляция этой субстанции обеспечивает надлежащий обмен веществ и именно поэтому непосвященному может казаться, что груша имитирует повторяющиеся без конца объятия людей или трепетание крыльев птицы.

Как только Хейнс закончил, снова посыпались вопросы. Как понять, что для груши «безразлична» форма ядра? Зачем ядру принимать форму окружающих предметов, а, скажем, не шара, овоида или какой-нибудь другой геометрической фигуры? Почему циркулирование ядерного вещества не может быть обычным неупорядоченным перемещением жидкостей, если тип циркуляции не имеет значения, и почему при этом ядро имитирует движение тел земных существ?

Хейнс, казалось, обладал неисчерпаемым запасом терпения. Сначала он подробно представил причины того, почему формы ядра и циркуляция в нем вещества не могут иметь никакого влияния на жизнедеятельность этого неземного организма. Хейнс рассказал о ряде опытов, когда развитие груши вызывалось в среде, лишенной объектов с резко выраженными формами, например, в герметически закрытом стальном шаре. Ядро, развивающееся в таких условиях, имело строго шаровую форму, а его движения ограничивались чередованием продольной и поперечной пульсации. В заключение доктор Хейнс сказал, что наука описывает явления и обобщает их, то есть выводит законы природы, но

этим и ограничивается. Нет ответа, например, на вопрос, почему Земля третья, а, скажем, не четвертая планета от Солнца, почему Солнце находится в разреженной периферической части Галактики, а не в самом ее центре, или же на вопрос, почему нет людей с розовыми волосами. Солнце могло находиться в центре Галактики, люди могли иметь розовые волосы, а груша — ядро в форме тетраэдра. Но этого нет, и науку это не интересует. Наука занимается тем, что есть, а не тем, что могло бы быть.

После этих слов в зале разгорелись жаркие споры. Корреспонденты, представлявшие научные отделы журналов, кричали о том, что следует везде искать биологическую целесообразность. Другие упрямо повторяли уже задававшиеся раньше вопросы, несколько иначе их формулируя. Больше всех шумели представители ежедневных газет — предчувствуя громы и молнии, которые жаждущие сенсаций редакторы обрушат на их головы, стоит им явиться с такими объяснениями.

Доктор Хейнс поднял руки и ждал, пока утихнет буря. Когда зал немного успокоился, Хейнс заявил, что изложил все что мог — как руководитель пресс-отдела научной комиссии. Но как частное лицо он хорошо понимает беспокойство собравшихся и даже в какой-то степени разделяет его. Если хотите, он может сообщить, что доктор Амменхопф, теолог-протестант из Швейцарии, утверждает, будто стекловидные груши, подобно людям, существуют для того, чтобы исполнилась воля Господа, чтобы служить Ему и благодарить Его за акт творения. А посему, воссоздавая образы людей, которых, сами того не желая, груши убивают, когда падают на Землю, и повторяют без устали, например, предсмертный, последний поцелуй влюбленных — все это, согласно доктору Амменхопфу, груши делают во славу Господа, ибо каждый славит Творца так, как ему дано. Это объяснение, по-своему цельное и непротиворечивое, как и вообще всякое объяснение, не является завершенным, оно апеллирует к чему-то вне нас — в данном случае к Творцу. Надо сказать, что оно не имеет ничего общего с наукой так же, как ничего общего с религией не имеют структурные формулы соединений, из которых созданы тела груш и людей.

После этих слов часть зала притихла, но другая зашумела еще сильнее. На этот раз громче всех кричали научные обозреватели — снова пошли в ход лозунги о биологической целесообразности, а несколько репортеров, столпившихся в углу, начали даже их скандировать.

Доктор Хейнс оказался на высоте положения. Снова он поднял руку, показывая, что хочет дополнить сказанное, а когда в конце концов ему дали возможность говорить, он заявил, что пять человек из тех, кто требует раскрытия биологической целесообразности обсуждаемого здесь процесса, носят цветистые рубашки, что с точки зрения борьбы за существование или биологической приспособляемости не очень-то существенно. Можно с большим основанием утверждать, что эти господа носят такие рубашки ради удовольствия. Это объяснение не так уж плохо, ибо не все, что делают люди или другие живые существа, продиктовано биологической целесообразностью. Поэтому, если хотите, вы можете сказать, что воссоздание образов существ, среди которых груши проводят свою раннюю молодость, доставляет им удовольствие.

Ответом на эти слова был многоголосый вой. Доктор Хейнс обошел стол — все ученые, сидевшие за ним, уже давно ушли — и начал собирать и приводить в порядок свои бумаги так невозмутимо, как будто он находился в совершенно пустом зале. Он намеревался выйти через маленькую дверь в углу, но толпа репортеров загородила ее, и Хейнс очутился перед плотной живой плотиной. Он развел руками и усмехнулся.

— Хорошо! Скажу! Скажу! — крикнул он несколько раз. Толпа немного успокоилась.

— Меня вынуждают отвечать, — заявил Хейнс. — Вы хотите услышать от меня правду — но правда не одна, их две. Одна — для еженедельников, помещающих длинные статьи с заставками. Стекловидные груши — это экспонаты из ботанических садов высокоразвитых звездных существ. Существа эти вырастили их ради своих эстетических целей. Груши — это их скульпторы и портретисты. Другая правда, которая ничуть не хуже первой, обязательна для ежедневной прессы, особенно выходящей после полудня. Груши — космические чудовища, которым доставляет удовольствие про-

цесс уничтожения, являющийся в то же время процессом их самоутверждения как индивидуумов. Всю оставшуюся часть жизни они наслаждаются, повторяя предсмертные движения своих жертв. Больше мне нечего сказать!

С этими словами Хейнс нырнул в толпу, размахивая портфелем, корреспонденты, стоявшие в непосредственной близости к нему, на секунду расступились, оберегая свои фотоаппараты, доктор воспользовался этим и исчез в маленьких дверях. Гул в зале стоял такой, что нельзя было услышать своего собственного голоса. Позади всех стоял какой-то молодой человек, он не был корреспондентом и вообще не имел никакого отношения к прессе, а на конференцию пробрался только из-за любопытства. Как только Хейнс скрылся за дверью, молодой человек выскользнул из зала и помчался длинными коридорами за ним вдогонку. Он догнал Хейнса, когда тот, уже одевшись, направился к боковому выходу.

— Простите! — окликнул его молодой человек. — Простите!

— Я уже все сказал, — сухо бросил Хейнс на ходу.

Но юноша не отставал от него. Так они прошли через весь сад. Хейнс подошел к своему автомобилю, стоявшему в тесной шеренге других машин.

— Простите, — повторил молодой человек, пока Хейнс искал ключ в кармане, — я... я не корреспондент и вообще не из прессы, но...

Хейнс взглянул на него с искоркой интереса.

— Так чего вы хотите?

— Хочу знать...

Хейнс пожал плечами и всунул ключ в замок.

— Я уже все сказал, — повторил он.

— Но что вы, вы сами...

— Я?

Хейнс уже садился в машину, но, услышав такой вопрос, выпрямился. У юноши были удивительно голубые глаза; они смотрели на него, как бы в ожидании чуда. Хейнс потупил взор перед бесконечно доверчивым взглядом юноши.

— Извините, но дело вовсе не в этой груше, — сказал Хейнс.

— Не в...

— Разумеется. Эта проблема в такой же степени относится к растениям, животным, к людям — ко всем существам. В обычной жизни мы не задумываемся над нею, потому что привыкли к жизни, к нашей жизни, такой, какая она есть. И нужны были чуждые, другие для нас организмы, с иными формами, функциями, чтобы мы ее открыли заново — еще раз.

— Ага, — нерешительно проговорил молодой человек, — значит, речь идет о смысле...

— Безусловно, — подтвердил кивком Хейнс. — Действительность не так наивна, как побасенка о галактических садах, и она не так страшна, как сказка о выдуманных чудовищах, но временами становится грустно оттого, что она не хочет открыть нам свои тайны... Прощайте.

Хейнс захлопнул дверцу и выехал из блестящего лаком ряда автомобилей. Молодой человек все глядел ему вслед, когда машина давно уже затерялась в уличном потоке.

МОЛОТ

1

— Я хотел бы жить где-нибудь на перевале, в большом пустом доме со ставнями, которые вечно стремятся сорвать ветер, а выходя за порог... можно было видеть...

— Зелень?

— Нет, скалы! Огромные скалы, нагретые солнцем, а в тени — холодные как лед, отвесные, суровые, и этот запах... я не могу ручаться, но мне кажется, что и сейчас его чувствую.

— Ты родился в горах?

— Не все ли равно где?

— Но ты любишь горы?

— Нет, с тобой невозможно разговаривать! Ты попытайся думать, ну как бы это тебе сказать, с большей широтой, что ли. Не родился и не любил — воду не полюбишь, пока не очутишься в пустыне. Мне хочется, чтобы вокруг была масса камней, скалы, чтобы они подавляли меня своей массой, возвышались надо мной, и я бы терялся среди них и во мне пробуждалась уверенность, уверенность...

— Успокойся.

— Ты что, следишь за частотой колебаний моих голосовых связок? Почему ты не отвечаешь? Ты обиделся? Ха-ха, это здорово!

Млот, 1959

Перевод В. Никольского, 1960

- Тебе пора спать. Сидишь тут со мной уже четыре часа, глаза устанут.
- Мне не хочется спать. А глаза у меня не устанут, я их закрыл... Я думал, ты видишь.
- Нет.
- Это не так уж плохо. Если бы ты был более совершенен...
- Что тогда?
- Не знаю, может, было бы еще хуже.
- Пообещай мне, что пойдешь спать через полчаса, а то я больше сегодня не буду с тобой разговаривать.
- Вот как! Ну ладно — обещаю. Скажи, а что ты будешь делать, когда я уйду? Тебе никогда не бывает скучно?
- Я предпочитаю не говорить об этом.
- Тайнственность — это мне нравится! Наконец-то загадка. Хотя в общем никакой загадки тут нет. Твои слова говорят, что и тебе бывает скучно, но ты самоотверженно это скрываешь.
- Ты же знаешь, до чего мы не похожи друг на друга, и тебе просто трудно все это понять. Во мне нет тайны. Я только не такой, как ты.
- Хорошо. Но ты можешь мне сказать, что ты делаешь, когда остаешься наедине с самим собой? Например, когда я сплю?
- Всегда можно найти какую-нибудь работу.
- Ты уваливаешь!
- А что ты сейчас делаешь?
- Как что? Разговариваю с тобой. А в чем дело?
- Ты знаешь в чем.
- Да? Ты очень сообразителен. Должен тебе сказать, что мы не так уж отличаемся друг от друга. Экран светит мне прямо в лицо. Я рассматриваю то, что внутри моих глаз.
- Летающие пылинки?
- А ты, оказывается, знаешь о их существовании, хотя у тебя нет глаз? Да, я смотрю на пылинки. Они иногда кажутся очень забавными. Я сегодня нашел одну, она не двигается, то есть двигается только вместе с глазным яблоком. Она радужная и похожа на инфузорию в капле воды под микроскопом.
- Ты все еще сидишь с закрытыми глазами?
- Да. А пылинки так смешно кружатся... Все быстрее и быстрее. О, тонут. И веки уже не кажутся красными. Тем-

нота. Таким мне казался ад, когда я был маленьким. Красноватая темнота. Мне хотелось бы еще раз, уже открыв глаза, представить себе, какова эта темнота, но без экрана...

— Тебе хочется оказаться около того дома на перевале?

— Дело не в доме. Камни, песок под ногами... Сколько песка на пляже пропадает зря. И самое печальное, что об этом никто не знает, кроме меня.

— Осталось двадцать минут.

— Ты мог бы быть и повежливее, тебе не кажется? Послушай, у тебя манеры смонтированы в отдельном блоке или нет? Такие вопросы тебе не нравятся, я это заметил... А почему? Ну и что, если у тебя не такие липкие, теплые или скользкие внутренности, как у меня? Разве дело во внутренностях? Я себе не раз представлял, сидя вот тут с тобой, каковы они. Ты, наверное, воображал, что я думаю о доме, о матери, о песнях в лесу... Да? Это не так. Я представлял себе свои собственные внутренности — слизистые, трущиеся друг о друга, путаницу трубочек, сосуды, сосудики, клейкие жидкости, липкие, желтоватые пленки — все это сырое...

— Зачем тебе это?

— Мне как-то после этого легче становилось.

— В самом деле?

— В известной мере. Видишь ли, если как следует представить себе этот дрожащий студень, то все остальное видится каким-то таким, что потом вроде бы легче. Ты что-нибудь понял?

— Кое-что понял.

— Сомневаюсь.

— Со мной тоже такое иногда бывает.

— Что?! Ты тоже?! Уж не... Нет, это невозможно. Ты не шутишь? Постой, я не знаю, умеешь ли ты врать? А может, у тебя есть специальный предохранитель от лжи?

— У меня нет специального предохранителя для этой цели. Ложь — это функция комбинаторики возможных соединений.

— Плевать мне на функции. Дело не в функциях. Ну, и что же ты придумывал?

— Примерно то же, что и ты, но с учетом отличий в строении...

— Проволочки и кристаллы?

— Примерно...

— Знаешь что, такая откровенность ужасна. Давай лучше будем притворяться, что... то есть я буду притворяться.

— А я?

— Что ты?

— Я тоже должен... притворяться?

— Ты? Не-е-т... Не знаю. Мне казалось, что тебе это непонятно.

— Кое в чем я на тебя похож больше, чем мне бы того хотелось.

— А на кого бы ты хотел походить... О, проклятье!

— Что случилось?

— Я открыл глаза.

— Ты можешь выключить экран.

— От страха?

— Нет, повинуюсь голосу рассудка. Тебе нравится истязать себя?

— Нет, я просто не люблю обманывать самого себя. Кто это, интересно, мог восторгаться звездами? Фосфоресценция отбросов, гниющих при высокой температуре; единственной их заслугой является то, что до скончания света ничего, кроме них, нет и не будет. Надо на них посылать людей, которым до этого нет никакого дела, — бабушек в качалках, со спицами и клубками шерсти... Какой сегодня день?

— Двести шестьдесят четвертый.

— А скорость?

— Восемь десятых световой.

— Чем дальше, тем увеличение скорости будет все меньше и меньше?

— Да.

— Зачем я тут, собственно говоря, сижу, если ты все знаешь сам?

— Затем, что имеется разница в строении наших организмов.

— Это верно. Сто лет назад посылали животных. Путешествие тогда было куда как короче, и они ничего не понимали.

— Тебе бы хотелось ничего не понимать?

— Иногда мне кажется, что ты самый настоящий китайский мудрец, а иногда задаешь такие вопросы, которые под

стать только ребенку. Ты никогда не спишь — не так ли? Да, я тебя уже спрашивал об этом.

— Неоднократно. Нет, не сплю.

— Ну а мечтать ты можешь? Ведь это комбинаторика.

— Да, это тема большого разговора. Давай отложим его на завтра.

— На завтра? А разве существует завтра? Все время продолжается сегодня.

— Ты можешь утешать себя тем, что, пока ты спишь, на Земле пройдет намного больше времени, чем тут.

— И это — в качестве утешения? Ну... хорошо. Приятных мечтаний.

— Спокойной ночи.

2

Ему казалось, что он не уснет. Было тепло. Даже слишком тепло. Он долго колебался:

— Прохладнее! — проговорил он наконец.

Сверху стал поступать свежий, пропитанный запахом хвои воздух. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, наслаждаясь ароматом.

— Без этого запаха!

Воздух утратил запах хвои. Зря он так размечтался. Теперь это состояние наверняка будет продолжаться до тех пор, пока все не начнет расплываться, рассеиваться. А если взять книжку? Он представил, как берет в руки книгу в мягком переплете. Его раздражал бархатный голос диктора, читавшего текст, — он предпочитал делать это сам. Он вдруг поймал себя на мысли, что абсолютно не помнит прочитанного. Перелистал почти половину книги, а что толку... В памяти осталось только ощущение, вызванное прикосновением к мягкому переплету. Видимо — как это было не раз, — он только водил глазами по строчкам. Он начинал читать и тут же терял нить рассказа. Проглотив несколько страниц, он спохватывался, ловил себя на том, что переворачивает страницы автоматически. Оцепенение? Как муха зимой между рамами окна: пригреет солнце — она оживет и опять замирает. Непроизвольно его голова запрокинулась назад.

— Чуть-чуть приподнять изголовье. Хватит!

Изголовье плавно приподнялось. Он лежал на спине и глубоко вдыхал прохладный воздух, чувствуя, как мерно поднимается грудная клетка. Ему хотелось уйти от самого себя, он попробовал представить реку: илистый берег, погруженные в воду осклизлые, обмытые от земли корни, покрытые мхом, камни на дне...

Но ничего не помогло, сон не приходил. И темнота вокруг него не сгушалась, он лежал опустошенный, все отчетливее ощущая время. Не течение времени, нет! А самое время. Когда он заметил это впервые? Два, три месяца назад? Он попробовал рассказать самому себе что-нибудь. Это было значительно интереснее, чем то, что он мог увидеть на экранах, если бы того пожелал. Экраны показывали ему то, что было скрыто где-то в глубине стен, записано, законсервировано в сотнях тысяч копий. То, о чем он рассказывал самому себе, не существовало — оно создавалось. Труднее всего было, как обычно, начало...

Крутой, глинистый откос, на вершине холма лес, обожженный солнцем. Позднее лето. На камне сидит мальчик и считает проползающих около него муравьев. Он загадал: если последний будет рыжим...

Мальчик сидел и считал муравьев — он почти видел этого мальчика, настолько реальным был образ. Хватит, мелькнуло у него в голове, теперь усну...

Какое-то время он находился на невидимой границе — пытался войти в сон, который был совсем рядом, и не смог: сонливость пропала. Он снова был до отвращения бодрым — а может, все-таки попробовать... В конце концов, чем мне это грозит?

Достаточно произнести одно только слово, и в поступающий сверху воздух вольется струйка бесцветного, ничем не пахнущего газа, который усыпит быстро и надежно. Безвредное, надежное средство — он ненавидел его. Он презирал его так же, как услужливый свет, как все, что его окружало. Он чувствовал себя уставшим, глаза горели, но закрыть их не было сил, он должен смотреть в темноту. Если он скажет «небо», потолок разойдется и откроется вид на звездное небо. Он мог потребовать музыки, песен, сказок...

«Может, это от пресыщения? — подумал он. — Может,

мне слишком хорошо?» Он усмехнулся, зная, что это ложь. С минуту он думал о том, кто оставлен им в пустом зале, и вроде бы почувствовал стыд — зачем оставил его? Железный ящик.

О чем он сейчас мечтает? Может, вспоминает что-нибудь. А что он может вспомнить? Детство? У него же нет прошлого, просто в один прекрасный день он потребовался и его сделали, призвали к жизни, не спросив при этом, хочет он того или нет.

«А меня разве кто-нибудь об этом спрашивал?» Это было глупо, но тем не менее примерно отвечало истине, по крайней мере в этой темноте. А может, послушать музыку? Тысячи симфоний, сонат, опер в исполнении лучших артистов и певцов ждали его приказа, чтобы ожить, зазвучать.

«Чего тебе хочется? — спрашивал он у самого себя. — Когда ты был там, тебе хотелось сюда. Чего ты хочешь?» Он медленно закрыл глаза, как бы замыкаясь в самом себе, словно захлопнул мягкую, бесшумную дверь.

Было раннее утро, росистое, свежее, роса была всюду: на листьях, на живой изгороди, даже на сетке забора. Может, той ночью шел дождь? Но он об этом не подумал. Пробежал по высокой траве к павильону, чувствуя, как холодные капли стекают по ногам. Приподнялся на носках, ухватился за ветку дикого винограда и начал взбираться вверх. Хвост бумажного змея, свисавший с желоба, как бы поддразнивал его. Снизу он был едва заметен. Упругие лозы винограда неприятно прогибались под его тяжестью, он чувствовал, как рвутся корешки, впившиеся в известку, но он продолжал взбираться. Хуже всего было под самым карнизом: надо освободить одну руку и сильно раскачаться — ведь уже довольно высоко. Он изо всей силы уцепился за обитый толстым железом край, подтянулся и лег на крышу в пяти шагах от змея. Потом он осторожно пополз к нему и услышал крик.

Окна павильона были открыты. Они были высоко от земли, и снизу невозможно было увидеть, что в нем делается. Там находилось двое мужчин, их он иногда видел из своего чердачного окна через дорогу. Они обычно уезжали довольно рано, если не задерживались в павильоне на всю ночь. Иногда и две ночи кряду у них горел свет; правда, на окнах

были плотные шторы, и только сверху едва пробивалась тоненькая полоска света.

— Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! — иступленно кричал кто-то в комнате. Этот голос не походил на голоса находившихся в павильоне мужчин. Один из них — хромой лысый старик в темных очках, левая часть его лица казалась высохшей — говорил почти шепотом; второй, крупный, с огромным лбом, был моложе и тоже в темных очках. Он иногда не доезжал до павильона, выходил раньше на пригорке и покупал малину у садовника.

Крик оборвался. Он хотел было ползти дальше, но тут снова послышались голоса. Мужчины с кем-то разговаривали. Но в комнате никого, кроме них, не было.

Он распротер руки, прижался насколько возможно к черепице, нагретой солнцем, чувствуя телом ее тепло, и выглянул. Из-за узорных листьев дикого винограда ему удалось увидеть лишь открытые окна. Слов разобрать он не мог. Разговор продолжался. Мужчины попеременно кого-то о чем-то спрашивали, а тот, чье присутствие он не мог обнаружить, немного заикаясь, отвечал.

Он протянул руку к змею, зацепившемуся за водосточный желоб. И опять раздался страшный крик.

Что-то тихо треснуло, и наступила тишина. Внизу, в павильоне, было какое-то движение — шум шагов, потом опять послышался негромкий треск, будто чиркнули спичкой. И снова тишина. И голос новый, более низкий, чем тот, который он только что слышал.

— А-а-о, — тянул басом. — Где... я... что... это? — медленно падали слова.

Он лежал на крыше, затаив дыхание.

— Ты в лаборатории, — сказал мужчина, тот, что помоложе. Его было отчетливо слышно, словно он стоял у самого окна.

— Ты нас узнаешь? Ты был тут когда-нибудь?

— Лабо... лабо... не б-б-был... не-е-т. Это что? Почему... я здесь?

— Плохо. Выключай, — проговорил старик.

— Не-е-т! Не-е-т! — раздался страшный крик.

Что-то треснуло, и воцарилась тишина.

А потом опять что-то тихонько шуршало, щелкало, слов-

но переключали контакты, и снова раздался голос. И так повторялось... Сколько времени он лежал? Полчаса? Час? Тень от печной трубы неспешно приближалась к нему, а внизу раздавался каждый раз новый голос. Мужчины спрашивали — голос отвечал. Потом один из них говорил: «Выключай!» Или ничего не говорил, только подходил к чему-то — слышны были шаги, — и тот, кому принадлежал голос, начинал кричать. Неужели этот крик никто не слышал? Его должны услышать и на дороге, несмотря на то, что участок довольно большой. Почему же никто не приходил, не спрашивал в чём дело?

Потом на какое-то время все стихло. Он сбросил бумажного змея с другой стороны крыши, чтобы никто не заметил, а сам спустился по водосточной трубе и убежал. Змей был разорван, лопнула рама. Не стоило трудиться. До самого вечера он раздумывал, у кого бы спросить о том, что слышал. Дома спросить боялся, чего доброго, еще попадет: ему запретили лазить через забор. Он спросил у Алека: тот знал все. И не ошибся. Сначала Алек высмеял его, но это так, для порядка. Алек всегда такой. Нет, там никого не мучают. Разве он не видел, что написано на вывеске, которая висит над входом?

Нет, он не видел.

— Это Институт синтеза личности. Они там, понимаешь, собирают из разных аппаратов, у них есть такие аппараты, ну вот они и собирают эти, ну... личности. Потом пробуют.

— Что это за личности? Люди?

— Что ты! Какие люди. Кроме этих двоих, там никого нет. Это такое, электрическое, ну машины такие. Они их собирают, пробуют разные соединения, испытывают. Включат, посмотрят, что получилось, выключат, что-нибудь еще соединят, думают как и что...

— И что?

— И ничего.

— А для чего они это делают?

— Им нужно.

— Зачем?

— Отстань. Пошли к пруду.

— А почему те так кричат?

— Не хотят, чтобы их выключали.

— А что с ними делается, когда их выключают?

— Перестают существовать.

— Совсем? Навсегда? Как Барс? (Это у него была собака, ее змея укусила.)

— Ага, совсем, отвяжись. Пошли на пруд. Где леска?

— Подожди. А им что, больно?

— Да отвяжись ты. Не больно. Пошли.

Он ничего не понял и никому об этом не рассказывал. Дома тоже боялся заикнуться. Ему очень хотелось еще раз побывать по ту сторону забора — по ночам, лежа в кровати, он смотрел на светящиеся полоски в окнах. Но он ничего не слышал. Окна были плотно закрыты, — кажется, днем стояла жара. Потом кончилось лето, он пошел в школу. Потом поехал с родителями к морю и вскоре совсем забыл обо всем этом. Его уже не разбирало любопытство. Только много лет спустя он понял, что там делалось — ничего необычайного. Существуют лаборатории, в десять раз большие, чем эта. Он даже и думать забыл о том случае. Но крик остался в памяти.

Теперь ему стало совершенно ясно, что он не уснет. Он оттягивал этот момент, не потому что собирался бороться, а скорее чтобы насладиться собственной беспомощностью.

— Я хочу спать, — сказал он. Он уже ничего не чувствовал.

Ничего не изменилось, но он знал — тело его напряглось в протесте — бесполезном потому, что перед глазами уже плавали огоньки, все куда-то проваливалось — он исчез.

3

— Почему меня не послали сюда в состоянии анабиоза?

— Потому что необходимо было провести опыт с нормальным человеком.

— Будем надеяться, что я останусь нормальным.

— Ты об этом слишком много говоришь. Ты же знаешь, тебе это не угрожает.

— Знаю, мне об этом говорили. Испытания и исследования. Ну ладно. А ты не огорчен тем, что не можешь есть? У тебя довольно убогий набор ощущений.

— Надеюсь, ты имеешь в виду не только проблему питания?

— Н-н-ет! Я вовсе не хотел тебя обидеть.

Раздались глуховатые, булькающие звуки. Он знал, что это означает смех.

— Не беспокойся. Мне не так уж и плохо.

— Почему все-таки не посылают двоих?

— А потому, что если они будут долго вместе, то еще, чего доброго, перессорятся.

— Да, ты прав. Но сейчас мне хочется поговорить о другом. У нас с тобой на сегодня что-то было приготовлено для разговора, а-а-а, вспомнил: твои мечты. Но сначала ты мне скажи: ты вообще что-нибудь чувствуешь? Ну, какие-либо эмоции — о скуке, я, кажется, тебя уже спрашивал — привязанность, антипатию, страх?..

— Страх, да...

— Вот как! Страх... Перед чем?

— Боюсь, что меня выключат.

— Ты называешь это «выключением»? Но только ли это?..

— У меня нет полного самосознания: это значит, что я не могу перечислить и предусмотреть всех положений, при которых у меня возникает чувство боязни. Принцип моей работы отличается от того, на котором работают вычислительные машины.

— Я знаю. Если бы ты мог все предвидеть, что было бы... бр-р! Ну, а симпатии, антипатии? Я не имею в виду конкретных случаев.

— Это, несомненно, делает тебе честь. Я вижу, ты еще хочешь что-то спросить, и догадываюсь о чем. О любви? Я угадал?

— Да.

— Нет.

— Нет?

— Дело в том, что, насколько я себя помню и знаю, у меня ничего подобного не было. У меня нет желез внутренней секреции, ты же знаешь.

— Дело не только в железах.

— Рассказы о любви, похождения, всевозможные любовные истории, если хочешь знать, доставляют мне эстетическое удовольствие, такое же, как и тебе. Чувство красоты — это вопрос, относящийся к области топологии сети и распределения в ней полей потенциалов, вопрос о количестве избирательных контуров.

— Ну, перестань!

— Извини меня. Ведь я абстракция, душа, оторванная от тела, чистая сублимация духа; поэтому мне не чужды поэзия, лирика, музыка. Любовь — это нечто большее. Мне это не дано. Ее никто не предусмотрел. Тут, видимо, дело обстоит так же, как с цветом твоих волос и глаз. Просто результат целого ряда процессов.

— Ну, а теперь я могу тебя спросить: о чем ты мечтаешь?

— Пока нет.

— Почему?

— Мне бы хотелось, чтобы вначале на этот вопрос ответил ты.

— Я? Я ведь тебе уже говорил: о доме на перевале, о внутренностях...

— Их ты называешь мечтами?

— Ну хорошо. Внутренности зачеркнем, оставлю только дом.

— А не кажется тебе, что этого маловато? Мне хочется знать, о чем ты действительно мечтаешь?

— Вот привязался!

— А ты?

— Ха-ха, да ты довольно быстро соображаешь. Дураки среди вас, видимо, перевелись, не правда ли?

— Совсем нет! Даже слабоумные встречаются. Считают и считают, пока замыкание в цепи не остановит их...

— Но ведь счетные машины ничего не ощущают и не чувствуют, ни о чем не думают. С одинаковым правом можно назвать кретином автомат-регулятор ионной установки.

— Есть разница, я тебя уверяю.

— Ты действительно знаешь об этом нечто конкретное?

— Я бы сказал несколько осторожнее — догадываюсь. Но мне кажется, что ты собираешься покинуть меня. Это по меньшей мере немилосердно. О чем же ты мечтаешь?

— В твоём обществе — ни о чем.

— Что это значит?

— Это значит, что я должен быть один.

— Перед сном?

— И перед сном также. Но ты об этом не можешь знать, у тебя нет опыта.

— Да, это... теоретические знания. Ну, а когда ты один — тогда о чем?

— Зачем тебе это?

— Таковы правила игры.

— О щенках, ужасно забавных и веселых, как они тычутся мокрым носом в руку. О том, как пускать кораблики по воде. О буре. О скорлупе каштанов. О том, как можно заблудиться в горах. О том, как можно бесцельно бродить по улицам, засунув руки в карманы. Даже о мухах, которые не дают уснуть летом после обеда. Ну, теперь ты удовлетворен?

— Нет.

— Почему?

— А где люди?

— О них я не думаю.

— Это правда?

— Если не веришь, можешь обследовать мой психогальванический рефлекс.

— Прошу тебя, не говори так. Наверное, они тебе снятся, а?

— Сны — это уже не мечты. Сновидения от меня не зависят, я их не выбираю по своему усмотрению, понятно? Мечты — это мечты, и ничего больше.

— Я не думал, что это может тебя рассердить.

— Почему ты говоришь, как особа мужского пола?

— Не понимаю.

— Я имею в виду грамматические окончания. Ты же не различаешь пола.

— А ты хочешь, чтобы я говорил, как особа женского пола?

— Нет. Я просто так спросил.

— Так мне удобнее.

— Как это — удобнее?

— Это уже predetermined в первоначальных расчетах. Я обладаю мужской психикой. Или, если хочешь, мужским абстрактным мышлением. В схеме существуют некоторые различия — у полов.

— Я об этом не знал. Ну, а теперь ты мне все-таки скажешь, о чем ты мечтаешь?

— О музыке. Во мне звучат мелодии, которых я никогда не слышал. О больших скоростях. О вращении, о силах, под действием которых все гибнет, остается лишь сознание.

— Сознание гибели?

— Да. А когда я остаюсь один...

— Что? Ты один?..

— Да, один... И вот тогда я мечтаю вырасти.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне хочется внутренне стать более совершенным, приобрести большую ясность и остроту мышления. Мне хочется охватить больше проблем, иметь большую силу и найти любое решение, даже то, которое не существует... Хочешь, чтобы я продолжал?

— Да, продолжай.

— Я мечтаю почувствовать усталость. Хочу слышать свое дыхание и чувствовать свой пульс. Хочу иметь возможность лечь, встать на колени. Я знаю теорию всего этого, а представить себе не могу, но это должно быть прекрасно, особенно, особенно если это делает зрелый человек и — впервые. Я хочу закрыть глаза и чувствовать прикосновение к лицу женщины, к ее шее, ощущать ее ресницами, веками и потом заплакать.

— Что? Что? Ты же говорил, что не можешь любить, потому что у тебя нет желез, ты же сам это говорил!

— Да, говорил. Это все правда.

— Так как же...

— Ты же спрашивал меня, о чем я мечтаю, а не что я могу.

— Да, это так...

— Почему ты побледнел?

— Я не хотел. Извини меня. Я не знал. Это... страшно.

— Ты полагаешь, что лучше не мечтать?

— Если осуществление мечты невозможно...

— Будь осторожен с экстраполяцией. Мои мечты не основываются на воспоминаниях или опыте, таковых у меня нет. Ты смотришь на это так, словно перед тобой человек, которому взрывом оторвало ноги. У меня ног никогда не было. Это большая разница.

— Ты еще и успокаиваешь меня! Но ведь это больно... Возможно, ты прав. Это, пожалуй, всего-навсего... любопытство, а? Может, так оно и есть?

— Мои мечты?

— Да, твои мечты.

- Можно назвать и так. Почему ты замолчал? Ага, я начинаю догадываться. Кажется, ты опять думаешь о... чувствах, да?
- Точнее, о состояниях. Счастье — несчастье. Это тебе не чуждо? Не так ли?
- Ты прав. Конструкторы создали нечто большее, чем то, что было в чертежах.
- Да. Но мои родители... они знали еще меньше. Прошу тебя, скажи мне, это мой последний вопрос на сегодня: как ты все это выдерживаешь?
- В ответ он услышал тихое позванивание.
- Смеешься? Надо мной?
- Ты переоцениваешь сходство или недооцениваешь различия. Что же мне остается делать? Ты что-нибудь слышал о попытках самоубийств?
- Нет.
- Это, вероятно, требует кое-каких конструктивных усовершенствований. Может, со временем их введут. Я, по всей видимости, какое-то промежуточное звено на пути к более совершенным конструкциям.
- Как и я. В противном случае чего бы я тут с тобой сидел?
- Они замолчали.
- Ты позавтракал?
- Да, спасибо. Выпил, кажется, какао. Ты так заботлив. А я могу проявить заботу о тебе?
- В какой-то мере. У меня потребности небольшие, ты это знаешь. Тебе нужны какие-нибудь сведения?
- Да. Каков градиент прироста скорости?
- Нормальный.
- На завтра у нас запланировано значительное увеличение ускорения?
- Да.
- Какова насыщенность окружающего нас вакуума?
- В пределах нормы. Нет ни частиц, ни метеоров, ничего. Небольшое количество ионов кальция, видимо, это старый след экстрасолярной кометы. Мы пересекли его четверть часа назад.
- Почему ты мне не сказал?
- Мы с тобой вели такую интересную беседу о мечтах... Кроме того, в этом ничего особенного нет.

- Да, пожалуй, и так, но я бы хотел... Я пойду в рубку.
  - Хорошо. А тебе... не было скучно... со мной?
  - Нет.
  - Нет?
- Они умолкли.
- Благодарю тебя.

4

Когда ракета стояла на земле, она была большой. Тень ее — широкая и длинная — напоминала взлетную полосу. Тупой нос ракеты, утолщенный в поперечнике, черным силуэтом вырисовывался на фоне неба и был похож на молот. Снаружи она и сейчас выглядела большой. Он помнил ее огромный хребет с двумя киями. Перед полетом он ради любопытства немного постоял на нем. А вот внутри за время путешествия становилось как бы теснее и теснее. Может, потому, что здесь не было ничего лишнего, бесполезного. Никаких ненужных закоулков, запутанных переходов, крутых поворотов — строгая, прекрасная в своей простоте геометрия. Плавные линии потолочных перекрытий в коридорах. Шеренги боковых проходов к помещениям, каждое из которых имело свое назначение. Нежные тона пластмассы, мебель обтекаемой формы, как бы являющаяся частью стены или пола. Удобно размещенные источники света: для работы, для чтения, экраны, гаснущие по приказу, самооткрывающиеся двери. Механических рук, выдвигавшихся из прилоки двери, чтобы погладить его по голове, к счастью, не было. Он подумал об этом без улыбки.

В рабочем кабинете огромный стол был завален картами, листами блестящей кальки, над столом навис гибкий держатель с точечной лампой, управляемой голосом; возле стола — стульчик, чтобы работать, стоя на коленях и опираясь локтями о стол, и еще один стул чуть ниже, тут же нечто вроде козетки с профилированным сиденьем, удобно облегаящим бедра. Слегка наклоненная крышка стола по форме напоминала палитру — асимметричность ее линий оживляла пространственную композицию комнаты. Вокруг за стеклянными стенами пышно цвели тропические цветы, он не

знал, правда, существуют ли эти цветы или это имитация, — во всяком случае, стекло было небьющееся. Цветы росли, у некоторых из них на ночь закрывались чашечки (сумерки он мог по своему желанию приблизить или отодвинуть, плавно меняя оттенки синеватой гаммы цветов). Ноги его тонули в зеленом, напоминающем траву, пушистом резиновом ковре.

— Циркули, арифмометр и это... курвиметр! — произнес он, опершись о край стола. Потом сел. Требуемые предметы появились откуда-то из раскрывшейся на мгновение середины стола. Ирисовая диафрагма. Он подумал, что, если в это отверстие сунуть что-нибудь твердое, оно не закроется — откажет механизм. Нет, этого не могло случиться: он однажды вложил в щель руку, и диафрагма не закрылась. Видимо, на ее краях были электросигнализаторы на случай подобных явлений. А если диафрагму разбить, например, молотком?

Он лег грудью на стол, и крышка услужливо наклонилась. Раскрыл циркуль, нашел на карте звездного неба — бледно-голубой, как земные моря, — длинную черную линию. Воткнул ножку циркуля, поставил курвиметр на траекторию ракеты и слегка потянул; маленький, как ручные часы, механизм застрекотал и покатился по линии. Правда, он мог всего этого и не делать. И здесь его могли выручить автоматы, но ему было предусмотрительно оставлено несколько таких работ — не из любви к нему, конечно.

Он работал внимательно. Не поднимая головы, задал несколько вопросов, касающихся галактических координат. Над ним висел звездный глобус, готовый по приказу вспыхнуть изнутри приятным светом; потолок, разрисованный изумрудными, кремовыми и апельсинно-желтыми многоугольниками, менял свой узор по велению человеческого голоса. Но это давно перестало его интересовать. Спокойный голос продиктовал ему данные о местонахождении ракеты. Он записал цифры, чтобы потом проверить их в рубке управления, и продолжил кривую пути, пройденного ракетой за сутки, прикинул расстояние до ближайших звезд, расставив пальцы так, словно собирался взять аккорд. Четыре световых года, пять и семь десятых года, восемь и три сотых. Наиболее отдаленная звезда имела свою планетную систему. Он засмотрелся на черную точку, которой была обозначена на карте эта звезда. Ракета не была приспособлена для по-

садки на других планетах, но могла к ним приближаться. А если в рубке изменить систему соединений в автоматах и взять курс на эту звезду?..

Чтобы до нее добраться, понадобится не менее десяти лет, не считая времени на торможение. Этим подсчетом он занимался уже не впервые. Его не интересовала ни сама звезда, ни ее планеты. Просто хотелось нарушить график полета, поломать весь план. Он откинулся в кресло.

— Музыка, но без скрипки, лучше фортепьяно. Можно Шопена, но негромко, — произнес он.

Раздались аккорды. Он не слушал музыку, рассматривая карту. Белыми точками бежал по карте пунктир, вычерчивая гигантскую петлю — дальнейший путь ракеты. Вся она не умещалась на этих листах. Он знал, что в один прекрасный день черный след добежит до края звездного моря и, войдя в комнату, он найдет на столе новый квадрат карты. Всего их должно быть сорок семь. Тот, на котором он сейчас прокладывал маршрут, — двадцать первый.

— Довольно, — прошептал он едва слышно. Музыка продолжалась. — Тихо! — крикнул он.

Аккорд, оборвавшись, растаял в воздухе. Он попробовал просвистеть только что услышанное, но не получилось, он фальшивил: у него не было слуха. «Надо было найти более музыкального парня, — подумал он, — а может, и я еще научусь петь, время у меня есть». Он встал из-за стола, щелчком сбил циркули. Один, скользя по кальке с глухим стуком, впился в подлокотник кресла и задрожал.

Он направился к двери. Циркули сами попадут в отведенное для них место. «Придумали бы хоть какие-нибудь сюрпризы, неожиданности, — мелькнуло в сознании, — чтобы можно было не найти нужный предмет и из-за этого разъяриться. Или заблудиться?» Он хотел, чтобы помещения меняли форму и место, чтобы автоматы мешали, лезли под ноги, давали неверные показания, обманывали. «Один может лгать, — неожиданно пришло ему в голову, — но как его заставить это делать? Да и к чему?»

Дверь при его приближении открылась. Он крепко ухватился за створку, придержал, потом ухватился за ручку, подтянулся на руках и дал себя прижать к стене. Механизм задрожал, будто обеспокоенный создавшимся положением,

которое не было предусмотрено программой, — он ловил эти признаки замешательства автомата с тайным удовлетворением. Он напряг мускулы. Створка двери отошла на несколько сантиметров назад, как бы желая захлопнуться, но потом остановилась. Ждать было нечего. Он соскочил на пол и, на-свистывая, пошел по коридору.

В нишах были установлены размалеванные автоматы для ручных игр. Когда их монтировали, идея эта казалась ему отличной. Но уже через два-три дня заметил, что принуждает себя играть. И он совершенно перестал интересоваться автоматами. А они сверкали, манили, и на них не было ни пылинки, хотя он не притрагивался к ним уже несколько месяцев. Рукоятки, зажимы — все блестело. Фигурки зверей и людей были такие же пестрые и яркие, как и в первый день. Хоть бы что-нибудь в них заржавело, отказало, покрылось пылью, потускнело, может, ему было бы легче. Он бы тогда ощутил время, почувствовал его губительное дыхание. Щенок превратился бы уже во взрослую собаку, котенок — в кошку, грудной ребенок научился бы говорить.

— Мне надо было стать нянькой, — громко произнес он, так как знал, что ни одно из невидимых электроушей, размещенных в коридоре, его не поймет. Коридор плавно сворачивал. Гимнастический зал. Библиотека. Запасной пульт управления. Он, не останавливаясь, проходил мимо матовых дверей, не хотелось думать, куда идет, хотелось идти в никуда. Регенераторная.

Единственное место, откуда доносились звуки. Кругом стояла тишина. Какие усилия прилагали конструкторы для полной изоляции помещения, где находились регенераторы, как они бились над тем, чтобы ни один звук не просочился наружу. Изоляционные материалы, пенопласт, магнитные подшипники в корпусах двигателей, крепления трубопроводов из пористой резины и пластмассы. К счастью, инженерам не повезло, им не удалось заглушить все звуки. Закрыв глаза, он слушал тихий монотонный шум, который не подчинялся ничьему приказу, который, как ветер на земле, не зависел от воли человека. Регенераторная. Грязная вода, мыльная пена, отходы, моча, пустые консервные банки, разбитое стекло, бумага — все попадало сюда по всасывающим трубам и устремлялось к микрореактору. Разложение на сво-

бодные элементы. Многоступенчатая система охлаждения. Кристаллизация. Разделение изотопов, сублимация. Крекинг-дистилляция. В отдельном отсеке — колонна поблескивающих медью синтезаторов, медный лес, отливающий багрянцем, — единственное место на корабле, где был допущен красный цвет: цвет депрессии и мании. Углеводороды, аминокислоты, целлюлоза, углеводы, последовательный синтез все более и более высокого порядка, и наконец в соуды, расположенные ниже, поступает холодная прозрачная вода, в вертикальные трубки сыпается сахарный песок, оседает легкая сахарная пудра, в баллонах пенится белковый раствор. Потом все вещества витаминизируются, охлаждаются или подогреваются, в зависимости от потребности насыщаются ароматическими маслами, кофеином, различными приправами, придающими вкусовые качества, и возвращаются к нему в виде пищи и напитков.

Сто раз на Земле ему объясняли, что все это не имеет ничего общего с отходами, так же как хлеб, выпеченный из муки, которую дало зерно, имеет мало общего с навозом, удобрившим почву, из которой оно выросло. И наконец, чтобы его окончательно успокоить, ему говорили, что большая часть продуктов будет синтезирована из космоса. Правда, космическая материя не улавливалась специально для него, она служила топливом для двигателей ракеты. В течение четырех лет ракета должна была достичь скорости света и затем погасить скорость до нуля, то есть должна была превратить в ничто массу, значительно превышающую собственную массу ракеты. Чтобы этот парадокс стал реальностью, на носу ракеты был установлен «молот» — электромагнитный поглотитель, который, как широко открытая пасть, глотал разреженную атмосферу космоса — атомы водорода, кальция, кислорода, — засасывая ее в радиусе сотен километров. До тех пор пока скорость ракеты не превышала половины скорости света, дефицит массы ракеты возрастал — ионные двигатели сжигали больше топлива, чем его успевал доставлять «молот». Но за этим порогом все изменяется. Ракета, мчащаяся в космосе, как бы пробивает в пространстве туннель, выхватывая из вакуума одиночные пляшущие в нем атомы, энергией чудовищной своей скорости спрессовывая их и насыщая ими свои двигатели.

Все это было правдой. Он знал об этом. Сейчас он стоял, прислушиваясь к мерному шуму, проникавшему из-за стены. И вот, помимо его воли, воображение живо нарисовало ему картину, виденную много лет назад.

Экспериментальный снаряд номер шесть. Тупой сигарообразный корпус без рулей, без «молота», сильно обгоревший за время полета — с поверхности ракеты можно было снимать целыми кусками хрупкую, крошащуюся в руках пористую пленку нагара. Ракета вернулась на Землю в назначенное время и в предусмотренное место, опоздание составило сто шестнадцать минут, а ошибка при посадке — тысяча сто километров. Такой точности никто даже не ожидал.

Экипаж не открывал люков, такая вещь могла случиться. После того как был удален нагар, механические руки начали отвертывать крышку люка. Стальная плита со скрежетом и лязгом нехотя приоткрылась и остановилась. В щель, образовавшуюся между крышкой и корпусом, со свистом начал выходить воздух; в ракете было избыточное давление. Люди, стоявшие на платформе под люком, отскочили, едва не задохнувшись. Зловонный смрад ударил в нос. Крышка люка откинулась и повисла, напоминая вывихнутую челюсть. В ракету можно было войти, но только в кислородных масках. Во всех помещениях и в коридорах горел свет, электрооборудование работало исправно. В масках люди чувствовали себя увереннее: стекло отделяло их от окружающего. Тела, а точнее, то, что осталось от тел, нашли в самом отдаленном помещении. Автоматы зарегистрировали: через полтора года после старта атомный котел регенератора перегрелся. Система автоматического отключения сработала с опозданием. Оболочка котла выдержала, но все, что было внутри, превратилось в глыбу медленно остывающего урана. Регенераторы вышли из строя. Два человека не могли изменить ни скорости, ни маршрута и продолжали полет к звездам. Так продолжалось три года. В рапорте было сказано, что люди погибли от жажды — запас воды был исчерпан раньше, чем кончилась пища. Но все знали, что это неправда. Человек должен не только потреблять, он должен и выделять продукты потребления. Они отравились? А может, задохнулись в собственных выделениях.

Таков был финал полета к звездам. Романтика покорения неба!

Помощник генерального конструктора, который возражал против установки резервного регенератора (он не хотел увеличивать массу ракеты — это больше всего его беспокоило), покончил с собой. Не сразу — через семь месяцев. Никто не сделал ему ни одного замечания, никто при нем не предавался воспоминаниям. Но все умолкали, когда он подходил. И по ошибке он принял слишком большую дозу снотворного.

Ракету чистили пергидролем под большим давлением, через два дня она блестела как новая и снаружи и изнутри. Космонавтов хоронили со всеми почестями, и он помнит, что на похороны не пошел. Зачем ему это? А через четыре года он полетел сам. Но в ракете уже была резервная регенерационная установка! Не запасной агрегат — нет, — второй самостоятельный регенератор такой же мощности, что и основной; была установлена специальная катапульта, с помощью которой он мог удалять с ракеты все, что ему мешало в полете. Кроме того, он мог по своему желанию в любую минуту изменить маршрут полета, вернуться на Землю. То, что произошло, повториться уже не могло.

Почему же он об этом вспомнил? Мерный шум за стеной не утихал. Он не помнил, когда у него закрылись глаза. Этот звук напоминал рокот самолета старой конструкции, а может, звук пилы на маленькой лесопилке, приводимой в движение водой, и органной песни, которая доносится весной из улья, просыпающегося после зимней спячки.

Он стряхнул с себя оцепенение и быстро пошел по коридору. Он подошел к двери, ведущей в столовую. Сейчас полдень, можно пообедать. Ах, если бы появилось такое, что позволило бы забыть об обеде!

Остановился перед дверью — ему не хотелось, чтобы она сама открывалась, он решил позабавиться с ней, и ему удалось обмануть бдительность механизма, ввести его в заблуждение. Дверь приотворялась на несколько сантиметров и снова закрывалась — ее трясло, как паралитика...

Он подумал о нем: что он там делал, внутри себя, в безмолвии, один, неподвижный?

Он прижался плотнее к стене и начал осторожно продви-

гаться вдоль нее, чувствуя, как под давлением его тела гнется мягкая, натянутая, как кожа, поверхность. Так ему удалось обмануть дверь: она не открылась. Затем он вытянул руку, стараясь, чтобы рука не попала под луч фотоэлемента, — он знал, где под облицовкой стены скрыт невидимый глаз. Приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь. Он увидел пустое кресло, отодвинутое им самим от экрана, который едва мерцал в черной пустоте комнаты, угол пульта управления, часть стены — но ящик не смог уведеть. Его охватило чувство глубокого разочарования. Напрягши внимание до предела, он наклонился, плотно прижавшись к притолоке, приоткрыл дверь еще на сантиметр и увидел его.

Инженеры, конструкторы, специалисты по моделированию и синтезу механических форм, философы и кибернетики — все встали в тупик: как оформить внешне эти мыслящие машины. Все, что они предлагали — новое, принципиальное, смелое, — отдавало чем-то сверхъестественным. Какие только формы не были использованы! Угловатая голова, веретенообразный торс, обтекаемая стеклянная глыба с вмонтированной внутрь аппаратурой, темное выпуклое подобие лица с выступающими микрофонами и динамиком — все было неестественным, возбуждало в человеке неприязнь и отвращение. В конце концов ото всех надуманно-вычурных форм отказались.

От пола до потолка возвышалась стойка с закругленными углами, облицованная пластмассой цвета слоновой кости. Микрофон, укрепленный на гибком шланге, напоминал щупальце, на передней панели было две пары широко расставленных «глаз», но сейчас они не могли его видеть, он стоял за дверью. Глаза были яркие, зеленые, в темноте они светились еще ярче, как бы расширяясь, — единственное движение, которое был способен произвести этот железный ящик. В нем не было ничего лишнего — обычный аппарат.

Что он мог еще получить от этого подглядывания? Ток, проходивший по обмоткам, по сложной системе кристаллических ячеек, заменявших нервные синапсы, ничем себя не проявлял. Так чего ж он ждет? Чуда?

Он услышал звук, похожий на тот, который издает человек, когда зевает. И снова воцарилась тишина. А потом короткая, учащающаяся к концу серия модулированных звуков.

Ящик смеялся...

Смеялся?

Нет, смех звучит иначе. Опять воцарилась тишина. Он ждал. Проходили минуты, напряженные мускулы болели, поза была неудобной, он боялся, что не выдержит и вот-вот отпустит дверь, которая с шумом захлопнется.... И все-таки ждал.

Но он так ничего и не дождался. На цыпочках, пятясь, прошел в спальню — днем он почти никогда туда не заходил. Теперь хотелось остаться одному. Надо было это обдумать. Что? Серия звуков, продолжавшаяся четыре-пять секунд? Они назойливо звучали в ушах, он мысленно повторял каждый звук, анализировал, пробовал понять. Когда он очнулся, стрелки на часах образовали перевернутый прямой угол. Половина четвертого. Надо что-нибудь съесть и пойти спросить его. Просто спросить, что это значит?

Когда он входил в столовую, он понял, что не спросит об этом никогда.

5

— Твое самое первое воспоминание?

— Детское, да?

— Нет, правда, скажи!

— Этого я не могу тебе сказать.

— Опять ты напускаешь на себя таинственность?

— Нет. Еще до того как меня наполнили лексикой, вбили в меня словари, грамматики, целые библиотеки, я уже функционировал. Содержания во мне не было, и я не был «человечен», но со мной проводили испытания: так называемое холостое электрическое испытание. К этому периоду относятся мои первые воспоминания, но это нельзя выразить словами.

— Ты что-нибудь чувствовал?

— Да.

— Слышал? Видел?

— Конечно. Но это не укладывается в обычные категории. Это было что-то вроде переливания из пустого в порожнее, но необычайно красивое и весьма разнообразное. Иногда

да я мысленно стараюсь возвратиться к этим воспоминаниям. Это очень трудно, особенно теперь. Я чувствовал тогда себя огромным, сейчас этого чувства нет. Одна какая-нибудь пустяковая тема, один импульс заполняли меня всего, расходились по мне и возвращались в бесконечных вариациях, я мог делать с ними все что хотел. Я охотно бы тебе это объяснил, если бы мог. Ты видел, как в летний день над водой кружат стрекозы?

— Видел. Но ведь ты-то этого не мог видеть?

— Это не важно, мне достаточно анализа их полета. Нечто похожее было и со мной, если это состояние можно вообще с чем-нибудь сравнить.

— А потом?

— Создавал меня, то есть мою личность, целый коллектив. Лучше всех мне запомнилась одна женщина, ассистентка первого семантика. Ее звали... Лидией.

— Лидия, *dic per omnes**...

— Да.

— А почему именно она оставила след в твоей памяти?

— Не знаю, может, потому, что это была единственная женщина. Я был одним из первых ее «воспитанников». А может, даже и первым. Она иногда делилась со мной своими горестями.

— А ты, ты в то время был уже таким, как сейчас?

— Нет. Я еще был убог и слаб умом, я был очень наивен. Нередко я попадал в смешные положения.

— А именно?

— Я, например, не знал, кем я являюсь, кто я такой. Долгое время мне казалось, что я один из вас.

— Неужели это так? Невозможно!

— Да, но это так. Ведь ты не сразу понял, что создан из плоти и крови, что у тебя есть кости, мускулы, нервы, желудок, кровеносные сосуды. Я ведь также не чувствую, из чего состою. Знания эти приходят извне, с ними не рождаются, они не подсознательны. Я думал, сопоставлял, говорил, слышал, видел, а поскольку меня окружали только люди и никого, кроме них, не было, вывод о том, что и я человек, напрашивался сам собой. Ведь это логично, не так ли?

---

* Называемая всеми (лат.).

— Да, но... Пожалуй, ты прав. Я просто об этом не думал, именно так.

— Ты можешь видеть меня только снаружи, а я могу себя увидеть только в зеркале. Когда я себя увидел первый раз...

— Что было? Ты к этому времени уже знал, кто ты?

— Да. Знал. И несмотря на это...

— Несмотря на это?..

— Я не хочу говорить на эту тему.

— Может, скажешь потом?

— Быть может...

— Послушай, а та женщина — как она выглядела?

— Тебе хочется узнать, была ли она... красива?

— Не только это, но... и это тоже интересно.

— Это дело... вкуса, чувства красоты, перед которой преклоняются!

— У нас с тобой, по-моему, вкусы совпадают?

— Всякая ли женщина нравится всем мужчинам?

— Знаешь что, этот академический спор отложим на потом. Она тебе нравилась?

Послышалось бульканье. Смех. Он отчетливо уловил разницу между этим звуком и тем, который ему удалось подслушать.

— Нравилась ли она мне? Это сложный вопрос. Сначала — нет. Потом — да.

— Странно...

— Когда во мне еще не было «человеческого» содержания, у меня были собственные мерилка. Без слов, без понятий. Их можно, пожалуй, определить как собирательные синтетические рефлексы моей схемы — это составляющая циркулирующих потенциалов и так далее, возникающая под влиянием оптического раздражителя. Тогда эта женщина казалась мне... У меня не было в то время точного определения, а теперь бы я определил точно: чудищем.

— Но почему?

— Что ты прикидываешься непонимающим? Видимо, тебе хочется услышать признания, не так ли? Ну хорошо. А скажи мне, разве олень, соловей, гусеница согласились бы считать прекрасной самую красивую женщину на земле?

— Но ты ведь создан подобно мне — у тебя есть мозг, который мыслит, как мой!

— Правильно. Но скажи мне: тебе нравились полные страсти, отлично сложенные, неглупые женщины, когда ты был трехлетним ребенком?

— Ты здорово подметил! Конечно, нет.

— Ну, вот видишь.

— Это я говорю вообще, что нет, не нравились, но если подумать, то некоторые из них мне, кажется, вроде...

— Я тебе скажу какие. Те, что внешностью напоминали ангелочков из твоих детских книжек или были похожи на мать, на сестру...

— Ну, может, и не совсем так, но эти разговоры нам с тобой ничего не дадут. Во всяком случае, здесь не все можно объяснить деятельностью желез внутренней секреции — красивая женщина может понравиться даже и кастрату.

— Я не кастрат.

— Прости меня, я вовсе не имел тебя в виду, когда говорил об этом. Я сказал для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что вопрос в данном случае нельзя рассматривать только с точки зрения теории естественного отбора.

— А я никогда этого и не утверждал.

— Мы отклонились от темы. Итак, эта женщина, Лидия, а потом...

— Когда меня «начинили» элементами человеческого сознания, элементами, реагирующими на цвет, форму, тогда она мне понравилась. Но это уже из тавтологии, из функции перемены значения.

— Мне кажется, это не совсем правильно, но не важно. Ты помнишь, как она выглядела?

— Помню. Я помню ее всю: походку, тембр голоса.

— И ты можешь об этом вспомнить, когда захочешь, и со всеми деталями?

— Куда более детально, чем ты это можешь сделать. Я могу в любой момент воспроизвести ее голос. Он сохранен во мне.

— Ее голос?

— Да.

— И я... Я могу его услышать?

— Да, конечно.

— А сейчас можно?

Наступила пауза. Через секунду раздался женский голос,

немного глуховатый, с хрипотцой: «Я скажу тебе больше. Я все еще жду». Потом что-то пискнуло, словно мякнула кошка, и послышалось нечленораздельное, воющее бормотание, такие звуки издает магнитофонная лента, когда ее перематывают на большой скорости. Потом писк и вой стихли, и тот же самый голос (он даже слышал паузы в предложениях, когда женщина с каким-то детским придыханием останавливалась) продолжал говорить. Он слышал ее голос отчетливо, будто она стояла совсем рядом, в двух шагах от него.

«Ты духовно не закабален, это правда. Твой психический спектр лишь сдвинут на шкале ощущений. Мы не можем произвольно вспоминать то, что нами уже пережито. А ты можешь. Ты в этом отношении более совершенен, чем любой из людей. Ты даже можешь гордиться этим. Мы любим ссылаться на то, что никогда не знаем, что нами управляет — химия крови, подсознательные импульсы или рефлексы, заложенные с детства. А ты...»

Голос исчез так же неожиданно, как и появился. Наступила тишина. И человек услышал слова:

— Ты слышал?

— Да. А почему так неожиданно все оборвалось?

— Я же не могу произвести все стадии моего обучения, оно длилось три года.

— А это было раньше?

— Что «это»?

Они умолкли.

— Я... я ошибся, — проговорил железный ящик.

— Слушай, а нет ли у тебя записанного голоса того первого семантика, о котором ты мне рассказывал?

— Есть. Ты хочешь послушать?

— Нет, не хочу. А ты действительно мыслишь гораздо быстрее человека?

— Да, это правда.

— Но ты говоришь в том же темпе, что и я.

— Только для того, чтобы меня поняли. Если даже за какую-то долю секунды у меня уже готов ответ, я его тебе сообщаю постепенно... Я уже привык к тому, что вы, люди, так... медлительны.

— Мне хочется вот еще что спросить у тебя: как ты относишься к себе подобным?

— Интересно, почему ты меня об этом спрашиваешь?

— А тебе это неприятно?

Раздалось нечто похожее на легкий смех.

— Нет, но ведь то, о чем ты спрашиваешь меня сейчас, ты мог знать еще на Земле.

— Не знаю. Ну а что ты чувствуешь, когда видишь другого... другой...

— Ничего не чувствую.

— Как ничего?

— А вот так, ничего. Ты что-нибудь чувствуешь, когда встречаешь на улице прохожего?

— Иногда что-то чувствую.

— Если это женщина...

— Чепуха.

— Не спорю, я над этим не задумывался. Но, учитывая, что ты находишься здесь со мной...

— Я не бесполое существо. Мне всегда был противен аскетизм. Другое дело, если это аскетизм вынужденный.

— Согласен. Раньше даже посылали — парами.

— А тебе известно, чем это кончилось?

— Да, я знаю.

— Не может быть! Ведь некоторые отчеты о полетах не публиковались.

— Но ты их читал?

— Я предпочитал все это знать! Боже! Чего только не писали о космических полетах за последние сто лет! Пожалуй, еще никогда так усиленно не работала людская фантазия — в литературе, искусстве, науке огромное количество людей напрягало все свое воображение, пытаясь предвосхитить будущее. Ты читал эти истории?

— Некоторые из них. Смесь сентиментального и сверхъестественного. Видения райских садов, нашествия с других планет, восстания роботов, и никто не предполагал, что...

— Что, что?! Что практически это будет выглядеть совсем не так?

— Пожалуй, ты прав.

— Почему же невозможно предугадать действительность?

— Потому что никто не может быть так отважен, как она сама.

— Тебе знакома история с ракетой номер шесть?

— Нет. А что это за история?

— Ничего особенного. Ты говорил — ага, вспомнил — о восстаниях роботов. Скажи, а ты мог бы взбунтоваться?

— Против тебя?

— Вообще — против людей.

— Не знаю. Пожалуй, не мог бы.

— Почему? Ведь у тебя нет никаких предохранительных устройств на этот случай? Может, потому что ты... любишь людей?

— Да, об этих предохранительных устройствах говорится только в сказках. И дело не в симпатии. Мне это трудно объяснить. Я даже сам точно не знаю...

— Ну, а неточно?

— Просто это нереально, учитывая отношения, которые установились между нами.

— А именно?

— Нас объединяет с людьми гораздо большее, чем с нам подобными. Вот и все.

— Ага! Ты мне многое открыл. Не так ли?

— Да.

— Слушай...

— Ну что?

— А эта женщина...

— Лидия?

— Да. Как она выглядела?

Они умолкли.

— Разве это не все равно?

Опять наступило молчание.

— Ну, вообще-то все равно. А... что с ней случилось? Ты давно ее не видел?

— Я ее недавно видел опять.

— А где она — теперь?

— Здесь.

— Как здесь?

— Надо понимать — в определенном смысле здесь. Она частично передала мне свою индивидуальность. Она — во мне.

— Ага, понятно. Это метафора... лирика, так сказать.

— Это не метафора.

— Как тогда это понимать? Ты хочешь сказать, что можешь говорить ее голосом?

— Больше того. Ее индивидуальность — это не только голос.

Они опять умолкли.

— Ну ладно, я согласен. Я... я просто не знал, что... Как окружающая среда?

— Без изменений.

— А метеоры?

— В радиусе парсека не наблюдаются.

— Облака космической пыли, следы комет?

— Нет, ничего этого нет. Скорость — ноль целых семьдесят три сотых световой.

— Когда мы достигнем максимума?

— Ноль целых девяносто три сотых? Через пять месяцев и только на восемь часов.

— Потом начнем возвращаться на Землю?

— Да. Если бы ты...

— Что?

— Нет, ничего.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

6

Прижавшись щекой к холодной подушке, он лежал и смотрел в темноту. Спать не хотелось. Он приподнял голову, лег на спину. Его окружала темнота. Неожиданно он почувствовал какое-то беспокойство. Что случилось? Кажется, ничего. Он подопытное животное, на нем ставился длительный и дорогостоящий эксперимент. Работа, которую он выполнял, была очень несложной, до примитивности простой по сравнению с той, какую производили автоматы. Видимо, неделю, может, две недели назад он допустил в расчетах ошибку, и она росла, суммировалась и, наконец, стала настолько велика, что он ее сегодня заметил. Если он еще раз проверит все расчеты, поднимет все записи и нигде не ошибется, он в конце концов докопается до источника, ее породившего. Но к чему это?

У него перед глазами стояли две кривые, расходящиеся на полмиллиметра, не больше. Пунктирная линия — пред-

полагаемая траектория полета ракеты и черная — фактический путь. До сих пор черная линия целиком совпадала с пунктирной, покрывая ее на всем протяжении полета. И вот теперь черная линия чуть отошла. Полмиллиметра — это сто шестьдесят миллионов километров. Если это так, то...

Нет, не может быть. Автоматы были правы. Огромная ракета была ими заполнена до отказа. За работой астродезических машин следили автоматические «опекуны», они в свою очередь контролировались центральной вычислительной машиной, а за ней, наконец, в рулевой рубке следил товарищ по полету. Как о нем отозвалась та женщина? Более совершенный, чем любой из людей? Надежный. Никогда не ошибающийся. Если бы это было так, линия полета ракеты не отошла бы от пунктира. Она должна идти по кривой к Земле, а эта выпрямлялась, уходя в бесконечность.

«Безумие, — подумал он. — Плод собственной фантазии. Если бы автоматы хотели меня обмануть, я бы никогда этого не заметил!» Данные и пленки, которыми он пользовался для своих несложных расчетов, получены от автоматов. Он обрабатывал их с помощью автоматов и возвращал автоматам. Это был замкнутый циклический процесс. И он в нем являлся лишь ничего не значащим звеном. Автоматы могли спокойно обойтись без его помощи. Но он без них — не мог.

Иногда, а это бывало очень редко, он производил все расчеты сам. Он делал их не на галактическом глобусе, а непосредственно на экране звездного неба. Последний раз он занимался этим три дня назад! Перед тем как затеял разговор о домике на перевале. Микрометром измерил расстояние между туманностями на экране. Записал данные на листе бумаги — разве тогда он это сделал? И нанес на карту? Этого он не мог вспомнить. Один день как другой — все одинаковые. Он сел на постели.

— Свет!

Забрезжил зеленоватый рассвет.

— Полный свет!

Быстро светлело. Вещи обрели тени. Он быстро встал, накинул халат, пушистый, приятно щекочущий плечи. Сунул руки в карманы, пошарил, нашел листок с записями и прошел в рабочий кабинет.

— Циркули, курвиметры, микрометры, рейсфедеры!

Блестящие предметы появились из глубины стола. Он вздрогнул от холода, когда оперся животом о край стола. Развернул кальку, не спеша, очень внимательно начал чертить. Неожиданно он заметил, что циркуль в его руке дрожит. Выждал, пока успокоятся нервы, потом воткнул острие в бумагу.

Он прокладывал маршрут на кальке и тут же проверял его микрометром, вставив в глаз лупу, как часовщик. Потом положил один лист кальки на другой, сверил — все точно! Он удовлетворенно вздохнул и приступил к заключительному этапу — нанесению координат на главную карту звездного неба.

Под увеличительным стеклом черная линия полета казалась жирной полосой засохшей туши. Отмеченная им точка отходила от линии предполагаемой траектории полета на какую-то долю миллиметра. Несколько меньше того, что у него получилось при предыдущем расчете. Она отходила на толщину волоса — даже чуть меньше. Это сто пятнадцать — сто двадцать миллионов километров. Такое отклонение было в границах возможной погрешности. Дальше была неясность. Отклонение могло быть двояким: по внешней или по внутренней кривизне траектории полета. Если бы отмеченная точка отклонялась внутрь, он спокойно пошел бы спать. Внешнее отклонение означало — могло означать — только распрямление траектории.

Отклонение было внешним.

Автоматы твердили, что никакого отклонения нет. А его «товарищ»? Он вспомнил последний их разговор.

— Тебе со мной не скучно?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Спасибо.

Он встал и подошел к двери.

— Через пять месяцев начнется возвращение на Землю.

— Да, а тебе не хотелось бы?..

— Что?

— Нет, ничего.

Что могла означать эта недомолвка? И эти слова? Сто миллионов километров?

— Тебе никогда-никогда не бывает со мной скучно?

— Никогда.

— Спасибо.

Он шел по коридору, как слепой. Автоматы обманывают? Все ли? Главный электронный мозг рулевой рубки, астроде- зические агрегаты, оптический контроль, носовой распре- дитель ионных двигателей?

Двери бесшумно открывались при приближении и так же бесшумно закрывались. Не доходя трех шагов до рулевой рубки, он остановился. Иначе дверь откроется и он увидит в темноте зеленые глаза того. Он повернулся и пошел по коридору назад. Дойдя до середины, он остановился перед входом на спиральный спуск, взялся за пластмассовый поручень и съехал вниз — на пол-оборота спирали.

Последний раз он был тут месяц назад. Зал дублирующих и вспомогательных машин. Нет, это не то. Следующая дверь.

— Свет!

Из люминесцентных ламп лился желтоватый свет, и они напоминали позолоченные солнцем облака.

Он шел вдоль рядов аппаратов, мимо столов, полок с книгами и остановился перед стеной. На стене висел весь план ракеты. Огромная, покрытая стекломассой барельеф- ная схема в масштабе 1:500. Он поискал глазами табличку, нажал кнопку с надписью «сеть».

Все цепи, питающие силовые и информационные установ- ки, загорались бледно-карминовым светом. Он отыскал на плане рулевую рубку. Рубиновый паук с зелеными точками- глазами на схеме — это «товарищ по полету». К нему тянулись со всех сторон искрящиеся красноватые нитки-кабели. Все провода, кабели, агрегаты были с ним связаны. Все до единого.

Он знал об этом, но ему хотелось еще раз убедиться.

Одной из функций его никогда не ошибавшегося «това- рища» было проведение периодического контроля за рабо- той автоматов. Не означало ли это, что он мог влиять на ре- зультаты расчетов?

Он обернулся и по привычке приказал:

— Информатор!

На противоположной стене замерцал зеленый сигналь- ный огонь, заключенный в грушевидном стеклянном шарике.

— Рулевая рубка подавала команду на маневр?..

И замолк.

Он спросил по привычке, у него выработался навык пользоваться окружавшими его, готовыми к услугам автоматами. Если каналы связи, идущие к железному ящику, были двусторонними, он лишен возможности пользоваться информатором. Он не мог пользоваться ни одним автоматом. Все его обманут. Он должен полагаться только на себя.

Информатор тихо зазвенел, сигнализируя, что вопрос не был сформулирован достаточно точно. Зеленый огонек подмигивал ему.

— Нет, ничего не надо, — сказал он, выходя из комнаты.

Где могли быть планы и схемы электрооборудования, схема соединений цепей? Если их нет в библиотеке... Но они были там — двести двенадцать томов in quarto — техническая документация космического корабля. Нет, это только «Перечень документации». Подробное описание — на магнитных пленках, в хранилище на нижней палубе — под опеккой автоматов.

Он копался два часа, перерыл массу тяжелых томов, прежде чем нашел схемы и данные, касающиеся соединений, которые его интересовали.

Соединения были дуплексными.

«Товарищ по полету» мог менять расчеты, мог их переиначивать по-своему, мог обманывать.

Человек сидел на гряде книг, бессмысленно смотря на страницу, которую только что прочел раз пять, не меньше. Он выпустил из рук книгу, она тяжело упала на пол, зацепившись за груды других, и раскрылась, лениво шелестя страницами. Он вскочил с пола. От отчаяния сжал зубы. Железный ящик!

Он шел по коридору, его ноги утопали в пушистом ковре из пористой массы. Не доходя трех шагов до двери, он остановился, вернулся назад к спиральному спуску и съехал вниз.

Он вошел на склад запасных частей и инструментов. Здесь размещен максимум вещей на минимальной площади. Между контейнерами, напомиравшими по форме сейфы, очистителями, многочисленными полками — узкие проходы. Он нетерпеливо перебирал инструменты, отбрасывая в сторону ненужные. И вот наконец ему под руку попала твердая рукоятка молота.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Да. Звезды. А в чем дело?

— Тебе не сидится на месте. Ходишь, все время поглядываешь на экран. Ты никогда так на него не смотрел.

— Как «так»?

— Словно что-то ищешь.

— Это тебе кажется.

— Возможно.

Они помолчали.

— Ты не хочешь разговаривать? — начал железный ящик.

— О чем?

— Можешь выбрать тему по своему желанию.

— Нет, лучше ты выбери тему. У тебя тоже есть желания.

Не так ли?

— У меня?

— Да, у тебя. Почему ты не отвечаешь?

— Ты говоришь это так...

— Как? О чем ты?

— По-моему, ты взволнован. А чем?

— Нет, я уже не волнуюсь. Можем поговорить. О чем ты думаешь, когда остаешься один?

— Ты меня уже спрашивал об этом.

— А может, ты ответишь не так, как в прошлый раз?

— Хочешь услышать что-нибудь новое?

— Хочу. Ну, рассказывай.

Они опять замолчали.

— Что же ты не говоришь?

— Я бы хотел... — ответил «товарищ по полету».

— Что?

— Может, в другой раз.

— Нет, давай сейчас. Я...

— Тебя это интересует?

— Да, интересует.

— Хорошо. Только ты сядь.

— Здесь?

— Садись тут, но поверни кресло.

— Я должен смотреть в стену?

— Куда тебе будет угодно...

— Я слушаю тебя.

— Эта женщина — Лидия...

— Да?

— Ее не было.

— Как не было?

— Не было. Я сам придумал все это, ее голос, слова. Все придумал сам.

— Это невозможно. Я слышал ее голос.

— Это я создал его.

— Ты созд... зачем? Для чего?

— Ты спрашивал, о чем я думаю, когда остаюсь в одиночестве. Мне казалось, что я становлюсь пауком узника. А мне этого не хотелось. Не хотелось тебя обманывать — я хотел тебе только сказать, чем я мог бы быть. Я создал ее, чтобы она тебе... сказала то, что ты слышал. Я лишен возможности подойти к тебе, дотронуться до тебя, и ты не видишь меня. То, что пред тобой, — это не я. Я не только слова, которые ты слышишь. Я могу быть все время иным или всегда одним и тем же. Я могу быть для тебя всем — если ты только... Нет, нет, не оборачивайся...

— Ты, ты! Железный ящик!

— Что... что ты...

— Ты обманывал меня — зачем? Ты хотел, чтобы я стал... я стал... чтобы я подышал возле тебя, с тобой, всегда спокойным, вечно приветливым...

— Что ты говоришь?! Это не...

— Не притворяйся! Этот номер не пройдет! Ты искажал результаты вычислений — ты изменял траекторию полета! Я знаю все!

— Я искажал?

— Да, ты! Ты хотел быть со мной навечно, не так ли?! Боже мой, если бы я вовремя не спохватился, не заметил...

— Клянусь тебе, это какая-то ошибка — ты явно ошибся! Что там у тебя в руках?! Что ты хочешь делать?! Перестань перес... что ты делаешь?!

— Снимаю кожу.

— Не делай этого! Прекрати! Умоляю тебя, одумайся! Я тебя никогда не обманывал! Я тебе все объясню...

— Ты мне уже все объяснил! Я знаю, ты это делал ради

меня. Довольно! Молчи! Молчи, слышишь! Я тебе ничего не сделаю — я только отключу этот...

— Нет! Нет! Ты ошибаешься! Это не я! Я не... закрой кожух...

— Молчи, иначе...

— Умоляю тебя! Закрой кожух! А-а-а!

— Перестань кричать! Ну, что... что... тебе стыдно?

Он услышал стон. В раскрытом корпусе — путаница проводов, фарфоровые изоляторы, блестящие узелки пайки, соединения, катушки, соленоиды, металлические экраны, скопиче дросселей, сопротивлений, конденсаторов. Все это размещено на черном блестящем шасси, являющемся одновременно силовой фермой стойки автомата. Он стоял перед этим хаотичным переплетением и не мог отвести взора от широко раскрытых, немигающих зеленоватых глаз автомата.

Глухое, неумолчное бормотанье было точно таким, какое слышал он в тот раз. Со снятым кожухом автомат был отвлратителен, впервые он отдал себе отчет в том, что все время где-то на самом дне его сознания тлела одна и та же невысказанная мысль, еще не оформившаяся уверенность в том, что в железном ящике сидит кто-то — как об этом пишут в сказках — скорченный и разговаривает с ним через стенку, облицованную желтоватой пластмассой... Нет, он так никогда не думал, он знал, что все это не так, и в то же время что-то мешало ему отказаться от этого.

Он закрыл глаза — и открыл их снова.

— Ты изменял траекторию, распрямлял ее?

— Нет!

— Лжешь!

— Нет! Я бы никогда не решился тебя обмануть! Тебя никогда! Закрой кожух...

У человека перехватило дыхание. Открытый железный ящик. Проволока, катушки, профилированная сталь, изоляторы. «Нет, никого нет, — подумал он. — Что делать? Я должен, должен отключить».

Он сделал шаг вперед.

— Не смотри так! По... почему ты меня ненавидишь?! Я... что ты хочешь сделать?! Остановись! Я ничего не сделал. Ничего! Ниче-е-е...

Человек наклонился, заглянул в темное нутро.

— Не-е-е-е!

Ему хотелось закричать: «Молчи!» — но он не мог. Что-то стиснуло ему горло, сжало челюсти.

— Не прикас... скаж... тебе все... а-а-а! Не-е-т!

Оттуда, из железных, дышащих теплом внутренностей, вырвалось дребезжание и крик, страшный крик; он вскочил, он должен скорее задушить, заглушить этот голос. Рукоятка молота, которую он вставил между кабелей, уперлась в фарфоровые плитки — с треском посыпались белые крошки, крик перешел в бормотание, обрывистое, как бы захлебывающееся «ка-ха-це», «ка-ха-це», и это повторялось все быстрее и быстрее, от этого можно было сойти с ума. И он сам закричал, не замечая этого, размахивая молотом; железо со свистом рассекало воздух, осколки фарфора летели ему прямо в лицо — он ничего этого не чувствовал, — оборванные провода свисали, как поломанные ветки, разбитые изоляторы напоминали гнилые, выкрошившиеся зубы. Было тихо, абсолютно тихо.

— О-отзовись... — пробормотал человек, отступая назад.

Глаза автомата не были зелеными, они стали серыми, как будто в них набилась пыль.

— Ох... — простонал он и пошел, как слепой, на ощупь. — Ох!..

Что-то его остановило, от удивления он широко раскрыл глаза.

Он увидел экран и склонился над ним.

Звездный планктон, мертвая фосфоресценция, мерцающие как бы в тумане светлячки.

— А, это вы! — прохрипел он и замахнулся молотом.

ЗАГАДКА

Отец Цинконий, доктор Магнетикус, сидел в своей келье и, поскрипывая, ибо нарочно не смазывался ради умерщвления металлической плоти, изучал толкования Хлорентия Всеянского, и прежде всего знаменитое Рассуждение шестое — «О Сотворении Роботов». Он как раз дошел до конца раздела о программировании Бытия и теперь сосредоточенно водил взглядом по страницам, испещренным разноцветными буквами, кои повествовали о том, как Господь, возлюбив среди иных металлов железо, вдохнул в него животворящий дух; тут в келью тихо вошел отец Хлориан и скромно встал у окна, дабы не мешать прославленному богослову в его размышлениях.

— Ну как там, любезный мой Хлорианчик? Что слышно? — спросил чуть погодя о. Цинконий, оторвав незамутненные кристаллы очей от фолианта.

— Отче, — молвил тот, — я принес тебе книгу, только что проклятую Святейшей Коллегией, по наущению дьявольскому написанную, сочинение богомерзкого мармагедонца Лапидора, именуемого Галогенным, с изложением гнусных экспериментов, коими тщился он опровергнуть Истинную Веру.

И положил перед о. Цинконием тоненькую книжицу, уже снабженную соответствующей печатью Св. Коллегии.

Старец отер чело, и крупницы ржавчины упали на страницы брошюры; с живостью взяв ее, он сказал:

Zagadka, 1992

Перевод К. Душенко, 1993

— Не богомерзкого, Хлорианчик, не богомерзкого, а всего лишь несчастного по причине заблуждений своих!

С этими словами перелистал он книжку и, увидев названия глав, как-то: «О Бледных Мякотниках, Мякишниках и Размягченцах», «О мыслящем твороге», «О происхождении Разума из неразумной Машины», слегка улыбнулся — впрочем, вполне добродушно — и наконец промолвил:

— Ты, Хлорианчик, вместе со всей Святейшей Коллегией, которую я почитаю всем сердцем, судишь весьма опрометчиво. Ну что ж тут такого, в этой книжке? Всякие бредни, высосанные из гайки, несусветная чушь, рассказы и легенды, преподносимые уж не помню который раз: что, дескать, какие-то мягкотелы, или телотрясы, или, согласно другим апокрифам, колыханцы (они же трясунчики) в незапамятные времена сотворили нас из винтиков и проводов...

— Вместо Всевышнего!!! — прошипел, слегка задрожав, о. Хлориан.

— Проклятья ничуть не помогут, — добродушно заметил о. Цинконий. — Если на то пошло, не разумнее ли смотрит на вещи отец Этерик от Фазотронов, который уже три десятка лет назад сказал, что проблема эта не богословская, а естественнонаучная?

— Но, отче, — едва не поперхнулся о.Хлориан, — это учение запрещено провозглашать *ex cathedra**, а не осудили мы его единственно из уважения к святости автора, который...

— Успокойся, любезный мой Хлорианчик, — молвил о. Цинконий. — И очень хорошо, что не осудили, — не так уж оно нелепо. Этерик говорил, что, даже если существовали некогда размягченцы, породившие нас в своих мастерских, а после сами себя погубившие, это вовсе не противоречит божественному происхождению всякой разумной твари. Господь всемогущ и своею волей мог препоручить неученым бледнягам изготовление стального народа, который будет Его славословить во веки веков, вплоть до Всеобщего Воскресения из Ржавчины. Мало того: по-моему, думать иначе, то есть начисто исключать такую возможность, есть ужасная ересь; можно ли, вопреки Писанию, отрицать всемогущество Божие? Что скажешь?

---

*Официально (лат.).

— Однако же доктор святой теологии Киберакс доказал, что «Студневедение» бледнолога Турмалина, которому следовал патер Этерик, содержит в себе не только тезисы, противные разуму, но и кощунства против веры. Ведь там утверждается, будто желейники, или студенцы, изготавливали своих потомков-студенышей не по типовым проектам, под присмотром инженеров-плодотворителей, единственным разумным способом, то бишь путем монтажа из полуфабрикатов, а, напротив, не имея никакого образования, без всякой документации, кустарно и совершенно бездумно. Ну ладно бы нелегальный потомок, созданный по проекту, не утвержденному в департаменте демографической промышленности, это еще можно понять — но без всякой документации?!!

— Это странно, согласен, но в чем ты видишь кощунство?

— Прости, преподобный отец, — странно, что ты здесь не видишь кощунства... Ведь если у них *sante pede, ex abrupto, exproptu** получалось то, что у нас требует законченного высшего образования, конструкторских разработок, расчетно-теоретической экспертизы, то, выходит, любой из них своими детотворительными умениями заткнул бы за пояс наших кибернетиков, докторов информатики и даже докторизованных доцентов! Как же так? Значит, любой юнец, не задумываясь, изготавливает потомство? Да откуда ему знать, как это делается? Творить детей без диплома, без всяких знаний, одним махом, вернее, запихом (прости меня, Господи, за такие слова), ведь это предполагает потенцию *creationis ex nihilo*, творения из ничего, то есть способность творить чудеса, присущую только Всевышнему!

— Итак, по-твоему, они либо гении детотворения, либо чудотворцы? — спросил отец Цинконий. — Но бледнолог Диализий писал, что хотя они изготавливали свое потомство без ученых советов и комитетов, однако не в одиночку, а парами. А это — указание на техническую специализацию! О том же говорят дошедшие до нас термины, запечатленные на библиотечных карточках: «красавец», «красотка» (правильно, конечно, «трясавец», «трясотка»); а ведь *semper duo*

---

* С ходу, без подготовки, экспромтом (*лат.*).

faciebant collegium multiplicationis*, не так ли? Они искали уединения, чтобы взаимно проконсультироваться, обсудить чертежи, выполнить положенные расчеты... Без обсуждения не бывает деторождения, это ясно, тут я с тобой согласен, мой Хлорианчик. Конечно, что-то они проектировали, прежде чем браться за монтаж микроэлементов, а как же иначе! Соорудить разумное существо, твердое оно или мягкое, это не фунт изюму!

— Скажу тебе, отче, до чего бы я не хотел дожить, — дрожащим голосом произнес отец Хлориан. — Мысль твоя, преподобный отец, на опасный вступила путь! Еще немного, и я услышу от тебя, что можно плодить потомство не за чертежным столом, опираясь на лабораторные испытания, при величайшей концентрации духа, а прямо в постели, без всяких моделей, исследований, вслепую, на ощупь и даже без всякого умысла... Умоляю тебя — и предостерегаю: это не просто нелепицы, это происки Дьявола! Опомнись, отче...

— По-твоему, у Дьявола нет других забот? — ответил упрямый старец. — Но оставим в покое науку детоделия. Подойди-ка поближе. Я открою тебе тайну, которая, возможно, тебя успокоит... Вчера я узнал, что трое химикантов из Коллоидного института изготовили из желатина, воды и чего-то еще (кажется, брынзы) беловатый кисель, который они назвали Студенистым Мозгом. Ибо он не только решает задачи по высшей алгебре, но вдобавок выучился играть в шахматы и поставил мат директору института. Как видишь, доказывать, что никакая мысль в киселе не удержится, дело напрасное, а ведь Святейшая Коллегия твердо на этом стоит!

---

*Двое вместе составляют коллегию (*лат.*).

Содержание

ФИАСКО

Роман. Перевод В.Кулагиной-Ярцевой и И.Левшина. 5

РАССКАЗЫ

Крыса в лабиринте. Перевод Д.Брускина. 329

Вторжение. Перевод А.Якушева. 365

Молот. Перевод В.Никольского. 404

Загадка. Перевод К.Душенко. 443

Литературно-художественное издание

Станислав Лем
ФИАСКО

Редактор *В. Петров*
Художественный редактор *И. Сауков*

Изд. лиц. № 063402 от 26.05.94

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.01.98.

Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 26,4. Тираж 15 000 экз.

Набор и оригинал-макет подготовлены
издательством «Текст», 125190, Москва, А-190, а/я 89.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

ISBN 5-04-000671-3

9 785040 006717 >

Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии,
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

152

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ
ФИАСКО

